

Конан
И
ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

УДК 820 (73)
ББК 84 (7США)
К 64

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части, в любой форме, в средствах массовой информации. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

*В оформлении обложки использована работа Ken Kelly.
Публикуется с личного разрешения автора и его агентов.*

К 64 **Конан и Владычица Небес: Романы.** — СПб., «Северо-Запад», 1997. — 544 с.

ISBN 5-7906-0041-7.

В сборник вошли романы Д. Мак-Грегора «Владычица Небес» и Т. Донелла «Шесть дверей страха».

К 820000000

ББК 84 (7США)

© Обложка. К. Kelly, 1986

© Составление и подготовка текста, серийное
ISBN 5-7906-0041-7 оформление обложки и форзаца. «Северо-Запад», 1997

Часть первая СОКРОВИЩЕ РЫЦАРЯ

Глава первая БРАТЬЯ

Белый двухэтажный дом Сервуса Нарота стоял на самой окраине Лидии — небольшого городка на юго-востоке Аргоса. Вся Лидия построена на холмах, между коими текут быстрые ручьи с водою чудесного голубого цвета, такой прозрачной и вкусной, что за ней каждый день ходят с бадьями и сосудами люди из соседнего Шема. Горожане не против: подземные источники щедро питают ручьи, а шемиты в благодарность за воду дешево продают на их базарах ткани и зерно.

Что касается дома благородного рыцаря с благородным именем Сервус Нарот, то про него говорят, будто комнат там не меньше сотни, а коридоры имеют столько рукавов, что заблудиться в них не стоит труда.

Еще говорят, что дорогими коврами из Турана покрыты полы, все светильники сделаны из чистого золота и украшены самоцветами, вокруг дома разбит роскошный сад, и в нем гуляют павлины с хвостами такой красоты, какой в мире просто нет, — словом, много чего болтают славные лидийцы о своем земляке и его благосостоянии, но кто б им верил! Всем известно, что Лидия — столица сплетен, пусть и весьма малых размеров.

Подъезжая к западным воротам города, философ Бенино Брасс с добродушным смехом передавал эти

рассказни своему младшему брату Пеппо, при этом не забывая сопровождать их соответствующими смыслу нравовучениями.

Парень слушал внимательно, хотя длинное белое лицо его ни разу не озарилось даже подобием улыбки: судя по всему, он считался при брате кем-то вроде ученика, и сия должность ему давно наскучила. Во всяком случае, он избегал смотреть в глаза Бенино, предпочитая разглядывать шелковую гриву своей коротконогой буланой, что от самой Мессантии — их родного города — хромала, оступившись в овраге. Менять же ее в пути на другую он не желал, ибо бедняжка буланая была его старой подругой — еще ребенком он получил ее в подарок от отца и с тех пор никогда с ней не расставался.

Половина солнца, уже оседавшего за горизонт, блесла тускло и красно, почти багрово, обещая на завтра ветер и, может быть, дождь.

В этом свете все казалось волшебным: и деревья, и кусты, и трава, чья зелень сейчас густо перемешалась с розовым, и серая городская стена, в серебристых слюдяных крупинках коей сверкали тысячи крошечных алых солнц, и голубые небеса с бело-фиолетовыми хлопьями облаков, и сама полоса горизонта, ставшая в это время пурпурной, как пояс придворного казначея.

Сквозь решетку ворот Пеппо увидел узкие и кривые, но аккуратно вымощенные желтым плоским камнем улочки Лидии, приземистые домишки, выстроенные как по одному рисунку — все квадратные, одноэтажные, с полукруглыми крышами, — а также редких прохожих с одинаковым выражением усталости на смугло-серых лицах.

Все это тоже было залито тем же розовым мертвым светом, но не трогало нежную душу Пеппо тоскою — так часто бывает в предзакатное время, и он не раз наблюдал подобную картину из окна собственного дома в Мессантии.

Философ с небрежной щедростью кинул в растопыренные пальцы стражника несколько монет, и тот услужливо распахнул перед братьями городские ворота.

— Ах, до чего люблю я маленькую Лидию! — Так воскликнул Бенино, поворачивая свою лошадку (тоже, кстати, буланую, но помоложе) направо от ворот. — Посмотри, Пеппо, посмотри, мой мальчик, какова геометрия! Кажется, и твой учитель Климеро не начертил бы так ровно! Дом — словно целиком выточен мастером из огромного валуна, а рядом — точь-в-точь такой же, и вот еще, и еще...

На восторги брата Пеппо лишь смурно усмехнулся, а головы так и не поднял.

— Но сейчас ты увидишь истинное искусство. Правду сказать, сплетники не так уж и лгут, описывая красоты дома Сервуса. Мрамор необычайной белизны, в солнечный день прямо слепит. Витражи в окнах первого этажа составляют настоящие картины с сюжетом; цветные стекла для них, между прочим, везли из нашей с тобой Мессантии. Ну, светильники, ясно, не из чистого золота, а всего-то из бронзы, да и павлин — существо гнусное, гордиться им, право, смешно... Зато крыша!.. О-о-о... Сплошь стеклянная! Как чудесно взирать сквозь нее на небеса — ночные ли, дневные ли...

Бенино вдруг замолчал, споткнувшись на последнем слове, и Пеппо сразу насторожился. Он понял, что брата посетила некая интересная мысль, кою следовало немедленно записать, иначе потом Бенино ее забудет и впадет в уныние, а хуже уныния философа — уж он-то знал наверняка — ничего быть не могло.

— Вот, — со вздохом пробурчал он, вытягивая из притороченной к седлу сумки помятый лист папируса, а из кармана камзола перо и склянку чернил.

Старший брат важно кивнул, придержал лошадь и, удобно устроившись на ее холке, начал строчить, то и дело фыркая от удовольствия, — по всей видимости,

мысль была действительно интересная. Завершив сей труд огромной кляксой, он промокнул папирус рукавом бархатной куртки и вернул все письменные принадлежности Пеппо.

— Я бывал в этом доме трижды,— посылая буланую шагом, продолжил Бенино,— и всякий раз восхищению моему не было предела — чему, между прочим, Сервус радовался как ребенок...

Они повернули в каштановую аллею, вспугнув своим появлением стайки жирных ленивых голубей, меж которых важно разгуливали огромные, черные с лиловым отливом вороны. Багровый краешек солнца еще виднелся сквозь листву, но тьма быстро напозла со всех сторон на землю, окрашивая ее в черный и серый — вечные цвета ночи; с нею пришла и тишина, поглотившая звуки, и принцесса Луна, что блеснула раз и снова скрылась за большой тяжелой тучей; с нею звезды усыпали небо, только готовясь пока засветить во всю мощь, ярко и — бессмысленно...

С аллеи братья выехали на длинную прямую улицу, потом пересекли круглую площадь и наконец увидели вдаль белые стены дома Сервуса Нарота, покрытые тенью ночи.

Наверное, в светлое время он и в самом деле выглядел великолепно, но сейчас Пеппо только скрипил губы в презрительной ухмылке: ничего особенно в этом громадном здании (величиной с центральный храм солнечного бога Митры в Мессантии) он не находил.

— И что с того, мальчик? — недовольно проворчал Бенино, без труда прочитав потаенные мысли брата. — Ночью и красавицу можно принять за дурнушку... Давай-ка поторопимся — я обещал Сервусу прибыть не позже сумерек; если бы твоя буланая не оступилась, так оно и вышло б... — Он с укором посмотрел на несчастную кобылку Пеппо. — Говорил я тебе: возьми вороного. Пусть не так красив, зато молод и резв, а сие для дальней дороги куда важнее...

Бледный лик луны, затянутый клочьями тучи, повис над домом Сервуса Нарота. В этом тусклом безжизненном свете все вокруг — и сам дом, и сад, и ограда из тонких, затейливо переплетенных между собой железных прутьев, и дорога, ведущая к высоким и узким воротам, — казалось сотворением злобного Нергала.

Иначе отчего так затомило вдруг душу, так заледело кровь? отчего мрачное предощущение овладело всеми мыслями обоих братьев? Пеппо скосил глаза на красивое тонкое лицо Бенино и прочитал на нем отражение своих чувств. Да, сорокалетний философ испытывал то же, что и его младший брат, не далее как прошлым днем отметивший свою семнадцатую весну.

— Вздор... — буркнул Бенино, передегивая плечами. — Митрой клянусь, чистейшей воды вздор...

В этот момент тяжелая створка ворот скрипнула и медленно поехала в сторону, открывая взору братьев прекрасный даже в полутьме сад. Пеппо, отличавшийся богатым воображением, облегченно вздохнул, увидев выходящего из двора на дорогу маленького, совершенно обыкновенного старичка с седой бородой лопатой и короткими кривыми ножками. Он вовсе не был похож на демона, появления коего скорее ожидал юноша в сию ночную тревожную пору. Щуря крошечные глазки, старичок сделал несколько мелких шажков по направлению к спутникам, но остановился, начал возиться с фонарем, который упорно не желал загораться.

— Ламберт? — неуверенно предположил философ.

— Месьюр Брасс? — в свою очередь спросил тот голосом тонким и пронзительным.

— Он самый! — Бенино повеселел и тоже, сколько мог заметить Пеппо, вздохнул с облегчением. — Вот, мальчик: это — Ламберт, самый лучший слуга в Аргосе! Так, во всяком случае, утверждает мой друг Сервус Нарот...

Явно польщенный, Ламберт отбросил злополучный фонарь и живо засеменял к братьям, дабы помочь им спешиться.

— Господин давно вас ждет, — ворковал он, принимая поклажу из рук юноши. — Все ходит у окна, ходит, выглядывает... А чего выглядывать? Ночь, да и не видать дороги из-за дерев. Спать иди, говорю, я сам их встречу и накормлю по-королевски — нет, все болтается по залу, травой вонючей дымит и пиво пьет... Никак с полтора кувшина уж выдул.

Пеппо едва сдерживался, чтобы не рассмеяться. Пожалуй, этот Ламберт был для своего хозяина кем-то вроде отца или дядюшки — а то стал бы он так на него ворчать! Например, в их доме слуги не позволяли себе и рта открыть лишний раз без надобности, а все Бенино. Строг — как сам судья!

Поймав насмешливый взгляд брата, философ нахмурился. Впрочем, чело его тут же и разгладилось: от дверей дома с радостным ревом к ним спешил огромный детина, кажется намереваясь задушить в медвежьих объятиях своих старого друга Бенино. Длинный, до пят, ночной балахон путался в его ногах, так что немудрено было предположить, что он сейчас грохнется наземь, а, учитывая немалый рост и внушительную комплекцию, сие вряд ли обойдется легким ушибом.

Так и получилось: споткнувшись на ровном месте, великан со всего размаху шлепнулся на посыпанную галькой дорожку, сдавленно пискнул, но тут же вскочил и с прежней прытью снова бросился к Бенино.

Юноша хмыкнул: он представлял себе Сервуса Нарота совсем иначе. Богач, знаменитый не только в маленькой Лидии, но и во всем Аргосе; рыцарь, одолевший на турнире самого Всадника Ночи; владелец отлично подобранной коллекции самоцветов; любимец женщин — вот кто такой был Сервус Нарот.

По мысли Пеппо, который частенько витал в романтических мечтах о воинской славе и богатстве, подоб-

ный герой должен был выглядеть если не старше, то хотя бы солиднее и строже; при этом ему непременно следовало обладать черными бровями, сдвинутыми к переносице, острым надменным взором и длинным мечом на поясе. В этом же господине, принимающем гостей в ночной рубашке, ничего подобного юноша не увидел.

Он обернулся к Ламберту. Старый слуга хладнокровно наблюдал за падением своего хозяина и, как ни странно, даже не подумал прийти ему на помощь.

Но вот Бенино оторвался наконец от могучей груди рыцаря, тщательно вытер губы тыльной стороной ладони.

— В дом! Скорее в дом! — густым басом прогудел Сервус Нарот после того, как точно так же вытер губы.

Бодрой рысцой друзья устремились к крыльцу.

— Давно пора, — буркнул Ламберт, закидывая за спину дорожные мешки братьев. — Что за охота целоваться на холоде, да еще ночью... Был бы ты малым, я б тебе показал...

Тут Пеппо все же не выдержал и расхохотался.

* * *

Немногим позже, за великолепно сервированным столом, юноша разглядел хозяина с пристрастием. Стоит заметить, что в конце концов осмотр его удовлетворил.

Великан Сервус сплошь состоял из мускулов и вообще являлся живым воплощением силы и здоровья — о последнем достоинстве свидетельствовал девичий румянец, покрывший гладкие ровные щеки. Глаза его — серые в зеленую крапинку — были ясны и от природы веселы. Белые брови топорщились, как и такие же белые ресницы: Пеппо впервые видел, чтобы ресницы у человека росли в разные стороны. Копна светлых волос с заметной рыжиной напоминала пастушью шапку; ровная челка полностью закрывала низкий — по всей ве-

роятности — лоб. Нос великоват, рот слишком красен, но зато губы полны и очерчены изящно, как и подобает мужу из рода аристократов. Все-таки он совершенно ничем не походил на коренного аргосца, кои в большинстве своем невысоки, смуглы и черноволосы...

— Выпей еще, верный друг мой Бенино! — громогласно вещал рыцарь, щедрой рукою наливая вина в кубок философа. — Выпей, и предадимся воспоминаниям о днях героической юности нашей!

Пеппо сильно сомневался в том, что юность его брата можно назвать героической, но, опасаясь миной недоверия вызвать у друзей поток легенд о прошлом, не дрогнул ни единой чертой.

Подобная сдержанность была немедленно вознаграждена: не заметив на лице юноши и тени интереса, Бенино со вздохом отказался от воспоминаний и велел ему идти спать.

— Пусть сидит с нами! — за Пеппо отверг сие предложение Сервус. — Я-то в его годы только и мечтал о том, чтоб выпить со старшими за одним столом. Верно я говорю, Ламберт?

— Да ты уж скажешь, — фыркнул слуга, швыряя на стол блюда с новыми яствами.

Братья в унисон хрюкнули от смеха, а благородный рыцарь покрылся краской гнева.

— Пошел вон! — заорал он, срываясь на визг. — Убью! И скалечу! Продам на галеры!

— Тьфу! — с достоинством ответил старик и вышел из зала.

Вероятно, такие сцены повторялись в этом доме часто, потому что Сервус и не подумал бежать за дерзким слугой, дабы претворить в жизнь свои угрозы. Вместо этого он, тяжело дыша, схватил целую бутылку и громадными глотками выпил до дна. Лекарство подействовало всего через несколько мгновений: багровая краска гнева сошла со щек рыцаря, уступая место естественному румянцу, а в глазах заплясали лукавые искорки.

— А что, братцы мои, не прогуляться ли нам по ночной Лидии? Славный городишко, уверяю вас, славный!

— Опять в кабаки? — сморщил нос Бенино.

— А где еще я тебе девиц возьму? — возмущился Сервус, вновь приныкая толстыми красными губами к кубку с вином. Похоже, сие было для него самым привычным времяпровождением.

Философ видимо смутился, искоса поглядел на младшего брата. Тот так и сидел — невозмутим и мрачен, как обычно, и только ресницы его слегка подрагивали, что означало сдерживаемый смех.

— Ну? — Вылакав вино до капли, рыцарь вопросительно взирал на старого друга. — Ну же, Бенино?

— Право, не могу... — колебался тот. — Два дня в пути, Сервус... Не обессудь. Очень хочется спать.

Пеппо, конечно, понял, что если б не его присутствие, брат немедленно принял бы приглашение рыцаря — и никакая усталость не удержала б его дома. Он припомнил, что из всех своих прежних поездок в Лидию Бенино возвращался весьма помятый и скучный, и от него сильно пахло пивом, луком и отвратительными, дешевыми и сладкими благовониями. Потом он несколько дней отлеживался в мансарде, оглашая воздух воплями тихими и такими печальными, что у Пеппо невольно сердце сжималось от жалости. Все это время слуга беспрестанно таскал наверх подогретое вино, целебный отвар сарсапарили, ломти черного черствого хлеба; домочадцы, включая самого отца, ходили на цыпочках; друзья философа приходили справиться о его здоровье, и им всякий раз шепотом отвечали: «Надежда есть...»

А когда, терзаемый угрызениями совести уже более, чем телесными муками, бледный и исхудавший, Бенино наконец спускался к ним и слабым голосом осведомлялся у Пеппо об его успехах в учении, все наперебой старались порадовать его сообщениями о том, что мальчик необычайно умен и талантлив, а главное, тру-

долюбив точно так, как старший брат. Губы Бенино начинали дрожать — как бы от волнения, и на глаза навертывались слезы; он ласково гладил руку Пеппо, затем вставал и неверной походкой снова удалялся наверх, в свою мансарду. Честно говоря, ничто не вызывало у Пеппо большего отвращения, нежели сей спектакль...

После краткого размышления философ все же твердо решил отказаться от любезного приглашения друга.

— Нет, Сервус, нет,— с глубочайшим вздохом сказал он.— Может быть, в другой раз...

Великан надулся и замолчал. Обида была так глубока, что даже белые густые волоски на его толстых руках вздыбились, а живой хмельной огонь в серых глазах потух.

— А послушай-ка,— вдруг нарочито оживился Бенино.— Ты сообщал о том, что ждешь гостей, так? Кто же они? Когда придут?

— Утром,— мрачно буркнул Сервус.— А кто такие, увидишь сам.

— Ну что ж, я рад.— Философ изобразил на бледном красивом лице своем счастливую улыбку, хотя Пеппо готов был поклясться, что никакой радости его брат не испытывает. Более того, он терпеть не мог, когда ему навязывали новые знакомства, да еще в чужом доме, откуда нельзя тотчас уйти, не оскорбив тем самым хозяина.— Очень, очень рад,— повторил Бенино, честно стараясь убедить в этом себя самого.— До безумия рад...

— Ну, ты уж слишком,— произнес благородный рыцарь, оттаивая.— В этих ублюдках нет ничего такого, что могло б тебя так обрадовать.

— А чего ж ты их пригласил? — удивленно осведомился философ.

— Кое-чем интересуюсь,— последовал весьма туманный ответ.— И они тоже кое-чем интересуются. Вот и поинтересуемся вместе.

Вежливый Бенино, не получив испрашиваемой информации, уточнять предмет столь пристального интереса взрослых мужчин не стал, а вместо этого широко зевнул и, кивнув младшему брату, поднялся.

— Все, Сервус. Прости, но — все. Мы отправляемся спать.

— Валяйте,— неожиданно легко согласился тот, открывая новую бутылку.

Бенино взял Пеппо за руку и повел наверх, где для них уже давно были приготовлены лучшие комнаты в доме Сервуса Нарота.

Глава вторая НЕЗВАННЫЕ ГОСТИ

Ночью Пейпо снились демоны. Их было немного, всего трое, но каждый стремился утащить его в свое логово и там растерзать. По жутким черным лабиринтам убегал от них юноша, всякий раз на повороте рискуя попасть в когтистые лапы огромного, бесформенного, вонючего чудовища. Ужас, охвативший его всего, сковывал дыхание, так что крик застревал в горле; ноги слабели и подкашивались; слезы потоком лились из глаз, затекали в нос, в рот и за воротник. Наконец одному монстру все же удалось ухватить его за ногу — Пейпо коротко вскрикнул и...

Проснувшись именно в этот момент, он долго лежал без движения, не в силах сообразить, где он и жив ли вообще. Солнечный луч, вопреки предсказаниям вчерашней погоды шаривший по белой стенке, казался сейчас снопом желтого мертвого света из ока демона, а стрекотание павлинов в саду — его же нетерпеливым хрипом, что сопровождал поиски ускользнувшей жертвы.

Но, впрочем, сознание постепенно прояснялось, и спустя всего несколько мгновений юноша уже был способен понять, что все, с ним произошедшее, есть лишь сон, и ничего более. На душе, однако, оставалось темно и тоскливо.

— Ты спишь, мальчик?

В комнату на цыпочках зашел Бенино — встрепанный и отекий, со свернутым набок носом вследствие дурной привычки спать лицом вниз.

Пейпо улыбнулся. Вот так и дома брат будил его по утрам: осторожно открывал дверь, протискивался внутрь и громким шепотом спрашивал, спит ли он. Если он спал, то вопрос сей повторялся с различными интонациями до тех пор, пока мальчик не подавал голос в ответ. Но и потом Бенино не оставлял его в покое, а садился на край широкой, привезенной из далекого Турана тахты и начинал работать ветром, то есть дуть ему в лицо сколько было сил, до розовых сусликов в глазах. Приходилось подниматься, в душе проклиная этого зануду и обещая себе когда-нибудь сбежать из дома и уплыть с пиратами далеко-далеко в море, на синие просторы — там-то он будет спать хоть до полудня!

Но сейчас юноша улыбнулся. Все-таки родной брат гораздо приятнее, нежели демоны, пусть даже и ненастоящие... Свесив ноги с тахты, он сладко зевнул, сунул голову в солнечный луч, лишь теперь ощутив и оценив его воистину живое тепло, и потянулся. Что ж, нынче его первый день в чужом доме — надо вставать... Как говорит Бенино — и людей посмотреть, и себя показать...

— Прибыли первые гости, — таинственно прожужжал философ в оттопыренное ухо Пейпо. — Пойдем поглядим, что за гуси.

* * *

Гостей (или гусей, как окрестил их Бенино) пока оказалось двое. Кажется, ни тот ни другой не были удостоены особого расположения благородного рыцаря, ибо он даже не пригласил их сесть и не подумал угостить. Сам же притом преспокойно восседал в своем любимом кресле и вкушал очередной кубок игристого красного вина.

Спускаясь по лестнице — чистого белого мрамора, с высокими, застеленными ковровой дорожкой ступеня-

ми,— Пеппо окинул быстрым взглядом массивную фигуру Сервуса Нарота, особенно обратив внимание на его лицо. Вывод напрашивался сам собой: их любезный хозяин все же посетил ночью кабак, где, по всей вероятности, оставил немалую часть своего состояния. Толстые щеки его были уж не румяны, а красны, да еще отливали разными цветами, от багрового до фиолетового; большой нос лоснился; под глазами висели зеленоватые пустые мешочки, а сами глаза потускнели и слезились. Тем не менее он взирал на своих гостей со всем возможным высокомерием, что, как заметил Пеппо, ничуть их не трогало.

Сложив на груди руки, они стояли перед Сервусом Наротом и, в свою очередь, молча таращились на него. Пауза явно затянулась, потому что Ламберт, притулившийся у кресла своего повелителя, успел погрузиться в сладкую дрему — он, как задушенный куренок, свесил голову набок, обнаружив при этом маленькую аккуратную проплешину на затылке.

При виде братьев благородный рыцарь оживился.

— О-о, Бенино, милый друг мой! — простуженным голосом протянул он, делая безуспешную попытку встать. — Как спал ты? Удобно ли было ложе твое? Отдохнул ли ты с дороги?

Философ не потрудился отвечать, ибо справедливо предположил, что сии вопросы Сервус задает исключительно из врожденной вежливости, на деле же его нисколько не волнует, как спал его милый друг и не свалился ли он с удобного ложа своего. А посему он лишь улыбнулся, подтолкнул брата к столу и, тоже усевшись, сказал:

— Вижу, первые гости уже осчастливили твой дом своим прибытием?

— Осчастливили, как же... — фыркнул рыцарь, небрежно махая рукой в сторону новоприбывших. — Вообще не знаю, кто такие... Толкуют, мол, Гай Деметриос их послал, мой давний знакомец. Но я не верю — Гай должен был сам приехать...

— Да, месьор Гай сам бы приехал! — встрял Ламберт, открывая глаза и с гневом оглядывая незваных гостей.

— Помолчи, старик. — В Бенино проснулся тот надменный хозяин огромного, несуразного, но пышно отделанного дома в Мессантии, который одним появлением своим наводил благоговейный ужас на слуг. — Что там взбрело в голову месьора Гая — не твоя забота. Подавай на стол, и поживее.

— Да, господин, — пробормотал Ламберт, устремляясь к двери.

— Бени-ино, дру-у-г... — Осклабившись, Сервус развел руками, будучи восхищен способностями философа поставить на место прислугу. — Что б я делал без тебя?

Лоб Бенино прорезала глубокая складка.

— Сдается мне, Сервус, ты даже не удосужился выслушать почтенных посетителей своих, — строго произнес он, качая головой. — Я прав?

Благородный рыцарь несколько смутился, но ненадолго. Пожав могучими плечами, он демонстративно зевнул и отвернул багровеющую физиономию от всех.

— Ты прав, — вместо хозяина ответил гость — белобрысый бледнолицый здоровяк немногим моложе Сервуса и Бенино, настоящий белый медведь, о коих Пеппо немало слышал от учителя Климеро. — Едва я сказал, что Гай Деметриос не может приехать по причине тяжелой болезни, как твой друг зафыркал и наотрез отказался с нами разговаривать.

— Чем же болен уважаемый Гай? — участливо осведомился философ (причем младший брат его был убежден, что уважаемого Гая он и в глаза никогда не видал).

— Видишь ли, добрый человек... — Здоровяк вдруг замаялся, опустив глаза, — Пеппо весело было смотреть на смущение медведя. — Мой дядя — великий путешественник, известный в Немедии и в округе. В прошлом году он вернулся в наш родной город, в Ханумар, уже

навсегда, и с тех пор непрерывно страдал головными болями, ныне же... Ныне же... О, недуг сей странен, очень странен, и... не знаю, можно ли говорить в приличном обществе о... о нем...

— Говори,— счел нужным ободрить гостя Бенино,— мы слушаем тебя со всем вниманием и почтением, будь уверен.

— Так ты племянник Гая? — угрюмо спросил рыцарь.— Что ж, сие, конечно, меняет дело... Как звать тебя?

— Лумо. Лумо Деметриос.

— А я Сервус Нарот. А это — мой старый друг Бенино Брасс, философ из Мессантии. Это — его брат Пеппо, просто мальчик... — исполнил наконец долг вежливости благородный рыцарь.— Ну, продолжай — как же этот странный недуг?

Лумо вздохнул, всем видом показывая, что не по своей воле приступает сейчас к описанию вышеупомянутой болезни, и замямлил себе под нос:

— Гай Деметриос стар; тысячи дорог исходил он, влекомый достойной жаждой познания; опираясь на свою знаменитую клюку, он шел по горам, по лесам, по полям...

— Недержание у него,— буркнул второй, которого прежде никто не замечал. Между тем он гораздо более белого медведя — во всяком случае, внешне — был достоин самого что ни на есть пристальнейшего внимания.— Обыкновенное недержание. Он теперь как дырявая бочка — из всех дыр течет...

Услышав такое определение дядино недуга, деликатно заявленного им как «странного», Лумо возмущенно ахнул, всплеснув большими руками.

— О, Гвидо! Опомнись! Как ты обижаешь дядю!

Пока Сервус Нарот ржал как лошадь, даже из соображений приличия не посетовав на превратности судьбы, кои всего за два года из крепкого и веселого мужа сотворили немощного старца, братья с любопытством глазели на Гвидо. Он тоже, как и Лумо, был круглого-

лов и белобрыс, но ростом очень мал, тощ и явно пронырлив, о каковом качестве свидетельствовала хитрая кошачья мордочка с глазами круглыми, густо-зелеными, с коротким носом, вздернутым вверх, и целой россыпью рыжих веснушек на лбу и щеках. Лет ему едва ли исполнилось тридцать, чему втайне порадовался юный Пеппо: остальные казались ему глубокими стариками, стоящими на самом пороге царства смерти — Серых Равнин.

— Я не обижаю твоего дядю,— не согласился Гвидо с выводами белого медведя.— Я говорю правду, а правда — это...

— Знаю, знаю! — замахал руками Лумо.— Правда — это единственное достоинство честного человека. Сие определение я уж лет десять как помню наизусть. Тьфу, Гвидо, сколько можно повторять тебе, что не всегда правда уместна!

Он возмущенно вздернул подбородок, отчего и без того крошечные глазки его совсем исчезли за щеками, и отвернулся от малыша.

— Но ведь ты все равно поведал бы суть дядино недуга,— резонно ответил тот.— Я сделал это за тебя, вот и все.

— Это кто еще такой? — с неудовольствием прервал диалог Сервус Нарот, обращаясь к Лумо, коего он уже готов был признать своим гостем.

— Это Гвидо Деметриос,— сумрачно пояснил белый медведь.— Приемный сын почтенного Гая.

— Хо! — оживился рыцарь.— Так ты и есть тот самый хваленый Гвидо? Пару лет назад Гай весьма утомил меня рассказами о тебе. Расписывал твой необыкновенный ум и проницательность... Пока не вижу ни того, ни другого.

— Еще увидишь,— кисло пообещал Лумо.— Дома, в Ханумаре, он всем надоел, даже прислуге. Так и норовит разгадать какую-нибудь тайну... Ладно, коли тайны и нет никакой, пусть бы себе тешился. Но ведь он сокровенное тоже тащит наружу! Тьфу.

Заключительное «тьфу» прозвучало весьма уныло, из чего стало понятно, что именно его сокровенное Гвидо вытащил наружу.

— Любитель приключений... — задумчиво пробормотал Сервус Нарот. — Ну, что ж...

— Извольте приступить к трапезе, гости дорогие! — торжественно возвестил Ламберт, за время беседы успевший накрыть стол, да еще украсить его огромным букетом садовых ярких цветов.

Пеппо с усмешкою наблюдал за старым слугой: подслушав содержание всего разговора, тот проникся к гостям искренним уважением и теперь умильно смотрел то на огромного белого медведя, то на хитроумного кота Гвидо, напрочь забыв свои недавние подозрения на их счет.

Но стол он накрыл истинно по-королевски: мясо, приготовленное с медом, вином, рисом и тузовыми ягодами, жареная рыба разных сортов и собственного вара пиво — темное, густое и такое ароматное, что дух захватывало.

Как видно, гости порядком проголодались. Не заставляя себя упрашивать, они живо сели за стол и принялись набивать желудки с удивительной для приличных господ скоростью. Лумо, подобно самому Сервусу Нароту, чавкал и давился непрожеванными кусками; Гвидо ел аккуратнее, но тоже давился, хотя пищу пережевывал тщательно. — Пеппо решил, что у него, такого маленького и хрупкого, узкая глотка, в которую ничего не влезает, вот он и откашливается, оплевывая всех присутствующих крошками мяса и хлеба.

Позволив гостям утолить первый голод, благородный рыцарь приступил к светской беседе. Прихлебывая чудесное белое вино, привезенное по его заказу местным купцом из Коринфии, он осведомлялся о причинах столь ужасного недуга достопочтенного Гая Деметриоса, о роде занятий Лумо и Гвидо, если таковые имелись, о кабаках «славного, но вонючего городка

Ханумара», о девицах и ценах на них — в общем, обо всем том, что ему казалось наиболее важным.

Так, Пеппо узнал, что Гай Деметриос действительно являлся великим путешественником, собирателем баллад и сказок разных стран, ученым и философом (при упоминании последнего занятия Бенино недвусмысленно скривился). Ныне годы его исчислялись почти девятью десятками, но, по утверждению обоих его молодых опекунов, он был бодр, жизнерадостен, разумен и самую малость сварлив. Страшная болезнь, поразившая его, не испортила доброго и спокойного от природы нрава, за что и Лумо, и Гвидо, и прочие обитатели дома в центре Ханумара усиленно благодарили благого Митру изо дня в день. Одно огорчало их: Гай обожал перед утренней трапезой и после вечерней читать вслух свои записи, коих у него за долгие, очень долгие годы страстей накопилось множество, и при этом требовал, чтобы все не просто внимали ему чинно и с интересом, но и потом отвечали на его вопросы по содержанию только что прочитанного.

Что касается рода занятий, то белый медведь Лумо, в отсутствие каких-либо наклонностей и талантов, вел все хозяйство дяди, и вел с большим успехом, о чем с радостью поведал маленький Гвидо. О себе же он ничего путного сообщить не мог, кроме того, что живет в доме приемного отца нахлебником, но утешает его почтительным отношением и собственной добропорядочностью (сие свойство, узнал Пеппо, более других ценил в людях Гай Деметриос).

На вопрос о кабаках и девицах оба гостя пожали плечами, демонстрируя свою неосведомленность в подобных вопросах, но от юного Пеппо, цепкий ум и быстрый взор коего подмечал решительно все, не ускользнуло некоторое смущение Лумо. На несколько мгновений тот залился розовым румянцем, особенно заметным на фоне поросычьеи щетины, покрывшей щеки и подбородок. Впрочем, он явно не был склонен строго оценивать свое поведение, а потому, потрянув белой, как

первый снег, челкой, вновь стал охотно рассказывать новым знакомым о дяде, себе и Гвидо.

— Что, так и не выезжаете из Ханумара? — лениво поинтересовался Сервус Нарот, потребляя остатки яств.

— Отчего же? — качнул головой медведь. — Вот Гвидо частенько ездит — то в Аквилонию, то в Коринфию или Офир...

— Зачем? — спросил благородный рыцарь и подозрительно покосился на не внушавшего ему доверия малыша Гвидо.

— Я же говорил: он любит разгадывать всякие тайны, и чем сложнее, тем больше ему нравится. Его зовут, когда случается что-то...

Лумо не успел закончить фразу — сморщив кошачью мордочку, Гвидо потряс перед носом родственника тощим пальцем.

— Лучше о себе поведай, о скромный мой названный брат, — сказал он, хмуря выпуклые брови. — Кто как не ты год назад одержал столь славную победу на рыцарском турнире близ Бельверуса!

— О-о-о! — Серые глаза Сервуса Нарота заблестели: эта тема была ему близка. — Так ты, парень, рыцарь?

— Нет, — подавил легкий вздох белый медведь. — Дядя купил мне право участвовать в турнире — в маске — и я (благодарение Митре и другим богам, кто к сему причастен) одолел бельверусского рыцаря по прозвищу Железный Кулак.

— Хвалю! — прогреготал Сервус, высоко поднимая кубок с вином. — Хвалю и хочу выпить за твою победу, сынок!

И, хотя «сынку» едва ли было лет на пять меньше, нежели рыцарю, он с удовольствием поднял и свой кубок, из чего Пеппо заключил, что не так он скромен, как представил Гвидо. Только потом, во время прогулки по прекрасному саду, юноша понял, что приемный сын Гая Деметриоса просто перевел таким образом беседу с себя на Лумо — надо сказать, сделано это было очень и очень ловко.

— Но позволь узнать, любезный хозяин великолепного дома, чем вызвано твое приглашение, что послал ты дяде? — вытирая мокрый подбородок (он, конечно, весь облился, славя свою победу), спросил белый медведь. — Дядя удивился и сказал, что в этом году не собирался ехать. Он сказал, что вы встречаетесь раз в пять лет, а со времени последней встречи прошло всего два года и...

— Старый дурень, — проворчал благородный рыцарь, игнорируя тотчас насупившиеся лица гостей. — Да если б я ждал еще три года, он мог и помереть...

— Но он все равно не приехал, — заметил Бенино с присущим ему философским отношением к жизни.

— Да, но я ж не знал...

— Ты мог бы отправиться к нему сам.

— Вот еще!

Короткая перепалка рыцаря и его старого друга испортила настроение гостям. Оба догадались, что Сервус Нарот не был особенно расположен к их любимому дяде и отцу, а следовательно, не собирался привечать и их двоих.

— Мы уедем утром, — выпятив бледную нижнюю губу, гордо произнес Лумо. — Дядя послал нас узнать, что тебе понадобилось, а если ничего, так и нам тут торчать не резон.

— Вот еще! — повторил рыцарь, но с другой интонацией. — Вы останетесь и будете моими гостями. Вы мне нравитесь — оба!

Он закрепил комплимент большим глотком вина и встал — при этом его слегка шатнуло.

— Ну, а теперь — в сад! Я намерен показать вам персики, выращенные вот этими самыми руками! — Он потряс перед всеми внушительными кулачищами, едва не заехав по короткому носу малыша Гвидо. — А потом... Потом приедут остальные (что-то они подзадержались) и — тогда вас ждет нечто удивительное... Не тебя, Бенино, друг мой, — ты осведомлен. И не тебя, Пеппо, мальчик, — ты еще мал. Но...

— Все, все, Сервус,— добродушно рассмеялся философ.— Ты сейчас раскроешь все свои тайны. И, пожалуйста, пить тебе более не следует. Ламберт! Принеси хозяину воды и уложи в постель.

— А мой сад? — заплетающимся языком пробормотал благородный рыцарь.

— Я сам покажу гостям твой сад. Прощай пока.

Бенино быстро вывел всех в сад, огромный, тенистый и душистый, и там они гуляли до самой вечерней трапезы, весело болтая о всяких — по мнению Пеппо — пустяках.

Глава третья ЗВАННЫЕ ГОСТИ

Пеппо умел наслаждаться прекрасным, но не в течение почти целого дня. Сначала, когда философ вывел всех в сад, юноша с удовольствием глазел на желто-красное озерцо цветов, тянущих к голубым небесам нежные бархатные головки, на глупых, но невероятно красивых павлинов, что величаво бродили по дорожкам и омерзительно каркали, на гроздья диковинных фруктов, длинные гряды ягод, неведомых трав. Когда же солнце — огненное око благого Митры — покатилося к горизонту, Пеппо ощутил усталость и неприятную пустоту в желудке, и никакие красоты с этого момента его не трогали.

Он потянул за рукав Бенино, который увлеченно рассказывал гостям о коллекции самоцветов Сервуса Нарота.

— погоди, мальчик,— раздраженно отмахнулся брат.— Видишь, как нравится нашим новым друзьям мое повествование? Так что не мешай. Иди поиграй в беседке.

Увы, философ забыл, что Пеппо давно уже миновал счастливую пору детства. Не играть, но мыслить, действовать, стремиться — вот чего жаждало все его юное существо. Правда, сейчас оно более жаждало хлеба, мяса и воды, но и таковое желание никак не согласовывалось с предложением поиграть.

Видимо, заметив расстроенное лицо юноши, не смеяшего перечить старшему брату, Гвидо весело и скоро привел всех к обоюдному согласию.

— Как полагаешь ты, уважаемый Бенино, проспался ли уже наш любезный хозяин? Не пойти ли нам в дом и там дослушать твой многоувлекательный рассказ?

В дом Бенино идти не хотелось, но определение его довольно скучного рассказа как «многоувлекательного» решило вопрос в пользу остальных.

— Не думаю, что Сервус готов продолжить возлияния, — с сомнением покачал он головой. — Но — идемте. В самом деле, мы вполне можем обойтись и без него: Ламберт с удовольствием накроет на стол.

Пеппо не разделял уверенности философа в том, что Ламберт накроет на стол с удовольствием — чему тут быть довольным? — но, в конце концов, чувства старого слуги его волновали так же мало, как и пучок редкостной вендийской травы (на вид весьма жалкий), на который, проходя мимо, обратил их внимание Бенино.

— Она называется джатха; исцеляет от потери памяти, слуха, зрения, обоняния и... В общем, если вы что-то потеряли — съешьте корень джатхи и тогда непременно найдете утраченное. А это сарсапариль. Отвар ее, приготовленный особым способом, помогает... Э-э-э... При болезни известного свойства.

Бенино сразу пожалел о том, что сказал, ибо сам и лечился этой травой от похмелья, в чем, естественно, признаваться не желал.

— Это какого же свойства? — встрепнулся белый медведь, то ли от роду вовсе не имевший такта, то ли утративший его — и в таком случае он должен был съесть корень джатхи.

— Умолкни, Лумо, — посоветовал ему проникательный малыш Гвидо, от коего, конечно, не ускользнуло выражение замешательства, застывшее на красивом лице философа.

— Но мне же интересно!

— Я потом тебе объясню, для чего применяют сарсапариль, — встав на цыпочки, прошептал на ухо родственнику Гвидо. — А сейчас — умолкни.

Белый медведь обиженно пожал могучими плечами, но переспрашивать все же не стал.

Таким образом скрасив приятной беседой путь до дома, гости рыцаря вошли в двери как раз тогда, когда Сервус Нарот, стелая и шатаясь, спускался по лестнице в зал с совершенно определенной целью. Даже для юного Пеппо цель сия не являлась загадкой.

Не обращая ровно никакого внимания на гостей, благородный рыцарь схватил кувшин и принялся жадно лакать пиво, заодно поливая этим чудным прохладным напитком свою шею и грудь. Жизнь на глазах возвращалась в большое тело, измученное страшной жаждой; бледные щеки вновь окрашивались легким румянцем, а в серых глазах растворялась муть; толстые руки уж не дрожали противной мелкой дрожью.

Деметриосы, освоившись, без приглашения заняли места за необъятным дубовым столом — пока пустым, но старый слуга, карауливший их возвращение, уже вбегал в зал с огромным блюдом, где покоилась пылающая жаром, покрытая коричневой корочкой, ароматная баранья нога.

Пеппо сглотнул слюну и уселся по правую руку от маленького Гвидо, с мелким чувством удовлетворения видя, что этот парень макушкой едва достигает его плеча. Следом одновременно опустились на табуреты Бенино с Сервусом, и пять рук тут же, как по команде, протянулись к блюду с бараниной.

Некоторое время в зале слышалось только возбужденное урчание, сопение и чавканье. Один Пеппо, воспитанный чопорным братом своим, сноровисто и бесшумно уплетал сочное, отлично прожаренное мясо, испачкав при этом в жире лишь самые кончики пальцев, что считалось верхом этического совершенства и —

по утверждению философа — было по силам исключительно особам благородных кровей. Самому же Бенино кусок не лез в горло: он надеялся, что кто-нибудь попросит его продолжить тот многоувлекательный рассказ о коллекции самоцветов рыцаря, но никто так и не вспомнил о нем.

Первым насытился Лумо Деметриос. Громко рыгнув, он вместе с табуретом отодвинулся от стола и принялся ковырять в зубах кончиком кинжала, вся рукоять коего была усыпана мелкой алмазной крошкой, а сверху покрыта каким-то прозрачным составом (Пеппо сразу обратил внимание на этот кинжал: он любил оружие и знал в нем толк).

— Послушай, любезный хозяин, — осипшим голосом обратился обожравшийся белый медведь к Сервусу Нароту. — Правду ли говорят, что ты победил на турнире самого Всадника Ночи?

— Угм-м-м... — кивнул благородный рыцарь, будучи пока не в состоянии ответить — рот его был набит мясом и даже не закрывался.

— И как сие произошло? Не мог бы ты рассказать?

Сервус не мог — в этот момент он как раз пытался пальцем протолкнуть комок пищи в глотку. Вместо него обязанности повествователя принял на себя Бенино (если уж ему не позволили вещать о самоцветах рыцаря, так он расскажет хотя бы о рыцарском турнире, хоть и не любит драк и войн).

— О-о! — с фальшивым энтузиазмом воскликнул он. — Я поведаю вам об этом великолепном зрелище, друзья! Мне посчастливилось присутствовать при сем и... Слезы наворачивались на глаза мои, когда я взирал на лучшего друга, облаченного в тяжелые и такие неэстетичные доспехи, откуда торчал только нос его и клоч белых волос. Так и хотелось мне крикнуть: «Серви! Милый Серви! Сбрось панцирь и пойдем в кабаки!»

Тут философ прервал повествование, ибо сообразил, что при младшем брате напрасно употребил слово

«кабак». Он сконфуженно покосился на Пеппо — тот с невозмутимым видом продолжал жевать баранину и вроде бы ничего не слышал, но настроение Бенино уже испортилось. Он грустно вздохнул, проклиная свой длинный язык, отпил добрый глоток пива.

— Ну? Что ж ты замолчал, уважаемый Бенино? — поинтересовался маленький Гвидо. — Не забыл ли ты суть и течение того зрелища?

— Не забыл, — буркнул философ. — Всадник Ночи выехал в круг, выставил копье и хотел поразить Сервуса, но Сервус сам его поразил. Вот и все.

Благородный рыцарь поперхнулся от возмущения. Только что жизнь была прекрасна: он уже проглотил коварный кусок и намеревался запить его очередным кувшином пива, а заодно и послушать про свой ратный подвиг.

Теперь он чувствовал себя глубоко обманутым и оскорбленным. Описать небывалую победу над Всадником Ночи в двух фразах? Тьфу! Если б перед ним сидел не друг Бенино Брассе, а какой-нибудь купчишка, Сервус не медля и мига наколол бы его на меч, как куропатку. Застонав от с трудом сдерживаемого негодования, он удовольствовался тем, что пронзил философа не мечом, но взглядом — суровым и крайне укоризненным. К чести Бенино надо заметить, что он все же несколько смутился.

— Знаете ли вы, кто есть Всадник Ночи? — уныло пробубнил он, стараясь не смотреть ни на Сервуса Нароту, ни на младшего брата. — О-о-о... О-о-о...

— Да что ты опять замолчал, Бенино? — с досадой рявкнул рыцарь, которого весьма покорило это протяжное и бессмысленное «о-о-о». — Дай-ка я сам расскажу! Так вот. Всадник Ночи — зверь в человеческом обличье. Я видел одну только руку его — от ногтей до локтя, — и признаюсь вам, что меня поразил ее размер и шерстистость. А кроме того, мне показался странный цвет ее: серый, с большими родимыми пятнами, особенно темными на запястье.

Он выехал мне навстречу на огромном боевом коне — таких коней я прежде не видывал — и, готов поклясться, он смеялся. Нет, конечно, я не мог видеть лица его, но слышать-то я мог! И я слышал... Такие странные звуки... Словно бы он кашлял и чихал одновременно... Лишь позже я догадался, что то был смех...

Не буду лукавить: поразил его я волею богов, но никак не умением своим. Мы сходились пять раз, и каждый я едва уворачивался от его страшных ударов. Да что говорить! Один меч в его другой руке весил не меньше, чем я сам!

Перед тем как мы сошлись в шестой раз, я попросился с жизнью. «Что ж, — думал я, — может, на Серых Равнинах не так уж и худо... Мало ли добрых людей ушло туда? Найдется и мне местечко почище...» Сил оставалось мало; дыхание сбилось, и пот заливал глаза; руки дрожали, как будто я был пьян. Но Митра, наш благостный и великодушный бог, сделал так, что нога его коня-монстра вдруг подвернулась... Тут-то я и вонзил свой меч в щель, из коей сверкали налитые злобой желтые глаза...

Сервус Нарот замолк, вновь обратившись к пиву.

— Ты рассказал на удивление толково... — задумчиво произнес Бенино, не заметив некоторой бестактности этих слов. — Да, так оно и было, друзья мои... Но где же твои остальные гости, Сервус? — Он вдруг встретился. — Ты говорил, что гостей будет немало. Где же они?

— Здесь! — раздался с порога веселый голос.

* * *

Ламберт, кудахтая, бегал вокруг новых гостей, уже совсем не обращая внимания на старых. Накрывая на стол, он то и дело задевал плечом сидевшего с краю белого медведя, и однажды даже умудрился наступить на ногу Гвидо (Пеппо фыркнул в кулак от смеха, ибо ноги малышка вовсе не доставали до пола и Ламберту

пришлось очень постараться, чтобы поймать момент, когда он будет вставать). Жалобно пискнув, но не изменившись при этом в лице, Гвидо поднялся и с милой детской непосредственностью пошел за хозяином встречать гостей.

Их было четверо. Первый — тот, что обрадовал всех своим неожиданным появлением, — коренастый черноголазый муж с широкой курчавой бородой, по виду типичный шемит, громогласно хохотал, хлопая Сервуса по могучим плечам и пытаясь обхватить его огромный торс короткими ручками. По ответным восклицаниям рыцаря Пеппо уяснил, что шемита зовут Маршалл и что он есть «наивреднейшее существо на всем свете», потому как должен был прибыть уже нынче, ранним утром, но опоздал и заставил Сервуса весь день страдать от его необъяснимого отсутствия. По примеру хозяина Гвидо тоже подался было к шемиту с целью обнять его, но тот вовремя увернулся и сел за стол.

Второй стоял чуть в стороне, терпеливо ожидая, когда хозяин и на него обратит любезный взор. Он был стар, но еще крепок. Внешностью боги его сильно обидели: только нос являлся выразительной деталью смутлого тощего лица — крючковатый, большой, с красным пятном на самом кончике. Голова с непомерно вытянутым черепом и вдавленными висками была обернута чем-то вроде шелкового покрывала — насколько Пеппо мог помнить, таковой убор назывался тюрбаном. Старик приблизился к рыцарю после шемита, вовсе не заметив сиявшего гостеприимной улыбкой Гвидо, чинно облобызался с ним и уселся за стол, тут же запустив тощую руку с кривыми пальцами в блюдо Бенино — он достал из него недоглоданную кость и стал грызть ее с видом печальным и отрешенным. Звали старика Заир Шах.

Третий гость, появившийся на пороге уже после того, как Маршалл и Заир Шах приступили к трапезе, выглядел настолько поразительно, что все мужчины (ис-

ключая одного Сервуса Нарота) вскочили с мест и замерли с открытыми ртами. Во-первых, он был женщиной. Во-вторых, женщиной весьма и весьма красивой: стройная тонкая фигура, изящный изгиб длинной шеи, высокая грудь, пышные белокурые волосы и красный бант на самой макушке. Весь облик ее вмиг запечатлелся в памяти Пеппо — видимо, уже на всю жизнь. Прежде ему не доводилось видеть таких красоток, тем паче так близко — она стояла в пяти шагах от него, чуть щуря прекрасные голубые глаза, обрамленные густыми черными ресницами. Мысленно ахнув, Пеппо призвал на помощь всю свою волю, дабы с позором не упасть обратно на табурет. Похоже, то же случилось и с остальными гостями. Заир Шах, например, несмотря на почтенный возраст, тяжело дышал и скреб когтями тощую волосатую шею, а белый медведь Лумо горестно качал большой башкой. Девушка тихим, нежным и звонким голоском представилась всем: Лавиния, после чего прошла к торцу стола и села там, отвернувшись к стене.

Только тогда гости снова рухнули на места и перевели взгляды на четвертого. Пеппо, после созерцания небесной красоты Лавинии неспособный оценить еще кого-либо, равнодушно посмотрел на непомерно толстого (он состоял из Сервуса Нарота и белого медведя, да еще можно было бы добавить шемита), одышливого краснолицего человека, который не сумел избежать дружественных объятий Гвидо, после чего, недовольно отфыркиваясь, прошел к тому же торцу стола и уселся рядом с девушкой, вытирая пот рукавом шелковой пестрой рубахи.

— Это Теренцо. — Благородный рыцарь махнул рукой в сторону толстяка. — Он аквилонец, родом из славной столицы Тарантии. Лавиния — его супруга.

Лица гостей непроизвольно скривились. Каждый подумал про себя: «Что делать этой красавице рядом с таким уродцем?» Но Теренцо, по всей видимости, отличался похвальной проницательностью, ибо вдруг

хрипло, с повизгиваниями, расхохотался — впрочем, мгновение спустя вновь заткнулся, выставил перед собой два жирных пальца и уставился на Сервуса Нарота.

— Сейчас, — кивнул тот в ответ на взгляд и жест гостя. — Теренцо просит, чтобы я вам всем пояснил: нынешний день и следующий он нем, так что не обращайтесь к нему с разговорами — все равно ничего не услышите. Дело в том, что он порядком болтлив, вот и устраивает себе раз в год «луну молчания». В течение этой луны никто не слышит от него ни единого слова, зато потом...

Теренцо мрачно хмыкнул и повернулся к супруге. Она тотчас протянула руку к блюду с бараниной, ловко оторвала кусок внушительного размера и бросила его в пухлые ладошки мужа, сложенные лодочкой нарочно для этой цели.

Пока толстяк насыщался, гости молча рассматривали друг друга. Пеппо не заметил в сем ни симпатии, ни интереса. Так, словно запертые чужой волей в темнице, они готовы были терпеть это общество, но не более того. Пожалуй, только на Бенино взоры обращались благосклонные. А он и в самом деле казался воплощением добродетели — даже намек на тайный порок не было в его чистом, тонком, красивом лице.

— Ну что? — вздохнул благородный рыцарь. — Почти все в сборе.

— Почти? — Философ улыбнулся.

— Остался еще Леонардас — офирец. Он приедет ночью.

— Может, ты объяснишь, Сервус, зачем собрал нас здесь? — скрипучим голосом спросил Заир Шах, поcasывая все ту же кость, увиденную из блюда Бенино.

— А как же! — весело сказал рыцарь. — Вот прямо сейчас и объясню. Дело в том, друзья мои, что я хочу ознакомить вас всех с одной вещью, которая ныне принадлежит мне. Вы — известные в своих городах (и странах) ценители прекрасного. Вам, именно вам несут

похитители уворованные сокровища, будучи уверенными в том, что вы назовете истинную цену... Так вот, если я — по какой-либо причине — лишусь своей... своей вещи — вас уже не обманет наглец...

Заир Шах недовольно скривился, отчего тощее лицо его стало похоже на высушенную луковицу.

— Значит, коли в мои руки попадет вышеупомянутая вещь, я должен буду отнять ее и задержать вора?

— Ну да, — легко согласился Сервус. — А что, ты хотел бы оставить ее у себя?

— Таковы правила, — надувшись, отвечивал старик.

— У меня тоже есть свои правила. — Благородный рыцарь сложил руки на могучей груди ухмыльнулся. — Если мой гость ведет себя как свинья, его вышвыривают отсюда мои слуги...

— Я пошутил, — поднял сухую руку Заир Шах. — Конечно, я задержу вора и отниму у него твоё сокровище, можешь быть уверен.

— Что ж. Тогда — идемте! Я думаю, никто не откажется посмотреть мои камешки?

Сервус Нарот встал, обвел гостей пристальным взглядом, как бы проверяя еще раз, на что они способны и способны ли вообще. Затем взял со стола кувшин с пивом и прильнул к нему толстыми губами, по обыкновению обливаясь с подбородка до пят. Восемь пар глаз следили за сим процессом внимательно, ожидая окончания его и последующей затем экскурсии в знаменитую сокровищницу рыцаря; восемь сердец сбились с ритма и прыгали в груди, словно лягушки в банке.

Никто и никогда еще не видал полной коллекции самоцветов Сервуса Нарота, и вот сейчас волею или простым поворотом судьбы им, действительно ценителям, действительно авторитетам в области драгоценных камней, предстоит собственными глазами взглянуть на лучшую в мире (так утверждали те, кто знал

хотя бы краткий перечень самоцветов рыцаря) сокровищницу.

— А впрочем, — благородный рыцарь с грохотом поставил на стол пустой кувшин, — теперь мне нет охоты спускаться в подвал. Да и Леонардаса все же следует подождать. Прощайте!

Он развернулся и быстрым широким шагом вышел из зала, оставив гостей в полном недоумении и растерянности. Пеппо заметил: один только Бенино вздохнул облегченно.

— Погоди-ка, Сервус,— хмурясь, сказал Бенино.— Я знаю, что ты хотел представить гостям — и мне в том числе — некое поразительное сокровище. Это и есть Лал Богини Судеб?

— Да. Ты слыхал о нем?

— Конечно! Это камень величиною с глаз бизона. Его называют еще Оком Владычицы Небес — ибо таково другое имя Богини. Красота его не поддается описанию...

— Ты его видел? — мрачно спросил благородный рыцарь, и взгляд его, направленный на старого друга, наполнился подозрением.

— Нет! Откуда? Но, надеюсь, увижу. Ведь ты покажешь его всем?

— Покажу... Что ты еще знаешь о Лале Богини Судеб?

— Клянусь Митрой, более ничего. Разве... Разве что... Но нет, сие наверняка досужие выдумки.

— Что досужие выдумки?

— Говорят, будто камень этот дорог не только красотой своей, но и магическою силой. Какой силой — не ведаю.

— Я скажу тебе, Бенино. Он действительно обладает магической силой. Во мраке ночи красный свет его рассыпается на тысячу лучей и на тысячу искр. Дождись ясной луны и встань так, чтобы с ног до головы ты был освещен светом луны, смешанным со светом камня. И тогда... О, тогда любое твое желание, могущее повернуть линию жизни в сторону или вспять — как тебе будет угодно,— исполнится! Да, один только раз, но умному человеку и этого раза достаточно. Ты понимаешь, Бенино, почему я не пользуюсь помощью камня сейчас, чтобы обнаружить моего врага... Мне едва сорок лет, я могу прожить еще столько же, и, конечно, не знаю, что меня ждет впереди. Мало ли примеров, когда люди теряли вдруг — вдруг! — целое состояние. Или внезапная болезнь ломала члены и отнимала разум. Или... Неисповедима судьба! Могу ли я быть уверен в

том, что далее моя жизнь будет течь так же мирно и спокойно как ныне? Нет. Вот почему я приберегаю счастливое, свойство камня на крайний случай. Убийца? Ха! Я найду его сам! И ты поможешь мне...

— Но почему ты не спросил у странника, кто именно из твоих друзей так коварен?

— Да спросил я! Он ответил, что Фенидо не успел того поведать, ибо умер. Мол, он стремился ко мне издалека (откуда — неизвестно), потому что случаем узнал, какая опасность мне грозит. И вот за два дня пути до Лидии столкнулся с шайкой разбойников, которые смертельно его ранили. Тот странник, проходя мимо, обнаружил безжизненное почти тело, пробовал залечить раны — безуспешно. Фенидо умер на его руках, за несколько мгновений до смерти рассказав то, что я тебе только что передал. Так ты поможешь мне?

— Я помогу тебе, Сервус, но как?

Благородный рыцарь замаялся. Он то поднимал глаза на старого друга, то вновь опускал их и принимался рассматривать покрывало, вольно лежащее на кровати. Наконец он решился.

— Буду честен с тобой, Бенино. Я не доверяю никому, и тебе тоже. Только брат твой (потому что мальчик) не вызывает у меня подозрений. Но мне необходимо кому-то довериться, и я выбрал для этого тебя, друг. Мой план таков: я вызвал всех своих ближайших знакомцев, кои дружбу со мной совмещают с коллекционированием самоцветов, с целью спровоцировать на убийство... Не смотри на меня так. Я не сошел с ума. Подумай же! Неужели мне стоило отравить свое существование ожиданием смерти? Я постоянно, каждый день и каждый миг, ощущал бы за спиной своей врага. Кому ведомо, когда б подлый убийца решился на преступление? Через год? Два? Пять? И все это время я бы ждал?.. И превращался бы в старца с трясущимися от вечного страха руками и слезящимися глазами? Нет! Я бросаю вызов ехидне, что смотрит прямо мне в глаза,

твердо зная, что эти глаза по ее воле закроются навек раньше срока, отпущенного богами!

— Так как же я помогу тебе?

— А вот как: ты, верно, помнишь нашу беседу о способности видеть и запоминать? Ты говорил, что этим особенно отличается Пеппо, твой юный брат.

— Да, от Пеппо никогда не скроешься — все видит и понимает!

— Ну и ты не промах. Вот я и прошу тебя — смотри сам, спрашивай Пеппо. Пусть он рассказывает тебе, что показалось ему странным либо и вовсе неестественным. В поведении ли, взгляде ли, слове ли... Только ему ничего не объясняй — мальчик не должен знать, что где-то рядом ходит убийца!

— Скажи, Сервус, кто-нибудь кажется тебе особенно подозрительным?

— Все, — без раздумий ответил рыцарь. — Увы, мой друг, решительно все. И два крепких парня, прибывших из Немедии вместо Гая Деметриоса; и толстый Теренцо, у коего и в Тарантии дел полно, а он бросает все и едет сюда по первому зову; и шемит Маршалл — просто потому, что он шемит; и Заир Шах, древняя развалина... Говорят, в последние времена он вообще не покидает дом свой — так зачем же притащился сюда? Всех я подозреваю, в том-то и грусть, в том-то и печаль, что — всех...

Сервус Нарот вздохнул так тяжело, что философу стало ясно: он и в самом деле подозревает всех, и сие гнетет его безмерно. Значит, его веселость, беспечность и добродушие были только маской? О, как же, наверное, непросто сохранять обычный вид, когда душа замирает в ожидании предательства и смерти! Недаром сейчас, позволив себе расслабиться наедине с другом, рыцарь так бледен и серьезен; недаром сам облик его в этот момент изменился — темные, почти что черные глаза, блестящие лихорадочно, как у помешанного, опавшие щеки, судорога, дергающая угол рта, нервные движения холеных пальцев...

Бенино участливо положил руку на поникшее плечо старого друга.

— Будь тверд. Помни: и я, и брат мой — мы с тобой...

— Поклянись мне, Бенино! — горячо воскликнул вдруг Сервус, уставя глаза прямо в зрачки философа. — Если гадине удастся отправить меня на вечную прогулку по Серым Равнинам, он не уйдет от расплаты! Пусть карающей рукою станешь ты — мой самый близкий и верный друг!

Растроганный Бенино снял подушечкой большого пальца слезу с нижней ресницы и улыбнулся.

— Он не уйдет от расплаты, Сервус. Я придушу его — вот так.

Тонкие изящные руки философа протянулись к массивному бронзовому подсвечнику, напряглись — синие вены вздулись, и твердые мускулы обозначились под кожей — и через мгновение согнули его наподобие туранского ятагана.

— Вот так, — повторил Бенино, отбрасывая испорченный подсвечник в сторону. — Вот так!

* * *

Утренняя трапеза состояла из жареных перепелов и груш в густом сиропе. Легкое красное вино быстро перетекало из серебряных кувшинов в бездонные глотки гостей. На прибывшего ночью Леонардаса — тощего и высокого светлоглазого офира, на вид придурковатого, никто внимания не обращал.

Бенино, после ночных признаний Сервуса возбужденный и встревоженный, сошел в зал последним. Найдя глазами брата, а потом целого и вполне невредимого (если не считать некоторой бледности и дряблости щек) рыцаря, он успокоился, сел за стол. Теперь и ему все эти гости казались весьма подозрительны. Сервус прав: с чего это прикатил сюда на повозке, запряженной четверкой лошадей, жирный аквилонец Теренцо, обремененный всякими неотложными делами, да еще и

супругу прихватил с собой? А Заир Шах, трухлявый пень? Жеваная физиономия лицемерно благочестива, а глазки так и блестят, и в этом блеске при желании можно разглядеть и алчность, и злобу, и даже сладострастие (на кого только оно направлено — уж не на супругу ли толстяка?). И Маршалл, поскольку шемит, доверия не вызывает... И этот тощий офирец... как его... он всегда забывает его имя... А, Леонардас... А про этих двоих — Лумо и Гвидо, родственничков достойного Гая Деметриоса, Нергал бы его побрал со всем, и говорить нечего. Более подозрительных лиц Бенино до сих пор не встречал.

Но все это были лишь измышления, навеянные бессонной почти ночью. В душе философ отлично понимал, что люди сии почтенные — такие, каков и он сам; что убийца среди них только один, и есть ли он в природе вообще — неизвестно. Может, прохожий решил просто подшутить над высокомерным богачом? То есть на деле перед пытливым умом Бенино стояла все-таки загадка, и каким образом ее разрешить, он пока не знал.

Вдруг он заметил, что трапезничают гости в полном молчании, и думал уже начать светскую беседу, но тут выяснилось, что блюда пусты и кувшины тоже, так что и ему пришлось поторопиться. Наскоро обсосав грушу, он поднялся вслед за другими, повинувшись приглашающему жесту хозяина. Так и не произнеся ни слова, Сервус Нарот повел всех вниз, в подвал, где, как было известно, размещалась его уникальная коллекция.

Гуськом спустились они по узкой винтовой лестнице, освещенной всего парой светильников, затем прошли по длинному коридору, выложенному мраморными плитами и сверху, и снизу, и по бокам, повернули в темный сыроватый рукав и остановились у двери — вернее, у спины рыцаря.

Он долго возился с ключами, торкая то один, то другой, то третий в глубокие пазы, и наконец отворил дверь — тяжелую, обитую железными толстыми листа-

ми. Перед тем как впустить сюда гостей, Сервус Нарот зажег все светильники, которых, в отличие от коридора, здесь было не менее двух дюжин. Когда свет вспыхнул, осветив ярче новорожденного солнечного луча небольшое помещение, рыцарь дернул за рукав стоящего к нему ближе всех Пеппо. За Пеппо потянулись остальные.

Такого великолепия юноша не видел у себя дома. Бенино держал свою коллекцию в обычной комнатке под крышей и, несмотря на природную педантичность, не особенно следил за тем, как располагаются сокровища. Рубины лежали у него в одних сундучках с бриллиантами и перидотами, бирюза соседствовала с жемчугом, а хризобериллы с горстью гиацинтов и карбункулов.

Сервус Нарот оказался рачительным хозяином. Вся коллекция у него была тщательнейшим образом рассортирована и разложена по коробкам. Внутри коробки были обшиты бархатом, который цветом соответствовал цвету камня, подчеркивал его сияние и чистоту. Так, рубины покоились в ячейках на розовом бархате, бриллианты — на серебристо-сером, жемчуг — на черном, а шпинели — на голубом. Пеппо, замороженно глядя на игру самоцветов, шепотом называл их по именам, едва удерживаясь от того, чтоб не протянуть руку и не взять драгоценность, дабы поближе рассмотреть. Вот венисы, красные, как языки пламени; вот кимофаны, тускло блистающие серебристыми прожилками; вот зелено-желтые, как кошачий глаз, хризолиты... Перидоты, гиацинты, сапфиры, изумруды, опалы... Глаза разбегались при виде такого великолепия. Пеппо спиной ощущал пораженные вздохи гостей, тоже имевших свои коллекции, но явно поскромней, чем эта.

— Безоар, — охрипшим от волнения голосом пробормотал Леонардас. — Чудо... Истинное чудо...

— Целебный камень, — пальцем указывая на безоар, сказал рыцарь. — И этот тоже — аспилат. И этот — дихроит. А вот... — Он сунул руку куда-то вбок и об-

ратно вытащил ее уже с коробкой, где в глубокой ячейке сидел огромный гранат. — Вот великий гранат. Его называют Красным Отцом. Его нашли на месте древнего Ахерона, в золотой шкатулке. Он был завернут в обрывок ткани, на коей сохранилось его описание. Мол, от этого граната произошли все красные камни, посему и прозывается он именно так, а не иначе.

— Скажи-ка, любезный хозяин, — ликом бледный как смерть проскрипел белый медведь Лумо. — А сей прекрасный лунный камень как достался тебе?

— Я привез его из Вендии, — с удовольствием пояснил Сервус Нарот. — Отдал за него ни много ни мало пять сотен золотых, и то считаю, что купил дешево.

— А этот как зовется? — спросил Гвидо, указывая на розовый камень с прожилками вроде рисунка и очком посередине.

— Оникс! — презрительно фыркнул Лумо. — Не видишь сам? И чему тебя дядя учил!

Малыш Гвидо только пожал узкими плечами на это. Кажется, он один остался безучастен к такой красоте и разглядывал камни исключительно из вежливости и толики любопытства.

— О-о-о-о... — простонала за спиной Пеппо Лавиния. — Это же настоящий розовый жемчуг!..

— И что? — На Сервуса Нарота ее чары не действовали. — Ты прежде не видала розового жемчуга?

— Не такая уж редкость, — поддержал хозяина Заир Шах. — Вот на что посмотри, красавица! — Он кивнул на крупную, продолговатую, словно фасолка, черную жемчужину. — Такой и у меня нет!

— А у меня есть, — небрежно сказал Маршалл, взвешивая на сердоликовую чашу, обшитую понизу черненым серебром. — Малость поменьше, но есть.

— Да откуда ж у тебя? — ревниво поинтересовался рыцарь. — Я ведь, кажется, все у тебя видел...

— Прошлой луной приобрел, — с улыбкой отвечивал шемит. — И тоже недорого — за полторы сотни золотых и породистого жеребца.

— Для небольшой черной жемчужины полторы сотни золотых — большая цена. — Заир Шах с притворной жалостью перевел взгляд с мелоция, вдавленного в бархатную подушку на три четверти, на Маршалла. — Тут величина главное, а не сорт.

— Лавиния, положи аквамарин на место, — недовольно буркнул Сервус Нарот. — Знаешь, что я не люблю, когда мои камни лапают...

Красавица раздраженно сунула голубовато-зеленый камень в ячейку и повернулась к супругу, который, вследствие обета молчания, говорить не мог, а мог только хрипеть и стонать от восхищения.

— Ну, а сейчас... — Благородный рыцарь торжественно оглядел своих гостей, на миг задерживаясь взором на глазах каждого. — Сейчас я покажу вам то, ради чего, собственно, и пригласил приехать...

Напряженное молчание было ему ответом.

— Вы слышали о Лале Богини Судеб?

Общий тяжелый выдох был ему ответом.

— Так вот: я — его обладатель!

Тихий стон, смешанный с рычанием, был ему ответом.

Сервус Нарот снял с могучей шеи золотую цепочку, и все смогли увидеть, что на ней висит золотой ключик, такой крошечный, что вовсе теряется в толстых пальцах рыцаря. Потом хозяин вышел из помещения, оставив гостей одних догадываться о направлении его пути.

Настороженно косясь друг на друга, они стояли в ожидании Сервуса полукругом, и никто не решался заговорить. То ли сие казалось в данный момент кощунством, то ли свои, очень личные мысли занимали умные головы коллекционеров. Хмурился белый медведь Лумо, отворачивая взор ото всех; покачивался с носка на пятку малыш Гвидо, явно едва удерживаясь, чтоб не засвистеть; кривил и без того сморщенную рожу противный старик Заир Шах; улыбался чему-то Маршалл; хмурился Бенино, обнимая за плечи брата;

сморкался в шелковый плат новоприбывший офирец; мрачно обменивались взглядами супруги.

Пеппо тоже думал о своем. Например, почему Сервус Нарот так жаждет показать свое сокровище непременно всем вместе? Разве для этого стоило собирать их в срочном порядке? Не проще ли было показать сначала им с братом, потом уж, как-нибудь на досуге, и аквилонцу, и старику, и шемиту... Странно... Очень, очень странно.

Он не успел не то что ответить на свои вопросы, но и задать их все. В проеме двери показался благородный рыцарь, тащивший под мышкой большой золотой ларец прекрасной работы, с кхитайскими рисунками на крышке. Не медля и мига, он аккуратно водрузил ларец на высокий стол красного тополя и золотым ключиком открыл массивную крышку...

* * *

Да, этим вечером все гости были подавлены увиденным, но на следующее утро все изменилось, и изменилось далеко не к лучшему, так что о каком-то настроении вообще не могло быть и речи. Дело в том, что ближе к полудню обнаружилось, что Сервуса Нарота все-таки убили...

Глава пятая

УБИЙСТВО

К утренней трапезе хозяин не спустился, и Ламберт, сноровисто обслуживая гостей, беспрестанно ворчал себе под нос всякого рода ругательства в адрес лентяев, что готовы нежиться в постели и ночь и день напролет. Кстати, к лентяям относился и белый медведь Лумо, который тоже пока отсутствовал.

Пеппо, по молодости лет не особенно угнетенный вчерашним созерцанием неземной красоты камня Богини Судеб, фыркал, слушая излияния старого слуги. Правда, всю ночь ему снились хризопразы, рубины и бриллианты, но утром все забылось, и настроение сохранилось ровное — такое, как всегда.

Остальные, по всей видимости, не могли похвастаться тем же. С прежним аппетитом поглощая фазанов, только снятых с вертела, они хранили молчание — угрюмое, тяжелое, отстраненное. Сокровище Сервуса Нарота, цены не имеющее, поразило их до глубин души. Наверняка все они, думал юноша, преисполнились зависти и теперь ломают головы над тем, как бы и где бы приобрести нечто подобное по великолепию и силе. Только Гвидо и этот офирец — Леонардас — хранят спокойное, вовсе не замутненное дурными мыслями выражение лица...

— Да что ж это такое! — вдруг нервно воскликнул Бенино, швыряя на стол надкусанный персик. — Ламберт! Сходи к хозяину, позови его к столу!

— Слушаю, господин.— Довольный приказанием (сам он не осмелился бы потревожить рыцаря), старый слуга стрелой метнулся к лестнице.

Пеппо нахмурился: раньше Бенино не позволял себе так вольничать в чужом доме. Странно... Сквозь опущенные ресницы он внимательно всмотрелся в лицо брата и еще раз повторил себе: «Странно...» Глаза с расширенными зрачками блестят, лицо бледно, как бывает с ним лишь после бурно проведенной ночи, а тонкие пальцы ни мига не находятся без движения...

— Надо и Лумо разбудить,— вздохнул Гвидо, поднимаясь.— Пойду постучу...

Но стоило ему сделать шаг вперед, как вдруг сверху раздался дикий, ни с чем не сравнимый вопль, заключающий в себе и ужас, и отчаяние, и... О, от этого вопля волосы у всех стали дыбом! Придурковатый Леонардас чуть не свалился с табурета, супруги одновременно вздрогнули, а Гвидо подскочил на месте и ринулся вверх с такой скоростью, какую трудно было предположить, глядя на этого человечка с коротенькими ножками.

Философ, не мешкая и четверти мига, вылетел из-за стола и понесся вслед за младшим Деметриосом, по пути громко проклиная Нергада и себя самого. Другие гости тоже не остались ждать. Повскакав с мест, они заспешили вверх по лестнице, обмирая от вопля, который все не прекращался.

Наверное, один Бенино знал, что произошло. Перепрыгивая ступеньки, он уже страдал от мысли, что не сумел помочь, не сумел предотвратить то, чего страшился его друг Сервус Нарот — то бишь убийства. Он хотел оправдать себя тем, что все случилось слишком скоро, неожиданно скоро, но тут же с негодованием на себя самого отринул сие извинение преступной беспечности. Миллионы мыслей пронеслись в его голове за то короткое время, какое стремился он к комнате рыцаря: Миллионы чувств, основными среди коих были укор, стыд и отчаяние, испытало его сердце тогда же. Скрипя

зубами в бессильной ярости, Бенино подбежал к настежь распахнутой двери, ворвался внутрь, сбив с ног Гвидо, и тут остановился...

* * *

Картина, представшая глазам философа, а за ним и глазам других гостей, была ужасна.

Ламберт, и без того маленький ростом, стоял на коленях возле роскошного ложа хозяина, подбородком доставая только до уровня его, и дико вопил, вырывая из висков своих клочья седых волос. Видно, сам остановиться он не мог, а потому Гвидо, поднявшись после падения и установив необходимое равновесие, подошел к нему и сильно встряхнул за плечи — только тогда старик замолчал.

В полумраке комнаты — занавеси еще были задернуты — не сразу бросалось в глаза самое страшное. Впрочем, может, люди непроизвольно оттягивали момент определения и понимания... Огромная фигура Сервуса Нарота недвижимо лежала на шелковом белом покрывале, половиной его покрытая с колен до плеч. То, что рыцарь был мертв, не вызывало и малейших сомнений: в спине его торчал кинжал, всаженный по самую рукоять; алое пятно крови расплылось по покрывалу; кровь склеила светлые волосы на затылке, стекла на пол, в легкие кожаные сандалии. Вообще весь затылок его, как с содроганием заметил Бенино, еще не приблизившись, был разбит чем-то тяжелым. Судя по позе — а рыцарь лежал раскинув руки, лицом вниз — он спал, когда коварный убийца занес над ним смертоносный кинжал. Удивительно, но Бенино подумал, что Сервус так и не узнал своего врага, и сие почему-то показалось философу самым обидным.

Решившись, он все-таки подошел ближе. Без сомнения, дух благородного рыцаря переселился на Серые Равнины — он еще убедился в этом, увидев, с какой силой был нанесен удар. Даже волоса нельзя было б просунуть между рукоятью и спиной убитого.

Бенино поежился и отвел взгляд. Бахрома покрывала, тоже залепанная кровью, большая рука Сервуса, синевато-белая, с модным дутым золотым перстнем на толстом пальце левой руки, крупный, но недорогой алмаз у изголовья (наверное, он смотрел его перед сном), и... Философ отшатнулся. Золотая цепочка, на которой рыцарь носил ключ от ларца с Лалом Богини Судеб, была разорвана!

Судорожно сдернув ее с шеи друга, Бенино убедился в ужасном подозрении своем. Ключа на цепочке не оказалось, а это значит, что и камня в ларце уже нет... Не обращая больше внимания на стоны и всхлипы гостей за спиной, до того сильно раздражавшие его, философ кинулся на колени и принялся судорожно шарить рукой под кроватью. Умом он понимал, что все поиски его напрасны, — вчера все видели, что ключ от ларца Сервус носил на этой цепочке, но слабая надежда заставляла сердце трепетать в ожидании находки.

— Ты думаешь, Лал Богини Судеб еще на месте? — криво, совсем невесело усмехаясь, спросил философа Гвидо.

— Думаю, нет, — ответил Бенино, поднимаясь и отряхиваясь.

— Тогда позволь мне осмотреть место... преступления... Друзья! — вежливо обратился Гвидо к гостям. — Прошу вас идти вниз. Право, здесь вы уже ничем не можете помочь.

И он, не дожидаясь, когда его просьба будет выполнена, направился к ложу рыцаря.

— Нет! — дико взвизгнул вдруг Ламберт, кидаясь к телу хозяина и закрывая его, как птица закрывает своих птенцов. — Нет! Не дам! Не прикасайтесь к нему!

Слезы брызнули из глаз старика. Повернувшись спиной ко всем, он склонил голову к мертвому телу, обняв его руками, и тихо, горько заплакал.

Сердце Бенино сжалось. Его никогда не вводила в заблуждение извечная ворчливость старого слуги. Он отлично видел и знал, что Сервус Нарот является его

единственным любимым существом. Он нянчил его, когда тот только родился, он носил его на руках, он воспитывал его — словом, был нежнее и заботливее, нежели мог быть родной отец. И вот теперь жизнь его разбита. Как можно пережить такое горе?

Бенино со вздохом покосился на стоящего сзади Пеппо. Для него тоже этот мальчик был как сын. Когда он родился, философу уже стукнуло двадцать три года. Он помнил и первую улыбку брата, и первый шаг, и первое слово его. Не имея собственных детей, Бенино самовольно принял на себя обязанности отца, так что Пеппо до сих пор воспринимал его именно так. Впрочем, их родной отец находился в полном здравии, но воспитание детей никогда не входило в круг его интересов...

— Ну, полно, Ламберт, полно... — пробормотал философ, трогая плечо старого слуги. — Что теперь... Ничего не поделаешь...

— Ничего не поделаешь! — эхом подхватил Гвидо. — Я не трону его, Ламберт, я только рядом посмотрю...

Закрыв за гостями дверь, он живо присел на корточки и завертел головой, оглядывая пол, ковер и низкий, ниже его колена, столик. На столике стоял бронзовый сосуд с травами (рыцарь увлекался сушением трав, кои затем поджигал и через маленькую трубочку с наслаждением вдыхал едкий дым), бутылъ вина и серебряный кубок. Вздернутый короткий нос малыша непостижимым образом задвигался, словно пытаясь учуять то, что недоступно глазу. Светлые и легкие как пух волосы взерошились, видимо, вследствие напряженной работы мысли под ними. Кошачье лицо его почему-то было совсем белым, даже веснушки пропали, а зеленые глаза рыскали повсюду с таким странным выражением, что Бенино счел своим долгом вежливо осведомиться:

— Послушай, любезный, а не ты ли убил моего друга Сервуса?

— Нет, не я, — отказался от сомнительной чести считаться убийцей малыш Гвидо, ни на миг не прекращая осмотра.

— А кто?

Философ и сам понимал, что вопрос сей глуп и пока несвоевремен, но не смог от него удержаться — больно уверенный вид был у этого мелкого белобрысого парня.

— Не знаю, уважаемый Бенино, не знаю... — последовал ответ.

Затем Гвидо встал, отряхнул руки.

— Я бы хотел поговорить с гостями, — мрачно сказал он. — Надеюсь, ты поможешь мне?

Бенино сморщился. Все хотят, чтоб он помог. Сначала Сервус, теперь малыш Гвидо... Впрочем, Сервусу он так и не успел помочь...

— Что я должен делать? — буркнул он, и не думая скрывать недовольство.

— Ничего особенного. Но если гость не захочет мне отвечать, ты его уговоришь.

— Что ж...

Оставив Ламберта наедине с холодеющим телом Сервуса Нарота, философ и Гвидо пошли вниз.

* * *

Казалось, это молчание сейчас взорвется, как вулкан. Хмурые лица, опущенные долу глаза, раздражающее шарканье ног под столом. Каждый (кроме самого убийцы, конечно) подозревал в преступлении сидящего рядом или напротив, все равно. Каждый думал, что и собственная его участь могла оказаться таковой: поди знай, что за сущность скрывается за приятной внешностью и обходительными манерами. Разве можно даже мысль, даже полмысли допустить, что в их прелестную тесную компанию коллекционеров затесался монстр, отродье злобного Нергала, для коего чужая жизнь не стоит и медной монеты? Вернее, стоит — камня Богини Судеб. Да, сие неоценимое сокровище, предмет вождения не только знатоков, но и любого разумного человека, но убить ради обладания им? И не просто прохожего, а друга, приятеля, в

глаза которого не раз смотрел, вместе с которым не раз смеялся, в конце концов, в доме которого считался гостем? Примерно такие размышления занимали сейчас этих людей, волею случая оказавшихся замешанными в страшном деле.

Гвидо, у нижней ступеньки обогнавший философа, быстрым шагом подошел к столу и уселся между Пеппо и Леонардасом. Бенино занял место против него, между толстяком Теренцо и Маршаллом.

— Прошу простить меня, друзья мои, — без обиняков начал младший из Деметриосов. — Я хочу задать вам всем по несколько вопросов. Если вы предпочтете любезность замкнутости и настороженности, вы ответите мне скоро и честно, что будет означать только одно: совесть ваша ничем не запятнана.

Столь витиеватой речи от малыша Гвидо никто не ожидал. Машинально кивнув ему, гости перевели взоры на философа, ожидая от него подтверждений сказанному.

— Да, — кивнул Бенино. — Пусть Гвидо Деметриос спрашивает, а мы будем отвечать.

— А кто наделил его такими полномочиями? — вдруг визгливо спросил Заир Шах. — Кто? Уж не сами ли достопочтенный Сервус? Ха!

— Стыдно, — укорил его Маршалл. — Стыдно тебе, старик. Как неучтиво поминаешь ты о погибшем, да к тому же хозяине этого славного дома! Пусть юноша спрашивает, потерпим.

Юноша, коему недавно исполнилось уж двадцать восемь лет, благодарно посмотрел на шемита.

— Тем не менее я отвечу, — сказал он, улыбаясь. — Ты философ? — неожиданно обратился он к Бенино.

— Да, — удивленно сказал тот.

— А ты, Маршалл, купец?

— Купец, верно.

— Ты, Заир Шах, астролог?

— Ну, астролог, и что с того?

— А ты, Теренцо?

— Он знатного аквилонского рода, — ответила за все еще молчащего супруга Лавиния. — Его дед был конюшим самого короля.

— Понятно. Так вот...

— А я — поэт, — встрял забытый Леонардас.

— Прекрасно. Так вот. А я — дознаватель. Правда, на службе я не состою, а занимаюсь делом сам по себе. Но, смею сказать, мои способности были неоднократно замечены, и однажды меня даже вызывали во дворец нобиля в Бельверусе! Там пропало золотое... А впрочем, это неважно. Думаю, теперь я могу спрашивать?

— Да можешь, можешь, — важно махнул костлявой рукой Леонардас. — Я слушаю.

Поскольку офирец сам назначил себя первым номером, Гвидо с него и начал.

— Скажи, любезнейший, что ты делал прошлым вечером после трапезы?

— Спать пошел, как и все.

— Ты лег сразу?

— Ну.

— Ты ничего не слышал ночью?

— Ни звука.

— Ладно, теперь ты, — он повернул голову к Заир Шаху, не обращая внимания на тут же надувшегося Леонардаса, который намеревался всю беседу посвятить своей персоне. — И тебе такой вопрос: что ты делал после вечерней трапезы?

— Тоже пошел спать, — фыркая, сообщил старик. — И ночью я ничего не слышал. Слава Эрлику и пророку его Тариму, а также светлomu Ормазду и гораздо менее светлomu, я бы даже сказал, совсем темному Хануману, сплю я крепко и без сновидений. Был как-то случай, когда я вдруг проснулся, но, помнится, лет этак пять назад...

— Я понял, — торопливо перебил болтливого Заир Шаха Гвидо и обратился к Маршаллу. — А ты? Что ты делал прошлым вечером?

— Увы, ничем не могу тебе помочь. Я тоже пошел спать и тоже совершенно ничего не слышал.

— И я, — вставил Пеппо, не дожидаясь вопроса.

— И мы, — тихо молвила прекрасная Лавиния, скользнув равнодушным взглядом по кошачьей мордочке дознавателя.

Кстати, решил Гвидо, надо присмотреться к ней повнимательней. Не так проста девица, как кажется. Во всей ее хрупкости, во всем изяществе фигуры и лепки лица есть что-то еще — какая-то сила, что ли. Пока он не мог разобрать, но надеялся впоследствии.

— Перейдем к другому вопросу. Скажи мне...

— Я! — бухнул Леонардас, видя, что дознаватель собирается обратиться к Маршаллу, как самому спокойному и рассудительному.

— Пусть ты, — согласился Гвидо. — Скажи, когда ты говорил с нашим любезным хозяином в последний раз?

— Да тогда же, на трапезе. Ты не присутствовал, но знаешь, наверное, что он рассказывал о Богине Судеб. Я поспорил с ним по поводу места рождения этого лала...

— Какого лала?

— Ну, украденного камня. Он называется Лал — то есть рубин.

— Камень Богини Судеб и есть тот Лал, о котором ты толкуешь?

— О, Митра! — разозлился офирец. — Конечно! Не изумруд же!

— А после трапезы?

— А после трапезы я его не видал — Сервуса то есть.

— А голос его слышал?

— Нет, не слышал.

— А ты, Маршалл?

— И я. — Шемит пожал плечами. — И вообще я с ним говорил только в хранилище, а за вечерней трапезой и словом не обмолвился. Не очень-то мне было

интересно слушать сказки про Богиню Судеб — я и сам о ней все знаю, поэтому я молча доел лебединую гузку да ушел спать.

— Заир Шах?

— О чем мне с ним разговаривать?

— Ну, не знаю, о чем. Мало ли... Так говорил или нет?

— Нет! — выплюнул старый пень, злобно ощерившись.

— А ты, Теренцо?

Толстяк покачал головой, хотя и так было ясно, что он разговаривать ни с кем не мог: только нынешним днем завершался его обет молчания.

— Почему ты не задаешь вопросов Бенино Брассу? — Лавиния улыбнулась, смягчая смысл вопроса.

— Бенино мой помощник, и его я опрошу при случае.

— Отчего ж? — Философ обиженно отвернулся от девушки, на кою перед тем глазел, как на редкостный вендийский агат. — Я могу и сейчас ответить. Да, я говорил с Сервусом после вечерней трапезы. Он спросил, не готов ли я купить у него гранат — помните? — он зовется Красным Отцом. Я сказал, что пока не готов, ибо заплатил лишку второму учителю моего Пеппо за дополнительные занятия по астрологии. Тогда Сервус засмеялся и укорил меня в лукавстве: мол, никакая лишка не сделает плюса или минуса в цене граната. Мол, он стоит так дорого, сколько не стоят все учителя в Аргосе, вместе взятые. Я признался, что у меня вовсе нет денег, и просил его искать другого покупателя — вот и все.

— И он пошел к себе?

— Кажется, да. Я не видел.

— Пеппо, мальчик, — ласково спросил Гвидо юношу. — Ты не говорил с рыцарем после вечерней трапезы?

— Нет, не говорил. И голоса его не слышал.

— Итак, Сервус Нарот потолковал с Бенино о Красном Отце и ушел к себе... Более никто его не видел и

никто с ним не говорил. Такова картина прошлого дня, друзья.

— А Ламберт? — робко заметил Пеппо.

— Да, конечно, я спрошу и Ламберта, но не теперь. Пусть печаль и тоска об ушедшем улягутся в груди его... — Зеленые глаза дознавателя исполнились неизбывной грусти. Он не успел хорошо узнать благородного рыцаря, но старика ему и в самом деле было жаль.

— Послушай! — Маршалл перебил его настроение сильным чистым голосом своим. — А почему ты не спрашиваешь нас о кинжале, коим был заколот несчастный Сервус? Я, к примеру, кроме самоцветов коллекционирую оружие и, смею уверить, неплохо в нем разбираюсь. В этом доме нет не только меча или ятагана, но даже иголки, незнакомой мне. А кинжала такого я еще не видел.

— Верно! — подхватил Бенино. — Такого кинжала у Сервуса не было. Значит, убийца использовал свой!

— Я уверен в этом, — самодовольно согласился Леонардас.

— Ясно, свой, — подтвердил Маршалл.

— Так чей же это кинжал? — буркнул Заир Шах.

— Лумо Деметриоса... — тихо сказал Пеппо и опустил голову.

Глава шестая

ДОЗНАНИЕ

Все замерли. В тишине в окно залетела муха и приземлилась на стол, дабы почистить лапки. Теренцо прихлопнул ее жирной ладонью, и этот неприятный звук послужил сигналом ко второй части беседы.

— Что ты сказал, милый? — тихо спросил Бенино, в упор глядя на брата.

— Я сказал, что этот кинжал принадлежит Лумо Деметриосу, — с отчаянием повторил юноша. — Я точно знаю.

— Откуда же? — Заир Шах был, как всегда, скептичен.

— Видел. Он ковырял им в зубах...

— В чьих зубах? — зарвался гнусный старикашка, но сразу опомнился, фыркнул и отвернул физиономию.

Пеппо не стал ему отвечать. Жалобно посмотрев на Бенино, он вздохнул и опустил голову. В глазах брата он не увидел понимания, и это его расстроило. Ведь он сам всегда говорил: «Будь честен. Будь честен всегда, во всем и с каждым». Сейчас Пеппо следовал его совету и был честен, за что же такой суровый взгляд?

— Дорогой, Лумо Деметриос мог ковырять в зубах любым другим кинжалом.

— Но, Бенино! — воскликнул Пеппо, чуть не плача. — Ты же знаешь, что я не ошибаюсь! Рукоять того кинжала была усыпана алмазной крошкой и покрыта

каким-то прозрачным веществом — точно так, как у кинжала в спине... в спине Сервуса...

— Мальчик прав, — мрачно сказал Гвидо, хмуря белесые брови. — Это действительно кинжал Лумо, я тоже узнал его...

— Так что ж тогда ты мучаешь нас? — удивленно произнес Леонардас. — Зачем ты задаешь эти глупые вопросы, если знаешь сам, что Сервуса убил твой братец? Кстати, где он?

— Фи, Леонардас, — поморщился философ. — Как ты можешь говорить с такой уверенностью? Я не думаю, что Лумо способен на хладнокровное убийство, а кинжал — еще не доказательство.

— Доказательство, — все так же мрачно пробурчал Гвидо. — Но одного доказательства мало — надо, чтоб Лумо сам признался...

— А если он не захочет признаваться? — Заир Шах с превосходством оглядел остальных гостей. — С чего бы ему признаваться? И вообще, где он? Где твой Лумо? Тьфу ты, какая глупость! Прошу тебя, мой маленький друг, оставь свои вопросы и позволь нам разойтись по комнатам. Всем необходимо отдохнуть.

Маленький друг Заир Шаха покорно кивнул, при этом зеленые кошачьи глаза его блеснули чуть раздраженно. Пеппо понял: он желал продолжать, но не смел, ибо главным подозреваемым считался его родственник.

— Но все-таки где же Лумо? — Маршалл был, казалось, встревожен. — Не сердись, Гвидо, но его исчезновение и есть лучшее доказательство причастности. Тебе то он сообщал, что хочет уехать?

Младший Деметриос отрицательно покачал головой.

— Ну, вот видишь... — расстроенно пробормотал шемит.

Снова наступила пауза. Пеппо готов был провалиться сквозь землю, потому что чувствовал себя виновником того, что произошло. Он тоже не мог верить в то, что добродушный белый медведь оказался способен убить рыцаря из-за какого-то камня, пусть даже и

ужасно дорогого и красивого. Но — правда есть правда, и промолчать он тоже не мог.

— У меня есть план,— вдруг сказал Бенино, обводя взглядом всех присутствующих.— И, думается, недурной.

— Ну-ну? — с любопытством вытянул длинную шею Леонардас.

— Первое: до выяснения причины смерти Сервуса никто из нас не должен покидать этот дом. То есть, конечно, можно гулять и прочее, но из Лидии уезжать нельзя. Абстрагируясь от несчастного Лумо, представим, что сбежать вполне может убийца. Я далек от того, чтобы подозревать всех. В общем, я никого и не подозреваю. Но все мы обязаны быть в равном положении. Согласны?

Судя по вытянувшимся физиономиям собравшихся, они были отнюдь не согласны, но высказать неодобрение не решались.

— Второе: мы — я и Гвидо — будем искать Лумо, а заодно (надеясь на счастливый случай) Лал Богини Судеб, и оставляем за собой право в любое время обратиться к любому из вас с любым вопросом. Прошу не противоречить мне. В конце концов, если вы невиновны, вас должно только радовать то, что мы пытаемся снять с вас подозрения.

Гости уныло кивнули. Бенино был, как обычно, убедителен.

— И третье: почему бы убийце не признаться? Прямо сейчас — и тогда мы вместе подумаем, что делать. Но украденный камень тогда, ясно, придется вернуть, ведь у Сервуса есть наследник...

— Кто? — разом выдохнули Заир Шах и Леонардас.

— Я,— скромно ответил Бенино.

* * *

Пеппо смотрел на брата широко раскрыв рот. Пожалуй, и в детстве он не выказывал так явно своего

изумления. Даже он, его родной и самый любимый, ничего не знал! Бенино — наследник Сервуса Нарота! Богача, который мог бы купить всю Лидию и кусочек соседнего Шема в придачу!

— Это меняет дело, достопочтенный философ,— сухо произнес Маршалл.— Пусть первый подозреваемый Лумо Деметриос — ибо сбежал, но второй уж всяко ты.

— Зачем бы я стал тогда красть Лал Богини Судеб? — обиделся Бенино.— Он и так бы принадлежал мне.

— Кто ж тебя знает,— ядовито ухмыльнулся Заир Шах.— Может, вступишь в наследование да через пару лун и обнаружишь где-нибудь в саду под персиковым деревом сие сокровище.

— Почему под персиковым деревом? — Философ был явно растерян, а потому не так сообразителен, как всегда.

— Подумать только, какое состояние! — добавил яду придурковатый офирец.— Ради него десяток лучших друзей укокопишь!

— Вадор! — Бенино наконец пришел в себя.— Я не стал бы убивать Сервуса за все золото мира! И никого бы не стал убивать. Это не в моем вкусе.

— А что в твоем вкусе, позволь узнать? — не успокаивался Заир Шах.— Просто украсть сокровище?

— Хватит!

Резкий голос Гвидо оборвал перепалку.

— Хватит...— уже тише повторил он.— Не стоит обвинять друг друга — так можно далеко зайти, и тогда история кончится плохо.

— Куда хуже...— проворчал Заир Шах.

— Послушай, уважаемый Гвидо,— снова подал голос шемит.— А ты-то сам как думаешь, кто его убил?

— Не знаю,— медленно покачал головой дознаватель.— Но уверен... Вернее, почти уверен, что не Лумо. И — не Бенино.

— Кто ж тогда? Может, я?

Маршалл хохотнул, но глаза его смотрели на Гвидо вопросительно.

— Может, и ты, — легко ответил тот. — Пока не знаю. Но обязательно узнаю, дайте срок.

— И велик ли срок?

— Дня два-три.

— Посмотрим...

После того как шемит задумчиво произнес свое «посмотрим», Заир Шах встал, расправил складки нелепого одеяния и, с презрением поглядев на всех, вышел из зала. Вот ярко-синий подол его балахона проехал по одному маршу лестницы, вот повернул на второй... Лишь только затихли шаркающие шаги астролога, офицер выпучил светлые, как осеннее небо, глаза и трагическим шепотом сообщил:

— Это он грохнул беднягу Сервуса!

Все вздрогнули.

— С чего ты взял? — фыркнул Маршалл.

— Не хотел при нем рассказывать, но слышал его омерзительный голос той ночью.

— Слышал? Где?

— В коридоре, где ж еще... Сами знаете, какие тут у Сервуса лабиринты, так что точнее сказать не могу.

— И что он говорил?

— Не разобрал. Пищал что-то...

— Может, он пел? — предположила прекрасная Лавиния, с легкой улыбкой глядя на важного, как индюк, Леонардаса.

— С чего бы он стал петь ночью? — удивился офицер. — Нет, не пел.

— А что? — начал сердиться Бенино.

— Да говорю ж — пищал! Может, молился? Убил рыцаря и молился.

— Да зачем же ему молиться в коридоре? — потерял терпение Маршалл. — У него для этого комната имеется! Какой ты тупой, Леонардас, прости, конечно...

— Я не тупой, — с достоинством отвечивал офицер, подмигивая Лавинии. — Нергал знает этого старого крючка — молился или пел... Я не дознаватель, и сие не моя забота. Хочу спать. Прощайте.

Он поднялся и пошел к лестнице. Длинные аистинные ноги его в три шага одолели ступеньки одного марша, потом ловко перескочили на второй.

— Сдается мне, наш приятель не такой кретин, как кажется, — заметил многозначительно Маршалл.

— Думаешь, прикидывается? — встревожился Бенино.

— И такое возможно. Смотри, как ловко повернул на старика.

— С чего ему поворачивать? — не согласился Гвидо. — Его пока никто не подозревал.

— Зачем он спать пошел? — Маршалл не желал отказываться от столь удобного объекта для обвинения в убийстве. — День еще, а он — спать!

— И что с того? Нет, любезный Маршалл, никаких оснований для подозрений у нас пока нет. Увы, но нет. Я думаю... О, Теренцо, могу ли я узнать, что так заинтересовало тебя за окном?

— Солнце, — за Теренцо пояснила девушка, пряча улыбку. — Сейчас оно опустится еще на полпальца, и мой супруг сможет говорить.

— Он замолчал в это время ровно луну назад? — догадался Бенино.

— Да.

И все выжидательно уставились на Теренцо. Толстяк, тяжело дыша, смотрел на огненный шар, который блистал в чистом голубом небе так бездумно, так беспечно, словно и не существовало в мире под ним никаких тревог и забот. В молчании за солнцем следили и остальные. Бенино, например, полагал, что как только оно опустится на требуемые полпальца, Теренцо откроет рот и сразу обнаружит всем тайну убийства Сервуса. Гвидо был не столь оптимистично настроен, но и он надеялся услышать от жирного аквилонца нечто важное, могущее помочь ему в расследовании. Пеппо... Пеппо ни о чем таком не думал. Он просто вспоминал огромного розовощекого рыцаря, победившего самого Всадника Ночи и погибшего так нелепо и странно — от

дружественной руки. А Лавиния просто взираала на своего толстяка с любовью и даже благоговением. Пожалуй, такой взгляд невозможно изобразить — мельком пронеслось в круглой голове дознавателя, — но как умудрилась эта красавица влюбиться в ужасного, мерзкого, одышливого, потного и жирного кабана? Гвидо с отвращением взглянул на Теренцо, и в тот же момент толстяк вдруг коротко всхрюкнул и с торжествующей улыбкой повернулся к гостям.

— Ха! Теперь я опять свободен! Я могу говорить! — заорал он хриплым от долгого молчания голосом. — Лавиния! Радуйся вместе со мной! Ха!

— Постой, любезный, — поднял руку ладошкой вперед Гвидо. — Если не возражаешь, отложи ненадолго свою радость. Нам нужно, чтобы ты ответил на такие вопросы...

— Сам знаю, — бесцеремонно перебил его Теренцо. — Я был нем, но не глух. Сервуса после вечерней трапезы я не видал, но зато кое-что слышал... — Он многозначительно обвел маленькими масляными глазками присутствующих, убедился в их неподдельном внимании. — Трухлявая колода говорила с ним перед полночью.

— Трухлявая... Это Заир Шах? — догадался Гвидо.

— Ну да! Уж о чем они шептались — рассказать не могу, ибо не ведаю. Слов я не разобрал. Но бранились, точно бранились. Этот старый пенек звездочет шипел, как разъяренная кобра, а Сервус отвечал коротко и гневно, будто отказывал тому в просьбе.

— Значит, Леонардас действительно слышал его голос... — задумчиво пробормотал Бенино.

— Конечно, слышал. Только, кривая оглобля, перепутал все. Не пел старикан и не молился, а чего-то требовал у рыцаря.

— Но чего?

— Почему мне знать? Сказал же, слов я не разобрал.

— Полагаю, Гвидо, нам следует еще раз переговорить с Заир Шахом, — хмуро буркнул философ, которо-

му не стоило труда всю картину убийства Сервуса Нарота представить во всех подробностях, благо фантазия работала превосходно.

— Мне, — уточнил дознаватель. — Мне следует переговорить с ним еще раз. А ты, уважаемый Бенино, займись поисками... Лумо и пропавшего магического рубина.

— Хорошо, — легко согласился Бенино. — Теренцо, ты имеешь сообщить что-нибудь еще?

— Ничего не имею, — хмыкнул толстяк. — Сейчас пойду к себе и буду разговаривать вслух с двумя самыми любимыми моими людьми — с собой и Лавинией.

С трудом выбравшись из-за стола, Теренцо вытянул за руку Лавинию, и вдвоем они удалились наверх. Теперь в трапезном зале осталось четверо. Маршалл, братья Брассы и маленький дознаватель.

— Как ты думаешь, Бенино? — тихо спросил Гвидо. — Зачем Сервус рассказал всем, где хранится ларец с Лалом Богини Судеб?

— Не ведаю, — пожал плечами философ. — Может, подозревал, что камень хотят украсть, и решил поставить там засаду — ну, чтоб поймать вора?

— Скорее всего, так...

— Точно так, — заявил шемит. — А зачем еще?

— Жаль, меня не было на той вечерней трапезе, — вздохнул Гвидо. — А я бы хотел послушать историю о Богине Судеб...

— Я могу рассказать тебе, — усмехнулся Маршалл. — Невелик труд.

— О, это было бы замечательно!

— Ну, слушай. Еще до Великой Катастрофы на месте нынешней Бритунии были одни сопки, да овраги, да камни, да болота кое-где, но ни травы, ни кустов, ни тем паче деревьев вовсе не наблюдалось. Так гласят легенды, а я тебе легенду и передаю. Обитали там несколько племен — дикие люди, которые охотились на диких зверей и тем и жили. Больше о них и сказать-то нечего... И вот однажды с небес было им знамение:

страшная молния, ударившая в землю не менее полусотни раз, а самый последний — в хижину старой колдуньи... Конечно, все в мгновение сгорело дотла, но на другой день из горстки этого мокрого пепла выросло дерево, такое прекрасное, что все эти племена собрались вокруг него и так сидели чуть не целую луну, изредка отлучаясь только для того, чтобы добыть пропитание.

К концу этой луны на дереве выросли два плода, похожие на апельсины, но не апельсины. Огромные, цвета яркого (а в тех местах яркого вообще не было — сплошная серость вокруг) — один желтого, а другой красного, ароматные, к вечеру они раскрылись, и из них вышли две юные девицы. Одна — та, что вышла из желтого, — белокурая голубоглазая красавица, нежная и стройная, как цветок. Вторая — та, что вышла из красного, — тоже красавица, только черноволосая и черноокая, с фигурой гибкой, как у леопарда, посадкой головы гордой, а походкой стремительной. И снова сверкнула молния. Она насквозь пронзила обеих девиц, заставив несчастных дикарей с воплями разбежаться в стороны. Когда же стало тихо и люди осмелились обернуться, они увидели, что из двух красавиц осталась одна... Какая, Гвидо?

— Черноволосая?

— Нет.

— Белокурая?

— Нет.

— А какая же? — безмерно удивился маленький дознаватель.

— Обе! — торжествующе воскликнул Маршалл. — Они соединились в одну — в голубоглазую черноволосую красотку со взглядом нежным, а походкой стремительной и смелой. То и была Вечная Дева — Богиня Судеб. В руке ее сверкал красным огнем великолепный большой Лал, освещая тупые рожи дикарей мерцающим сиянием. Девушка обвела взглядом окрестности, и тут же из земли пробились ростки, из коих потом и выросли деревья, кусты да трава...

— А потом? — истребовал продолжения Гвидо, видя, что Маршалл вдруг углубился в свои думы.

— Потом? Потом она ушла. В неизвестном направлении...

— И все? — разочарованно спросил Гвидо.

— Нет, не все, — засмеялся шемит. — Потом ее видели в Асгарде, в Аквилонии и Офире, в Кхитае и Вендии. Но тогда огненного лала в ее руке уже не было. Никто не знает, каким образом она утратила его, но — теперь его владелец Сервус Нарот!

— Уже не он... — мрачно заметил Бенино.

— Уже не он... — согласился Маршалл. — Так вот, о Богине Судеб. Говорят, она обходит весь свет, останавливаясь лишь иногда и совсем ненадолго — для того, чтобы прясти пряжу, которая и есть судьба людская. Напрядет целый ворох, скажем, в Аквилонии, бросит на землю, он и рассыплется, но судьба аквилонцев — каждого из них! — уже будет предопределена на целые полсотни лет вперед. Затем пойдет в Зингару, и там то же самое... Ну, понравилась тебе легенда?

— Так себе, — улыбнулся Гвидо. — Но этот Лал действительно обладает магическими свойствами?

— Поверь мне. — Маршалл посерьезнел, уставил черные маслины глаз в зеленые круглые глазищи младшего Деметриоса. — Недаром Сервус так за него пострадал. Между нами говоря, сам Лал стоит ничуть не больше, чем та черная жемчужина или гранат — Красный Отец. Гораздо дороже его чудодейственная сила! Пусть он исполняет только одно твое желание, но зато какое! Ты можешь изменить свою судьбу полностью — хоть стать из нищего королем! Ни один маг не сделает такого!

— А если я доволен своей судьбой?

Маршалл опешил.

— Доволен? Как это?

— Да просто — доволен, и все. — Гвидо засмеялся. — Я люблю свой город и свою семью. Мне нравится моя внешность и мое здоровье... Нет, для себя я ничего бы

не хотел. Но вот излечить и омолодить отца или разыскать Лумо...

— Э-э-э, парень, не выйдет. Лал Богини Судеб меняет только саму судьбу — твою судьбу! Если ты вздумаешь попросить золота — он не даст тебе и монеты; если ты вздумаешь попросить здоровья для отца — он не исцелит даже кашель. Но если ты скажешь: «Хочу жить двести лет» — ты будешь жить ровно двести!

— Не хочу, — печально покачал головой маленький дознаватель. — Вполне достаточно и шестидесяти...

— Мало! Мне скоро шестьдесят, а я еще полон сил и надежд! Да знаешь ли ты, как хочется жить, когда седеют волосы и морщины бороздят кожу? Знаешь ли ты, сколько дум в голове о будущем и о прошлом, сколько...

— Отчего же Сервус Нарот не попросил себе долгой жизни?

— Откуда ему было знать, что его убьют...

— Он знал, — сказал вдруг философ. — Он очень хорошо это знал.

Глава седьмая ТЯГОТЫ ПОДОЗРЕНИЯ

Гвидо недоверчиво улынулся.

— Как то есть знал? Что навело тебя на мысль сию?

— Ничего меня не наводило, — ответил Бенино с неохотой. — Мне б и в голову такое не пришло. Сервус сам мне сказал.

— Когда?

— В ночь перед убийством. Он пришел в мою комнату — встревоженный, побледневший...

И Бенино рассказал все то, что поведал ему рыцарь.

— Ну и ну-у-у! — протянул Маршалл, и не пытаясь скрыть изумление. — Так значит, старина Сервус подозревал нас всех? Ах, я дурень! И что меня дернуло поехать сюда? Ведь не хотел же, клянусь пышной грудью Иштар, владычицы нашей, не хотел! Ах!

— А что ж поехал? — грубо спросил философ.

— Да по письму же и поехал. «Не медли! — писал мне Сервус. — Я готов предложить тебе такую вещь, какой ты в жизни не видывал!» И что за вещь такая, подумал я, бросил все дела и поехал.

— И что за вещь?

— Тьфу! Ваза из цельного розового агата! На кой она мне нужна, эта ваза? У меня самого подобных полдюжины!

— Гм-м...— Гвидо смущенно посмотрел на гостей.— Лумо толковал, мол, досточтимый Сервус писал дяде, что продаст ему нечто невиданное, дядя обрадовался и послал нас сюда. А приехали, рыцарь показал нам колет, расшитый сапфирами и мелкими бриллиантами, и более ничего не предложил...

— Интере-есно,— протянул философ, в глубине души недовольный таковым поведением лучшего друга.— Значит, он вытянул вас всех сюда посредством обмана? Не удивлюсь, если Заир Шаху вместо «невиданного сокровища» он пытался подсунуть золотое яблоко или еще какую подобную чепуху.

— Все это еще раз подтверждает твой рассказ, Бенино,— сказал Гвидо, улыбаясь.— Он и в самом деле решил любым путем собрать всех, на кого падало подозрение. Вот только странно, что он все-таки не уберется. Как говорят, предупрежденный об опасности почти спасен... Он же получил клинок в спину — ночью, когда всяк бережется вдвойне! Нет, пока не могу этого уяснить. Ладно, идемте отдыхать, друзья. Все устали — нынче был тяжелый день... Вон уж сумерки давно наступили...

Только поднявшись, Пеппо понял, что действительно устал. Взяв брата под руку, он повис на нем и так доехал до своей комнаты. А там Бенино уложил его в кровать, накрыл покрывалом и удалился. Спустя несколько мгновений юноша уже спал.

* * *

Пробуждение было не из приятных. Дикий вопль, примерно такой, какой издал Ламберт, обнаружив хозяина мертвым, раздавался перед самой утренней трапезой.

Пеппо вскочил, холодея от одной мысли о том, что его брат мог оказаться следующей жертвой злокозненного убийцы. Вылетев в коридор, он нашел там Леонардаса, который, квохча как испуганная курица, бегал взад-вперед и всплескивал длинными руками.

— Что случилось? — крикнул Пеппо, загораживая ему дорогу.

— Не знаю! — истерично взвизгнул в ответ офицер.— Кто-то орал! Я не могу больше! Я уеду! Уеду!

Юноша плюнул и побежал вниз, надеясь застать там кого-либо более здравомыслящего. Там оказался один Маршалл, с отсутствующим видом попивавший вино из серебряного кубка и, кажется, не слыхавший никакого шума. Он единственный не уходил отдыхать, а просидел тут с утра до утра — сначала с остальными гостями, а потом один.

— Ты слышал? — и ему крикнул Пеппо, дрожа от ужаса.

— Что? — меланхолично спросил шемит.

Не ответив, юноша развернулся и бросился снова наверх. Но на лестнице он столкнулся с Бенино — тот мчался, как раненая волчица к своему волчонку. Едва он завидел Пеппо, как глаза его радостно вспыхнули. Схватив брата в охапку, он так сильно прижал его к себе, что юноша чуть не задохнулся.

— Мальчик мой! — закричал Бенино, срываясь на фальцет.— Где ты был? Я обшарил твою комнату и десяток других! Я искал тебя!

— Я тоже искал тебя! — задумчиво пробормотал Пеппо в отворот его куртки.— Там орали, я испугался, я побежал...

— Ах, какая трогательная картина! — издевательски пропел за спиной философа Заир Шах.— Прямотаки больно смотреть!

— А ты не смотри! — Уже не первый раз в этом доме Бенино позволял себе грубости — наверное, уже чувствовал себя хозяином.— Иди вниз, сейчас я найду Гвидо...

— Зачем еще? — недовольно фыркнул старик.

— Разберемся, что к чему,— туманно ответил философ, увлекая брата за собой.

Гвидо встретился им в одном из рукавов коридора. Он был так же бледен, как тогда, когда нашли тело Сервуса Нарота.

— Ты слышал крики? — спросил его философ. — Где-то там, в правом крыле дома.

— И слышал и... видел... — хмуро ответил маленький дознаватель. — Теренцо убили.

— Что?! — разом воскликнули братья Брассы, непроизвольно подаваясь назад.

— Это Лавиния кричала... Они уснули, а проснулась она уже одна. То есть Теренцо лежал рядом, но был мертвее мертвого: горло перерезано от уха до уха.

— А... оружие? — Глотка философа пересохла, и теперь он скрипел, как несмазанная телега.

— Кинжал... мой...

Гвидо тоже говорил с трудом, но Пеппо отлично понимал его чувства. Сначала рыцаря закололи кинжалом Лумо Деметриоса, а теперь Теренцо зарезали кинжалом Гвидо Деметриоса. Все это было очень странно.

— Все это очень странно...

Бенино настороженно смотрел на бледное лицо маленького дознавателя, вдруг обнаруживая в нем неприятные изъяны: хитрые глаза, чей взор ускользал, как у человека с нечистыми помыслами, слишком вздернутый нос, веснушки... Ну разве у честного мужа могут быть веснушки?

Философ понимал, что несправедлив сейчас, но ничего с собою поделать не мог.

— Да, все это очень странно, — с нажимом повторил он, отталкивая брата себе за спину.

— Подумай же, Бенино. — Гвидо умоляюще посмотрел в глаза философа — теперь его взор никуда не ускользал, а, напротив, был прям и открыт. — Подумай, зачем бы я стал оставлять свой кинжал в комнате, где только что убил человека? Я бы унес его и спрятал или выбросил бы...

— Ты хитер, — отворачиваясь, сказал Бенино. — Кто тебя знает...

— Он не виноват, Бенино, — вступился за малыша Пеппо. — Убийца нарочно подбросил его кинжал в комнату Теренцо.

— Помолчи! — сурово остановил его брат. — Иди к себе, запишись на засов и никого не пускай. Я приду позже.

Юноша с укором посмотрел на Бенино, но перечить не стал — сие было бесполезно, ибо упрямее заупрямившегося философа мог быть только раздраженный осел.

Когда Пеппо скрылся за дверью своей комнаты — а Бенино с Гвидо проводили его туда, — они пошли успокаивать Лавинию, которую, по словам младшего Деметриоса, вряд ли успокоил придурковатый Леонардас. Так оно и было. Рядом с трупом несчастного толстяка, вся перемазанная в его крови, сидела девушка, а офирец примостился чуть ли не у нее на коленях. Кажется, пыталась утешить его она: рыдая в полный голос, он визжал, что никогда больше не выедет из родного Офира, чем бы его ни заманивали. Он клялся, что продаст всю свою коллекцию задешево, а лучше отдаст ее первому встречному нищему, лишь бы не бояться за свою жизнь, коя, безусловно, дороже всяких там самоцветов и золотых побрякушек.

— Будь мужествен, Леонардас, — повторяла Лавиния, сама едва живая от пережитого. — Возьми себя в руки, прошу.

Бенино, не церемонясь особенно, взял тощего офирца за шиворот и вытащил его за дверь, с удовлетворением заметив облегчение на красивом лице девушки. Там, в коридоре, он прижал его к стене и сквозь зубы зашипел:

— Ты, ублюдок, запомни: будь мужествен, не то я тебе шею сверну, цыплячья твоя душонка! Пшел в комнату!

— В чью? — захныкал Леонардас.

— В свою, глупец!

Пинком отправив офирца в нужном направлении, Бенино вернулся к Лавинии. Она лежала поперек широкого супружеского ложа и не подавала никаких признаков жизни. Над ней, склонившись, стоял Гвидо

и усердно размахивал тонкими ручками. Философ снова насторожился: всего несколько мгновений назад он видел ее целой и невредимой, а сейчас... Уж не этот ли — подозрительно мелкий ростом — тип воспользовался моментом и прирезал ее тоже?

— Помогите мне, — буркнул Гвидо, увидев входящего Бенино. — Только вы ушли, как она в обморок свалилась...

Устыдившись своих мыслей, философ быстро подошел к низкому, как в комнате Сервуса Нарота, столику, взял бутылку с вином и, налив немного ароматного красного себе в ладонь, принялся растирать ей виски. Через некоторое время Лавиния пришла в себя.

Гвидо, будто самый нежный и любящий брат, присел на корточки перед нею и, заглядывая в лицо, проговорил:

— Мне так жаль, милая... Как могло случиться такое ужасное событие? Ты что-нибудь слышала?

— Ничего... — покачала головой девушка. — Я спала... Мне снился золотой дракон...

— Золотой дракон? — сделал стойку Гвидо. — Что это означает?

— Ничего, — хмыкнул Бенино, испытывая укол ревности. — Это гобелен в сокровищнице Сервуса. Золотой дракон на фоне голубого неба, а под ним, на земле, полыхает пожар.

— А-а-а... — разочарованно протянул маленький дознаватель. — Но, может, во сне тебя обеспокоило что-то?

— Ничего. Вот только... здесь, — она протянула свою белую изящную руку, — стало холодно... Потому что мне снилось, будто я лечу верхом на золотом драконе. Я повернулась на другой бок и сунула руку под Теренцо — он всегда горячий... Был...

Губы Лавинии задрожали, кончик носа покраснел, а прекрасные голубые глаза наполнились слезами. Философ, с жалостью глядя на нее, думал все же о другом: ее руке стало холодно от сквозняка — видимо, как раз в этот момент в комнату вошел убийца.

— Полно, полно, красавица. — Гвидо вздохнул так тяжело, словно Теренцо был для него самым дорогим человеком на свете. — Ах, какое горе! Какое непоправимое горе!

«По Сервусу ты не так убивался», — злобно подумал Бенино, отворачиваясь. Подозрения опять захватили его. Теперь уже странным казалось участие Гвидо, проявленное так открыто.

— Пойдем. — Гвидо взял девушку за руку. — Я отведу тебя к Ламберту — он говорил, помнится, что у него есть успокой-трава. Хорошая вещь!

Философ что-то не припоминал, чтобы у Ламберта была успокой-трава. И когда это младший Деметриос успел с ним поговорить?

— Бенино! Поди пока в мою комнату, подожди меня там.

— Зачем еще? — угрюмо проворчал философ.

— Необходимо, — таинственно и коротко ответил Гвидо, увлекая за собой Лавинию.

* * *

Бенино сидел в комнате Гвидо, где стены были обиты гладкой тканью зеленого цвета с розовыми разводами. Да, бедняга Сервус никогда не отличался тонким вкусом — разве что в драгоценных камнях он понимал прекрасно.

Вспомнив, как он встретил его в этот раз — в ночной рубашке, босой и всклокоченный, Бенино улыбнулся. Но сразу затем вспомнил бездыханное тело, распростертое на роскошном ложе, с клинком в могучей спине. Глаза его повлажнили. Ну почему, почему Сервус не уберется? Гвидо прав: зная об опасности, он должен был быть настороже каждый миг, а он позволил вонзить в себя кинжал, вовсе не оказав сопротивления.

Бенино вдруг рассердился. Проклятый убийца отделался легко! Тяжелая рука рыцаря даже не коснулась его! Знать бы, кто этот таинственный преступник, посмотреть бы в его наглые глаза — глаза предателя, и

разбить в кровь его мерзкий нос — нос предателя... Философ вздрогнул, живо представив себе фигуру без лица (потому что лица он еще не знал); руки его напряглись, пальцы сжались в кулаки. Его вид — утонченный, изящный — многих вводил в заблуждение. Пожалуй, только Сервус да родные знали, сколько силы таит в себе это гибкое тело...

— Вот и я, — бодро сказал Гвидо, возникая в дверях. — Ты уже видел?

— Видел? Что? — недоуменно отозвался философ.

— А вот. Подсунули под дверь утром.

Маленький дознаватель протянул руку и схватил со столика обрывок папируса, на коем красивыми буквами, по-аквилонски, было написано: «Сервуса убил шемит. Посмотри его сапог».

— Какой еще сапог? — не понял Бенино.

— Обыкновенный.

— А как мы посмотрим, если сапог у него на ноге?

— Не на ноге. Он как приехал, так и снял его. То есть он оба сапога снял, а в одном... В одном было вот что...

Гвидо приоткрыл полу куртки (философ заметил там множество карманов), пошарил под нею и вынул... черную жемчужину! Ту, что еще вчера преспокойно возлежала в своем футляре, а тот — в сокровищнице Сервуса Нарота.

— Ах, подлец... — пробормотал Бенино. — Он уволок черную жемчужину! Ах, подлец...

— Но это еще не все! — сообщил Гвидо так радостно, словно кроме жемчужины в сапоге шемита лежал сам убийца рыцаря и аквилонца.

Снова сунув руку под полу куртки, он достал... И в этот раз Бенино был просто сражен... На ладони маленького дознавателя лежал кинжал — его собственный, тот, который он всегда брал с собой в дорогу, на всякий случай.

— О, Митра... — застонал философ. — Ублюдок собирается прирезать кого-то моим кинжалом...

— Именно! — победно воскликнул Гвидо. — И мы должны его остановить, пока не поздно!

— Слушай-ка, Гвидо, — осторожно произнес Бенино. — А ты уверен, что это он?

— Маршалл? Нет, напротив. Я уверен, что это не он. Маршалл украл жемчужину, только и всего. Убийца — другой.

— Кто?

— Тот, кто написал это славное письмецо.

— Прости, но мне кажется, что это славное письмецо написал Лумо...

— Нет. — Выцветшие брови малыша Гвидо сошлись у переносицы. — Это не Лумо. Ты знаешь, мне очень стыдно признаваться, но мой бедный родственник совсем не умел писать. Читать — да, немного, и только по-немедийски. А сие писано аквилонскими буквами, и почерк хорош... Нет, это не Лумо.

— А где он тогда?

Гвидо промолчал, что весьма удивило философа. Обычно этот маленький человечек был словоохотлив и любезен, а теперь вот отвернулся и не думает отвечать.

— Что ж, пожелаешь — скажешь, — легко решил проблему Бенино. — Ну, а сейчас нам нужно идти вниз. Маршалл там — ждет нас, и Заир Шах тоже. Кстати, а ты не думал о Заир Шахе? По-моему, лучшего убийцы, чем он, нам не найти.

— Надо подумать, — сказал Гвидо, оборачиваясь к философу. Судя по улыбке, он оценил его тактичность. — Вперед!

* * *

Спускаясь по лестнице вслед за маленьким дознавателем, Бенино думал, что тому, по всей вероятности, очень нравится быть полководцем. Здесь, сейчас, он на своем месте. Вот если б ничего не случилось, если б не произошло два убийства одно за другим, вряд ли кто обратил внимание на приемного сына Гая Деметриоса. Ну, сын и сын, что тут такого? Теперь же он

был главным лицом: к нему обращались за советом и помощью, на его вопросы отвечали (он напрасно опасался, что гости не воспримут его всерьез и потребуются помощь философа — старого знакомого всех приятелей Сервуса Нарота), его мнением дорожили. Иначе не ему, а Бенино прислали бы этот клочок папируса с...

И тут Бенино как что-то дернуло. А откуда ему знать, что папирус и в самом деле подбросили? Уж не сам ли хитроумный Гвидо нацарапал это послание? Подозрения с новой силой вспыхнули в душе философа. Он вспомнил черную жемчужину и свой кинжал. Странный набор!

Почему ж тогда в том же сапоге не лежал камень Богини Судеб? Да потому, что Гвидо — единственный в этом доме, кто ни демона не понимает в самоцветах. Лал не нужен ему — ему больше пришлось по душе черная жемчужина... Но тут Бенино совсем запутался. Если даже малышу так приглянулась черная жемчужина, зачем он положил ее в сапог Маршалла да еще написал об этом сам себе письмо? Почему не положить ее в свой собственный сапог? И зачем демонстрировать ее Бенино?

Нет, Гвидо никак не укладывался в схему преступления. Надо искать другого убийцу. Философу, в общем, понравилась идея с Заир Шахом. Этот старый астролог так омерзителен, что вполне подойдет для темницы, а потом и топора. К тому же, он свое пожил...

На этой мысли Бенино прервался, ибо ступил в трапезный зал. Здесь уже были: Леонардас, заплаканный и дрожащий, Маршалл, железно-спокойный, с легкой улыбкой на смуглом лице, сердитый и расстроенный Пеппо, Лавиния, бледная, но еще более красивая, чем раньше, и Заир Шах, по обыкновению злобный и еще более страшный, чем раньше. Ламберт, поставив на стол блюдо с маринованной рыбой, тотчас ушел, не в силах смотреть на общество, в котором никогда уже не появится его хозяин.

Усаживаясь, Бенино не преминул укоризненно покачать головой, отчего Пеппо покраснел и опустил глаза: он ослушался брата и не стал сидеть в своей комнате в ожидании его. Впрочем, философ отлично понимал мальчика — ему страшно было одному, вот и спустился вниз, к людям.

— Рад видеть вас в полном здравии, друзья. — Голос Гвидо снова был серьезен, даже трагичен. — Но с нами уже нет не только Сервуса, но и Теренцо. Плачь, Лавиния, плачь. Половина горя уходит со слезами, а вторая половина остается в душе навек...

«Интересная мысль», — философ коленкой толкнул под столом ногу брата — Пеппо сметлив и обладает отличной памятью. Он поймет, что нужно Бенино, запомнит и затем передаст в удобное для этого время.

— ...И сейчас мы должны объединить усилия, — продолжал между тем Гвидо, — чтобы найти убийцу. Прошу вас, друзья, доверьтесь мне. Я хочу... О, Бенино, так трудно произнести эти слова. Поддержи меня, друг.

— Я поддерживаю, — кивнул философ, чрезвычайно довольный тем, что его назвали другом.

— Благодарность моя не имеет берегов, — церемонно поклонился ему Гвидо. — Так вот, пользуясь поддержкой моего друга Бенино (хитрец, конечно, заметил, что философу понравилось такое обращение, и не преминул повторить его), я прошу вас всех довериться мне и разрешить осмотреть ваши комнаты.

— Что-о-о? — поперхнулся кусочком семги Бенино. — Вот еще! Не пущу!

— Ты же его поддержал, — ехидно захихикал Заир Шах.

— Откуда я знал, чего ему надо, — буркнул в ответ философ. — Не сердись, Гвидо, но это сущая глупость — осматривать чужие комнаты. Неужели ты думаешь, что убийца прячется в наших дорожных мешках?

— Или в наших сапогах? — ухмыльнулся Маршалл.

Бенино в ужасе посмотрел на него и перевел беспомощный взгляд на Гвидо.

— Нет, — сказал маленький дознаватель. — Убийца мне не нужен. И ваши сапоги мне не нужны. Я буду искать нечто другое.

— И что же?

— Лал Богини Судеб.

Глава восьмая БЕНИНО СЕРДИТСЯ

Бенино презрительно засмеялся.
— И где ты думаешь его найти? Уж не в моей ли комнате?

— Не могу знать, друг. Возможно, что тебе его подкинули, а скорее всего, я и вовсе его нигде не найду.

— Последнее мне кажется верным, — вздохнул философ. — Если Лал Богини Судеб пропадает, так он пропадает навсегда.

— Точно, — закивал Маршалл. — Легенды гласят, что первым им завладел король паландийский — была такая страна на юго-востоке, Паландией называлась... Так вот, в тот момент, когда благочестивый король произносил лалу свое пожелание, в спину ему вонзилась стрела с наконечником, обмазанным ядом. Бедолага скончался на месте. Выхватив сокровище из его холодеющих рук, паж Алоаний вскочил на коня и был таков — затем пажа на дороге схватили разбойники и повесили, а Лал, конечно, забрали себе. Но они понятия не имели, что он обладает магическим свойством, а потому продали его за корабль, полностью оснащенный и груженный золотом.

Купец, без раздумий отдавший корабль за Лал, отлично был осведомлен о его возможностях, а потому не стал медлить и изменил свою судьбу. Может, ты слышал, Гвидо, о схимнике Иерониме? Вот это и есть тот самый ку-

пец. Он мечтал отойти от дел давно, но алчность, коей он страдал от рождения, не позволяла. Такое, представь, столкновение двух сил в душе одного человека: доброта и благочестие против почти безумной жадности. Камень Богини Судеб помог первому победить второе, и в результате наш купец ушел в горы, где прожил до глубокой старости, всей округой почитаемый и любимый. Говорят, умирая, он сказал, что никогда не был так счастлив, как в последние пятьдесят лет...

Ты сам понимаешь, что при таком образе жизни бывший купец не особенно дорожил своим сокровищем. Еще по пути в горы магический рубин украл у него прохожий на постоялом дворе...

— Надоело! — прокрипел злобный старикашка Заир Шах. — Все знают эту историю, Маршалл. Не отвлекай почтенного Гвидо от его важных дел.

— Нет-нет, — улыбнулся Гвидо. — Мне очень интересно послушать сию историю. Право же, отец никогда не баловал меня сказками...

— Это не сказка, — обиделся Маршалл. — Это правда. Ну, ты же сам видел Лал!

— Откуда мне знать, обладает он такими удивительными свойствами или нет.

— Обладает! — проревел шемит, потеряв терпение. — Еще как обладает!

— Да, Гвидо, Маршалл прав, — вступил и Бенино. — Лал Богини Судеб действительно чудодействен. Только, кажется мне, мы должны вернуться к делу.

— Так вы позволяете мне осмотреть ваши комнаты?

— Осматривай, — махнул рукой философ. — Можешь начать с моей.

* * *

Конечно, осмотр комнат ничего не дал. Гвидо нашел массу интересных вещей (в частности, в дорожном мешке Леонардаса грустно покоился Красный Отец — гранат, насильственно извлеченный вором из футляра,

а в изголовье ложа Заир Шаха лежал мешочек с оранжевыми шпинелями), но только не Лал Богини Судеб.

Бенино был не на шутку расстроен: он никак не ожидал, что большая часть присутствующих в доме его друга окажется нечиста на руку. Как же так? Маршалл украл черную жемчужину, Заир Шах — целую горсть шпинелей, а Леонардас — самого Красного Отца! Теперь он не удивился бы, если б у Лавинии обнаружился аметист или розовый жемчуг, тоже прежде принадлежавший Сервусу Нароту.

Сидя в комнате Заир Шаха, обозленного донельзя тем, что шпинели забрали у него обратно, Гвидо и Бенино вполголоса говорили о тех местах в доме, где можно было бы спрятать искомый Лал. Они перебрали чуть не каждый уголок, и Ламберт по их просьбе ходил и проверял, но — ничего не нашел.

— А скажи мне, Заир Шах, — вежливо обратился Гвидо к шипящему от бессильной злобы астрологу. — О чем ты говорил с нашим уважаемым хозяином в ночь его гибели?

— Я? — сделал круглые глаза противный старик.

— Ты.

— Хм-м... — После утраты шпинелей Заир Шаха уже ничто не страшило. — Да, я говорил с ним. Ну и что тут такого? Бессовестный обманул меня! В письме он сообщил, что хочет по сходной цене уступить мне диадему Ормазда — так она называется, очень дорогая вещь. Я бросил все дела и приехал, а здесь оказывается, что он передумал! Он, видите ли, передумал! Какая наглость! Я всю жизнь мечтал о диадеме Ормазда, а он... он... Он украл мою мечту!

— Я понял, — закивал Гвидо, — я понял, любезнейший. Об этом ты и толковал с ним той ночью?

— О чем же еще? — огрызнулся все еще раздраженный неприятным воспоминанием старик.

— Очень хорошо...

— Чего хорошего? — Заир Шах сложил на груди ручки и отвернулся к стене.

— Итак,— забыв о старике, Гвидо вновь говорил с Бенино,— поглядим, у кого же был повод убить Сервуса. Во-первых — не сердись, друг,— у тебя. Ты — его наследник, и будь на моем месте сторонний наблюдатель, он без сомнений свалил бы всю вину на тебя. Я же пока сомневаюсь. Во-вторых — у нашего уважаемого Заир Шаха.

— Что-о-о? — Оскорбленный до глубины души астролог повернул к ним свою страшную физиономию.

— Сервус Нарот обманул тебя, и был, разумеется, не прав. Правду сказать, я не стал бы убивать по столь ничтожной причине, но — всяк мыслит по-своему. В-третьих, у того, кому был необходим Лал Богини Судеб. Леонардас?.. Маршалл? Не знаю...

— Ясно,— надулся Бенино.— Это, наверное, я убил Сервуса и толстяка.

— Я не обвиняю тебя. Я просто ищу — ищу всеми возможными путями.

— Ты разве забыл, что именно из-за камня его собирались убить? Я же пересказывал тебе ту историю с Фенидо, племянником Ламберта.

— Да, конечно, но в таких случаях, как наш, всегда про запас надо иметь еще пару объяснений. Что тебе, Пеппо?

Бенино с неудовольствием обернулся. На пороге стоял его брат, весьма растерянный и смущенный.

— Зачем ты пришел? — резко спросил Бенино, вставая.

— Оставь его,— поднял руку Гвидо.— Ты хотел что-то сказать, мальчик?

— Да...— Пеппо тоскливо посмотрел на брата.— Лавиния пропала...

* * *

— Откуда ты взял? — Гвидо, казалось, был поражен.— Кто сказал тебе?

— Ламберт. Она просила его принести в ее комнату — она теперь в другой комнате, не там, где Терен-

цо,— немного розового вина. Он пошел. А когда вернулся — Лавинии уже не было. Он обыскал весь дом, потом я помог ему... Она пропала.

— А в саду вы смотрели?

— Да, конечно. Ламберт первым делом осмотрел сад.

— Великолепно! — воскликнул Гвидо, поднимаясь.— Пойдем, Бенино, примем участие в поисках прелестной особы.

Но поиски прелестной особы ни к чему не привели. Одно стало ясно сразу: ни в доме, ни в саду Лавинии действительно не было. Ламберт, коему здесь был знаком каждый закоулок, заглянул повсюду, но и следа девушки не обнаружил.

— Как же так? — все повторял он плачущим голосом.— Что же это делается? Жили-жили мы с хозяином, никого не обижали, а сейчас вон что — убийства, воровство, похищение! Видно, светлый Митра гневается на нас...

— Похищение? Нет, добрый старик,— невесело усмехнулся Гвидо.— Наша красавица просто сбежала.

— Сбежала? — удивился Пеппо.— Зачем?

— Ты скоро все узнаешь, мальчик...

Бенино был зол как никогда. Вернувшись из сада, он накричал на бедного Пеппо и пинком отправил его в комнату. Затем досталось и Гвидо.

— Не впутывай моего брата в эти грязные дела! — словно зверь в клетке расхаживая по трапезному залу, рычал он.— Займись лучше этим мерзким старикашкой! — Тут он указал на Заир Шаха, мирно восседавшего за столом в ожидании порции пива и опешившего от такого определения, данного ему обычно очень спокойным философом.— Спроси его, спроси, какого Нергала он украл шпинели? Где Лал Богини Судеб?

— Да откуда мне знать? — Мерзкий старикашка обиженно зафыркал.— Ты, Бенино, плохо воспитан, если обвиняешь меня, знаменитого на весь мир астролога, в воровстве.

— А шпинели тебе, видать, Эрлик подкинул? Или пророк его Тарим? Или звезды сбросили с небес? — издевательски парировал Бенино. — Тьфу! Смотреть на вас всех противно, ворье!

В его криках было заметно задетое чувство собственника — мысленно он уже вступил в наследование, и теперь все состояние Сервуса Нарота расценивал как свое. Видимо, от Маршалла сие не укрылось, так как он все то время, пока философ бесновался, весело хихикал в бороду, не забывая при этом пить свое вино. Перед ним уже стояло шесть пустых бутылей и седьмая початая.

— А ты что квакаешь? — напустился на него Бенино. — Молчал бы уж! Украл черную жемчужину? Украл!

— Успокойся, друг, — заговорил Гвидо материнским голосом. — Все будет в порядке...

— Да в каком порядке? Где ты видишь порядок? — взорвался философ. — Всех поубивали, а ты...

Тут наконец ярость его иссякла. Мешком повалившись на табурет, он вытер пот со лба и тихо спросил Гвидо:

— Почему ты сказал «великолепно»?

— Я? Когда? — удивился ничуть не обиженный нападками Бенино маленький дознаватель.

— Когда узнал, что Лавиния исчезла.

— Хм, — ладошкой прикрыл самодовольную улыбку Гвидо. — Да потому, что в этом случае мне все становится понятно.

— Понятно? Что же?

— Все. Вернее... — Тут кошачья мордочка младшего Деметриоса омрачилась. — Я только не знаю, где Лал Богини Судеб.

— Да Нергал с ним, с лалом! — небрежно отмахнулся Бенино. — Ты скажи про убийцу. Кто он, тебе известно?

— Думаю, известно, — по возможности скромно ответил Гвидо.

Философ замолчал. Он и сам не знал, верить ему этому хитрому господину или оставить свою веру для кого-нибудь другого. Он устал от сей странной истории: устал думать о ней, участвовать в ней, говорить о ней — и только о ней. Заявление маленького дознавателя не произвело на него ожидаемого впечатления. Он решил, что сейчас будет названо имя, он поглядит на этого человека и... все-таки не поверит, что это сделал он.

— И кто же он?

— Потерпи немного, Бенино. Я скажу, я обязательно скажу. Мне лишь надо убедиться в этом еще раз.

С этими словами Гвидо вышел из зала прямо в сад, где вскоре скрылся за прекрасными фруктовыми деревьями и кустами, усыпанными красными ягодами.

* * *

Он вернулся мрачнее тучи.

Бенино к этому моменту уже послал Ламберта за братом, дабы позвать его к вечерней трапезе, а тот по собственному почину зашел и к Леонардасу, так что все — все оставшиеся в живых — были в сборе.

В лице маленького дознавателя сейчас не осталось решительно ничего кошачьего. Все черты заострились, а в глубине глаз мелькало некое странное чувство, похожее на боль.

Он взял табурет и отставил его на три шага от стола (таким образом оказавшись разделенным с остальными), уселся, сложил руки на груди и обвел всех пристальным, не слишком-то почтительным взглядом.

— Итак, приступим к нашему делу.

Бенино показалось, что даже голос его изменился: новые, хриловатые нотки появились в нем.

— Теперь ты можешь назвать имя убийцы?

— Да, Бенино, могу. В моем расследовании я пошел путем самого Сервуса Нарота, то есть — стал подозревать всех. Но не всех вместе, а по очереди. Сначала я — на несколько мгновений всего — решил, что благородного рыцаря и в самом деле заколол Лумо Демет-

риос. Но затем понял, что это не так. Я знаю Лумо с детства и могу уверить вас, что он найдобрейшее существо, хотя и очень большое. Но — к Лумо мы вернемся чуть позже.

Второй объект подозрения был ты, Бенино. Пусть тебе не покажется странным, но я заранее знал, что именно тебя назначил наследником Сервус Нарот. Дело в том, что завещание подписывал мой приемный отец, известный вам всем Гай Деметриос, и он был порядком раздосадован решением рыцаря все имущество по своей смерти передать тебе, а потому не стеснялся и выражался достаточно громко — я все слышал.

Затем я прикинул на роль убийцы Леонардаса — против него говорило только одно: он не офирец. Странно, подумал я, зачем ему выдавать себя за офирца? Кого волнует, какого он происхождения? Среди нас есть и туранец — Заир Шах, и шемит — Маршалл, и немеди-ец — я, и аквилонцы — погибший Теренцо и его сгинувшая ныне супруга Лавиния. Но то, что Леонардас называет себя офирцем, таковым на деле не являясь, еще не служит доказательством его причастности к убийству рыцаря.

Я перешел к Маршаллу. Он был на редкость невозмутим и явно не очень-то интересовался ходом расследования. Обычно люди весьма любопытны, особенно когда дело касается чего-либо таинственного, и активно участвуют в работе дознавателя даже без предложения с его стороны — вот как Бенино.

— Ты просил меня помочь, — нахмурился философ.

— Да, конечно, прости. Так вот. Кроме полной безучастности Маршалла, ничто не говорило о том, что он имеет какое-то отношение к нашему преступлению. Тогда я занялся Заир Шахом. О-о! Он вызывал у меня массу подозрений! Скрыл то, что видел Сервуса в ночь убийства и даже говорил с ним — раз! Был в коридоре в момент гибели Теренцо — два! Украл шпинели — три!

Впрочем, отступая от основной темы моего выступления, замечу, что не только Заир Шах отличился в

воровстве ценностей из сокровищницы рыцаря. Тот же Маршалл, например, украл черную жемчужину, Леонардас — Красного Отца, а Лавиния — диадему Ормазда.

— Что? — взвизгнул старик. — Мою диадему?

— Не твою, — мягко произнес Гвидо, — а Сервуса. Вы спросите, как я узнал об этом? Отвечу. Я догнал девушку уже у самых ворот Лидии. Она намеревалась скрыться, но, увидев меня, оказалась столь любезна, что остановила возницу и согласилась переговорить со мной. Она была рада вернуть похищенное, ибо оно жгло ей руки. Да и не по этой причине бедная красавица решилась на побег... Но — о том чуть позже.

Кстати, несчастного Теренцо я тоже подозревал в убийстве, и довольно усердно — вплоть до тех пор, пока его самого не зарезали.

Но вот, добравшись до последнего из гостей, я пошел обратным путем, то есть стал по одиночке исключать тех, кто никак не мог совершить преступления. В конце концов осталось двое... Теперь я мог с полной уверенностью сказать: «Да, один из этих двоих — убийца!»

Гвидо остановился, чтобы перевести дух. Ламберт услужливо поднес ему кубок с вином, и маленький дознаватель, с признательностью поглядев на него, отпил пару больших глотков.

— Чем я располагал к сему моменту? — продолжил Гвидо. — Письмом — вот оно. Писано по-аквилонски, почерк приличен: «Сервуса убил шемит. Посмотри его сапог». Не расстраивайся так, Маршалл. Да, я посмотрел твой сапог и нашел черную жемчужину и — кинжал Бенино Брасса. Но к этому времени меня уже мало волновало то, что я найду в сапоге. Главное было — само письмо. Тот, кто написал его, и есть искомый убийца, понял я. Так кто же написал письмо?

Все мы (кроме Лумо) владеем разными языками, ибо люди вполне образованные. Значит, автором письма мог быть любой. Я не исключил даже самого Маршалла. И все же — и все же! Мы с вами помним, что я оставил

только двоих подозреваемых, а потому именно среди них надо было искать того, кто написал письмо.

Что еще? Три кинжала: один мой — им зарезали Теренцо, один Лумо, им закололи Сервуса, и один Бенино — им никого не успели убить. Что касается моего кинжала — тут все просто. Я отлично помнил, что у меня забрал его Ламберт, когда нечаянно сломал открывалку для бутылки. Но потом — и сие тоже я видел — старик положил кинжал на стол, а я, уходя, забыл его взять обратно. «Кто оставался в трапезном зале?» — так подумал я, когда рядом с телом Теренцо нашел свой собственный кинжал. И я ответил сам себе: «В зале постоянно находился Маршалл». Я пошел к Маршаллу и спросил, не видел ли он, кто заходил сюда за это время. Он ответил, что большую часть времени спал и, кроме Ламберта, никого не видел. Тогда я обратился к Ламберту...

Вернемся на день раньше. Поняв, что в одиночку мне будет трудно раскрыть эти убийства, и имея уже в голове некоторые соображения, я послал письмо с заданием двум моим помощникам, живущим в Ханумаре. Нынешним утром я получил от них ответ.

И последнее: я нашел свидетеля, который может доказать все то, что я вам сейчас рассказал и еще расскажу. Так что теперь я точно знаю имя убийцы.

— Кто же он? — нетерпеливо спросил Бенино.

— Наш запоздавший гость — мнимый офицер Леонардас.

* * *

— Как ты смеешь! — взвизгнул Леонардас, подсккивая. — Не убивал я Сервуса! И Теренцо не убивал!

Гвидо молчал, и это молчание только подбавило жару в огонь.

— Нет! Нет! Не я! — забился в истерике мнимый офицер.

Изумленные, смотрели на него Бенино, Пеппо и Маршалл. Один Заир Шах сохранял спокойствие. Дож-

давшись паузы между воплями обвиняемого, он издал смешок и молвил:

— Я так и знал, что всех зарезал этот червь.

С рычанием, вовсе не свойственным червю, Леонардас бросился на него. Бенино едва успел ухватить его за полу куртки и оттянуть от старика. Аистинные ноги подломились и Леонардас с воем грохнулся наземь.

— Это не я! Не я! Не я!

— Ты! — Гвидо сурово ткнул пальцем в мнимого офицера. — Именно ты, и тому имеется свидетель!

— Свидетель? — удивился Бенино. — Да, ты что-то толковал о свидетеле. Кто он?

— Сервус Нарот! — торжествующе заявил маленький дознаватель.

Глава девятая ИМЯ УБИЙЦЫ

Гвидо вытянул шею и крикнул:

— Ламберт! Позови хозяина!

— Слушаю, господин, — откликнулся старый слуга, сидевший на табурете в дальнем углу зала и с удовольствием наблюдавший всю сцену разоблачения.

— Пока наш добрый Ламберт не привел достопочтенного Сервуса, я расскажу вам, как мне удалось понять, что он жив и невредим. Да, Маршалл, придержи пока вместе с Бенино этого странного человека, для которого драгоценная безделица дороже жизни (чужой, естественно).

Так вот. Впервые мысль о том, что рыцарь жив, появилась у меня в тот момент, когда я бежал из своей комнаты в комнату Теренцо и Лавинии, услышав крик девушки. Вы спросите, почему? Почему именно тогда? Да потому, что я услышал запах! Запах той травы, кою он сжигал, вдыхая едкий дым через трубочку. Но его покой, где еще сохранился этот приятный запах, находятся довольно далеко от комнат гостей. Каким же образом я сумел учуять его в коридоре? Очень просто: Сервус Нарот прятался там! Его дверь выходила прямо к двери Теренцо и Лавинии (что, кстати, потом сослужило нам хорошую службу).

Проверив свое предположение и убедившись в том, что оно верно, я не стал пока тревожить рыцаря, а

занялся поисками пропавшего лала... Увы, безрезультатно...

— А Лумо Дементиос? — перебил его Маршалл.

— Лумо Дементиос... — насупился Гвидо. — Я хотел сказать о том позже, ну да ладно. Лумо погиб вместо Сервуса Нарота.

— Как? — выдохнул Бенино. — Но я же сам видел Сервуса с кинжалом в спине!

— Ты видел Лумо, милый друг Бенино, — грустно ответил Гвидо. — Если помнишь, он одного роста и одной комплекции с рыцарем. Правда, цвет его волос совершенно бел, а у достопочтенного Сервуса просто светел, да еще с сильной рыжиной. Но вспомни! Когда мы вошли в комнату, занавеси были плотно задернуты, поэтому яркий белый цвет преобразовался для нашего зрения в более темный. Ну, а лица его не видел никто, ибо убитый лежал на животе.

Должен сказать, неплохо сыграл свою роль Ламберт. Я интересовался: в ранней молодости он путешествовал с балаганом и там, наклепив накладную бороду, изображал старых сварливых отцов молоденьких красивых девушек. Так вот Ламберт отлично знал, что убит вовсе не его хозяин. Помнишь, Бенино, он не дал мне подойти к телу близко? Он упал на него и зарыдал. Все было сделано для того, чтоб нам не пришлось в голову заглянуть в лицо несчастного! Между прочим, добрый старик признавался мне, что в тот момент несколько не лукавил: ему вдруг живо представилось, что убитый — и есть его обожаемый Сервус...

— Но как же в постели Сервуса оказался Лумо? — растерянно спросил философ. — А сам Сервус где был?

— В комнате Лумо! — раздался низкий громоподобный голос рыцаря. — Дай я обниму тебя, друг Бенино, а потом расскажу, как все произошло.

Обнявшись и расцеловавшись (а Бенино не удержался и пустил слезу), они уселись на места, и повествование продолжил Сервус Нарот, за время своего

добровольного заключения несколько располневший и обросший.

— Я сам попросил Лумо занять мое место, о чем сейчас весьма сожалею. Бедняга не чувствовал тех страхов, кои чувствовал постоянно я, а посему был спокоен, и уснул тоже спокойно, не ожидая предательского удара.

Как заметил умнейший из умных — Гвидо Деметриос (теперь я знаю, твой отец недаром хвалил тебя) — Лумо схож со мной внешне. При первой же встрече с ним меня поразило и обрадовало сие обстоятельство, так как план действия был уже готов. Сначала предполагалось, что мое место займет обычная кукла из покрывал или Ламберт, но тогда шанс изловить убийцу был небольшой — он мог приблизиться и посмотреть на свою жертву. Лумо же в полумраке никто не отличит от меня.

Я наскоро придумал незатейливую историю и выложил ее Лумо. Он поверил и согласился помочь мне. Я надел ему на палец свое кольцо и отправил в свою комнату, сказав, что переночую в его. На самом же деле я желал найти того, кто хочет покуситься на мою жизнь. Вот почему я не пошел в комнату Лумо, а дождался, когда он уснет, и потихоньку прокрался обратно. Там я сел в самом темном углу, за креслом, и притаился.

Вскоре появился он. Увы, я не подумал о том, что он может скрыть лицо маской! Напрасно тщился я разглядеть его: на нем был надет огромный балахон, скрывающий фигуру; крадучись, он согнулся и вжал голову в плечи, что тоже мешало его узнать; к тому же ступал он только в тень от занавеси и ни в коем случае не касался полосы лунного света. Что ж я видел? Да ничего!

И тут я совершил ошибку. Я хотел посмотреть, что он будет делать. Может быть, пошарит на столике и под ним, заглянет под ложе... Нет! Не успел я опомниться, как он резко взмахнул рукой — она попала как раз в лунную полосу, — и я увидел кинжал! Конечно, я сразу кинулся на него, но... кинжал уже опустился...

Услышав короткий хрип несчастного Лумо, я в ярости сжал руками горло убийцы. Еще миг — и я задушил бы его!.. Нет, Митра оставил меня в эту ночь... Убийца ловко пнул меня коленом в самое больное место, я разжал пальцы — и он моментально скрылся!

В бессилии лежал я на полу своей комнаты. Мне хотелось рычать и кричать от обиды и ярости! Я, рыцарь, одолевший самого Всадника Ночи, сражен каким-то ублюдком, затесавшимся ко мне в дом под видом друга! Признаюсь, Бенино, сначала я подумал на тебя... Только ты из всех моих друзей обладаешь достаточной силой для того, чтобы свалить меня. Но затем я понял, что дело тут было вовсе не в силе, а в ловкости и удаче. Но все равно это мог быть ты. Просто мне не хотелось в это верить, и я решил присмотреться к другим.

Я прокрался по коридору вниз, в комнату Ламберта, рассказал ему все, и мы вместе разработали дальнейший план. Он открыл пустую комнату для гостей — такую, что я мог видеть в паз замка почти все двери — и... Я поселился там.

А более я ничего не могу вам поведать — кроме того, пожалуй, что я отлично видел эту гниду Леонардаса, когда он так же крадучись вошел в комнату Теренцо и Лавинии, а потом выбежал оттуда и начал кудахтать и визжать на весь дом.

— Бедный Лумо... — пробормотал Бенино. — Что ж ты, Сервус?..

— Я виноват, знаю. И если б я мог повернуть время вспять...

— Этого никто не может, — угрюмо сказал Гвидо. — И Лумо теперь не вернешь. Ламберт показал мне то место в саду, где закопал его тело. Что я скажу отцу? Как оправдаюсь перед ним? Ведь Лумо — сын его любимой сестры!

— А зачем ублюдок зарезал Теренцо? — с любопытством спросил Заир Шах, коего вся история скорее развлекала, чем печалила.

— О, это совсем другое! Он был влюблен в Лавинию — она рассказала мне все, но прежде я догадался о том сам. Он тоже аквилонец; они вместе росли. А когда выросли — девушка предпочла тощему Леонардасу толстяка Теренцо за добрый и веселый нрав. Тогда злодей уехал в Офир, где занялся тем же, чем и его соперник увлекался в Аквилонии — то есть самоцветами. Он завидовал Теренцо, завидовал во всем, вот и хотел обогнать его, хотя бы в коллекционировании драгоценных камней. Ну, а встретив супругов здесь — между прочим, случайно, — решил показать себя Лавинии во всей красе...

Поначалу-то он не собирался убивать Теренцо, но первый подвиг его вдохновил, и он вздумал повторить его.

— А кинжалы?

— Кинжалы он украл. Первый — у Лумо. Это было очень просто сделать. Лумо всегда был растяпой. Второй — у меня. Помните, я говорил, что дал его Ламберту, тот воспользовался им и положил на стол, откуда я забыл его забрать. Потом я спросил Маршалла, кто заходил в трапезный зал. Кроме Ламберта он никого не видал. Зато Ламберт видал — Леонардаса. Ну, а третий кинжал он взял в комнате Бенино и, как вы знаете, никого им не убил.

— Но собирался?

— Возможно. Дурное дело нехитрое.

— А письмо?

— Письмо, где говорится, что Сервуса убил шемит? Конечно, его написал Леонардас. Лавиния показала мне строчку записки, что он адресовал ей еще в молодые годы — буква к букве! То же самое, что и в моем письме. Кстати, Бенино, вспомни! Тебе не показалось странным, что после убийства Теренцо, скорее, Лавиния утешала нашего мнимого офира, хотя должно бы быть наоборот? Вот тогда я и заподозрил его прямое участие во всех событиях. Лавиния поняла, что ее супруга зарезал из ревности Леонардас, но — неведома нам душа женщины, неведома будет и впредь! — пожалела убий-

цу. Может, в память о прежней дружбе? Не ведаю. Одно точно: она не желала более видеть его. Она боялась, что не выдержит и откроет тайну гибели Теренцо. Когда я нагнал ее у ворот Лидии, я не стал спрашивать ее обо всем этом. Я просто сказал: «Молчи. Я все знаю» — и поведал ей то же, что и вам сейчас. Выслушав до конца, она промолвила: «Не могу понять, как ты догадался, но все — истинная правда. А засим прощай. Пусть Сервус не держит на меня зла. Вот его диадема, верни ему». Я взял диадему, поклонился Лавинии и помчался назад.

— Бедная девочка, — качнул большой головой Сервус Нарот. — Я ничуть не сержусь. Она — женщина. Мало ли искушений в моей чудной сокровищнице? А вот вас... — он гневно посмотрел на Маршалла, потом на Заир Шаха, — вас бы отходил плетью за воровство, да уж ладно. Но в дом мой более не наезжайте.

— Забыл сообщить тебе, Сервус, — вздохнул Гвидо. — Я посылал моих помощников разузнать, что это за разбойники, убившие твоего друга (и твоего племянника, Ламберта) Фенидо. Так вот что они мне пишут в ответ, — он вынул из кармана куртки свернутый в трубочку лист папируса, — «никаких разбойников там не бывало уж лет так двадцать. А парня по имени Фенидо убил некий господин. Кто он — крестьяне не знают, но описывают так: глаза светлые, волос темный, сам весьма худ и длинен...»

— Леонардас! — ахнул благородный рыцарь.

— Точно! Ну вот и открылась тайна... — сказал Гвидо, зевнул и потянулся. — А теперь, если позволите, друзья, я пойду спать. С тех пор, как тебя убили, Сервус, я глаз не сомкнул...

* * *

Но Гвидо удалось поспать совсем немного. Только ему приснилось, что он несет в руке Лал Богини Судеб, дабы отдать его благородному рыцарю, как в дверь заколотили — по всей видимости, сапогом.

— Вставай, Гвидо! Гвидо! Скорей!

Младший Дементиос с трудом продрал глаза, вскочил и кинулся к двери. Перед ним стоял встрепанный и снова утративший свой девичий румянец Сервус Нарот. На нем были только синие бархатные штаны, обтягивающие могучие ноги, а более ничего. Голая, поросшая белыми волосами грудь вздымалась, и из глотки вырывалось громкое прерывистое дыхание. Волнение Сервуса было так глубоко, что Гвидо мгновенно проснулся.

— Что опять? — быстро спросил он, снизу вверх глядя в расширенные и блестящие глаза рыцаря.

— Леонардас... Он... сбежал... — задыхаясь, произнес тот.

— Как это сбежал? Ведь ты велел Ламберту хорошенько запереть его!

— Он сломал замок. Не знаю как, но сломал. О, боги — все, кого я помню! — почему вы оставили меня? — горестно воскликнул Сервус, усаживаясь прямо на пол в коридоре и тем самым становясь ростом ровно с Гвидо.

— А Лал?

— Что «Лал»? Конечно, он прихватил его с собой. Или ты думаешь, что я из-за Леонардаса так убиваюсь? Тьфу! Пусть он убегает к Нергалу!

— Мы перерыли весь дом и не нашли такого места, где можно спрятать камень величиной с глаз бизона. Или... О, дурень, старый дурень!

— Кто? — недовольно поинтересовался рыцарь, подзревая, что он.

— Я, кто ж еще! Как мне раньше в голову не пришло, что он все это время носил его с собой!

— С собой?

— Ну да! С собой, на себе, в себе... О, Митра, простишь ли ты когда тупейшего из тупых раба своего? Обратишь ли вновь светлый взор свой на него, ничтожного...

— На кого?

— Фи, Сервус! На меня, разумеется... — Гвидо был слегка разсодован тем, что рыцарь прервал его молитву. — Ладно, не время петь, время действовать. Надеюсь, ты догадался снарядить за ним погоню?

— Уже уехали.

— Отлично. Ну, а теперь вставай. Пойдем, выпьем немного твоего чудесного розового вина и подождем вестей о Леонардасе.

Успокоенный веселым тоном малыша Гвидо, благородный рыцарь поднялся, отряхнул штаны и устремился к лестнице. Предложение выпить оказало требуемое действие: сейчас Сервус был гораздо бодрее и спокойнее.

В трапезном зале к ним присоединился Бенино, который слышал вопль друга и, естественно, выскочил в коридор узнать, в чем дело. Пропажа лала ничуть не огорчила его.

— Ну его, — передернул он плечами. — Одни заботы от этого камня. Забудь, Сервус. У тебя достаточно других, не менее красивых безделушек.

— Все отдам за Лал Богини Судеб! — не согласился рыцарь, опустошая огромный кубок, вмещающий в себя три четверти бутылки. — Из-под земли достану этого кретина Леонардаса! Достану и шею сверну!

— Я уже обещал ему сию участь, — мрачно признался Бенино. — Да вот не исполнил...

В такой приятной беседе трое друзей провели время до утра. На рассвете вернулись гонцы рыцаря. Леонардаса они догнать не смогли, но расспросили стражников у ворот и выяснили, что он на гнедой кобыле пропустил в сторону Аквилонии.

— Лавиния! — воскликнули все трое в один голос.

— Ясно! — Гвидо решительно рубанул воздух тонкой рукой. — Надо отправляться в Аквилонию. Он наверняка попытается разыскать девушку...

— Поеду, — решил рыцарь. — Бенино, ты со мной?

— Нет, — отказался философ. — Мне нужно вернуться в Мессантию — у Пеппо снова начинаются заня-

тия... И вообще... Я, пожалуй, пойду — пора будить моего мальчика. Прости, Сервус.

Бенино, весьма смущенный, удалился.

После его ухода в трапезном зале надолго воцарилась тишина. Сервус Нарот опять был угрюм и беспрестанно хлебал вино, а младший Деметриос раздумывал о том, что найти сбежавшего Леонардаса им вряд ли удастся — даже после известия о том, что отбыл он в Аквилонию.

— Итак, Бенино не едет... — пробормотал благородный рыцарь, вновь присасываясь к краю кубка. — Что ж...

— А меня возьмешь? — улыбнулся Гвидо.

— Ха! Еще бы!

Несмотря на то что слова его были вполне бодры, сам рыцарь явно не испытывал желания куда-либо ехать. Маленький дознаватель, поглядев на него внимательно, понял: он уже потерял надежду вернуть свой Лал и сейчас хорохорился только для поддержания репутации мужественного и сильного человека.

Не говоря ни слова, Гвидо поднялся и вышел в сад.

* * *

Да, к концу этой истории, растратив остатки энергии на разговоры с Сервусом и Бенино, младший Деметриос тоже лишился той бойкости духа, каковая была при нем все время расследования. Впрочем, так случалось с ним всегда по завершении дела. Не то чтобы он отдыхал — хотя сил после напряженной работы ума вообще не оставалось, — а просто уходил в себя, погружался вглубь своей души, где, как ни странно, в эти моменты не было совсем никаких чувств — одна сплошная пустота. Но эта-то пустота и спасала его. Вялые мысли не имели ни продолжения, ни развития; сон не прерывался внезапно; слово не содержало остроты и не было столь точно, как всегда.

К счастью для отца и прочих окружающих, такое состояние у Гвидо продолжалось недолго — день или

два. Потом он снова становился тем веселым, любезным и остроумным парнем, кои все так любили за добрый легкий нрав.

Сейчас, сидя в саду, на низкой широкой скамье под раскидистым деревом персика, он как раз погружался вот в это неприятное состояние. Думы его постепенно мельчали, улетали в чернеющее меж ветвей небо и там растворялись, а глаза наполнялись пустотой. Всяк незнакомый прохожий, коему вдруг довелось бы увидеть в сей момент маленького дознавателя, непременно решил бы, что перед ним один из тех несчастных, коих в Шеме и Аквилонии запирают в темницы, в Аргосе отправляют в плавание по реке на бревне, а в Черных Королевствах и вовсе уничтожают — то есть он решил бы, что перед ним сумасшедший. Но Гвидо, конечно, им не был, и то, что мысли в его глазах теперь не существовало, являлось опять-таки всего лишь следствием бурно проведенных трех последних дней...

Вздыхая без причины, он поднял голову и обратил внимание на звезды. Как и он сам, они тускнели и гасли, завершив ночной свой труд. Вот туча закрыла больше половины луны, и оставшийся край блистает старым серебром; а вот клочья соседней тучи закрыли и его...

Гвидо еще раз вздохнул, поднялся и напрямик пошел на улицу, думая пройти по ночным улочкам Лидии и, может быть, заглянуть в какой-нибудь славный кабачок... Бедный Сервус! Бедный Бенино! Такие странные мысли плескались в его пустой голове, и сам бы он сейчас ни за что не смог объяснить, с чего вдруг рыцарь и философ оказались бедными. Лал Богини Судеб? Бенино прав: ну его, одни заботы от этой безделицы неземной красоты...

Выходя за ворота дома рыцаря, Гвидо заметил огромную черную тень, пересекавшую улицу. Еще в начале ночи, когда душа его жила, он обязательно всмотрелся бы в нее и постарался бы найти за нею человека,

но теперь он лишь скользнул по ней равнодушным взглядом, прикрыл ворота и пошел по улице, шаркая ногами по пыли.

— Хей? — удивленно сказал сзади чей-то низкий и глубокий, слегка хрипловатый голос. — Да никак это ты, блоха?

Гвидо вздрогнул и остановился. Не поворачивая еще головы, он поднял брови, тоже удивляясь, потом растянул губы в улыбке, резко повернулся и сказал:

— Ну конечно это я. Хей, Конан, рад тебя видеть!

Часть вторая ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗМЕЙ

Глава первая САМЫЙ ПОЧЕТНЫЙ ГОСТЬ

Небо просветлело вдруг, обещая немедленный восход солнца. Тут же погасли ночные светила, растворились тучи, и с ними растворился общий сон. Ваялая, более напоминавшая сельцо, чем город, Лидия просыпалась неохотно. Скрипели окна, впуская в дома прохладу нового дня; кричали птицы, домашние и вольные; шелестела свежая зеленая листва, покрытая слезами ночи. Но вот лучи солнца пробежали по земле, ласково трогая ее теплом, и горизонт окрасился в розовый, потом в желтый... Утро пришло.

На каменистом берегу ручья, в чистой воде которого плескались мелкие красно-золотые и серебряные рыбки, сидели двое. Они вовсе не обратили внимания на рассвет: годы миновали с их последней встречи, тысяча рассветов и тысяча ночей, а потому слова слетали с уст быстрее, чем солнечные зайцы падали на синюю гладь ручья. Собственно, говорил в основном Гвидо Деметриос, ибо его приятель явно предпочитал меч и кулак и к болтовне не привык.

Коротко сообщив друг другу события своего прошлого, собеседники перешли к настоящему, и тут-то Гвидо Деметриос, неожиданно для себя самого придя в волнение, поведал историю Лала Богини Судеб. С неподражаемым мастерством он живописал жуткое ночное происшествие в спальне рыцаря, фальшивые вопли

старого слуги, стенания притворщика Леонардаса у тела убиенного им же Теренцо и прочие прелести этих дней, так что к концу рассказа изрядно выдохся.

Конан — рослый широкоплечий муж с гривой длинных черных волос и яркими синими глазами — слушал повествование маленького дознавателя внимательно и угрюмо. Все эти штучки богатых парней немало его раздражали.

Рыцарь, который наслаждается созерцанием самоцветов? Скорее, занятие сие достойно девиц и купцов! Истинному же рыцарю следует участвовать в турнирах или войнах, если таковые есть. Да и остальные участники событий симпатии не вызывали: мошенники, воры и лицемеры, только и всего.

Однако затем история захватила Конана: Лал Богини Судеб, пропавший из коллекции Сервуса Нарота, был ему известен. Некогда он слышал о нем от одного аргосского купца и знал, что цена этого камня весьма велика. Быстро прикинув в уме, сколько рыцарь может отвалить ему за возвращение камня, Конан прервал повествователя на полуслове (а тот уже завершил описывать основные происшествия и теперь погрузился в страдания по поводу гибели Лумо).

— Слушай, блоха, а что твой рыцарь — много ли богат?

— О-о-о! — с радостью отвлекшись от печальных мыслей, ответил Гвидо. — Вот что я скажу тебе, варвар: даже мой приемный отец не имеет столько добра, сколько этот почтенный господин.

Конан, который на деле прекрасно знал ответ, был удовлетворен. Значит, сведения, какими снабдил его в небольшом кабачке на окраине Лидии местный пропойца, оказались верны.

— Но Лал Богини Судеб, — продолжал Гвидо, — неизмеримо дороже всех чудесных самоцветов Сервуса, всего его золота и дома в придачу. Да что я говорю! Этому камню и вовсе нет цены! Митрой клянусь, солнцем нашим клянусь, нет ему цены!

Собственная горячность, похоже, удивила маленького дознавателя.

— Впрочем, Нергал с ними, с самоцветами... — Он махнул рукой и виновато улыбнулся. — Красота, конечно, неопишуемая, но... Правду люди говорят — одни беды от них. Поведай лучше, добрый друг мой, что привело тебя в Лидию? И как ты оказался у ворот благородного рыцаря?

— Хотел пошарить в его сундуках, — ухмыльнувшись, беззастенчиво признался Конан.

Гвидо, убежденный в том, что приятель его просто мило шутит, весело расхохотался. Зеленые глаза его вновь ожили и заблестели, а тонкие ручки с восторгом захлопали по острым коленкам.

— Ах, как прекрасна наша встреча, — отсмеявшись, сказал он, с любовью глядя на суровое лицо друга. — Я не злобив, но, признаться, изрядно устал от хитрости и лжи. Ты же прям и честен, варвар. Мне с тобой легко.

Конан и бровью не повел на такое изъявление дружбы. Точнее, он вовсе его не слышал, занятый мысленным расчетом с рыцарем (в том, что тот непременно примет его помощь, он был уверен). По рассказу Гвидо он уже понял, что благородный Сервус не горел желанием самостоятельно искать свое сокровище, из чего следовало, что он готов заплатить хорошие деньги тому, кто сделает это вместо него.

Легко поднявшись, Конан ухватил приятеля за шиворот и поставил его на ноги.

— Ну, блоха, идем.

— Куда? — удивился маленький дознаватель, отряхивая штаны. — Куда ты влечешь меня, о сын великой Киммерии?

Высокопарность слов Гвидо немало позабавила, но и рассердила Конана. Он опустил мощный подбородок, исподлобья посмотрел на приятеля.

— К рыцарю, парень. Куда ж еще? Клянусь бородой Крома, он не поднимет задницы, чтоб отыскать этот

лал. Ну, так я подниму свою... Как думаешь, заплатит он сотню золотых, если я верну ему камень?

Гвидо ахнул, сложил на груди ручки и с умилением поглядел на варвара.

— Две сотни, друг мой! Три! — Тут восторг его несколько поубавился. Он нахмурил светлые брови и с сомнением продолжил: — А где ты возьмешь Лал Богини Судеб?

— Сам пока не знаю, — пожал могучими плечами Конан. — Может, в Вендии, а может, где еще...

— Почему в Вендии?

— Не задавай лишних вопросов, блоха. Идем к рыцарю.

Более Гвидо спрашивать не решился. Поворачивая вслед за приятелем к дому Сервуса Нарота, он думал о том, что сама Богиня Судеб определила путь варвара и направила его в Лидию, ибо, по твердому убеждению маленького дознавателя, если кто и способен отыскать сокровище, так только он — этот парень из далекой северной Киммерии...

* * *

Ламберт, который в жизни своей не видал человека больше и мощнее своего хозяина, сразу проникся к Конану искренним уважением.

Ростом он чуть не на полголовы превосходил благородного рыцаря, при этом нрав его явно не был столь непостоянен и суетлив: холодный прямой взгляд насмешливых синих глаз, резкие черты сурового лица и уверенная поступь свидетельствовали о натуре сильной, о мысли ясной, о знании жизни, людей и себя самого.

Он бухнулся в любимое кресло Сервуса Нарота без приглашения и истинно по-королевски — несмотря на ветхое бедное одеяние — принял из рук старого слуги огромный кубок белого вина. Красноречив был также взор Гвидо, направленный на приятеля, — и он тоже сказал Ламберту о многом.

Все, что имелось на кухне, немедленно и с приличествующей случаю торжественностью перекочевало в трапезный зал и устроилось на столе перед носом варвара. Лучшее вино и лучшее пиво из подвала двое слуг перенесли сюда же. Наконец Конан получил даже подставку для ног и кувшинчик с травой, чей дым так любил вдыхать сам хозяин. В общем, ни один из гостей рыцаря до сих пор не удостоивался такого расположения Ламберта.

Надо сказать, что приятель маленького дознавателя ничуть не удивился подобному приему. Он вольготно раскинулся в кресле, отшвырнул подставку для ног и, схватив кубок, заново наполненный чудесным белым вином, быстро осушил его (кувшинчик с травой после краткого обнюхивания и рассматривания отправился вслед за подставкой для ног, что чрезвычайно обрадовало Ламберта). Потом вниманием гостя завладел розовеющий на блюде холодный окорок размером с доброго поросенка, и он, недолго думая, вцепился в него крепкими белыми зубами, урча от удовольствия.

Сервус Нарот явился в зал спустя довольно длительное время — окорока уже не было и в помине, а умиротворенный варвар лениво грыз прокопченную особым способом петушину ногу, запивая ее пенистым ароматным пивом. При виде хозяина он и не подумал встать, справедливо полагая, что благородный рыцарь как-нибудь сие переживет, а приветствовал его лишь поднятием руки и протяжным рыганием.

Следом за Сервусом семеня Гвидо. Он озарял все вокруг милейшей улыбкой и, казалось, хотел обнять всех, даже сварливого Ламберта — такое прекрасное настроение овладело им нынче.

— Да, да, я и есть Сервус Нарот! — самодовольно объявил рыцарь, считая, что Гвидо наверняка доложил своему старому другу о богатстве его и многочисленных достоинствах и теперь нежданный гость сгорает от желания с ним познакомиться. Полное равнодушие на грубом лице варвара не смутило его нисколько. — Тот

самый Сервус Нарот! — В ответ на мутный и сонный взор Конана повторил он. — А ты, верно, из Киммерии? Бывал там в пору бурной юности моей, бывал... Курганы, тучи, серое небо...

Рыцарь уселся на табурет и, забрав на колени целый кувшин с пивом, приступил к трапезе, которая состояла в том, что он поочередно кусал то фазанье крылышко, то рыбную лепешку, то ломоть свежего хлеба, в перерывах между сим занятием прикладываясь к кувшину. Он явно не был голоден, но ел, так что для киммерийца не осталось загадкой происхождение жировых складок на его животе и ногах.

К тому времени, когда на столе оставались уже одни огрызки и крошки, в зал спустились гости Сервуса Нарота, в том числе и изгнанные. Сон, одолевший Конана, испарился. Он с любопытством глазел на вошедших, пытаясь определить, кто есть кто.

Собственно, сие не являлось трудной задачей, ибо Гвидо отлично описал их всех. Юный длиннолицый и длинноволосый Пеппо держал за руку статного красавца, чей род деятельности вызывал у Конана отвращение — сейчас и всегда. Такому парню, скорее, подошел бы меч или, на худой конец, копье, а не перо и папирус. Омерзительного вида старикан, ухвативший почти до чиста обглоданную варваром кость, несомненно, был астролог Заир Шах из Турана. Коренастый чернявый бородач с ухмылкой на толстой физиономии — шемит Маршалл, в этом тоже не оставалось сомнений. Невозмутимый вид двоих последних говорил о том, что совесть их умерла: обокрав старинного приятеля, они ничуть не смущались и в его доме чувствовали себя как в своем собственном.

Гости смерили киммерийца в меру любопытствующими взглядами и молча уселись.

Презрительно фыркая, Ламберт все же повиновался знаку хозяина: принес блюдо с остывшей бараниной и шмякнул на стол. Добросердечность рыцаря злила его безмерно — кажется, он вовсе забыл о том, что этим

людям доверять нельзя, впредь никогда и ни в какой степени. Только лишь славного Бенино с его младшим братцем, да еще, может быть, Гвидо Деметриоса Ламберт почитал так, как и подобает слуге почитать высоких гостей. Но они ни в чем дурном до сей поры и не были замечены...

В результате таких умозаключений перед Гвидо и братьями водрузилась плетенка с перепелиными яйцами, которые помимо холодной баранины были призваны утолить их голод; причем старик умудрился поставить плетенку так, чтобы Маршалл и Заир Шах дотянуться до нее не могли — в этом-то и состояла его маленькая месть вора и обманщикам.

Счищая с мяса белый застывший жир, гости уныло жевали. Глаза всех — кроме, пожалуй, одного Пеппо — глядели в гладкую дощатую поверхность стола. Ночь прошла суетно и тревожно; пропажа Лала Богини Судеб на всех без исключения подействовала удручающе, равно как и побег придурка Леонардаса — то есть никто сейчас не был склонен к беседе — светской и легкой ли, серьезной и долгой ли, все равно.

А Пеппо смотрел на Конана. Этот огромный киммериец с железными литыми мышцами, широкими крылатыми плечами и суровым лицом, сплошь покрытым давними белыми шрамами, поразил его воображение. Именно таким он сам хотел быть — в мечтах, увы, лишь в мечтах, ибо его тонкий и глубокий ум отлично ориентировался в действительности. Юноша понимал, что такие мощные и красивые мужи, как этот варвар, создаются природою и богами заранее, еще до рождения, а посему он мог только надеяться в далеком будущем достичь хотя бы толики подобной силы. Конечно, для этого придется приложить немало усилий, но Пеппо умел ждать и умел трудиться. Может быть — мстилось ему — он попадет на войну, где наставниками его станут солдаты и враги, а не брат, заваливший его комнату книгами. Тогда через несколько лет из юноши, мечтательного и пока что слабосильного, он вырастет в ловкого, храброго и удалого

парня, потом — мужа, воина... Но на войне убивают — сие Пеппо тоже понимал, в душе все-таки рассчитывая, что убьют кого-нибудь другого, а он останется жив. Впрочем, он допускал, что все солдаты — и юные и старые — рассчитывают именно на это и, принимая в бою смертельный удар, успевают только подумать...

О чем они успевают подумать, Пеппо решить не успел. Сервус прервал полет его мечты в будущее громким заявлением:

— Ну, Конан, так ты желаешь отыскать Лал Богини Судеб?

Все вздрогнули (лишь на лице Гвидо юноша заметил счастливую улыбку). По всей видимости, благородный рыцарь нарочно выжидал удобного момента, чтоб задать сей вопрос. Оно и верно: гость накормлен, напоен и обогрет — теперь можно и к делу приступить.

— Грм-хм, — ответил киммериец, не отрываясь от кубка с вином.

— Похвально, — закивал огромной лохматой башкой Сервус. — Но уж позволь спросить — как и каким образом?

— А сие не твоя забота, — невежливо проворчал Конан и будто в подтверждение этих слов громко икнул.

— Леонардас пропал; куда делся — один Нергал знает, — продолжал рыцарь, сделав вид, что не слышал такого наглого ответа. — И мы даже не можем тебе указать, какую из восьми сторон света выбрал этот ублюдок, дабы скрыться с моим камнем бесследно...

Пеппо внимательно смотрел на киммерийца. Вот он потянулся, зевнул, не глядя на хозяина и вообще ни на кого не глядя, а устремив взор синих равнодушных глаз в окно, за которым вовсю светил огненный глаз светлого бога Митры; вот он вытащил кинжал — самый простой, без нелепых самоцветов, вдавненных в рукоять — и принялся ковырять им в зубах; вот усмехнулся какой-то своей мысли, и глаза его наконец чуть прояснились...

— И давно ты знаешь ублюдка? — вдруг обратился он к благородному рыцарю голосом сильным и зычным, рокошующим на нижних тонах. Сон, до того, кажется, охвативший его всего, исчез в один миг. Теперь перед ними сидел муж бодрый, уверенный в себе настолько, что каждый из присутствующих тоже почувствовал в себе некую силу — правда, неясно, какую.

— Какого ублюдка? — удивился Сервус.

Пеппо поморщился: рыцарь оказался на редкость недогадлив.

— Леонардас, — помог другу Бенино.

— А-а-а... Давно. Лет так пять... Или два...

— Так два или пять?

— Три, — вспомнил рыцарь. — Точно три. Тогда я был по делам в Офире и...

— Плевать на Офир! — рыкнул варвар. — Мне нужно точно знать, кто этот парень!

— Да Леонардас же! — воскликнул Сервус, приходя в волнение.

— Леонардас, — закивали Маршалл и Заир Шах. — Мы все с ним знакомы.

— Давно ли? — вступил в беседу и маленький дознаватель, который уже понял, к чему клонит киммериец.

— Тоже два года, — пожал плечами шемит. — Точнее и не вспомню.

— Около двух, — скрипнул раздраженный очередным допросом астролог.

— Тогда, парни, я вам открою тайну, — с ухмылкой сказал Конан. — Он не Леонардас.

Все вздрогнули (Пеппо заметил, что на этот раз вздрогнул и Гвидо).

— С чего ты взял? — растерянно пробормотал Сервус.

— Слыхал я про одного вора — и два года назад слышал, и пять, и семь... История такая: есть на востоке Вендии королевство Мандхатту. Там...

— Так вот почему ты говорил о Вендии, — перебил друга Гвидо.

— ... живут в основном полувендийцы-полукхитайцы,— перебить Конана еще никому не удавалось,— но есть и аквилонцы, туранцы, немедийцы. Только киммерийцев нет,— добавил он с гордостью.— Путешественники говорят, что жизнь там скучна, как на Серых Равнинах. Култ божка Бака запрещает им пить, поэтому ни одного кабака в Мандхатту нет и в помине. Ложиться в постель с женщиной можно, но только с одной — с женой, и только для продолжения рода, а не для удовольствия. Тьфу! — неожиданно разозлился варвар.— Тогда и жить не стоит!

— Ну! — в один голос подтвердили разводившиеся от печального рассказа рыцарь, шемит и философ.

— И вот в таком-то дерьме и родился разбойник и вор Кармашан.

— Кармашан? — удивленно переспросил Гвидо.— Я слышал о нем.

— И я,— внес свою лепту в разговор Заир Шах.

— Клянусь Кромом,— прорычал Конан,— если вы еще раз откроете рот, будете искать свой Лал сами!

Все сделали умные лица и подобострастно приготовились внимать далее.

— Кармашан — ублюдок из ублюдков. Никто не знает, от кого и кем он рожден, но говорят, что от демонов. В Мандхатту его боятся — ему ничего не стоит прикончить того, с кем он только что пил вино на дружеской пирушке. Он высок и тощ, любит прикинуться полудурком...

— Леонардас? — ахнули все, но тут же и захлопнули рты.

Конан не рассердился: он уже закончил свой рассказ.

— Гм-м... — осторожно подал голос Бенино.— Я думаю, друг, ты ошибаешься... Конечно, описание твое вполне соответствует нашему несчастному Леонардасу, но... Он не Кармашан.

— Конечно, не Кармашан,— пожал плечами Гвидо.— Я же говорил тебе, Конан: Лавиния сказала, что знает

Леонардаса с детства, а она родилась в Аквилонии, а не в Вендии.

— Да и жил он — во всяком случае, в последние годы — в Офире,— сказал разочарованный философ.

— Аквилония или Офир,— решительно заключил Сервус Нарот.— И никакая не Вендия. Вот два пути, Конан. Выбирай.

Яростно полыхнули синие глаза варвара. Да, он готов был за золото искать Лал Богини Судеб, но не терпел, чтоб ему указывали — хотя бы даже направление пути. Но не успел он словом выразить рыцарю свое настроение, как слева от него вкнул астролог. Скрипучий голос его стал вдруг значителен и резок.

— Не надо выбирать,— задрав вверх свой нос-крючок заявил он.— Ты и за пять лет не найдешь человека, если не знаешь, в какую сторону он подался. Я — и только я — укажу тебе, киммериец, где найти Леонардаса... Я, и только я!

Все вздрогнули.

Глава вторая АСТРОЛОГ ДЕЙСТВУЕТ

Да, теперь вздрогнул и Пеппо. Откуда этому старикану знать, куда двинулся Леонардас? Не иначе, как он находится в сговоре с ним, и решил продать свои сведения подороже.

— Все просто.— Заир Шах с превосходством посмотрел на остальных. — Леонардас тащит с собой Лал Богини Судеб, так? Клянусь Эрликом и пророком его Таримом, никто из вас не станет утверждать, что в мире найдется еще один такой камень!

— Никто и не собирается сие утверждать,— недовольно проворчал рыцарь.— Говори толком, старик, чем ты можешь помочь?

— Я найду твой Лал по звездам!

Глаза Сервуса Нарота потемнели. Он мгновенно понял, о чем вещал сейчас Заир Шах. Несмотря на противный вид и наглое поведение, этот старикашка считался одним из лучших астрологов в Туране, а кто не знает, что именно в Туране такой швали больше, чем рыбы в море! Хорошо, подумал рыцарь, что он не стал особенно настаивать и выгонять его из дому. Тогда определить путь Конана было бы не то что сложнее, а и вовсе невозможно, и Лал Богини Судеб он утерял бы навсегда...

— Добрый старик! — со слезой в голосе воскликнул Сервус.— Я знал, что ты не оставишь в беде старинного друга!

— Наплевать мне на тебя,— огрызнулся Заир Шах.— Я и медной монеты тебе не подарю, что уж говорить о Лале...

— И что же ты хочешь? Золота? Самоцветов? — Рыцарь обиделся и говорил холодно.

— Вот еще! — фыркнул астролог.— Я хочу, чтоб вы все — все! — забыли о том, что я похитил шпинели! Моя репутация дороже всяких там самоцветов.

— Да уж,— многозначительно заметил Бенино.— Если люди узнают о том, что ты вор, никто не захочет иметь с тобой дела...

— Я не вор. Я... оступился... больше такого не повторится... — вдруг смутился Заир Шах.— Ну? Вы согласны?

— Я-то согласен.— Сервус Нарот с сомнением посмотрел на своих гостей.— А вы?

— Только ради тебя,— буркнул философ.

— Так и быть,— кивнул Маршалл, пряча ухмылку.

— Хорошо,— пожал плечами Гвидо.

— Клянись своими богами,— потребовал астролог.

— Тьфу, дурень...— пробурчал себе под нос рыцарь, но тем не менее произнес со всей торжественностью, на которую был способен. — Клянусь светлым Митрой, Подателем Жизни и Хранителем Великого Равновесия, я никому не расскажу, что Заир Шах стянул у меня оранжевые шпинели, цена коим...

— О цене не надо,— торопливо прервал его старик.— Твоя клятва удовлетворила меня. Теперь ты, Маршалл.

— Каким богом мне клясться? — мрачно осведомился шемит.— У нас их уйма. Адонис, Иштар, наперсница ее Апторех, хитроумный Бел, Золотой Павлин Сабатеи — злобный выродок и недоумок...

— Довольно! — остановил астролог.— Клянись всеми сразу.

— Клянусь отцом нашим Адонисом,— заунывно начал Маршалл,— и матерью Иштар, а также наперс-

ницей ее, прекрасной весной Ашторех, а также Белом и злобным вырожденком Золотым Павлином Сабатеи: я буду молчать о том, что Заир Шах уворовал шпинели у благородного рыцаря Сервуса Нарота...

— Тем более, что ты сам уворовал у того же рыцаря черную жемчужину, — ехидно заметил Бенино.

— Вот-вот, — милостиво кивнул философу Заир Шах. — А теперь твоя очередь.

— Митрой клянусь, нынче же забуду об этой гнусной истории, — быстро сказал Бенино.

— И мальчишка пусть клянется, — не успокаивался вредный старик.

Пеппо вздохнул. Искоса поглядев на Конана, который безучастно грыз ноготь на большом пальце и, кажется, вовсе не прислушивался к столь содержательной беседе, юноша приложил руку к сердцу и скороговоркой пробормотал:

— Клянусь светлым Митрой, никому не открою тайны.

— Ты! — астролог повернулся к Гвидо.

— Митра свидетель — никому ничего никогда не скажу.

— Что ж, — Заир Шах мог торжествовать победу, — тогда я займусь пройдохой Леонардасом и твоим Лалом, наш добрый хозяин. Распорядись, чтоб в мою комнату принесли еды и вина на два дня и две ночи. И пусть ни одна душа не беспокоит меня все это время...

Он встал, подобрал полы одеяния и мелкими шажками направился к лестнице.

— Постой! — Сервус Нарот растерянно смотрел ему вслед. — А когда ты откроешь нам, где камень?

— Тьфу! Я же сказал тебе, глупый рыцарь: через два дня! Отсчитай от нынешнего полудня день, ночь, еще один день и еще одну ночь. И к утру вы все узнаете...

С этими словами он ловко взобрался на лестницу, на два дня лишив друзей своего прелестного общества.

* * *

Конану было скучно. В доме рыцаря он мог развлечься единственно созерцанием сокровищ, что считал пустой тратой времени. Говорить с другими гостями рыцаря он не желал: они казались ему нелепы и тупы. Гвидо с головой ушел в размышления о Лумо и своем собственном будущем, кое представлялось ему весьма печальным — отец собирался умирать, а потому маленький дознаватель, который до сих пор делал то, что угодно его душе, должен был заняться хозяйством. Прежде он был спокоен, ибо обязанности наследника обещал принять на себя названный брат Лумо, но теперь... Время от времени, когда мысли сии уж особенно доставали Гвидо, он громко, прерывисто вздыхал, пугая окружающих: тишина воцарилась в доме после ухода Заир Шаха. Тишина сплошная, плотная, как туман, и совершенно непролазная. Слово давалось с трудом даже философу; сам рыцарь кашлял в кулак и предпочитал уединение — раньше с ним такого вовсе не случалось; Маршалл, равно как и новый гость Конан-киммериец, беспрерывно пил, и тоже молча.

Пеппо предполагал, что запоздалое понимание происшедшего, а также волнение перед открытием астролога создавало в доме такую странную обстановку. И он впал в прострацию, забывая даже мечтать. Совершать какие-либо действия, пусть и самые простые, ему не приходилось: брат умывал его и одевал, за руку сводил вниз к трапезе, выгуливал по саду, и юноша в конце концов всего за день погрузился в такую глубокую дрему, что ему стали сниться сны наяву.

Бенино взирал на младшего брата с волнением, но лишь по привычке волноваться за него всегда. Он понимал, что тяжелое молчание и странное настроение взрослых определили его нынешнее состояние. Проще и, несомненно, необходимее было уехать, нежели оставаться здесь, но философ не мог бросить друга в такой момент его жизни. Лал Богини Судеб, который после этих дней вызывал у Бенино скорее отвращение, чем

восторг, застил глаза несчастному рыцарю, изменил его, испортил, извратил. Бенино проклинал тот миг, когда Сервус Нарот обменял мешки с золотом на магический рубин. Сам он, хотя и увлекался самоцветами, не был этим болен; зараза не проникла в его поры и в его мозг, как то случилось с рыцарем. Сохранив ясную голову, он не собирался ее затенять тяжелыми мыслями о новых приобретениях и способах их сохранения. Вот почему вся картина с Лалом Богини Судеб и Сервусом виделась ему прекрасно, приводила его в печаль, открывала новые области для философических размышлений.

А Конан перепробовал все вино из запасов рыцаря и на пару с шемитом выпил все его пиво. Прежде таковое возлияние для него непременно завершилось бы весельем и любовью, но — не тут. Ни одной приличной девушки — кроме кухарки, коя без сомнения была приличной и в свои сорок лет уж точно девушкой — в доме Сервуса Нарота не было. Идти в город, в кабаки, киммерийцу не хотелось. Он вообще пребывал в довольно необычном для себя настроении. Сытый и железно невозмутимый, он пил, пил и снова пил, мыслями скользя поверхностно по своему недавнему прошлому, где одно приключение следовало сразу за другим, не давая покоя. Пожалуй, в здешней тишине он отдыхал от бывшей бурной жизни, набирался сил перед новыми резкими поворотами своей судьбы.

Так прошел день, второй. Ночь перед открытием тайны никто не спал. Конан и Маршалл — потому что опять пили; остальные — от томления души и тревоги, легко объяснимой, ибо никто твердо не верил в дружбу Заир Шаха и небесных светил, настолько отвратительный был старикан. Тем не менее, когда наутро он спустился в трапезный зал с лицом, похожим на разбившийся о землю метеорит, все сделали стойку и уставились на него не моргая, затаив дыхание.

Он сел, недвижим и горд, с поджатыми губами, так что рот превратился в узкую полоску, выложил на

стол сухие коричневые руки с узловатыми пальцами. Справа от него стояло блюдо с костями — остатки трапезы двух собутыльников — Заир Шах лишь покосился в ту сторону, но не дрогнул, устоял, отворотил физиономию.

— Ну? — не выдержал Сервус Нарот. С лица его вновь спал румянец, и щеки покрылись красными прожилками, а глаза потускнели и почти совсем спрятались за набрякшими веками.

— Что? — процедил астролог.

— Как это «что»? Говори, обнаружил ли ты в мире сем мой рубин?

— Обнаружил.

Все с облегчением вздохнули и расслабились.

— Где? Да не молчи же, старый ты пень! — разволновался рыцарь. — Открывай рот и болтай! Ну!

— Юноша прав, — заскрипел Заир Шах, поворачиваясь к Конану и все-таки утягивая из блюда обсосанную кем-то кость. — Лал Богини Судеб находится на дороге, ведущей из Аргоса в Вендию.

— Прямой дороги в Вендию отсюда нет, — сказал Маршалл.

— Я и не говорю, что она есть. И все же Леонардас с Лалом едет именно в Вендию.

— Так значит, Леонардас... — Сервус запнулся.

— Кармашан? — с недоверием спросил астролога Бенино.

— Сего не ведаю, — сварливо отвечивал тот. — Звезды указали мне только местонахождение камня и дальнейшее направление его пути. Сейчас он на границе Шема и Турана.

— М-да-а... — Рыцарь посмотрел на Бенино тоскливыми, как у голодного пса, глазами. — Вендия велика... Да и... — Он перевел взгляд на старика.

Философ отлично понял, что означал сей взор его друга: Сервус ожидал услышать точное определение — либо нынешнего пребывания магического рубина, либо конечной цели его пути. То же, что поведал астролог,

заставляло сомневаться в его искренности. Кто может знать — а вдруг мерзкий старикашка в стоворе с Леонардасом и нарочно решил направить их по ложному следу? Надо будет не выпускать его из виду вплоть до возвращения Конана — с Лалом ли, без...

— И то хорошо, — успокоил Бенино друга. — Из восьми сторон света мы имеем только одну. А там можно спросить прохожих, хозяев постоянных дворов и посетителей, крестьян... В общем, я уверен, что Конан сам во всем разберется.

— Я разберусь, — хрипло пообещал варвар, отрываясь наконец от кувшина с пивом. — Сколько даешь, рыцарь?

— Да сколько спросишь, столько и дам, — пожал могучими плечами Сервус Нарот, расстроенный и вовсе не успокоенный словами друга.

— Две сотни, — рыкнул Конан, решительно разрубив воздух ладонью.

— Хоть три.

— Три сотни, — любезно согласился на такую оплату своего труда киммериец.

— Хоть четыре.

Тут совесть Конана проснулась и заявила о себе.

— Четыре — много. Пусть будет три.

Он поднялся и нетвердой походкой двинулся к лестнице.

— Ты куда? — удивленно спросили хором рыцарь, Бенино и Маршалл.

— Кром! Мне надо подумать, — не оборачиваясь, проворчал варвар. На самом деле он просто решил немного вздремнуть, ибо два дня возлияний уже давали о себе знать — все это время он почти не спал.

— Подумай, друг, подумай, — вслед ему кивнул Гвидо, для коего маневр приятеля был ясен. — Дело впереди нелегкое, и подумать надо непременно...

Потом он встал и быстро ушел в сад, дабы в одиночестве вспомнить славного Лумо, погибшего так нежестати и так глупо.

* * *

Следующее утро для всех стало началом конца. Облегчению не было предела. Тишина, так долго для этого дома царившая здесь, исчезла. Громкий говор, смех и даже пение наполнили огромное пространство трапезного зала.

Гвидо, отвлекшийся от печальных дум, беспрестанно хихикал, чихая по-кошачьи; ему вторил басом шемит; Бенино дурашливо толкался с братом и Сервусом, который воспрял духом и снова обрел свой румянец; даже Заир Шах фыркал в кулачок, наблюдая за шутками гостей и хозяина.

Один только Конан оставался мрачен. Ему, в отличие от остальных, не с чего было веселиться. Прохвост Леонардас — а может быть, и разбойник Кармашан — мог в любой момент изменить направление своего пути, и тогда вся затея превращалась в прах, в пустую трату времени. К тому же, варвар никогда не видел этого недоумка и вполне мог ошибиться и принять за него кого-то другого. В общем, все это были пустяки — и не такие дела вершил Конан в своей жизни, но сейчас ему казалось, что удача так далека от него, как прежде еще не бывало. Слава Митре, склонность к унынию не входила в число его пороков, а потому он занял себя тем, что начал мысленно рассчитывать дорогу, по которой пойдет.

— Конан! — радостным воплем встретили его на рассвете на удивление бодрые гости Сервуса Нарота.

Сам хозяин молчал, но по улыбке, от коей лицо его стало вдвое шире, можно было легко догадаться, какие чувства он испытывает.

— Когда ты отправляешься? — спросил Гвидо, стараясь не выказывать особенной уж радости по поводу того, что приятель его уходит. Конан мог не так его понять. Маленький дознаватель радовался тому лишь, что в доме сем наконец воцарится мир — как раз-таки с киммерийцем он не хотел расставаться так скоро.

— Сейчас, — буркнул варвар. — Пива выпью — и пойду.

Немедленно требуемый напиток был поднесен дорогому гостю. Кроме того, с появлением Конана старый слуга начал накрывать на стол. Кухарка (по приказу Ламберта, наверное) показала истинные чудеса кулинарии. Здесь были: маринованная семга, два вида окорока — с чесноком и простой, жареный гусь, начиненный яблоками и какой-то неведомой кисло-сладкой травой, придающей блюду несравненный вкус и аромат, седло барашка в остром соусе, свежие булочки и многое другое, от чего глаза гостей наполнились слезами восторга и умиления.

Конечно, лучшие кушанья Ламберт поставил перед варваром. Душа его пребывала в состоянии благодетного и добром: хозяин останется дома, под боком и под присмотром, а ради этого старый слуга был готов на многое.

О, эти страшные дороги! Путешествуя по ним можно не только простудиться и умереть, но и наткнуться на банду разбойников или злобного демона... Ламберт, который вовсе не выезжал за пределы города, имел смутные представления о жизни. Для него все заключалось в этом доме и в этом человеке, и благодетствие того и другого было несравнимо важнее всего — совершенно всего прочего. А посему варвар, случаем забредший в Лидию, встретивший здесь Гвидо Деметриоса и принявший на себя розыск злосчастного рубина, являлся для старика самым дорогим гостем, каковому отношению способствовала также его внушительная стать.

— Все приготовлено, отважный наш друг, — заявил Сервус, потерявший аппетит вследствие длительного волнения. — Отличный конь, еда, вино и вода — дней на пять хватит точно. Ну а потом... Вот!

Он выудил из-под полы куртки туго набитый мешочек. Конан на глаз определил, что там не меньше полусотни золотых. Да, такого богатства достанет и на три луны... Он подхватил мешочек, сунул его в карман.

— Э-э-э... Может быть, господин желает новое платье? — Ламберт, при Конане почему-то робевший, переводил взгляд с него на хозяина и обратно.

— Конечно, желает! — спохватился рыцарь, не давая гостю ответить. — Неси мою новую тунику, жилет, куртку и штаны, да порезвее!

— Не надо, — жестом остановил варвар сорвавшегося с места старика, повернулся к хозяину. — Мне твоё платье ни к чему. Золота у меня достаточно, оденусь в дороге.

— Что ж зря тратить? — удивился Сервус. — У меня две комнаты завалены...

— Не надо! — перебил Конан. — Ты слишком пышно одеваешься, приятель. Твои цветы на заднице и звезды на животе не для меня.

Рыцарь несколько смутился и рассердился. Он понимал, конечно, что варвар прав: его одевания обычно вызывали улыбку у простых людей и восхищение у знатных. К чести Сервуса надо сказать, что его более волновало мнение первых, ибо они в сути своей были чисты, что он не понимал умом, но чувствовал сердцем.

Конан времени не терял. Он уплел уже половину жареного гуся, выкинув из него начинку на стол, и выдул кувшин пива, отчего на душе его сразу стало светлее. Предстоящая дорога уже не казалась ему бессмысленной: по опыту он знал, что ничего не получает от жизни только тот, кто ничего не делает. Он — делал; он всегда был в движении; жизнь была в нем, и жизнь была — он сам.

Варвар не задумывался о том, что ждет его впереди. Он вообще редко о том задумывался. Он знал людей, которые после некоторого рассуждения на темы пути и приключений оставались дома, где постепенно скучнели, грузнели и тупели, не занятые делом. Все это было смешно и странно, а чаще всего — противно. Но и об этом он не думал, а просто ощущал так и не иначе...

Ухмыльнувшись своим мыслям, хаотичным, но бодрым, он затолкал в рот последний кусок, проглотил его, почти не жуя, дохлебал пиво из кувшина и поднялся, на ходу уже подхватывая из рук Ламберта связку вяленой рыбы.

Даже не посмотрев на хозяина и его гостей, киммериец вышел из дома, сел на длинноногого вороного, с удовлетворением похлопал по тугому боку дорожного мешка, притороченного к седлу, и тронулся в путь.

Глава третья ЗНАКОМСТВО

Солнце палило так, словно желало весь Шем сжечь дотла. Конан, чей черный волос притягивал его жаркие лучи, стянул тунику и соорудил из нее нечто вроде тюрбана — он помнил, как опасен может быть огненный глаз Митры, такой нежный и ласковый утром и такой равнодушно-жесток в полдень. Выжженные им поля он проезжал сейчас. Там бродили люди — казалось, без цели и надежды на лучшее будущее, но киммериец знал, что они работают с рассвета и до заката, не давая себе отдыха, потому что засуха — родная сестра голода — была их постоянным врагом, с коим они и боролись по мере сил.

Потом поля кончились. Дорога стала ровнее, шире. Вдали отсвечивали серебром серые стены Асгалуна, и запах морского ветра уже ощущался в горячем воздухе.

Конан прищипорил коня. От жары оба размякли; сон — тяжелый, тягучий — сковывал веки, запутывал мысли, и варвар, вопреки первоначальному намерению не останавливаться до тех пор, пока есть провизия и вода, решил завернуть в харчевню, дабы подкрепить силы спокойным сном под крышей.

Плата за въезд в Асгалун была несравнимо выше, чем во всех других городах света, и взимали ее стражники строгие, норовящие взять с гостя — богатого куп-

ца ли, бедного путника ли, все равно — еще сверх положенного законом. Обыкновенно люди безропотно платили: все знают, что власть не переспорить. Но киммериец был не из таких. Швырнув на поднос три золотых, он ногой оттолкнул вцепившегося в повод толстяка в доспехах и спокойно въехал в город. Вслед ему неслась брань, караульные грозили всевозможными напастями и призывали Адониса поразить наглеца громом и молнией, но Конан и не думал останавливаться. Он не сомневался, что у Адониса есть дела и поважнее расправы с ним, а на гнев стражников ему вообще было наплевать. Корусть должна быть наказуема, так считал он, и наказал ее сейчас, заплатив за въезд ровно столько, сколько полагал достаточным.

Таверну «Толстяк Шаккон» варвар заметил издалека. Вывеска над дверью, высотой чуть не в человеческий рост, привлекала яркими красками; по бокам ее, раскорячившись, стояли две деревянные фигуры, изображающие самого Шаккона с большой кружкой пива в руке и его супругу с метлой — огромными животами они касались друг друга; зазывала — чернявый оборванный мальчишка — пронзительно верещал, приглашая посетителей, хватал прохожих за руки и, когда они брезгливо отпихивали его, подбегал к другим, надеясь, наверное, что эти окажутся более сговорчивыми.

Конан дал оборванцу золотой только за то, чтоб тот молчал все время, пока он будет в таверне, бросил ему повод, повелев смотреть за конем в оба глаза, и вошел внутрь.

Посетителей здесь было мало. Пара заезжих — белобрысых, разодетых в серебро да золото, полупьяных купцов, затем трое местных из крестьян и стражник, обильно орошающий черную курчавую бороду свою жидким светлым пивом.

Киммериец поглядел на него, поморщился. Что ж, если у хозяина не найдется пива покрепче, он выпьет то, что имеется у него в дорожном мешке, но жареного барана он желает свежего, горячего, только что с вертела.

Дважды повторять ему не пришлось. То ли внушительного размера меч нового гостя показался толстяку Шаккону (а хозяином был именно он) вполне убедительным аргументом, то ли его же зычный хрипловатый голос проник к самым глубинам рыхлого сердца, но баран был подан тут же, и как раз такой, какой и требовался.

Конан набросился на мясо с энтузиазмом голодного варвара — рвал его зубами, урчал и чавкал. Впрочем, точно таким способом насыщались и другие посетители, коих несколько прибавилось: пришел странно одетый господин с носом почти такой же длины, как и меч киммерийца; заглянул на огонек еще один стражник, разжиревший на казенных харчах, лысый, низкозадый и тупорылый; затравленно озираясь, бочком протиснулся в дверь лохматый парень примерно одних лет с Конаном, осторожным шагом пересек зал и подсел к купцам, видимо намереваясь подкрепить силы за их счет.

Варвар, у которого в желудке покоилось уже полбарана, подобрел. Уже не таким ублюдочным казался ему толстяк Шаккон, лоснящийся от пота, и не такой страхилюдиной хозяйка, действительно не выпускавшая из могучих рук метлы, то и дело норовя ужалить ею побольнее супруга. А прочие — сброд, прожигающий жизнь как придется, без цели, — Конана вовсе не занимали. Он повидал в своей жизни столько людей, что ими вполне можно было б заселить порядочный городишко, а посему в местах, подобных этому, никогда не обращал внимания на посетителей — разве что на девиц.

Гневные вопли купцов прервали вялый ход мыслей варвара. Он посмотрел в их сторону, ухмыльнулся: лохматый, утянув со стола огромную краюху хлеба, судорожно заталкивал ее в рот, а белобрысые купцы обиженно визжали и призывали хозяйку немедленно выгнать бродягу, пока он не сожрал все их кушанье. Та с угрожающим видом уже поворачивалась к ним; ноздри ее трепетали, в маленьких глазках, почти со-

крытых под складками жира, горел огонь, а могучие руки вздымались над головой медленно и неумолимо. Но парень не стал дожидаться, пока здоровая и крепкая, как деревенский коваль, матрона опустит на его вострепанную башку свою страшную метлу. Вскочив, он согнулся крючком и метнулся к столу киммерийца, видимо предполагая, что только он в силах укрыть его от праведного гнева доброй женщины.

Впрочем, увидев, что воришка выглядывает из-за мощного плеча гостя, хозяйка успокоилась и занялась делами, более не реагируя на купцов и их недовольное вяканье (Конан понял, что заплатили они ровно столько, сколько спросил слуга, и ни медяком больше, а потому и не имели права рассчитывать на защиту от наглых прихлебателей — скупой, как известно, платит дважды). Зато стражники, объединенные общей службой и сознанием собственной правоты, решительно встали и двинулись к столу варвара.

— А ну, вор, подымайся! — грозно сказал низкозадый, пухлым кулачком прижимая к боку рукоять меча, что печально болтался в ножнах на его пузе. — Кому говорю!

Конан с любопытством посмотрел на него, потом перевел взгляд на парня. Тот сжался, пытаясь спрятаться за баранью ногу, но тем не менее отважно зыркал на стражников и что-то шипел сквозь зубы, оказавшиеся на редкость ровными и белыми.

— Да ладно, пусть его, — лениво пробормотал второй, опасливо косясь на мощного киммерийца: кто его знает, почему вор прибежал именно за его стол. Может, он его друг или брат...

— Чего ж ладного? — удивился низкозадый. — За преступников нам платят по десять медяков на брата — я от таких денег не откажусь! Ну! — зарычал он, приближая толстую физиономию к бараньей ноге. — Ну! Встать!

Нога не шевельнулась, а лохматого за ней теперь и вовсе было не видеть.

— Ур-р-р! — взрычал стражник. — Ур-р-р-р! Я тебя!...

— Прах и пепел... — негромко буркнул варвар, оглушенный рокотом его голоса. — Ты, старая морда, седло вонючее, плевков Нергала, шел вон отсюда, пока я твою задницу к полу не приколотил.

Спокойный тон Конана, в котором, однако, явственно слышались угрожающие нотки, заставил стражников вцепиться в свои мечи и сделать шаг назад. Парень же, напротив, осмелел, высунулся из-за ноги и тонко вякнул:

— Его задница и так у самого пола. Лучше бороденку приколотить.

Конан удивленно взглянул на него, но ничего не сказал, снова повернул голову к стражникам. И, хотя он молчал, те отлично поняли, что надо немедленно уходить, пока не завязалось что-либо вроде драки, а точнее — как раз-таки драка, в коей они, конечно, вряд ли одержат верх.

— Ты здесь человек новый, — откашлявшись, сказал тот, у которого зад находился достаточно далеко от пола. — Не знаешь наших порядков. Десять медяков и впрямь на дороге не валяются, вот и...

Он не договорил. Презрительно усмехаясь, киммериец сунул руку под полу куртки, пошуровал там и кинул на стол золотой.

— Хватит?

Глаза стражников загорелись. Каждый из них получал золотой после целой луны службы, а тут такое богатство неожиданно-негаданно свалилось им прямо в руки...

— Да, господин... — пересохшими губами прошептал присмиривший низкозадый. — Очень даже... очень даже хватит...

Он цапнул со стола монету и ринулся к выходу. Второй, возмущенно заревев, побежал за ним, подозревая, что соратник не захочет делиться. За ними, охнув, устремилась и хозяйка, потрясая метлой, — оба не заплатили за выпитое пиво и съеденную ветчину.

Конан насмешливо поглядел им вслед и повернулся к лохматому.

— Кто такой? — осведомился он, вновь подвигая к себе баранью ногу и с неудовольствием замечая, что один бок ее — тот, что находился прямо перед парнем, — изрядно ошипан.

— Трилле, — откликнулся лохматый и быстро отодрал еще кусок мяса.

Узкое лицо его, чрезвычайно подвижное, было весьма благородно. Черты, по отдельности казавшиеся вовсе некрасивыми, вместе составляли довольно приятное впечатление. Длинный тонкий нос, большой рот, голубые, широко расставленные глаза в обрамлении пушистых черных ресниц — если парня отмыть и причесать, он мог бы сойти за сына нобиля, а то и самого короля. К тому же и фигура его отличалась определенным изяществом — тонкая, высокая, гибкая, с развернутыми прямыми плечами. Сейчас же от природы чистая гладкая кожа его была покрыта пятнами грязи и болячками, а изящные руки — цыпками; белесая щетина выросла над верхней губой и клочками на подбородке; в светлых густых волосах застряли соломинки и репы. В общем, гостем Конана оказался обыкновенный бродяга, и сейчас, по мнению киммерийца, его следовало накормить (кто сам бывал голоден, не оставит голодным другого), и затем избавиться от него навсегда.

— Ешь! — Конан подвинул Трилле баранью ногу, кликнул хозяина и потребовал для себя жареного гуся, а заодно и еще пару кувшинов пива, один из которых предназначался для лохматого.

Получив разрешение на употребление мяса, парень ухватил ногу обеими руками и, рыча, вцепился в нее зубами. Похоже, последние три дня ему не доводилось радовать свой желудок чем-либо кроме куска черствого хлеба — он пожирал мясо даже глазами, выкаченными так далеко, что казалось, они вот-вот вывалятся из орбит.

Конан же, легко справившись с гусем, допил пиво, положил на стол плату за еду и поднялся. Ему предстоял неблизкий путь, и каждый вздох промедления означал еще шаг вперед пройдохи Леонардаса, увозящего в Вендию Лал Богини Судеб. Если же переводить путь ублюдка в триста золотых, обещанных Сервусом Наротом, то...

Киммериец быстро рассчитал, что каждый его шаг стоит примерно половину медной монеты, а если он едет верхом...

— Постой, брат! — Он был уже в дверях, когда звонкий голос лохматого остановил его.

— Ну? — нахмурясь, сказал Конан.

— Подожди меня, я сейчас!

Варвар пожал плечами и вышел из харчевни. Нет забот, кроме как ждать этого бродягу...

Взяв из рук мальчишки повод (избавившись от Конанова вороного, оборванец тут же снова завопил, призывая новых посетителей), он вскочил на коня и — тонкая рука Трилле легла на его колено.

— Что ж ты? — обиженно произнес он. — Я же просил подождать!

— Уйди! — рыкнул варвар, донельзя раздраженный наглостью парня. Он спас его от стражников и накормил — что еще ему надо?

— Да постой же, — увещевал его Трилле. — Я должен ехать с тобой. Я пригожусь тебе, вот увидишь сам. Знаешь, кто я? О-о-о!.. Ты не знаешь, кто я...

Конан ударил вороного пятками и тот рванул с места как ошпаренный. Через несколько мгновений позади осталась харчевня «Толстяк Шаккон», и оборванец-завывала, и нахальный бродяга... А впереди — впереди был город Асгалун, который до сумерек следовало проехать весь, дабы ночь провести уже в шемских степях, где никто, никто не потревожит сон киммерийца... Гикнув, Конан еще прищипорил коня, вновь радуясь жизни, ибо нет на свете ничего прекраснее ее...

...на свете нет ничего прекраснее жизни, да и как может быть? Только живому может доставить радость поцелуй красавицы, первый писк младенца, победа над врагом и возвращение из дальнего похода друга... Ощущение сие жило в сердце варвара и никак не отражалось в его голове. Глубоких мыслей он не признавал, как не любил и рассуждений на высокие темы. Для него все было просто: делай так, как тебе приспичило в этот момент (философ Бенино сказал бы иначе — «как велит тебе сердце твое»), но не торопись. Бывают разные моменты, и не всегда стоит полагаться на свое знание этой странной жизни.

Не всегда Конан бывал справедлив, ибо горячность и чисто варварская взрывная натура его иной раз запросто подавляли разум, кроме того, не всегда справедливость он понимал так, как понимали ее другие. Нынче, например, он мог бы обоих стражников прикончить только за то, что они осмелились потревожить его воплями во время трапезы, и лишь благодушное настроение, наступившее после приема пищи, спасло этих нахалов от дикой и страшной в своем проявлении ярости варвара.

Вряд ли после того его мучило бы раскаяние. Скорее, он забыл бы о тех, кого отправил на Серые Равнины из-за такого пустяка как шум в харчевне — или вспомнил бы, но без сожаления, а с усмешкой. Да, могло быть и так.

Но случалось и совсем иначе. Порой та чаша весов, на коей находилась его справедливость, перевешивала ту, на которой кучкой пепла лежала чужая. Жизнь человека была предметом сего спора. Спасенная варваром от чьей-либо злой воли, эта жизнь оплачивала его счет, обеспечивала равновесие перед богами, и даже суровый Кром не смог бы отрицать величия сына своего.

Сыну же на высокие материи было наплевать. Он вовсе и не думал о спасенных им, как не думал и о

погубленных им. Он просто жил — так, как умел; шел туда, куда вела судьба; действовал так, как велела природа. А чувства и объяснения этих чувств — занятие, недостойное воина...

Сумерки наступили, но Конан все стремил вороного вперед, уже по степи. Ветер свистел в его ушах — вольный ветер, вырвавшийся из плотных серых стен города на простор, сейчас сияющий серебром под новорожденным лунным светом. Две-три звезды еще не начали светить в полную мощь; пока они только тлели, и все же свет дрожал в них, постепенно разгораясь, разрастаясь, готовясь к долгой ночи. Вот оно — царство мрака, — грядет, принося с собою страх, озноб, сон и дрему; пробуждая низменные чувства в слабых людях и охотничьи инстинкты в сильных животных.

Слава Митре и прочим богам, в окрестностях Шема не водилось ни диких львов и тигров, ни гнусных гиен, ни змей. Так, пробежит иной раз пума или бродячая собака, коих развелось в последнее время множество, и не только в Шеме. Конана эти животные не волновали. Спал он чутко, и даже мягкий шаг пантеры разбудил бы его в самой середине крепкого сна. Да и верный меч всегда был рядом — не пройдет и четверти мига, как киммериец выхватит его из ножен в случае опасности... То есть даже если б в Шеме водились львы и тигры, варвар не стал бы торопить коня и отказываться от ночлега.

Спешившись возле небольшого холма, вокруг которого валялись охапки свежескошенного сена, Конан соорудил себе из них пахучее ложе, вбил в мягкую, уже похолодевшую без солнца землю колышек и привязал к нему вороного, затем лег. Сон пришел к нему сразу. Сон был плотен и покоен. Ни вдоха тревоги не вырвал он из глотки варвара...

Но потом в сон этот просочилось нечто странное. То ли обрывки воспоминаний, наяву уже не восстанавли-

ливаемые избирательной памятью, то ли предупреждение на будущее — там, в чертогах бога Хипноша, что владеет искусством погружать человека в вязкие теплые болота сна не хуже, чем Конан владеет искусством драться, киммериец не умел понять что к чему.

Он только видел лица, дома и дорогу, долгую, словно жизнь отшельника, ощущал чьи-то прикосновения, слышал голоса, но сам не ходил и не говорил. Хорошо ли было там? Плохо ли? Пожалуй, ни то и ни другое.

Там было никак. Чувства варвара, коих на самом деле у него всегда было достаточно, хоть он сам и не готов был в этом признаться даже себе, сейчас спокойно дремали. Сторонний наблюдатель, он ничего особенного не видел в сем сне, хотя он ему и не нравился.

Вот прекрасное лицо Белит, его возлюбленной, погибшей много лет назад. Оно лишь промелькнуло, но Конан точно знал, что тревоги и тоски не отражали темные глаза. Вот равнодушная физиономия старого солдата Кумбара — прошло всего-то две луны с того дня, как киммериец попрощался с ним у стен Мессантии — столицы Аргоса. А вот опять эта дорога... Никого нет на ней, только вдали слышны какие-то тихие голоса...

Внезапно Конан проснулся. Рука его за миг до пробуждения уже легла на рукоять меча. Откатившись в сторону от сенного ложа своего, он черной тенью распластался на земле, готовый в любой момент взметнуть меч и поразить врага. Но сначала нужно было убедиться, враг ли там...

Шаги приближались. Легкие, мерные, они принадлежали не человеку — лошади. Но одна, без седока, лошадь вряд ли появилась бы в степи, где одному только ветру привольно, а потому Конан затаился, дыша совсем неслышно, и вскоре уже разглядел в ночи, в пятистах локтях от холма, всадника, правящего в его сторону.

Вот он сделал остановку на миг и приподнялся в седле, высматривая что-то впереди, заметил вороного, который стоял прямо в снопе лунного света, и направил лошадь к нему. Он не сделал и двадцати шагов, как киммериец, видевший в темноте как кошка, разжал пальцы, прилипшие к рукояти меча, выругался шепотом, и встал.

— Нергал тебя раздери, приятель, — хрипло сообщил он во тьму. — Ты разбудил меня!

Глава четвертая В ЭРУКЕ

Трилле — а это был он — пришпорил лошадь, и несколько мгновений спустя, радостно, едва ль не со слезой улыбаясь, спрыгнул на землю и бросился к варвару. Он даже сделал попытку обнять его буд-то старого друга, с коим не виделся лет этак десять, но тот оттолкнул его одним лишь взглядом.

— Ты так и будешь таскаться за мной? — сурово спросил его Конан, не позволяя присесть.

— А, — махнул рукой лохматый, переминаясь с ноги на ногу и отворачивая глаза от синих льдинок киммерийца, — мне все равно, куда идти, вот я и подумал, что могу сопровождать тебя... Надеюсь, ты будешь рад...

Затем он (видимо, справедливо опасаясь, что как раз Конану не все равно, кто следует одной дорогой с ним, и вряд ли он так уж будет рад такому попутчику) набрал полную грудь воздуха и скороговоркой начал:

— Ты смел и решителен, ты великолепен и силен, о горный орел...

— Но! — Конан поднял ладонь, с брезгливостью останавливая этот поток лести. Досада, охватившая его в первый же вздох, разрасталась, заполняя грудь колючками злобы: одного взгляда на этого бродягу было достаточно для того, чтобы определить его сущность. Обыкновенный прилипала, из тех, что пристают к путешественникам, развлекают их в пути нелепыми

выходками, а за сей труд их надобно кормить и поить, да в случае чего еще и защищать. Конан встречал таких и прежде на эту удочку не попадался, но — в глазах Трилле все же посверкивало нечто странное, отличавшее его от остальных; может, именно то высокое происхождение, каковое заметил киммериец сразу...

Бродяга уловил миг замешательства, подался еще на шаг ближе.

— Клянусь всеми богами, ты не пожалеешь, — приложив к сердцу ладонь, горячо сказал он. — Знаешь, кто я? О-о-о!..

— Прочь! — вынес решение варвар. Засим он отвернулся и вновь пошел к своему ложу.

— И чем же я плох? — обиделся Трилле, волочась следом. — Я умен, красив и ловок, я...

— Прочь! — рыкнул Конан. — Клянусь Кромом, воронье гнездо, ты мне надоед!

Парень вздохнул, остановился. А когда киммериец зарылся в сено и захрапел, выбросив из головы существование бродяжки, он сел на землю, устроил подбородок в коленях и вскоре тоже задремал, привыкший, видно, спать в любом положении...

* * *

С первыми лучами солнца Конан открыл глаза. Небо, голубое и чистое, обещало хороший день, душа была свободна, легка, воздух свеж — все вместе создавало чудесное ощущение бесконечности жизни. В этот момент дыхание природы и человека совпали; человек проснулся одновременно с землей, травой и деревьями; природа вошла в его сердце и согрела его.

Киммериец встал. Увы, кроме него и природы, в мире сем существовал еще и бродяга, который тоже сейчас пробудился и хлопал длинными ресницами, припоминая, куда занесло его прошедшей ночью. Узрев его, Конан взъярился. Та благость, что снизошла с небес, мгновенно исчезла, испарилась в сыром воздухе утра.

Он зарычал, медленно, с угрозой, вытащил из ножен меч.

— Полно, дружище, — сиплым со сна голосом пробормотал Трилле, отползая назад. — Я уйду, если ты велишь...

Поднявшись, он отвернулся от киммерийца, пошел к своей лошади. Плечи его согнулись, руки плетью повисли вдоль боков — парень явно не хотел расставаться с этим огромным мощным мужем, коего почитал уже за друга и покровителя. Но делать было нечего.

Караковая всхрапнула, когда он дернул повод, отворачивая ее морду от сочной травы, и недовольно ударила копытом в землю, когда он запрыгнул в седло. Вороной Конана косил на красавицу кобылу большим фиолетовым глазом, готовый скакать за нею, но хозяин и не думал пока отправляться в путь. Он восседал в копне сена и с аппетитом поглощал жареного петуха, запивая его красным вином из бутылки. То ли он снова забыл о Трилле, то ли нарочно не глядел на него, уверенный в том, что теперь-то парень оставит его в покое и уберется восвояси — еще вчера он воздал долг чело-веколюбия и накормил этого прилипалу, а потому ныне не считал себя обязанным предложить ему часть своего пайка.

Глубокий вздох наполнил грудь бродяги. Он бросил на варвара последний взгляд и, не увидя и малейшего признака того, что его присутствие замечено и принято благосклонно, тронул лошадь. Он возвращался в Асгалун — город, который так неприветливо встречает бродяг! Впрочем, а кто вообще в этом мире встречает их приветливо?

* * *

Близился вечер. Давно уже позади осталась степь, и полоса чахлого сухого леса, и мутный ручей с кислой водой, и маленькая деревня без постоянного двора. С самого утра Конан ехал, не останавливаясь, раз только

позволив коню напиться из деревенского родника. Скоро уже должны были показаться вдалеке стены Эрука — там путник бывал, и теперь предвкушал обход знакомых кабаков и объятия знакомых див, кои пышны формами и добры сердцами. Зелина, Ирха, Саддана, Лиля, Аина — черноокие красавицы, умеющие любить мужчину так жарко, что и годы спустя в душе его остается след от языка пламени этой любви... Да, Конан помнил их. Ночи и рассветы в крошечных комнатках под чердаком кабака, пьяные песни и крики внизу, в зале...

Киммериец ухмыльнулся, представляя уголки глаз юной толстушки Ирхи, кои вспыхнут при виде давнего приятеля так ярко, что вмиг разожгут его страсть, затуманят голову, увлекут в духоту каморки и... Он прищипорил вороного, желая поскорее достигнуть Эрука, этой колыбели любви, пьянства и воровства. Все-таки жизнь прекрасна — так ощущало сейчас его сердце и простор равнины, и близость города, и сухой теплый ветер, толкающий в спину. Прошлого нет; есть только будущее, в тайне которого содержится смысл всей жизни, и к этому будущему стремился сейчас варвар, напроочь позабыв об истинной цели своего нынешнего предприятия.

Он ворвался в Эрук так лихо, что стражники едва успели поймать вылетевшие из его руки золотые. Узкие и кривые, но такие уютные улочки, мощенные серым плоским булыжником, гостеприимно таращились на путника круглыми окошками — окраина города состояла сплошь из деревянных хибарок бедняков, а они затыгивали проемы в тонких стенах бычьими пугырями, отчего окна и в самом деле становились похожими на глаза. Унылые прохожие шарахались в стороны, приученные бояться всадников; фонарщики, по большей части люди нервные и озлобленные, ибо их скорбный труд оплачивался не звонкой монетой, а натуральным продуктом, кричали ему вслед и грозили Золотым Павлином Сабатеи, редким ублюдком, насколько знал Конан; девиц в это время здесь вовсе не было,

но зато они были в кабаках — туда-то и направлял путник своего коня.

Ближе к центру стали попадаться каменные дома — в основном одноэтажные, приземистые, чванливо отвернувшие от улицы окна в свои внутренние дворы. Тут строились более состоятельные люди, вроде мелкого купечества и судейства. Сам же центр изобиловал роскошными дворцами в два, а то и в три этажа, с золочеными башенками на плоских крышах и вычурными витражами в огромных окнах. Улицы, достаточно широкие для того, чтоб по ним могли проехать плечом к плечу трое всадников, изобиловали кабаками разных видов — от дешевых забегаловок до шикарных двухэтажных таверен, одна кружка пива в коих стоит не меньше отличного кинжала акбитанской стали.

Конан уверенно повернул коня налево от центральной улицы и тут же остановился. Перед ним была дверь того самого кабака, в котором некогда он познакомился с Ирхой и Лилой. Две сестрицы, они отличались одна от другой так, как кошка отличается от слона, как кусок баранины от обглоданной кости, как капля воды от бутылки вина. Пампушка Ирха обладала веселым и легким нравом, умела заразительно хохотать и пить пиво, не проливая его на себя. Высокая худая Лила была мрачна, словно новоиспеченная вдова, зато в любви горяча и ненасытна (хотя пиво она неизменно выливала на платье, что обыкновенно раздражало ее жадных приятелей). Конану нравились обе. Ирха — за милый смех и совершенную непритязательность, Лила — за молчаливость и скромность. Последнее достоинство, правда, гармонично сочеталось со слабоумием, но в шуме дружеской пирушки, а потом в пылу страсти сей порок был не так уж и заметен.

Итак, надеясь на встречу с давними подругами, варвар толкнул тяжелую дверь и вошел внутрь. За эти годы здесь ничего не изменилось. Зал набит всяким-разным людом, гвалт, хохот, и все же хозяин — здоровенный шемит с короткой курчавой бородой, развлека-

ющий посетителей тем, что без усилия гнул подковы и жонглировал двумя кузнечными молотами, — увидел дорогого гостя, радостно кинулся навстречу.

Конечно, он прекрасно помнил этого огромного мускулистого киммерийца, который когда-то шутки ради разогнул все им испорченные подковы, а оба молота привязал к ногам пьяного стражника и швырнул его прямо в пивную лужу, откуда потом несчастный долго не мог выбраться. О, эти чудные, такие веселые забавы! Их помнили многие! Тогда деньги рекой текли в бездонные карманы хозяина, а он, в свою очередь, тоже не скупился, и на столе Конана не переводилось пиво — чуть кислотоватое и жидкое, но варвар не привередничал, твердо зная, что зато ему не придется платить.

Увы, обеих крошек — Ирхи и Лилы — сейчас тут не наблюдалось. Конан поначалу решил, что они заняты наверху с гостями, и, сев на свободное место за длинным высоким столом, потребовал кувшин пива и солонины с хлебом. Оглядевшись, он увидел новых, еще незнакомых ему див: три грации, каждая размером с молодую свинью, разгуливали меж скамеек и томно лгнули к мужчинам, разбавляя их хриплый гомон своими милыми кокетливыми голосками. Правду сказать, варвару давно не приходилось слышать таких диких воплей, кои исторгались из луженых глоток этих малюток.

— Хей, Джалваз! — Он схватил хозяина за полу куртки. — Где Ирха?

— О, господин. — Круглая плутоватая рожа здоровяка скривилась в печальную гримасу. — Бедную Ирху солдаты прикончили в том году. Вот так прямо и всадили меч в сердце! Мы так горевали!..

— Прах и пепел... — пробормотал киммериец и сам удивился острой жалости, что на миг пронзила его грудь. — А Лила?

— И Лилы нет с нами больше! Утопла, бедняжка!

— Где?

— Да в луже! — горестно махнул рукой Джалваз. В глазах его сверкали неподдельные слезы. Срывающим

ся голосом (ибо ему приходилось кричать, дабы Конан мог услышать его в этом гаме) он продолжал: — Как-то выпила лишку и пошла прогуляться на улицу. А там — упала, носом в самую лужу!..

Варвар помрачнел. Он никогда не заблуждался насчет участи кабацких девиц — все они так или иначе уходят на Серые Равнины прежде срока. Но его собственные подружки?.. Он мотнул головой, отгоняя непривычные ощущения, теснящие грудь, и обратил взор на одну из красоток, что уже направлялась к нему с другого конца зала.

— Милтах! — заорал сосед Конана слева, который тоже узрел девицу и не сомневался, что она идет именно к нему. — Я жду тебя, крошка!

Киммериец хмыкнул. Весу в крошке было не меньше, чем в нем самом. Сосед же — тощий костлявый парень лет двадцати пяти — в полный рост едва ли достигал мощного плеча Милтахы.

— Кр-р-рошка! — снова проверещал он с видимым удовольствием. — Я прям заждался!

— Замолкни, — басом сказала Милтах, не удастая парня взглядом. Тяжелая рука ее легла на руку Конана. — Пойдешь со мной, варвар?

Черные, с теплым желтоватым отблеском глаза ее в упор смотрели на гостя, и он наконец почувствовал, что в груди его стал таять кусок льда, возникший после рассказа хозяина о трагической гибели Ирхи и Лилы.

— Пойду, — кивнул он, притягивая красотку к себе.

Она села, улыбнулась ему одними губами, и лихо опрокинула в большой рот пиво из его кружки. Утробно булькнув, пиво исчезло в ее глотке, а варвар жестом подозвал взмыленного слугу и велел принести еще пару кувшинов.

— Что ж ты, Милтах, — обиженно сказал сосед Конана. — Прошлой-то ночью со мной была, а нынче что?

— Нынче с ним буду, — трубно объявила девица и прилепилась щекой к плечу киммерийца.

— А я?

— Мелок ты, парень. Крутишься, точно вошь, а толку и нет.

Конан, дабы из мужской солидарности сдержать смехок, вгрызся в ломоть солонины, а сосед его засонел и умолк, оскорбленный и униженный.

— Хей, варвар, — жарко зашептала Милтах в ухо нового приятеля. — Как называть тебя?

— Конан.

— Из Киммерии?

— Угу-м...

Конан допил пиво, чувствуя, как лед в груди совсем растаял, потеплел и вроде даже начал закипать. Горячее дыхание и пышные формы красотки, облепившие его правый бок, способствовали тому или крепкое пиво — варвар не знал, да и не хотел знать. Только одна мысль брезжила сейчас в его размягченном мозгу: спать, и лучше всего с Милтахой. Он уже забыл про Ирху и Лилу, что подарили ему тут столько прекрасных, буйных и страстных ночей; он забыл про остальных див, коих на дорогах и бездорожьях встречал множество — иные были милы и только, другие... Но в этот момент он забыл также и про других — про Белит, Карелу, Алму...

Тяжело поднявшись, киммериец рывком поставил на ноги свою красотку.

— Идем, — мутным взглядом оглядывая ее лицо, произнес он.

Милтах облегченно вздохнула (бывало, вино и пиво сваливали ее нового приятеля с ног раньше, чем она успевала затащить его наверх, в постель), крепко сжала его ладонь своими широкими, по-мужски сильными пальцами, и, плотно прижимаясь к нему округлым тугим бедром, пошла за ним, про себя удивляясь тому, что он так хорошо знает дорогу. Прежде она не видала его здесь, а не заметить не могла... Впрочем, думы сии не особенно занимали сейчас Милтаху. Еле сдерживаясь, чтобы не прибавить шаг и не ринуться по лестнице бегом, она с восторгом обзревала брон-

зовую мощную шею варвара, широкие плечи, на которых лежали пряди черных прямых волос, твердый подбородок, иссеченный белыми шрамами, длинные пушистые ресницы... Целую ночь с мужчиной, а не с пьяным развратным сусликом! — она завидовала самой себе. Целую ночь!

Милтаха не выдержала и, взревев, рванула наверх, увлекая за собой Конана.

* * *

Мрачный, как предгрозовая туча, варвар спустился в зал. Ночь он почти не спал, взятый в плен новой девицей Джалваза, а потому пропустил рассвет, и утро, и даже полдень. Солнце уже вышло из зенита, когда он наконец открыл глаза и обнаружил себя в залитой светом комнатухе, рядом с храпящей горой по имени Милтаха. Он вскочил, кляня себя, это злачное место и почему-то рыцаря Сервуса Нарота, быстро облачился в свое запыленное одеяние и ринулся вниз.

Хозяин, присматривающий сейчас за работой слуг, увидев его еще на лестнице, радостно осклабился. Днем в его кабаке обычно бывало пусто и тихо, а потому он мог позволить себе уделить больше внимания давнему, хорошо знакомому посетителю.

— Пива, господин? Вина? Баранины? — Огромные ручки Джалваза были по обычаю сложены на груди — в знак особого расположения к гостю.

— Пива, — хмуро бросил Конан, проходя к столу.

Сколько дорог отмахал Леонардас за то время, пока преследователь его спал глубоким сном? Не добрался ли он уже до самой Вендии? А может, он решил изменить направление пути и сейчас правит в Стигию, или Замору, или Офир? Наверное, зря он не захватил с собой астролога... Но эта мысль, только мелькнув, сразу пропала. Уж лучше такой попутчик, как тот бродяга, чем брызгливый старикашка...

Но как же Конан мог проспать? В темной злобе, обуявшей его всего, он осушил кувшин доброго темного

пива, закусывая ломтем свежего хлеба с бурой хрустящей корочкой; оторвал кусок от бараньей ноги и проглотил его, остальное сунул в дорожный мешок — его собственная снедь уже была на исходе.

Наконец он решил, что нагонит упущенное время — будет ехать всю ночь напролет, без остановки, — и тихая злость на себя самого, на лень и беспамятливость понемногу начала растворяться. Душою киммериец уже был в пути...

— Пива! — зычно заявил он хозяину, который издали смотрел на него с умилением, но приблизиться и заговорить не решался.

Тот осветился радостной улыбкой, сам бросился исполнять приказание дорогого гостя, сердито цыкнув на слугу, что вздумал его опередить.

В ожидании пива Конан осмотрел зал. За годы его отсутствия здесь мало что изменилось. Поставили новые — длинные и кривоногие — столы, а удобные табуреты сменили на скамьи; вместо одного светильника, чей свет прежде никогда не достигал дальних углов, повесили шесть; стали чище мыть полы — вот, пожалуй, и все.

Скрипнула дверь, тронутая чьей-то неуверенной рукой. Взгляд варвара переместился на щель, в кою хлынул поток дневного солнечного света, и... Яростный рык вырвался из его глотки, заставив хозяина и слуг всполошенно дернуться и открыть рты. На пороге, освещенный, словно некое божество, яркими лучами, стоял бродяга Трилле и смущенно щурил на киммерийца наглые голубые глаза.

— Пшел! — дурными голосами заорали Джалваз и его слуги, видя, кто именно вызвал такой гнев у дорогого гостя. — Пшел прочь!

Но Конан, совсем недавно прогонявший парня такими же словами, вдруг ощутил в душе явное раздражение, и направлено оно было вовсе не на Трилле.

— Прах и пепел... — прорычал он, поворачивая голову к хозяину. — Занимайся своим делом, приятель! А ты... — взор его снова обратился к бродяге, — подойди.

Глава пятая ДАЛЬНИЙ ПУТЬ

Пораженные таким неожиданным заступничеством, хозяин и слуги отвернулись, по мудрому совету киммерийца занялись своими делами. А бродяга прошел через зал и смело уселся за его стол.

— Пей,— разрешил Конан, подвигая парню початый уже кувшин с пивом.

Лохматый не заставил себя долго упрашивать, а вцепился костлявыми пальцами в пузатые бока кувшина и начал шумно хлебать живительный напиток, повизгивая от удовольствия.

Конан же, нахмурив брови и уставя глаза в стол, усиленно размышлял. С одной стороны, сейчас он хотел избавиться от этого парня больше, нежели прежде, ибо подобная навязчивость становится подозрительной. Проще всего, конечно, было прикончить его — сие средство самое верное. Но убивать бродяг варвар всегда считал делом недостойным истинного воина, сродни расправе с малым или старым. А с другой стороны... Он не мог понять, каким образом парень сумел найти его в городе. Судя по всему, он обладал недюжинными способностями. В сыске ли, в чутье ли, все равно. Стало ясно, что если уж он прицепился к Конану так намертво, то есть тому какая-то причина...

— Ну, брат, утешил,— отрываясь от кувшина, молвил Трилле.— Еще б хлебца краюшку...

Конан молча вывалил из дорожного мешка всю снедь и отправился на кухню к Джалвазу пополнить запасы. Раздражение и злость, теснившие грудь с того самого момента, как парень появился в дверях кабака, чуть утихли, но он чувствовал, что вот-вот разгорится яростный огонь, и тогда — тогда он забудет все правила воина и отправит наглого бродяжку гулять по Серым Равнинам, просторы коих необозримы, и даже сонмы теней умерших не истопчут там все тропы...

Хозяин, пораженный до глубины души добротой сурового варвара, набил его мешок мясом и хлебом под завязку и с поклонами принял в уплату два золотых.

К тому моменту, когда Конан вернулся к столу, Трилле уплел остатки бараньей ноги, полкаравая и теперь, хрюкая, допивал пиво из кувшина.

— Клянусь Кромом, парень,— пробурчал киммериец, усаживаясь на свое место,— жрать ты горазд...

— О-о! Я много чего умею!..— перебил его лохматый, довольный хотя б и такой похвалой.

— И языком молоть тоже горазд,— нахмурясь, продолжил Конан.— А на что еще годеи?

— Я скажу тебе...

Разомлевший от еды и потерявший бдительность Трилле сунулся к уху варвара и быстрым шепотом затарахтел:

— Носом, как волчище, чую — так и тебя в этой дыре отыскал! До Эрука добрался, по улицам проехал, кабаки обнюхал, и вот — я здесь! А еще...— Он понизил голос и совсем прилепился к Конанову уху: — Еще я... Повелитель Змей!

Этого Конан уже вынести не мог. Развернувшись, он отвесил болтуну такую затрещину, что тот кубарем скатился со скамьи и грохнулся на пол, к великому удовольствию Джалваза и слуг.

— Шакалье дерьмо! — уставясь на поверженного лохматого, сквозь зубы процедил варвар.— Отрыжка Нергала, репей, недоумок...

— Я не репей,— с достоинством отвечал Трилле, подымаясь и отряхиваясь. Удар судьбы (на сей раз судьба действовала рукою Конана) он снес мужественно, как и подобает бывалому бродяге, коего каждый считает своим долгом обидеть.— Я сказал тебе правду, о варвар. А не веришь — проверь.

— Как? — Киммериец начал остывать и уже с интересом взглянул в такие грустные сейчас голубые глаза нового знакомого.

— Едем!

Трилле был настроен решительно. Мотнув головой в сторону двери, он твердым шагом двинулся вперед, не оглядываясь, как будто был уверен, что Конан последует за ним.

Подивившись про себя такому необоримому нахальству, варвар все-таки встал, закинул за спину дорожный мешок и тоже пошел к выходу. Как бы там ни было, а этот парень начинал ему нравиться...

* * *

Синяк на скуле Трилле расцветал, разрастался, наливался красивыми фиолетово-багровыми оттенками. Одно лишь печалило лохматого: его прекрасный голубой глаз заплыл и почти совсем закрылся, и теперь узнать о его внешнем великолепии можно было только по второму глазу, который, к счастью, остался невредим. Но Конана он не винил. Не он первый и не он последний так отреагировал на его признание. Конечно, простому человеку, рассуждал Трилле, нелегко поверить, что с ним рядом находится не кто иной, как сам Повелитель Змей, Несравненный, Могущественный, ну, правда, ныне несколько потрепанный и потасканный.

Стремя свою караковую, увиденную от стен кабака в Асгалуне, к степям Шема, новый знакомец варвара постепенно обретал душевный покой. Он уже не сомневался, что грозный, такой могучий и огромный киммериец возьмет его с собой. Он чувствовал, что некая цель ведет его вперед, и по опыту знал, что путь к цели

никогда не бывает легок и спокоен. Конану необходим спутник, а ему, Трилле, необходим покровитель. Он устал маяться в одиночку в большом жестоком мире, он хотел отдохнуть.

Между тем уже близились сумерки. Небо из голубого стало серым, солнце оседало, готовясь освободить место луне. На горизонте возникли пухлые белые облака — за ними шла ночь. Ветер усилился; по степи побежали волны, золотом расцветивая бескрайний серый простор.

Бродяга резко осадил кобылку, повернулся к Конану. На тонких губах его играла странная полуулыбка, а в глубине голубых глаз сверкал черно-красным раскалом вытянувшийся зрачок.

— Остановимся здесь,— сказал он, соскочил с лошади и, бросив повод, пошел дальше пешком.

Караковая удивленно посмотрела в спину новому хозяину, потом опустила голову и принялась щипать степную траву. Вороной Конана, также брошенный на произвол судьбы, последовал ее примеру.

Молча шагал киммериец вслед за бродягой, в душе проклиная собственную мальчишескую дурость. Всякий другой удавил бы этого наглеца на месте и со спокойной совестью мог продолжать путь. Он же, завлеченный его обещанием показать свои удивительные способности, не только не убил его, но еще и потащился за ним как праздный простолудин на балаганное зрелище! Тьфу! Давно Конан не был так зол на себя самого.

— Здесь...— буркнул Трилле, останавливаясь.

— Почему здесь? — насмешливо спросил варвар, свысока глядя на хвастуна.

— Все равно. Можно и дальше отойти.

— Тьфу! — Конан и не думал скрывать своего раздражения.

— Лошадей жалко,— туманно пояснил бродяга.

Он подошел к киммерийцу и носком рваной сандали очертил вокруг него нечто вроде круга, всего лишь примяв траву, потому что земля не проглядывала сквозь

плотный ковер растений. Затем отошел на несколько шагов в сторону и сел, скрестив ноги.

Бормоча проклятия, Конан тоже сел. Хорошо, что его не видят сейчас братья-пираты! Их предводитель, суровый, неустрашимый и резкий, как штормовая волна, высиживает тут бездельником и глазает на такого же кретина... Глубокий вздох наполнил грудь варвара. Что и говорить, болтливый воришка, перекаати-поле, наглец и хитрюга сумел-таки заинтересовать его. Но — Митра свидетель — не раз в пути к Конану привязывались оборванцы, и не было еще случая, чтоб потом он об этом жалел. Он вдруг вспомнил шемита Иаву, рыжего талисмана Висканьо, оборотня Майло... Да, он бы с радостью встретился с ними снова... Увы, жизнь развела их по городам и странам, и только он, Конан, все бродит по дорогам огромного мира в поисках славы, богатства и любви...

Пусть, решил он, пусть этот парень идет с ним — даже если он и не владеет заклинаньями змей. Слава богам, киммерийца еще не подводило его чутье, основанное на опыте и общении с разными людьми, и теперь не подведет.

Чуть оттаяв, он посмотрел на Трилле более благожелательно, и тут же сморщился неприязненно: лохматый крепко зажмурил глаза, весь скрючился и, дрожа и потя, бормотал какую-то чушь на незнакомом варвару языке. «Тьфу!» — хотел сказать Конан, но в этот же момент слова замерли на его губах.

Издали послышался тревожный всхрип лошадей, а отовсюду — сзади, слева, справа — мерзопакостное хоровое шипенье. Высокая трава буйно колыбалась уже не под дыханием ветра, а от тел сотен гадов, ползущих в ней. Вот почти у самых ног киммерийца сверкнула блестящая черная лента, поднялась, крошечными злобными глазками в упор разглядывая человека, дернулась к нему, но не смогла преодолеть очерченного Трилле круга. И тут же возле нее закопошилась еще одна тварь, потом еще одна, еще...

Разных размеров и видов, змеи ползали в траве, свивались в клубки, шипели — никогда прежде Конан не видел такого скопления этих Нергаловых отродьев, а увидев, почувствовал нечто вроде смутения: ему одновременно желалось выхватить меч, изрубить в лапшу гадов, убежать и врезаться в здоровый пока голубой глаз бродяги. Но ни того, ни другого, ни третьего он не сделал. Завороженно глядя на богопротивное действие, он начинал понимать, какого спутника послал ему Митра (или Кром).

— Смотри, брат! — весело сказал Трилле, которого танцы змей только забавляли. — Глухая гадюка! Вот не знал, что они водятся в Шеме! У ней хвост раздвоен, и кидается она прямо из-под ног!

Конан не разделял восхищения лохматого. Гадюку, что бросается прямо из-под ног, стоило, по его мнению, изничтожить на месте, а не млет от умиления, но — здесь хозяином был не он. Подняв глаза на парня, он с отвращением узрел в его руках длинную белесую змею, обвившуюся вокруг тонкой его шеи и свесившую плоскую голову к его рту.

— Тьфу! — в сердцах сплюнул варвар, отворачиваясь.

— А это... — видимо, Трилле решил доконать нового товарища, — уж, но ядовитый. Он живет под...

— Хватит! — прервал Конан зарвавшегося натуралиста. — Убери отсюда гадов, пока лошадей не пожрали!

Лохматый покорно кивнул, сложил губы трубочкой и засвистел — тихо, переливчато. Именно так, насколько мог помнить Конан, свистят настоящие заклинатели змей, но не прогоняя их, а, наоборот, призывая. Тем не менее твари стали расползаться; уж, извиваясь, протаскился по руке Трилле вниз, там вытянулся в стрелу и скоро исчез в траве. Через пару всего мгновений в округе стало чисто. Киммериец подавил облегченный вздох и встал.

— Ехать пора.

— Угу,— сказал бродяга отсутствующим голосом, уставясь в одну точку на горизонте. То ли жалко ему было расставаться со змеями, то ли некая мысль посетила его в этот миг, но он не тронулся с места, пока Конан не поднял его за шиворот и не поставил на ноги. Тогда он тоже вздохнул — не облегченно, а страдальчески — и поплелся за варваром, который уверенно шагал впереди, ничуть не опасаясь новой встречи с гадами.

Лошади, оставленные ими посреди степи, стояли беспокойно: подымали морды к небу и ржали, перебирали ногами. Как видно, змеи обползли их стороной, но чуткие животные ощутили их незримое присутствие здесь.

— Куда мы? — спросил Конана очнувшийся наконец Трилле.

— В Вендию,— коротко ответил киммериец, легко взлетая на вороного.

Парень пожал плечами, кряхтя, забрался на свою караковую.

— Не близко,— сказал он не то осуждающе, не то уважительно.

— Можешь оставаться! — ухмыльнулся жестокосердый варвар, ударил коня пятками и поскакал по степи, уже начинающей темнеть, ибо только половина солнца освещала землю в это время.

Повелитель Змей в нерешительности посмотрел назад, потом на Конана, потом опять назад. В Вендию? Не близко... Однако превозмог себя, лень свою, которая, на удивление, присуща всем почти бродягам, и подался вслед за Конаном — только черной точкой он виделся уже вдалеке...

* * *

К утру он совсем обессилел. Ехали медленно, то шагом, то рысью, и остановок не делали вовсе. Киммериец казался парню выкованным из железа: суровое лицо его с грубыми правильными чертами не выража-

ло ровно никаких чувств, спина была пряма, взгляд чист. Зато Трилле едва удерживался в седле. Он чувствовал, как бледен, как согнулись плечи словно от тяжелой ноши; в глазах его рябило, а ноги в бедрах тряслись, как у дряхлого немогущего старца. Сколько раз за ночь принимался он благодарить Митру и всех богов за то, что послали им такую милость в виде лошадей. Пешком он точно не смог бы пройти весь день и всю ночь без перерыва. А Конан — тот смог бы...

В начале пути — после представления со змеями — они потолковали немного. Так бродяга выяснил, что новый товарищ прозывается Конаном, что родом он из холодной северной Киммерии, что лет ему тридцать и еще один (на целых пять больше, чем ему, Трилле). Иных сведений выудить из варвара ему не удалось. На вопрос о цели их нынешнего предприятия он лишь ухмыльнулся, а ответить — не ответил. И о жизни своей поведать не пожелал. Пожалуй, последнее обстоятельство огорчило парня более всего. Мотаясь по свету, он привык рассказывать сам и слушать других, так что к двадцати шести годам различных правдивых историй в запасе у него было полно. Это приносило не только удовольствие, но и хлеб. Длинными зимними вечерами, когда бродягам живется совсем худо, Трилле за похлебку и горбушку вдохновенно посвящал хозяина постоялого двора и его гостей в тайны и приключения путешественников, описывал красоты и обычаи далеких стран, без приукрашивания передавал легенды и сказки разных народов. Два, в лучшем случае, три дня на этом можно было продержаться. Потом хозяину надоедало слушать одно и то же и он, если гости не заступались, прогонял рассказчика вон, хоть в мороз, хоть в пургу — торговые люди не жалостливы, вон Конан — уж на что варвар, а и тот в кабаке в обиду не дал, накормил...

Мысли путались в голове бродяжки. Он то принимался дремать в седле, то, едва не свалившись, выпрям-

лялся и какое-то время сидел ровно, словно палку проглотил. Усталость постепенно овладевала им; все члены ослабли: пальцы отказывались держать повод, голова норовила упасть на плечо, а глаза, раз закрывшись, и вовсе не желали открываться. Когда первый, еще невидимый луч солнца высветил равнину Турана с чередой гор по правую сторону, Трилле все же уснул. Ему снился город. Большой и шумный, с красивыми домами и добрыми жителями... Может, то была его родина? Кто знает...

* * *

Только у стен Замбулы — суматошного туранского города — Конан заметил, что спутник его крепко спит, и, надо сказать, заметил вовремя. Как раз в этот момент Трилле начал валиться с лошади и непременно упал бы на землю, да еще, может быть, запутавшись в стремени, расшиб голову, если б железная рука варвара не подхватила его. Тут же пробудившись, парень захопал глазами, пока не в силах уразуметь, где он, почему и с кем, но уже напугавшись до полусмерти, — не сосчитать, сколько раз сон его прерывался пинком либо бранным словом.

— Конан?

— Нет, Илдиз Туранский, — ворчливо ответил киммериец и снова пустил коня вскачь.

Повелитель Змей, измотанный и сонный, погнался за караваном следом, в душе проклиная себя за то, что все-таки добился своего и прилепился к этому киммерийцу — сам бы он от Эрука до Замбулы сделал не меньше десятка привалов, а с Конаном пришлось ехать без остановки. Вдруг страшная мысль поразила бродягу в самое сердце: а что, если железный варвар решил вовсе нигде не останавливаться, пока не доберется до Вендии? Холодный пот выступил на челе лохматого. Нет, такого испытания он точно не выдержит.

Решив положиться во всем на судьбу, Трилле догнал спутника. Ворота Замбулы уже распахнулись, и

первые приезжие уже входили и въезжали по прямой немощеной дороге в город. Здесь были торговцы, охотники, крестьяне с возами визжащей живности на продажу, путешественники, калеки-побирушки... Всего около двадцати человек, что для Замбулы, в общем, было мало. Обыкновенно у этих ворот с ночи толпилось не меньше полусотни всякого сброда, кланча друг у друга хлеб да медяки и умоляя стражников впустить их сейчас, а не утром.

— Конан... — робко обратился лохматый к варвару. — Может, заедем в кабачишко? Жрать охота...

— Тебе б только жрать, — буркнул Конан, сам только и мечтающий еще с полуночи о сочном куске жареной баранины и кружке доброго пива. — Заедем сейчас...

Верный своему решению ехать без остановки, он пожалел время и на еду. Можно было б достать из дорожного мешка снедь, прихваченную в Эруке, но киммериец поберег ее на тот случай, когда они окажутся вдалеке от людных мест и негде будет достать еды. Впрочем, ломоть хлеба он все же выудил со дна мешка и разделил со спутником. Правда, было это еще до темноты...

В первом же встречном кабаке они подкрепились — причем Конан опять был поражен прожорливостью Повелителя Змей, смолотившего зараз три миски лапши, рыбку похлебку, седло барашка, лепешку величиной с колесо телеги и головку сыра, — а затем за один лишь золотой купили комнату до полудня.

Обстановка была скудна, но на большее никто и не рассчитывал. Тахта, затянутая истрепанным покрывалом, досталась Конану, грязный дощатый пол — Трилле. Увы, пришлось обойтись без стола и табуретов, потому как их тут вовсе не было. Да и вообще ничего не было — одна тахта.

Не сетуя, не суетясь, спутники быстро улеглись на свои места и, совершенно не замечая шума улицы, доносящегося сюда через маленькое окошко без стекла, мгновенно уснули. Трилле опять снился город.

Глава шестая

ВЕДЬМА

После полудня спутники уже выезжали из Замбулы. Первое время, отдохнувшие и сытые, гнали коней, потом, когда далеко позади остались стены города, поехали шагом.

— Конан, — не выдержал долгого молчания бродяга. — Скажи, ты бывал прежде в Вендии?

— Бывал, — благосклонно отвечал киммериец.

— А я — нет...

— Где ж ты научился заклинать змей?

— Я не заклинатель, — помотал головой Трилле. — Я — Повелитель. Так сказал мне один мудрый человек. Давно... — И, видя, что Конан готов его слушать, продолжал: — Занесло меня однажды в Пустоши Пиктов. Лето уж прошло, холод, дожди, под ногами хлябь — так, верно, на Серых Равнинах, думал я, и — клянусь всеми богами (своего-то бога у меня нет), очень не хотелось мне попасть туда. Слышал я, оттуда еще никто не возвращался к людям...

Протопал я день, другой... Ночи зябкие, на мне рваная куртка, штаны полотняные — и только. Промерз до самых костей. Что делать? А тут еще с дороги сбился. Попал в самые что ни на есть Боссонские Топи. Куда ни ступишь — кругом вязко, того и гляди, вовсе провалишься с головой. Присел я на кочку (задница сразу

намокла, но мне уж все равно было) и размышляю. Направо пойду — болото. Налево — болото. Назад — море Запада, еще хуже, чем болото. А вперед... Я и так шел вперед.

И тут вдруг из-под ноги моей выползает страшная змеища. Толстая, что твоя рука, склизкая и головастая. Правду сказать, я не то что не видал таких прежде, а и не слышал даже, что они есть.

— Каких только гадов не наплодил Нергал, — согласно кивнул варвар, с интересом слушавший рассказ Трилле.

— Угу. Так вот, подбирается ко мне эта тварь, голову поднимает и прямо мне в глаза смотрит. И знаешь, Конан, странное дело: змей я до того пару раз издали видел, а страха нет во мне. Чувствую, что нет. Уж кого я только не боюсь! И медведей, и волков, и тигров... Ладно, признаюсь тебе... Всех я боюсь, даже мышей и зайцев. А тут смотрю на гадину болотную, и хочется мне руку протянуть и гладкую кожу ее потрогать... Я и протянул.

— Ну?

— Ничего. Свернулась у моих ног в клубок и лежит. Но тут я совсем околел от холода. Встал, да и пошел дальше. Оглянулся — она вслед мне смотрит... Прошел еще чуть и снова на змею наткнулся. Длинная и тонкая, вроде пояса. Перешагнул и иду себе...

Конан заскучал. Откровенно зевнув, он отвернулся от спутника и стал вглядываться вдаль в надежде увидеть стены Куткемеса. Нет, кроме равнины, он ничего не видал — к городу они должны были подъехать лишь к самым сумеркам, а то и ночью.

— Едва выбрался из одного болота, как тут же в другое попал. Увяз по самую грудь, зацепиться не за что. Вот, думаю, и вышел я на ту тропу, что ведет к Серым Равнинам... Знаю, что дергаться нельзя — еще глубже затянет. А как быть? Распластал руки по вонючей жиже, замер, жду... Чего жду — не знаю. Может, чуда, может, человека какого... К богам обращаться

боюсь: вдруг не того назову, которому в моей стране поклоняются. Знать бы, откуда я родом... Вот тебе хорошо — у тебя Кром есть. Какой-никакой, а все ж...

Конан не мог позволить, чтоб о его боге отзывались так небрежно. Пусть этот безродный бродяга сколь ему угодно бранит Эрлика, Имира, Ханумана и прочую шуштуру, но — не Крома.

— Вся великая Киммерия почитает Крома, — поучительно произнес он, не испытывая, впрочем, особого негодования. — И ты, шакалий хвост, прикуси язык, не то мой меч отхватит тебе его до глотки.

— Хорошо, — покладисто кивнул Трилле, готовый провозгласить Крома хоть властелином всего мира — лишь бы его новый приятель остался им доволен. — Так вот, раз уж так получилось, что богов у меня нет, я сидел в болоте молча, смотрел в темнеющие небеса и думал о будущем, коего лишился — теперь уж навеки. Я думал о... Проснулся ли в душе твоей интерес к моим мыслям?

— Не проснулся, — сурово отринул варвар любезное предложение спутника ознакомиться с его размышлениями перед гибелью, выраженное столь изысканно.

— Тогда я расскажу тебе о том, что случилось в тот момент, когда я погрузился в это дерьмо по горло. Сижу, скучаю, мерзну... И вдруг... «Держи-ись!»

Трилле заорал так внезапно и так пронзительно, что обе лошади захрапели и встали, видимо, ожидая нападения, а Конан выхватил меч и совсем уж было приготовился к бою, как понял тут, что сей вопль являлся лишь естественным продолжением рассказа. Подавив гнев, он смерил парня холодным взором синих глаз и с философским спокойствием заметил:

— Будешь орать — сверну башку.

— Угу, — согласился Трилле с таким справедливым решением. — Но не я крикнул... — Он покраснел от напряжения, собираясь снова заорать, да вспомнил об угрозе спутника и тихо сказал: — «Держись...» Пойми, брат, в тишине болот слабый старческий крик

показался мне диким визгом. Я вздрогнул, осторожно повернул голову... На краю трясины стоял человек в длинном сером балахоне, с седой бородою и бледными голубыми глазами, слезящимися от старости. Он протянул мне клюку, за которую я уцепился обеими руками, и довольно легко вытянул меня на твердое место.

Лишь только я смог снова соображать (а до того страх подавил во мне сию исключительную способность, и наверняка мысли мои во время сидения в болоте не отличались стройностью и глубиной); так вот, лишь только я смог соображать, как без труда догадался, что передо мной не кто иной, как друид — мудрец и колдун, которого пикты почитают более вождя своего. Он пригласил меня в свою хижину — оказалось, что я прошел в стороне от нее шагов пятнадцать, ибо стояла она на самом краю болота, скрытая в зарослях чахлах, но густых кустарников. Там, у огня, пока сушилась моя одежда, он поведал мне... О, брат мой, проснулся ли наконец в душе твоей интерес к умственным беседам?

— Не проснулся, — с отвращением отказался Конан, желающий слушать только саму историю, но никак не рассуждения.

— Тогда я миную первую часть его долгой речи и сразу перейду ко второй, совсем короткой. Протягивая мне чашу с неким крепким и терпким, но весьма горячительным напитком, он на миг посмотрел в мои глаза и вдруг... Лицо его изменилось. Удивленно подняв брови, он рукою повернул мою голову за подбородок к свету и начал пристально в меня вглядываться! Я терпел, хотя мне было неприятно: точно так поступил со мной в Аквилонии один блонд, проклятый судейский... Держал за подбородок и рассматривал, а потом упрятал в подвал на две луны — за бродяжничество. А кто сказал, что бродяжить нельзя? Митра? Эрлик?

Тут маленькое происшествие прервало его повествование. Припомнив обиду и свои ощущения, испытан-

ные в темнице, Трилле распалился. Голубые глаза его гневно засверкали, а уши запламенели, как флажки на купеческой галере. Размахивая руками и подпрыгивая в седле, он вдруг свалился с лошади и некоторое время лежал на земле без движения, тщетно ожидая помощи от Конана. Но, поскольку тот даже не обернулся, Трилле помог себе сам. Вскочив, догнал свою караковую, запрыгнул на нее и как ни в чем не бывало продолжал рассказ — правда, теперь он старался не шевелиться вовсе.

— Старец долго разглядывал мою физиономию, так долго, что шея моя онемела. Потом встал, собрал в горшок какие-то корешки, коими завешаны были стены его ветхой хижины, залил их водой и повесил над огнем. Пока вода не забулькала, он не сказал мне ни единого слова и не отвечал на мои вопросы. Помешав свое варево, он добавил туда несколько капель того горячительного напитка и велел выпить до дна.

Не скажу, чтоб вкус у этой ослиной мочи был так уж приятен, но я выпил. После этого он снова всмотрелся в мои глаза.

«Ну, мальчик, — молвил он вдруг тихо и как-то печально, — боги наделили тебя странным даром... Нет в жизни твоей ни любви, ни славы, ни золота. Нет покоя, но нет и войны. Ты — Повелитель Змей...» Я сморщился. «Змей? Вот еще! — отказался я от столь сомнительного титула. — Ежели ты, старик, скажешь, что я утерянный в младенчестве сын короля Бубабундии, я, может быть, и запрыгаю от счастья. Но что мне делать со змеями? Я терпеть их не могу, как, впрочем, и всякую другую живность...»

Он выслушал меня с улыбкою. «Что-то не слышал я о такой стране — Бубабундия...» Я рассердился. «И что с того? Я тоже не слышал. Не путай меня, старик. Что ты там бормотал о змеях?» Он снова стал серьезен и печален. «Да, мальчик, ты — Повелитель Змей. Таких, как ты, во всем мире трое. Вы никогда не встретитесь, ибо судьбою сие не загадано, да и не нужны такие

встречи ни тебе, ни им...» Я опять показал себя неучтивцем и грубо перебил друида: «Нергал их заberi, остальных. На что мне они? Скажи лучше, что мне делать со змеями?» Он пожал костлявыми плечами: «Пусть подскажет жизнь. Знай одно: в трудный момент ты можешь воспользоваться своим даром, но не спеши продавать его за золото. Любой — запомни это, мальчик, — любой дар теряет силу, если пускать его в продажу...» Вот, пожалуй, и вся история, — неожиданно закончил Трилле. — Друид вывел меня из болот, показал дорогу к Зингаре...

— А дальше? — Конан не любил, когда рассказ кончался так обыденно.

— Там, в Кордаве, зингарской столице, я познакомился в кабаке с одним змееловом, и он, выпив пару бутылей кислятины, поведал мне о видах и повадках змей... Потом выдался случай проверить, правду ли говорил друид...

— Что за случай?

— Да ты ж видел, — улыбнулся Трилле.

— Вздор! — резко бросил Конан. — Откуда ты мог знать, как собрать гадов со всего Шема, если прежде не пробовал?

— Богам ведомо, — неожиданно сурово и чуть торжественно ответил парень.

— Вздор!

Будь Трилле хоть трижды Повелителем Змей, киммериец не мог поверить, что он так уверенно созвал этих тварей со всей округи в первый раз.

— Что-то дрогнуло и будто очнулось в душе моей тогда, — попытался объяснить Трилле. — Я вдруг почувствовал, что простого моего желания будет достаточно для того, чтобы они услышали мой призыв...

Он умолк, понимая, что неубедителен. Впрочем, Конан, хотя и покачал головой, выражая таким образом сомнение, спорить более не стал. В самом деле, на свете столько странного и необъяснимого — есть ли смысл не верить?

Солнце в преддверье скорого ухода палило яростно, рассылая лучи во все стороны, проникая ими во все уголки земли, так что и под деревьями почти не было тени — она растворялась, плавилась под ярким оком благого Митры. Разморенные путешественники уже не имели сил продолжать беседу. Ленивые сонные мысли вяло бродили в их нагретых солнцем головах, а веки наливались тяжестью и норовили закрыть глаза.

Трилле сначала храбро боролся со сном, но вскоре бросил эту воистину бесполезную затею. Уронив подбородок на грудь, завесив лицо космами, он сладко задремал. Ноги его и во сне крепко сжимали тугие бока караковой, которая послушно брела рядом с Конановым вороним и больше не делала попыток уронить седока.

То же и киммериец. Он не спал, хотя перед глазами его кроме зеленой безбрежной равнины то и дело мельтешили обрывки прошлых, давних и вчерашних снов. Явь, перемешанная с дремотой, словно старое доброе вино, перемешанное с прокисшим пивом, разжижала кровь, ударяла в голову дурным хмелем, и тягучая, очень длинная, без начала и конца, совершенно непонятная мысль копошилась в мозгу, заполонив собою все его лабиринты — так, наверное, люди сходят с ума. Вот что внезапно пришло на ум варвару; вот отчего он вздрогнул и проснулся — на одно лишь мгновение, но и того оказалось достаточно, чтоб поднять глаза и увидеть полыхающее вдали зарево...

Сон перепуганным перепелом взлетел ввысь. Конан приподнялся в седле, желая рассмотреть подробности происходящего, и действительно различил узкие, тянущиеся к небу языки пламени, черные точки, бывшие в нервном движении как потревоженные муравьи, а также высокое голое дерево — либо столб — вокруг которого и бушевал пожар.

— Хей, змееныш! — Варвар грубо ткнул кулаком в плечо мирно дремлющего спутника.

— А? — Растерянно хлопающий длинными пушистыми ресницами Трилле был сейчас прелестен, и если б

рядом с ним ехал не Конан, а юная девица, она всенепременно бросилась бы ему на шею и расцеловала, несмотря на снедающую сердце тревогу. Известно, что нрав женщины таков: будь она хоть на волос от Серых Равнин, и то не упустит случая приласкать милого юношу... Но, естественно, варвару подобные чувства были вовсе недоступны. Вид Трилле не то что не умилил, а раздражил его до крайности. Взревев, он пнул приятеля ножицей, обутой в драный, зато кованый сапог, ухватил его за шиворот железной рукою и хорошенько потряхнул.

Трилле жалобно завизжал, завертелся, стараясь выскользнуть из лапы киммерийца. Пока он не понимал, чем вызвано такое суровое отношение — он всего лишь вздремнул, — а оттого сопротивлялся во все свои небольшие силы.

Но тут Конан отпустил его сам.

— Смотри! — указал он на пламя, разгорающееся все ярче, шире.

— О-о-о... — пролепетал уже совсем проснувшийся парень, в страхе заставляя лошадь остановиться, а потом попятиться.

Пожар на равнине, высушенной солнцем, был страшнее ливня, молнии и отряда разбойников, ибо пожирал траву с невероятной быстротой, треща и громяхая от голода и жадно заглатывая все и вся на своем пути. От него можно было только убежать, ускакать, и только на большой скорости. Сейчас его и двух путешественников разделяло лишь полторы сотни шагов, и следовало поторопиться, если оба надеялись прожить еще хоть пару лет... Трилле с благодарностью посмотрел на товарища. Если б не он... Но додумать мысль он не успел. Конан, чуть не взвыв от злости на нерасторопность Повелителя Змей, снова потряхнул его и проорал в самое его ухо:

— Шевелись, недоносок! Да не назад!.. — Он дернул повод караковой, которую Трилле уже развернул в обратную сторону. — Вперед!

— Как... вперед? — выдавил парень, с ужасом глядя на варвара. — Там же пожар...

— Какой, к Нергалу, пожар? — Тут Конан махнул рукой и погнал своего вороного вперед, оставив спутника на произвол судьбы.

* * *

Он врезался в дико визжащую и рычащую толпу, сразу смяв несколько ее рядов. Меч засверкал в красном от пламени воздухе, снося черные, словно обуглившиеся, головы палачей. Да, одного только взгляда Конану хватило, чтоб понять происхождение огня — в этих краях издревле на костре сжигали колдунов, если они чем-либо прогневали население. Казнь свершалась изощренным способом: жертву привязывали к столбу, обнесенному вязанками хвороста, затем вокруг нее на расстоянии двух или трех десятков шагов выкладывали камни, дабы огонь не перекинулся на равнину. Поджигали же не сам хворост, а траву возле этих камней, так что пламя подбиралось к несчастному издавек и он в полной мере мог насладиться приближением смерти. Пока, объятый безумным ужасом, он бился у столба и хрипел, толпа радостно прыгала и швыряла в него камни.

Прежде Конану не доводилось видеть сего жестокого действия, зато рассказов о нем он наслушался предостаточно в бытность свою наемником в армии Илдиза Туранского. Суровость законов он понимал и одобрял, но глумления — никогда. Именно поэтому, заведя полыхающий костер и сразу сообразив, что происходит, он, в мгновение охваченный той первобытной, страшной яростью, которая не раз заставляла его врагов позорно бежать, даже не выхватив оружия, ринулся в бой.

Четверо упали, сраженные смертоносным мечом варвара, остальные, чуть опомнившись от внезапного нападения, с ревом бросились на него. Конечно, несколько десятков крестьян, пусть и с дубинами, не могли одолеть воина, но ему такая победа была не нужна. Он хотел только очистить дорогу к столбу и освободить жертву до того, как огонь лизнет ее жарким своим

языком. Потому-то, клинком и грудью коня повергнув наземь еще пару воинственных крестьян, он снова сунил меч в ножны и устремил вороного прямо в пламя.

Жаром опалило ему лицо и руки. Искры посыпались на черную гриву его и коня. Сжав губы, закрыв глаза рукой, он пересек полосу огня, бывшую пока неширокой, и очутился на чистом, хотя и горячем месте. Женщина, привязанная к столбу, была юна. Лицо ее, покрытое уже предсмертной бледностью, не выражало ожидаемого ужаса — напротив, покой и тихая, будто религиозная радость читалась в тонких чертах его. Такими бывают приносимые в жертву любимым богам фанатики, и Конан, короткой мыслью отметивший это, на вздох испытал немалое потрясение и сомнение в своих действиях. Впрочем, то было всего лишь фоном основной его, весьма глобальной, но не означенной словами идеи: разрубить путы, подхватить девушку и усадить вперед себя на седло.

Более не тревожимый сомнениями, варвар так и сделал.

Покорная ему, она тем не менее прошептала нечто вроде протеста — в крике крестьян и треске костра он не расслышал, что именно, хотя интонацию уловил и — рассердился. Чуть сжав пальцами ее плечо, он направил вороного вон из круга пламени, которое бушевало уже вовсю. Еще трое упали, сбитые широкой грудью коня, и через несколько вздохов Конан уже несли по равнине, увозя с собою юную колдунью. Он забыл о брошенном Трилле; он вообще не думал ни о чем. Что-то гнало его вперед, и он летел — хищной черной птицей, в клюве зажавшей легкого, покрытого светлым нежным пухом птенца... Таким, наверное, видел его в тот момент суровый Кром...

Глава седьмая О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Дом Хаврата, притулившийся у южной стены Кутхемеса, со стороны смотрелся старой развалюхой, вовсе непригодной для жилья. Внутри, однако, здесь было чисто и уютно; не свечи, но дорогие бронзовые лампы освещали все три комнаты; толстые мягкие ковры покрывали полы, а мебель, сделанная самим хозяином, казалась истинно королевской.

Так жил Хаврат — давний приятель Конана, служивший вместе с ним в армии Илдиза Туранского десять лет назад. Ныне из тощего жилистого мальчишки он превратился в дородного господина с тяжелой золотой цепью на бычьей шее, но карие глаза не утратили живого блеска, а пальцы, унизанные перстнями, так же уверенно, как прежде, держали и кубок и меч.

В сумерках, когда Конан, спешившись у разбитого крыльца, вошел в дом, таща за руку прелестную, хотя и слишком бледную юную девицу, Хаврат не поверил своим глазам. Весь день он просидел в одиночестве, вкушая знаменитое туранское красное, и предавался воспоминаниям о прошлых славных аграпурских деньках, о пирушках, драках и сражениях. Он то заливался буйным хохотом, то глубоко вздыхал, а то багровел и со смущением чесал пятерней в затылке. Здесь, в Кутхемесе, его родном городе, его почитали как человека рассудительного, справедливого и сильного, и ник-

то не догадывался, как тоскует этот солидный муж по молодым своим годам, как мечтает хоть раз еще подражаться в кабаке, а потом поваляться с разбитой физиономией где-нибудь в сточной канаве или под лавкой в казарме.

Узрев на пороге массивную фигуру варвара, по старой привычке отворившего дверь ногой, Хаврат захлебнулся и едва не лишился чувств от изумления. Не может быть, чтобы Конан, коего он вспоминал вот только что, явился к нему на самом деле. Нет, это сон. Или бред. Или он не рассчитал свои силы и выпил лишку.

— Конан! — проревел он, с трудом выкарабкиваясь из глубокого кресла и бросаясь навстречу гостю. — О-о-о!.. О-о-о!

— Прежде ты знал больше слов, — хмуро заметил киммериец, обходя счастливого Хаврата и занимая его кресло.

— Конан! — со слезой умиления сказал хозяин. Кажется, он и вправду забыл все слова, кроме одного. — Конан!

— Вино осталось? — осведомился варвар, с неудовольствием обозревая полдюжины пустых бутылей на столе.

— А как же? — наконец вспомнил Хаврат еще три слова. Поспешно усадив девушку на кресло рядом с Конаном, он упал на колени, поднял крышку подвала и ловко спрыгнул вниз. Через пару мгновений из черного проема высунулась его рука и поставила на пол две запыленных бутылки, потом исчезла и вновь появилась еще с двумя. Потом еще и еще...

Пир начался с красного туранского, а продолжился белым аргосским и розовым бритунским. Воспоминания, как и вино, лились рекой. Говорил, впрочем, один только Хаврат, за последние годы намолчавшийся вдоволь. Гость слушал, пил, иной раз усмехался, иной раз хмурился, но так и не вскричал подобно хозяину: «А помнишь?..» Конечно, он помнил все, только не привык

говорить об этом вслух. И девушка... Следовало бы не медлить, выпросить у нее, кто она и чем прогневала жителей туранской деревушки, да пристроить ее где-нибудь здесь, в Кутхемесе, — время не стояло на месте, не ждало, пока Конан наговорится со старым другом и выпьет все его запасы. Лал Богини Судеб — то, о чем он не хотел помнить, — уезжал в дорожном мешке Леонардаса все дальше и дальше...

Постепенно Хаврат терял нить воспоминаний, путал имена и времена, все чаще наливал в свой кубок вина и к ночи иссяк: рот его захлопнулся, тяжелые руки упали на колени, голова опустилась.

Конан перетащил тушу бывшего соратника на такту. Тоска, охватившая его вдруг, была сродни резкому северному ветру, от которого холодеет не только тело, но и душа. На миг в глазах стало темно. Глухо, словно загнанный зверь, рыкнув, варвар замотал головой, отгоняя непонятные ощущения, рвущие изнутри. Так ушедшая юность напоминала о себе, но он не знал этого, не понимал.

Вино, вливаясь в глотку, гасило чувства; несколько вздохов спустя ему показалось, что наоборот — разогрело, и сердце, такое большое и такое спокойное, ныло, будто в ожидании чего-то странного, далекого и неприятного. Но на то он и был киммерийцем, чтобы не давать воли душе. Зло усмехнувшись, сжав кулаки, Конан выплеснул остатки вина из бутылки в кубок, выпил и обратил взор на девушку.

До сей поры она сидела молча, не поднимая глаз ни на него, своего спасителя, ни на его товарища. Сейчас, как бы почувствовав то, что с ним произошло, смотрела прямо в глаза. Он удивился про себя цвету ее небольших, но очень красивых, широко расставленных глаз. Вкруг не черного, но темного и словно потухшего зрачка проходила светлая, чуть зеленоватая полоска, затем переходящая в чисто зеленый — так море, при ясной погоде светлое вдалеке, к берегу темнеет до черноты. Конан и ей налил еще вина, подвинул к тонким рукам

блюдо с окороком и острым своим кинжалом отхватил толстый кус хлеба.

— Зачем?.. — прошелестела она вдруг, не опуская глаз.

Он в долю мгновения понял, о чем она, а поняв — взъерился.

— Зачем? — Пальцы его крутанули изящную ножку кубка так, что вино выплеснулось из него на стол. — Тебе что ж, так хотелось потешить тех ублюдков? Или Серые Равнины тебе нравятся больше, чем жизнь?

— Я не была на Серых Равнинах, — покачала она головой.

— А я был! — отрезал он и чуть смутился, ибо служавил. Он был рядом, в волоске, но не там. И прибавил мягче: — Не думаю, чтоб тебе там понравилось. Сплошной туман, зябь да уныние. И мужчина там вовсе не отличается от женщины, и вина нет, и мяса.

Перечислив то самое необходимое в жизни, чего нет и не может быть никогда на Серых Равнинах, Конан решил, что выполнил свой долг, объяснив девушке, почему не надо туда торопиться. К его удивлению и раздражению, она прикрыла глаза, явно не соглашаясь с его уроком.

— Ну что еще? — зло спросил варвар. Терпением он и прежде не отличался, а теперь, ночью, усталый и больной от странных проделок души, тем более не желал тратить время на пустую болтовню, каковой он считал все слова, кои не касаются дела.

— Я заслужила смерть, — тихо, без всякого чувства сказала она.

— Да что ты знаешь о смерти? — В бешенстве Конан швырнул кубок об стену. — Огонь не успел коснуться тебя языком — а язык у него жгуч, как кнут у палача; последний вздох ты молила бы всех богов вернуть тебе жизнь! — Варвар сплюнул и, подняв глаза вверх, обратился к Крому: — Кром! Отчего ум у женщины так короток? Отчего не умеет она ценить то, что есть, а всегда хочет чего-то еще?

То ли вино перепутало явь и сон, то ли суровый северный бог снизошел наконец к своему неугомонному сыну, но тут вдруг Конану послышалось раздраженное шипенье, более напоминавшее скрип колеса, чем голос истинного Крома:

— А ты, Конан? Всегда ли ты довольствуешься тем, что есть?

— Всегда, — решительно ответил варвар, ничуть не удивившись тому, что за тридцать один год его существования на земле Кром впервые решил вступить с ним в беседу.

— Ложь!

Даже киммерийскому богу Конан не мог позволить такого обращения.

— Ты, старик! — крикнул он в потолок, стараясь, чтоб голос звучал издевательски. — Сиди в своих тучах и помалкивай! Не то...

В этот момент взгляд варвара случайно упал на окно, залепленное звездными бликами. Дикий рев потряс дом Хаврата: лопнуло стекло в прекрасной бронзовой лампе, слетели бутылки со стола, и сам хозяин, пробудившись, в ужасе подпрыгнул на тахте и скатился на пол. Только девушка была столь же невозмутима, как и прежде. Она перевела взор на окно, желая узнать, что там так сильно потрясло ее спасителя, но кроме хитрой длинноносой физиономии — ничуть не страшной — ничего не увидела.

Между тем Конан вскочил и ринулся к двери. Физиономия за окном тотчас исчезла. Миг спустя тишину улицы разорвал все тот же рев, но теперь к нему прибавилось еще и жалобное верещанье, интонациями несколько напоминавшее голос Крома...

Еще через несколько мгновений все стихло. Девушка, переглянувшись с Хавратом, посмотрела на дверь, почему-то уверенная в том, что сейчас войдет ее спаситель. Так оно и вышло: отворив дверь пинком, на пороге показался Конан. Лицо его было перекошено от гнева. Правой рукой он утирал пот со лба, а левой держал за

шиворот лохматого парня, того самого, чью физиономию девушка видела в окне.

Швырнув парня в угол, варвар снова сел к столу, налил себе вина и залпом выпил.

— Нигде нельзя скрыться от этого змееныша, — чуть успокоившись, но все равно злобно произнес он. — Слышишь, Хаврат? Таскается за мной как привязанный! А тут вздумал еще шутить с моим богом! — Конан перевесился через подлокотник кресла и вперил угрожающий взор в потрепанного, сжавшегося, но, кажется, не так уж и испуганного лохматого. — Клянусь Кромом, голос коего ты нам тут изобразил, шут! Другого раза посмеяться у тебя не будет — сразу башку снесу!

— Я понял, понял, брат... — закивал головой лохматый, выползая из угла. — Можно?

Тонкая рука его протянулась к столу и уцепила порядочный ломоть окорока. Жуя мясо, парень уселся на край тахты, подальше от Конана, и с любопытством посмотрел сначала на хозяина, потом на девушку.

— Как звать тебя, дружище? — вежливо обратился он к Хаврату.

Ответив, тот спросил в свою очередь:

— А ты кто будешь?

— Я — Трилиманиль Мангус Парк, — важно сказал лохматый. — Лучший друг Конана.

Варвар, который только открыл рот, чтоб всласть поиздеваться над пышным именем спутника, при последних его словах поперхнулся глотком вина и, снова обозлившись, зарычал:

— Я тебе, Трилимиль ползучий, змеиная шкура, не друг! Мои друзья не улепетывают словно суслики от жалкого костерка и кучки ублюдков! Тьфу!

Это заключительное «тьфу» прозвучало так смачно и так презрительно, что Трилле все-таки смутился.

— Прости меня, брат, — пробормотал он, опуская глаза. — Я не сразу понял, отчего ты стремишься согреть заживо. Я не видел... ее...

Он повернул голову к девушке.

— Кто ты, милая? — ласково спросил он, ободряюще улыбаясь.

— Клеменсина... Я из Коринфии — дом мой у подножья Карпашских гор.

— А как же ты попала в Туран?

— Я искала... одного человека.

— Дорогая Клеменсина, — откашлявшись, торжественно начал Хаврат, — не ожидай вопросов — расскажи нам все. Поверь, я и мои друзья (тут он с сомнением покосился на Трилле)... Мы готовы помочь тебе, если беда коснулась крылом своим чистого сердца юной девы...

Бывший солдат входил в раж. Щеки его покраснелись, и карие глаза заблестели пуще прежнего. Похоже, начало собственной речи чрезвычайно его удовлетворило.

Но только он собрался продолжать в том же духе, как Конан сразил его таким свирепым взглядом, что он поперхнулся и смолк, испытав при том немалый стыд: в самом деле, размеренная спокойная жизнь в скучном городишке сотворила из лихого рубаки слишком велеречивого господина — попробовал бы он сказать что-либо подобное в прошлые времена, в казарме!

Между тем Клеменсина, казалось погруженная в свои мысли, ответила:

— Да, это беда... Энарт...

— Твой возлюбленный? — Глаза Трилле загорелись. Он предвкушал историю любви, кои весьма почитал, сам будучи никому не нужный и никем никогда не вспоминаемый.

— Энарт жил там же, в Коринфии, в городе Катме. От нашей деревни до Катмы всего полдня пути. Как-то отец — он занимался продажей скота — взял меня с собой... Нет, город не понравился мне. Шум, крики с утра и до утра, сердитые лица прохожих... У нас жизнь была совсем иная. Я привыкла к тишине; у подножия Карпашских гор она особенная — такая долгая, глубокая, покойная... И все-таки Энарт жил в Катме.

Самое счастливое время моей жизни началось тогда. Мы встречались — редко, потому что тайно. Он был сыном портного, а мой отец прочил мне в мужья сына местного судейского, которому тогда было уже двадцать пять лет!

— А тебе? — кисло осведомился Хаврат, вдруг явно ощутив свои тридцать три.

— Четырнадцать. А Энарту — семнадцать.

— Гм-м... Ну, и дальше?..

— Сын судейского ходил к нам каждый день. О, Митра, как трудно мне было улыбаться ему, говорить с ним, смотреть на его уродливое лицо! Весь покрытый прыщами, он воображал себя красавцем. Ему почему-то казалось, что все девушки мечтают о нем и во сне и наяву, но это было совсем не так. Уж я знала, как смеются они над ним, спесивым и глупым словно индюпонок.

Разговорившись, Клеменсина обрела и румянец и живость, видимо присущие ей от природы. Скука, сквозившая в ее голосе поначалу, вовсе исчезла. Конан слушал вполуха. Гораздо больше ему нравилось смотреть на девушку. Сейчас он находил ее весьма привлекательной: длинные и густые русые волосы мягкими волнами спадали на узкие плечи; точеные черты не были надменны, и в лучшие времена наверняка отличались милой девичьей подвижностью; невысокая стройная фигура еще сохранила приметы недавнего детства, но в дальнейшем обещала стать прекрасной. Полгода, год, и свершится тот чудесный переход от милого отрочества к цветущей чистой юности, и тогда... Куда же делся ее Энарт?

— А Энарт... — словно услышав мысли Конана мечтательно сказала Клеменсина. — Он... Он такой...

— Он очень красивый, — любезно помог гостю Хаврат.

— О, да! Лишь только я увидела его тогда, в Катме, как более ни о ком не могла думать, а уж о сыне судейского тем паче. Вот Энарт и в самом деле видел-

ся мне и во сне и наяву. Он говорил, что я ему — тоже... Однажды он с грустью поведал мне, что отец отправляет его по делам в маленькую деревушку близ Кутхемеса. «Только на одну луну», — сказал Энарт, но мне и того было достаточно, чтоб потерять и покой и сон...

Минула одна луна, потом вторая... Энарт не возвращался. В это время моему отцу опять случилось ехать в Катму. Я умолила его взять меня с собой. А там... О, Митра, как мог ты допустить!.. Там я узнала, что Энарт...

Клеменсина прервала рассказ на самом интересном месте и горько расплакалась.

— Ну, ну, девочка... — растерянно забормотал Хаврат, накрывая ее нежную ручку своей лапой. — Что случилось с твоим Энартом? Никак, нашел себе другую?

— Да! — Девушка вскинула головку, с немым вопросом — неужели бывает на свете такая несправедливость? — взирая на слушателей. — Да, он нашел другую. В этой самой деревушке близ Кутхемеса!

— Верно, она богата?

— Энарт не таков! — Слезы мгновенно высохли на ее прекрасных глазах, и гнев опалил недотепу Хаврата. — Будь она хоть королевой, он не променял бы ее на меня! Но... Кажется, она его приворожила... Так сказала мне потом старуха-колдунья, чей дом стеною подпирает наш дом с левой стороны.

Когда меня еще не было, а мой отец был молод и буен, он пытался прогнать эту старуху на край деревни, а дом ее сломать. В тот же год он потерял половину своего скота... Слава Митре, на этом война меж ними завершилась. Он все понял и отступился... Так вот, к ней, к Донне, я и пришла в тот день, когда вернулась из Катмы.

«Он забыл тебя, — сказала Донна. — Потому что она заставила его забыть». О, как мне странны были ее слова... Как же можно заставить человека любить, за-

быть, думать?... Но затем я услышала то, что чуть согрело мое сердце, но одновременно и весьма встревожило. «Ей не нужна любовь твоего Энарта. Ей нужны его знания». Я забыла сказать, что Энарт с ранних лет многому учился, и, как рассказывал мне сам, многого в учении достиг. Его отец большую часть заработанного тяжким трудом отдавал наставникам сына, лелея мечту о том, что впоследствии он станет советником самого сенатора. И его мечта, что довольно редко случается, уже начала сбываться. Энарта заметили. Он стал частым гостем в богатых домах, хотя пока лишь потешал высокородных хозяев и их друзей своими познаниями в астрологии, геометрии и цифросложении.

Донна сказала: «Бабка ее была колдунья, мать ее была колдунья, сама она трижды колдунья. Но ей не хватает знаний для того, чтоб стать сто раз колдуньей. Ты должна вырвать у нее Энарта, иначе много бед может натворить эта женщина...»

«Я вырву, — пообещала я. — И Энарта, и еще кое-что. Но как, Донна? Научи меня!» И она научила... Простите меня, но тяжело рассказывать то, что было дальше. Коротко скажу: я ушла из дому в тот же вечер. До деревушки, где жила та колдунья с моим Энартом, добралась лишь спустя две луны. Я увидела его — он и впрямь не узнавал меня. Я не стала напоминать. Сначала я сделала то, чему научила меня Донна. Все, что потом произошло, было похоже на сон, в коем кошмара больше, нежели самого сна...

Клеменсина умолкла, отрешенно глядя на стену, увешанную разнообразным оружием. Все посмотрели туда же, но ничего особенного не увидели.

— Продолжай, — буркнул Конан, допивая вино из последней бутылки.

— Они умерли.

— Кто?

— Энарт. И та, колдунья...

— О, Эрлик и пророк его Тарим... — ошарашенно произнес Хаврат. Такого конца он никак не ожидал.

— Вот тогда и я решила умереть. Мое желание совпало с желанием всех жителей деревни, от младенца до старца. Я и только я, чужая, была для них источником зла. Как они радовались, когда готовили для меня костер!..

— Костер? — изумился Хаврат. — Вот ублюдки! Что ж они свою-то колдунью не сожгли?

— Не ведаю, — равнодушно ответила Клеменсина. — Может, она их исцеляла или отводила дожди...

— А тебе — костер? Ну и ублюдки! — Возмущению Хаврата не было предела.

— Знаешь, кто спас ее? Конан! — хвастливо сказал Трилле, поближе придвигаясь к варвару. — Он понесся на них вихрем! Он размахивал мечом и кричал...

— Я не размахивал и не кричал, — устало отмахнулся Конан. — Ладно, пора спать. Хаврат, уложи девочку...

Он встал и, слегка пошатываясь, прошел в угол, где рухнул на ковер, вполне заменивший ему постель.

— Конан... — тихо позвала его Клеменсина.

— Ну?

— Кажется, я хочу жить...

Глава восьмая

ЛОВУШКА

С той ночи Клеменсина действительно ожила. Наутро они покинули Кутхемес втроем — девушка наотрез отказалась расставаться с Конаном, и он не стал спорить, надеясь затем оставить ее где-нибудь подальше от Турана, а лучше всего отправить при случае на родину, в Коринфию.

Ныне шел уже седьмой день их совместного путешествия. Лошади — а для Клеменсины еще в Кутхемесе они купили приземистую крепкую кобылку цвета светлой северной ночи — все выдохлись, особенно вороной, несущий на себе самую тяжелую ношу — варвара, весом едва ли не с молодого быка, и потому все чаще ехали шагом, чем рысью или галопом. Никаких поселений на дороге не попадалось, так что Конану приходилось заниматься охотой: давно закончились те припасы, коими снабдил их Хаврат, а оба спутника киммерийца вовсе не были приспособлены к добыванию пищи. Не раз он думал, что один гораздо быстрее одолел бы длинный путь из Аргоса в Вендию; что Лал Богини Судеб сейчас уже наверняка лежал бы в его дорожном мешке, а останки Леонардаса клевали стервятники; что судьба вновь навязала ему лишний груз в виде юной девицы и трусливого бродяги, но — он думал также и о том, что эти две встречи произошли неспроста. Потому, наверное, он

более не пытался прогнать Трилле, который ехал рядом с ним гордый и даже несколько чопорный, видимо красуясь перед Клеменсиной таким могучим другом как варвар.

К ночи они приблизились к горам на расстояние лишь трех полетов стрелы. Конан решил остановиться здесь, не доезжая до гор, хотя оба спутника хором уговаривали его ехать дальше, мотивируя свое желание тем лишь, что ничуть не утомились. Киммерийцу, однако, было наплевать на их самочувствие. Ночь в горах чревата неприятностями — даже для него. А тратить драгоценное время сна на то, чтобы оборонять себя и своих никчемных спутников от разбойников и диких зверей, он не собирался.

В пламени мирного костра поджарилась пара тощих сусликов — все, что удалось нынче добыть Конану. Трапеза прошла в полном молчании, но потом, когда уже ночь опустилась до самых углей, до земли, окутав чернотой все вокруг, кроме непокорных языков огня, Трилле, повздыхав с намеком и так и не получив отклика, все-таки подал голос.

— Конан... Гм-м... Не мог бы ты пояснить нам, зачем мы едем в Вендию?

— Тебя не касаясь, — хмуро отвечал варвар, укладываясь на куртку.

— Что ж, — Повелитель Змей был настроен философски, — в Вендию так в Вендию. Слышал я, око Митры там целые деревни сжигает дотла. Как появляется на горизонте, так люди в дома свои прячутся и до сумерек не выходят...

— Вздор, — отрезал киммериец.

— Солнце дает тепло, но не огонь, — поддержала своего спасителя Клеменсина. — Но в Вендии оно и правда жаркое. Мне рассказывал отец. Он бывал там не раз — давно, еще мальчиком.

— И слона видел? — полюбопытствовал Трилле.

— Конечно. Много слонов. Целую сотню или даже две.

Конану надоел этот бессмысленный разговор. Он велел обоим спать, и они замолчали, не смея перечить. Однако сам он уснуть не мог. Станные мысли одолевали его в эту ночь. То казалось нелепым сие путешествие и цель его, то, напротив, оно представлялось чем-то очень важным, способным оставить след в его душе на всю жизнь. Он не жалел, что не дано человеку предугадать — как сложится будущее и сложится ли вообще. Чем неисповедимей путь, тем больше он привлекал варвара, неумную его, бурную и сильную натуру. Может быть, зная, что ждет его дальше, за тем и следующим поворотом, он сделался бы скучен — себе самому; он не стал бы стремиться вперед, ибо продвижение потеряло бы смысл... Какие-то воспоминания промелькнули и — вновь пропали. Потом в замутненных дремотой глазах возник незнакомый образ, удивительно прекрасный, словно божественный. Потом сон смежил веки...

* * *

Пробуждение было не из приятных. Ливень, холодный и колючий, хлынул перед самым рассветом, когда небо уже начало светлеть, делаться серым, сырым, мрачным. Вмиг промокшие до нитки, путешественники спешно собирались, в полутьме и полусне натыкаясь друг на друга, оскальзываясь на мокрых утолях.

В дорогу двинулись уже засветло. Предстояло одолеть горный перевал, блестящий голыми скалами, меж которых кое-где прорастали кривые хлипкие деревца. Полдня ушло на то, чтоб добраться до вершины — тропа, вихляясь и порою вовсе обрываясь, достигала высшей точки горы, после чего стремительно скатывалась вниз. Так что путникам пришлось последовать ее примеру и тоже скатиться, что с лошадьми было довольно трудно сделать. Однако все обошлось благополучно, и перед вечером все трое, вымокшие, измотанные, но удовлетворенные собой и преодоленным расстоянием, уже выходили на равнину. И здесь, словно в награду,

увидели они притулившись у крайней скалы небольшой дом — по всей видимости, постоянный двор для таких же путешественников и искателей приключений, каковыми являлись Конан и его товарищи.

Кстати, за семь дней пути Клеменсина и впрямь стала похожа на заправского бродягу. Нежная кожа ее обветрилась, глаза смотрели увереннее, а одежда обтрепалась, и такой почему-то она больше нравилась и варвару и Повелителю Змей. Облик последнего также претерпел некоторые изменения. Острым Конановым кинжалом Клеменсина обрезала его лохмы и им же соскребла с подбородка клочкастую щетину — теперь Трилле вполне мог сойти за переодетого королевского сына, который путешествует инкогнито в сопровождении слуг. Конан заметил, что он и вид-то старается делать именно такой, а заметив, в душе вдоволь поохотал и поиздевался над злосчастным бродяжкой, но — не вслух.

Хозяином постоянного двора оказался маленький тщедушный старик, в отсутствие посетителей и соседей ставший желчным, обиженным на весь мир и потому безумно злобным. Гостей он встретил саркастическим смехом, показал им язык и даже попытался передразнить походку Трилле, еле волочащего ноги от усталости, на что варвар, нисколько не церемонясь, просто выпрыгнул его за порог его же собственного дома, в дождь, и запер дверь на засов. Промокнув и промерзнув, бедолага стал униженно проситься обратно, обещая быть странникам отцом родным, и действительно — впоследствии он вел себя примерно: по приказу Конана заполнил его дорожный мешок бутылками хорошего вина, вовремя подавал на стол, не болтал зря, не напоминал назойливо о плате за стол и кров. Но более всего старик тщился угодить киммерийцу. Смирненно перенес справедливое наказание, он преисполнился уважения к этому огромному, угрюмо-молчаливому мужу с грубым лицом уроженца севера. Подобно Ламберту, верному слуге рыцаря Сервуса Нарота, он подсовывал главному

гостю лучшие куски, умильно заглядывал ему в глаза, открыто льстил восхищенными возгласами на всякое его слово, а, получая в ответ короткое рычание, понуро отправлялся в угол, откуда продолжал влюбленно взирать на Конана.

— А скажи, старик, — слизывая с пальцев бараний жир, спросил Трилле, — не скучно тебе здесь? Вижу я, в округе никого нет — тут горы, там равнина, а там (он вздернул подбородок и попробовал доплунуть до потолка) — небеса.

— Скучать не приходится, — степенно ответил хозяин. — Правда, ближайшее поселение в трех днях пути отсюда, но зато разбойнички наведываются частенько.

— Разбойнички? — Повелитель Змей поперхнулся куском баранины и встревоженно посмотрел на Конана.

— Ну да, — закивал старик. — Спускаются с гор, грабят путников, убивают, потом добро делят. В прошлый раз мне шапку подарили. Хорошая шапка!

Он проворно соскочил с сундука, на коем восседал, открыл крышку и вытащил пыльную, проеденную молью тряпку, прежде, видимо, скрученную в тюрбан. Так и оказалось. Повертев тряпку в руках, старик соорудил из нее именно тюрбан, водрузил на голову и важным взглядом обвел своих гостей.

— Тьфу! — с досадой сплюнул варвар. — Ну и дурень ты.

— Дурень-то дурень, а выгоду свою имею, — напыжился противный старик. — Вот и барашка, от которого вы оставили только косточки, гости дорогие, мне те же разбойники приволокли. Они меня уважают! Почитают они меня!

Непущатая обида овладела хозяином постоянного двора. Он видел, что его рассказ и его замечательная шапка произвели на путников весьма и весьма неприятное впечатление, а ожидал обратного. Увы, ни восторга, ни затаенного страха не смог он рассмотреть в их глазах. Конан, а за ним и молодые люди, взирали на старика с отвращением и, кажется, про себя решали —

а не стоит ли запереть его в подвале до утра? Нет, этого он допустить не мог.

— А я их не уважаю, — лицемерно качая головой, сказал хозяин. — Вот что хотите со мной делайте, а я их не уважаю! Каждый день к Эрлику и пророку его Тариму обращаюсь: «Направьте на путь истинный этих бандитов, этих горных орлов общипанных, этих недоносков...» Но, — тут он, чудовищно переигрывая, вздохнул тяжело и продолжил со слезой в голосе: — Не внемлют! Не внемлют моим мольбам! Вот потому и шастают злодеи по горам, по долам, вот и грабят люд честной, а потом еще ко мне являются! А руки-то — в крови! В крови!

Старик вошел в свою роль и теперь орал самозабвенно, закатив глаза и потрясая корявым пальцем. Зрители были удовлетворены. Но если Конан смотрел представление с искренним любопытством и лишь с малой долей брезгливости, ибо подобного повидал уже в жизни довольно, то Трилле и Клеменсина испытали немалое потрясение, что, в общем, тоже иногда полезно. Девушка прежде еще не наблюдала такого наглого притворства, а Повелитель Змей, к стыду своему, понимал, как порою выглядит сам — и он был склонен к лицедейству, хотя и не столь примитивному; и ему приходилось изображать из себя страдальца, несправедливо угнетенного и обиженного, но — ради куска хлеба, а не из любви к искусству. Решив, что его цель все-таки оправдывает средство, Трилле несколько успокоился и далее внимал уже с нескрываемым омерзением.

Старик между тем совсем зарвался. Прыгая посреди комнаты с пеной у рта, он обрушивал на разбойников все ругательства и оскорбления, какие только знал, зывал к богам, пророкам и почему-то драконам, кои вообще никакого отношения к происходящему не имели, умолял покарать злодеев, проклятых людьми и им лично, — то есть вовсю старался понравиться своим гостям.

Но время шло, и уже Конан, который устроился очень удобно (развалившись в кресле, взгромоздив ноги на стол и длинным ногтем мизинца ковыряя в зубах), начал позевывать. Его суть всегда была гармония, а потому родная сестра ее — мера — держала в полном порядке внутренние весы киммерийца. Сейчас он чувствовал, что старик перебрал: ему пора уже было заткнуться и дать гостям отдых, а он все дергался в конвульсиях и вопил как недорезанный.

Когда Трилле и Клеменсина в очередной раз вздрогнули от дикого взвизга лицедея, Конан, усмехнувшись, решил наконец прекратить это представление. Но только он открыл рот, дабы велеть старцу закрыть рот, как чуткое ухо его уловило некое движение где-то сбоку — то ли в углу, то ли за окном.

Твердые губы варвара исказила злобная ухмылка. Самый зоркий глаз не заметил бы, как соскользнула его правая рука к поясу, как пальцы сжали рукоять верного меча... В следующий миг он уже стоял на ногах, и не у своего кресла, а возле двери. Полная тишина, особенно слышная оттого, что старик в страхе смолк, оглушала. В ней не было ни шороха, ни чужого дыхания — только напряжение и тревога.

Широко раскрыв глаза, смотрели за киммерийцем его спутники. После выступления старика у них не оставалось сомнения в том, что сюда явились разбойники, и Конану каким-то образом удалось почувствовать — именно почувствовать, ибо сами они ничего не слышали — их приближение.

Несколько мгновений еще держалась в воздухе странная, такая тяжелая тишина. Затем за дверью что-то явственно брякнуло, грохнуло, и мощный удар состряс ветхий домишко...

* * *

С самого начала силы были неравны. Ни Повелитель Змей, ни тем более девушка оружием не владели — впрочем, они и не имели его. Против киммерийца

же выступили разом два десятка озлобленных, одичавших в горах бандитов, каждый из которых был закален в частых схватках со своими жертвами и друг с другом.

Мечи, кинжалы, кривые туранские сабли, а также зубы и ногти были в их распоряжении. Мало что и в облике их оставалось человеческого. Сверкающие яростью глаза, ощеренные рты, грязные, заросшие буйной щетиной физиономии — они походили на горилл, у коих выпала шерсть вследствие какой-то заразы. Вот такое рычащее и храпящее стадо навалилось на Конана, желая растерзать его немедленно — просто за то, что он жив.

Отшвырнув Трилле и Клеменсину в дальний угол комнатухи, варвар с тем же ожесточением врезался в первый ряд бандитов. Они не ожидали такого отпора: лишь только двое из них рухнули на пол с рассеченными головами, остальные смешались на миг и отступили. Может быть, Конану и удалось бы выбить их из дома в этот момент, но тут откуда-то сбоку вынырнул длинный, с него ростом, но очень тощий бородач. В руке он держал короткий меч, коим владел отлично. С молниеносной быстротой клинок засверкал перед носом варвара, так что теперь уже ему пришлось на миг отступить — всего на миг. Он и сам не хуже умел обращаться с мечом.

В небольшом пространстве комнаты, заполненной сейчас людьми почти до отказа, негде было развернуться, весело просвистев, клинку. Оба соперника — Конан и тощий бородач — словно сговорившись, перехватили свои мечи и стали действовать ими как дубинами, то есть не размахивая из стороны в сторону, а опуская — так, чтоб острое вошло в темя недруга. Но, поскольку оба бойца были мастерами своего дела, ни один пока не получил от другого даже царапины.

Рыча и улюлюкая, бандиты подбадривали своего главаря. Сами они пока не предпринимали попыток вступить в бой — потому, наверное, что из-за тесноты любой следующий удар мог прийтись на их головы.

Зато с расстояния в три шага они, забавляясь, кололи киммерийца мечами и саблями. В пылу битвы он не замечал их выпадов, как не замечал и ран, из которых уже струями лилась кровь. Но вот очередной укол рассек ему щеку, звякнул по зубу, разрезал губу. Почти не ощущая боли, он, как зверь в клетке, коего раздражили охотники, взревел и, ногой оттолкнув главаря, рванулся в кучу разбойников. Один страшный удар мечом отправил на Серые Равнины еще двоих, и только тогда, почуввав опасного противника, бандиты уняли смех, выставили перед собой клинки и молча бросились на Конана.

Трилле, перепуганный до полусмерти, тихонько вылез в своем углу, закрывая лицо руками. Плечом он плотно прижимался к плечу Клеменсины, на удивление невозмутимой — это немного успокаивало Повелителя Змей. И все-таки не только один страх тревожил его душу. Он понимал — он отлично понимал, что должен встать сейчас рядом с варваром, которого не далее как семь дней назад назвал своим лучшим другом. Да, у него не было оружия — ни меча, ни кинжала, ни даже дубинки. Но перед ним стоял стол, а на столе лежал топорик для разделки туш...

Все громче становился вой несчастного Повелителя Змей, не имеющего сил решить такой простой и в то же время такой сложный вопрос: встать или не встать?

Пока он терзался, Клеменсина поднялась — все так же спокойно — сделала шаг к столу и взяла топорик. В тот момент, когда она занесла свое оружие над головой, Трилле вскочил, рванул на себе ветхую рубаху, теснящую грудь, внутри которой, как птица в силках бился отчаянный ужас, и, дико, заполошенно визжа, врезался в самую гущу схватки.

Он вцепился в шею самому главарю, с наслаждением ощущая ее неожиданную хрупкость. Рыча и воя, обхватил тощее тело бандита обеими ногами, таким образом повиснув на нем как груша, и лбом начал долбить его вытянутую тупую физиономию, опять же с

наслаждением вдохнув запах первой в его жизни драгоценной им самим чужой крови.

Главарь, поначалу опешивший от внезапного нападения, быстро пришел в себя. Легко оторвав от своей шеи пальцы парня, он отшвырнул его обратно в угол, тут же забыл о нем и снова кинулся на Конана. Но в Трилле уже проснулся зверь.

С безумной радостью отмечая, что у ног варвара и Клеменсины валяется уже несколько бандитов с разрубленными телами и головами, Повелитель Змей гусем бросался на врагов, щипая, кусая, толкая их всеми частями своего тела. Бродяжья жизнь научила его легко, не задумываясь и не лелея боль, сносить удары — а получал он их всегда немало, и кроме того, ценить свое собственное существование на этой земле — ибо никто более его не ценил. Сия наука сейчас приносила плоды. Все лицо Трилле, равно как и тело его, уже было покрыто синяками, ссадинами и ранами, а он, как и Конан, не замечал их.

Действуя руками, ногами, локтями и задом, он медленно, но верно пробивал себе путь к двери. Нет, он не собирался убегать и оставлять друзей в опасности — им руководил инстинкт, всего лишь инстинкт. И когда он-таки вылетел за дверь, носком сандалии зацепившись за планку порога и с размаху грохнувшись оземь, то вскочил и с воинственным визгом тут же вернулся обратно.

Он увидел, как, на долю мига промедлив со следующим ударом из-за того, что меч его застрял в теле бандита, упал Конан, сраженный клинком главаря. Потом и Клеменсина, пошатнувшись, осела на залитый кровью пол — Трилле с ненавистью, от коей в глазах помутнело, кинул короткий и острый как кинжал взгляд на хозяина постоянного двора: это он сзади оглушил девушку дубиной. Более парень ничего не успел ни увидеть, ни почувствовать. Ловкий удар под колени свалил его на пол, а потом ноги, обутые в тяжелые кованые сапоги, обрушились на него со всей злобой, со

всей яростью, что составляли саму суть бандитов, запрыгали, замолотили, запинали тщедушное тело бродяжки... Потеряв в схватке с тремя лишь путниками добрый десяток своих, бандиты взъярились, и потому Трилле досталось куда как больше, нежели Конану и Клеменсине, кои и нанесли этот урон врагам. Но — слава тому богу, на земле которого парень появился двадцать шесть лет назад, — один из первых ударов угодил ему в висок. Тьма в мгновение окутала его; боль растворилась в теле, и более он ничего не ощущал.

Глава девятая

И СНОВА О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

Первый проблеск сознания принес Конану мучительную боль. Боль была во всем теле, рвущая, изматывающая и не проходящая даже на миг. Но не она заставила варвара застонать, хрипя от бесплодной попытки унять очнувшуюся вдруг память. Почему-то в этот момент самые страшные мгновения его жизни слились в одно, в тугое тяжелое ядро, кое намертво застряло в затылке, не позволяя повернуть голову и на волос. И вот из этого клубка воспоминаний постепенно начали выделяться разные голоса, то молящие о чем-то, то кричащие в ужасе, то рычащие в гневе. Обращенные именно к нему, к Конану, голоса раздирали его мозг на части, но мало было заткнуть уши, чтоб их не слышать. Они звучали во всем его теле, разогревая боль, и варвар, разъяренно порывкая, в смятении давил виски железными пальцами.

Потом снова он провалился во тьму. Там уже не было ничего и никого. Никакая память там не властна, ибо иной мир не допускает в себя земного. Зато он точно знал, кто он такой — даже там, в чужой враждебной тьме. Хорошо это было или плохо, он уразуметь не мог, попросту не умел, но, наверное, и чувств там никаких тоже не содержалось. Во всяком случае, он не ощутил свободы, как не ощутил и плена, а когда в сплошной мгле показалось пятно света — далекое, не-

достижимое, душа его не рванулась к нему. Может быть, он так и остался бы в том чужом мире, если бы свет сам не приблизился к нему. Погрузившись в его холод и сушь, Конан начал просыпаться — на сей раз выходя из полубреда резко, всей своей сутью.

И опять он услышал голоса.

«Конан! Конан! Конан!»

Нет, то не память восстанавливала чей-то тон и тембр. Знакомый, хотя и далекий голос раздавался наяву, совсем рядом, возле его правого уха...

— Конан!..

Он тихо зарычал, давая понять, что слышит.

— Конан, это я, Клеменсина. Слышишь?

— Р-р-р...

— Нам надо выбираться отсюда, пока ночь.

Губы пока не слушались варвара, но первое слово он все же сложил.

— Трил-л-ле...

— Он здесь. Но... Он не сможет идти сам. Тебе придется нести его.

Конан хотел кивнуть, но не смог. Да, конечно, он понесет Трилле. Всегда и везде именно на него возлагалась самая трудная задача — независимо от того, в каком состоянии он находится сам, — он привык к этому, никогда не думал об этом и никогда не возражал. Его сила другими воспринималась (бессознательно) как Сила самой Природы, а поскольку человек приучился от нее лишь брать и не испытывать при этом мук совести, то и от варвара, сына ее, тоже брал и мук совести тем более не испытывал.

— Вставай, Конан. Вставай же!

Требовательный шепот Клеменсины проникал в мозг, давил на виски так, как недавно он сам давил их своими пальцами. Но она была права. Надо вставать и уходить отсюда, пока еще возможно. И возможно ли?

Хриплый стон вырвался из глотки киммерийца, когда он рывком поднял свое тело на руки. Только сейчас дали знать о себе все раны, синяки и ссадины, получен-

ные в схватке с бандитами. Плоть вновь соединилась с мозгом невидимыми нитями, и страдание от сего союза оказалось почти невыносимым: спасительный сон отступил; сознание не меркло и на миг, позволяя прочувствовать человеку всю боль, палящую его изнутри и снаружи.

Стиснув зубы, Конан встал. Глаза его уже привыкли к темноте подвала и теперь медленно обводили помещение в поисках Повелителя Змей. Он пока не ведал, что с ним случилось, но если Клеменсина сказала, что придется его нести... Даже в пылу драки от киммерийца не укрылось отважное поведение бродяжки, а потому суровое сердце его смягчилось — он не ошибся, взяв парня с собой. Тот, кто преодолел трусость ради дружбы, достоин уважения.

Упираясь руками в потолок, он прошел к тощему скрюченному телу, лежащему без движения в углу, в куче тряпья. Внешне бесстрастно обозревая лицо Трилле, сплошь покрытое кровяной коростой, внутренне Конан наливался злобой, такой живой и горячей, что дремлющая сила вновь всколыхнулась в нем, передавая ток онемевшим от долгого сна членам. На вздох варвар замер, наслаждаясь привычным чувством той свободной, бьющей через край силы, возвращение которой означало продолжение жизни, затем медленно склонился над злосчастным бродягой.

Видно, душа его бродила где-то в округе Серых Равнин, с тоскою оглядываясь назад и с той же тоскою все-таки шагая вперед. Конан видел таких не раз: вернуть их к жизни обычно стоило немалых усилий, ибо сама суть их смирилась и желала избавления от земных мук, а плоть во всем была ей покорна. Не всегда лекарям удавалось щипками, хлопками, криками и кропотливым растормошить вялую, словно снулая рыба, суть, но варвару — удавалось довольно часто. Будучи уверенным в том, что глоток доброго крепкого вина — то, что надо, он и вливал его в рот умирающему, и лечение сие полагал единственно воз-

можным для всех, независимо от характера раны и состояния. В самом деле, каждому известно, что на Серых Равнинах нет иных развлечений, кроме унылых прогулок по сопкам в густом тумане, а вот вино есть одна из радостей жизни, и при исцелении человека следует напомнить ему об этой самой радости, дабы он захотел вернуться назад.

Чтобы Трилле захотел вернуться назад, Конан окликнул Клеменсину и велел ей найти дорожный мешок, который и во время схватки с разбойниками висел у него за спиной. Увы, из пяти бутылей вина, что старик затолкал туда по его распоряжению, уцелели только две; еще три были разбиты на мелкие осколки, и девушке пришлось долго трясти мешок, высыпая их на земляной пол подвала.

Конан пальцем раздвинул сухие, потрескавшиеся губы парня и с прелекой осторожностью, стараясь не пролить ни капли, принялся заливать вино ему в рот.

Клеменсина не теряла времени. Пока варвар лечил Трилле своим способом, она осмотрела подвал. Стены его были столь ветхи, что даже она, наверное, могла бы развалить их одним ударом. Однако девушка не спешила ликовать: голоса сторожей доносились снаружи, и, хотя им вторил звон бутылей, были они вполне бодрь. Удастся ли спутникам выбраться из подвала? Удастся ли пройти мимо бандитов, по всей видимости окруживших домишко старика? Конечно, Клеменсина свято верила в силу и удачу киммерийца, но нынешнее положение казалось ей почти безнадежным.

В тот момент, когда грустные мысли о будущем совсем одолели девушку, Трилле наконец подал первые признаки жизни. Мутным взором окинул он склоненное над ним лицо варвара, и во взоре сем пока не было ни мысли, ни чувства. Впалая грудь его тяжело вздымалась, хриплое дыхание вырывалось из приоткрытого рта, и все-таки он был жив.

Криво улыбнувшись, Конан встал сам и легко поднял парня.

— Идем,— негромко сказал он, делая шаг к стене, которую, кажется, за препятствие не считал.

Однако сразу вслед за тем взрыв хохота, раздавшийся снаружи, остановил киммерийца. Будь он один, он прорвался бы хоть сквозь три десятка бандитов, но сейчас с ним была девушка и едва живой Трилле, который даже не мог стоять, а потому цеплялся обеими руками за куртку Конана.

— Я отвлеку их,— вдруг сказала Клеменсина, сама удивляясь своим словам и с усмешкой пожимая плечами.— А вы пройдете — только вдоль гор, вокруг равнины...

— Нет,— сильный голос Повелителя Змей звучал еще с Серых Равнин, но зато сам он точно уже был здесь.— Уйдем вместе...

— Как? — Девушка снова пожала плечами.

Не отвечая, Трилле сжал руку варвара — ему показалось, что очень сильно, а на деле Конан едва ощутил сей знак. Он сразу понял, что хотел парень, а поняв, с сомнением качнул головой.

— Ты слаб,— буркнул он, увлекая бродяжку за собой, к стене, кою все-таки намеревался разворотить.

— Нет! — Поистине то был голос человека живого, а не того полутрупа, что валялся без чувств всего несколько мгновений назад. Конану даже почудилось, что из глубины подвала пронесся вздох Серых Равнин, упустивших душу Повелителя Змей из трясины своего сырого тумана.— Нет, я сделаю это.

Клеменсина переводила недоуменный взгляд с одного спутника на другого. Она никак не могла уразуметь суть их спора, тем не менее понимая, что вот сейчас — спустя миг или два — решится их судьба. Трилле отпустил руку киммерийца и жестом предложил ему и девушке сесть на пол. Затем он повторил уже знакомое Конану действие, а именно: носком сандалии очертил круг, стараясь, чтоб линия не прерывалась и на палец...

Варвар сунул лицо в колени, не желая видеть снова тех тварей, каждая из коих представлялась ему вырод-

ком Сета — злобного стигийского божества. Клеменсина же, догадавшись, что надо ждать чего-то странного и интересного, приготовилась внимать и взирать, ибо любопытство женщины неистребимо, даже в моменты опасности...

И все же, когда со всех сторон раздалось премерзкое шипение, происхождение коего было весьма однозначно, девушку передернуло, и, не в силах совладать с собой, она также сунула лицо в колени, а плечом прижалась к ноге киммерийца.

Не прошло и мига, как снаружи слышались дикие вопли. Паника, охватившая бандитов, наполнила воздух; ужас ощущался повсюду — он затекал и в подвал, холодными колючими мурашками покрывая тело Клеменсины. Толстокожий варвар вместо ужаса испытывал удовлетворение. Он легко воображал смятение и смерть, царившие сейчас в доме и возле него. По звукам, доносившимся оттуда, он восстанавливал всю картину происходящего: вот один ужаленный, визжа, покатился по земле; вот предсмертный хрип другого смешался с торжествующим шипением обвившей его горло змеи; вот третий вскочил на коня, и тут же и он сам и его конь рухнули наземь, в жутких конвульсиях встречая смерть... Вой, крики, стоны разрывали ночную тишину, и скорбная музыка эта радовала жестокое сердце киммерийца так, как может радовать воина единственно победа над врагом.

Впрочем — и тут Конан нахмурился — то была вовсе не его победа. Опять волшебство! В прошлом не раз приходилось ему полагаться на силы иных, никем до конца не изведанных миров, но чистая его, земная, природная натура так и не приняла спокойно магии — белой, черной, красной или зеленой, все равно. Он ценил только то, что творилось при помощи собственного ума, силы, ловкости и изворотливости, а потому все прочее (начиная от засушенных лягушачьих лапок и кончая тем же Лалом Богини Судеб) в душе презирал, инстинктивно сторонясь и опасаясь.

Лишь только обрывки подобных мыслей промелькнули в голове киммерийца, он вскочил, не обращая ровно никакого внимания на вспыхнувшую тотчас боль, выхватил меч и всей массой своей вломился в стену, без труда выбив из нее порядочный кусок и вместе с ним вылетев на волю.

Картина, представшая здесь глазам его, в точности соответствовала той, воображенной по звукам. Тела бандитов, распухшие как у утопленников, с синими физиономиями и выпученными застывшими глазами, усеяли небольшое пространство возле дома. Меж ними и на них вились, тянулись и качали премерзкими плоскими головами змеи. Конан, лишь в течение мига взглянувший на них, готов был потом поклясться, что в маленьких злобных глазках гадов светилось настоящее торжество. Сколько их обреталось тут — двадцать, тридцать, сто, — разобрать он не мог, да и не хотел трудиться. Сплюнув в сторону побоища, он развернулся и подался к дому, где битва со змеями была в полном разгаре.

Посреди комнаты, широко расставив ноги, стоял главарь. Меч его летал в воздухе столь стремительно, что клинок казался всего-то серебряной паучьей нитью, кою теребил ворвавшийся в дом ветер. Десятки в куски разрубленных тварей лежали вокруг него, но все новые и новые, неведь откуда прибывавшие, шипя, упорно ползли к нему, уже обвивали его сапоги и тянули тонкие раздвоенные язычки к телу.

Двое бандитов, обезумевших от ужаса, крутились тут же. В отличие от железно спокойного своего предводителя они повизгивали и ахали, суматошно размахивая ятаганами и прыгая с ноги на ногу, дабы не наступить на вьющихся по полу гадов.

Хозяин постоялого двора находился в наиболее плачевном состоянии: его подвесили за ноги к потолку, и теперь он отчаянно дергался и вопил, призывая бандитов немедленно освободить его.

Конан, который в пылу вчерашней схватки все же заметил, что этот отвратительный старик то и дело швы-

рял в него посуду и плевался, таким образом помогая своим приятелям, удовлетворенно хмыкнул — подлость и лицемерие наказаны, причем самым жесточайшим способом. Змеи уже подбирались к нему; им осталось только сразить главаря, и путь к связанной, словно нарочно приготовленной для них жертве оказался бы открыт. Понимая это, двурушник вертелся необыкновенно энергично — можно было даже подумать, что его уже укусили. К сожалению, цвет костистого лица свидетельствовал об обратном: он явно пребывал в полном здравии, что расстраивало не только киммерийца, но и бандитов. Так, в момент, когда Конан распахивал дверь, главарь вдруг резко развернулся и, ощеря зубы, разрубил веревку, на коей болтался старик. Визжа, тот упал на пол и быстро пополз на четвереньках в угол, а оттуда навстречу ему уже стремились гады.

Все это киммериец увидел в одно мгновение. И в то же мгновение змеи замерли, затем вновь встрепенулись и начали спешно покидать дом.

* * *

Конан не ожидал подвоха. Скрестив мечи с двумя бандитами, он не заметил, как главарь их скрылся. Накануне тот столь отважно вступил в единоборство с огромным могучим варваром, что вряд ли можно было ожидать от него позорного бегства. Тем не менее, когда голова одного разбойника слетела с плеч, а потом и другой повалился на пол, разрубленный мощным ударом почти пополам, в комнате остался только Конан да старик, уныло воющий в своем углу.

— Старый башмак... — процедил киммериец, обращаясь к нему. — Как ты предупредил их?

— Положил шапку на окно, — не стал отпираться двурушник. Его трясло от страха: он отлично помнил, как был наказан всего лишь за невинное кривлянье, и теперь ожидал воистину ужасной кары.

— Оставь его, Конан. — Повелитель Змей, избитый, но не сломленный, с жалостью взирал на старика и с

мольбой на спутника. Он пока плохо держался на ногах и потому стоял, прислонившись плечом к стене. Что-то новое появилось в нем после этой ночи. Не бродяжка, а познавший и жизнь и смерть бывалый путешественник, исполненный достоинства и благородства просил сейчас пощады для того, кто едва не погубил их всех. Видно, подвиг, который Трилле свершил ночью во имя дружбы, разбудил дремавшие дотоле высокие чувства...

Конан посмотрел на него и ухмыльнулся.

— Вздор. Одним ублюдком на земле будет меньше... — и он поднял меч.

— Нет! — взвизгнул старик.

— Да, — спокойно возразил варвар, приближаясь к нему.

— Он все равно убьет тебя! — Двuruшник захлебывался от страха и ярости. — Он найдет тебя и убьет! От Кармашана еще никто не уходил!

Меч опустился.

— От Кармашана? — Конан чуть не застонал от досады. Всю ночь с ним рядом находился знаменитый разбойник, а он позволил ему уйти целым и невредимым!

В этот момент киммериец не думал о том, что прежде Кармашана никогда не видал, и узнать его просто не мог. Досада, раздражение, гнев были сильнее разума. Скрипнув зубами, он снова обратился к старику:

— Где он сейчас?

— В Вендии, в Аквилонии, в Офире. — Ослепленный надеждой, хозяин постоялого двора готов был выдать своего приятеля, но — и сие было совершенно ясно — не знал, куда он отправился. — В Стигии...

Голос его увял. Нет, ни малейшей догадки не блеснуло в каше мозгов — только все грезилась безумная физиономия Кармашана да пара барашков, бродивших по заднему двору. Барашков было жаль: каждого он мог зажарить и продать посетителям за пару полновесных золотых, но теперь... Он не знал, что его ждет. Вряд ли

этот суровый киммериец оставит его в мире сем... Погрузившись в тоскливое молчание, старик уставился в пол, как будто в глубоких трещинах его мог увидеть свою судьбу.

И вдруг тело его сотряслось от дикого приступа ярости, прежде не испытанного никогда. Варвар, который пришел в дом его с тем, чтоб отнять — сначала источник существования, потом и жизнь, — взбесил его безмерно. Сейчас он забыл, что первый намеревался отнять жизнь Конана и порыться в его дорожном мешке; что десятки несчастных странников сгинули на сопках Серых Равнин по его вине; что сам ради медной монеты не пожалел бы и родного отца, коего, слава богам, у него давно не было...

Если б мысли сии посетили его хоть мигом раньше, он наверняка сумел бы понять подлинное положение дел и остаться в живых: не желая более смотреть на его продажную рожу, Конан повернулся и пошел к выходу. Трилле, облегченно улынувшись, собирался последовать за ним...

Уже ничего не соображая, старик пронзительно завизжал и прыгнул на спину врагу, норовя разодрать зубами могучую шею его. Видимо, уверенность в том, что его собственная жизнь, в отличие от прочих, бесценна и неприкосновенна, придала ему сил, потому что варвар не сразу смог расцепить кольцо тощих рук.

Повелитель Змей, замерев у стены, ахнул. Тщедушное тело мерзкого старца взлетело в воздух, подъятое железной рукой, и грохнулось об пол. Но, словно вовсе не почувствовав удара, он вскочил и собачонкой метнулся к ногам Конана, хрипя, лая и клацая зубами.

Он успел лишь услышать короткий злобный рык да лязг меча в ножнах. Снова ахнул бродяга, протянул руку, чтобы остановить казнь, но было уже поздно. Меч взлетел — и голова двuruшника покатила по разбитому полу и остановилась у ног варвара.

Вздых Серых Равнин вновь услышал он, но теперь то был весьма удовлетворенный вздох. Туманы ждали

новую душу. Пусть не такую легкую и чистую как у Трилле, а заплесневевшую и прогнившую насквозь, но, в общем, им было все равно...

— Зачем-е-ем? — Трилле закрыл глаза ладонью. — Зачем?

— В следующий раз будет умнее, — буркнул ким-мериец, вытирая лезвие полый куртки одного из бандитов.

— В какой следующий раз? — Парень изумленно взглянул на друга. — Для него уже не может быть следующего раза!

Конан пожал плечами и вышел из дома. Иная мысль завладела им сейчас. Прежде он полагал, что Кармашан и есть тот самый Леонардас, что своровал у рыцаря Лал Богини Судеб. Теперь же он в этом сомневался. Более того, он был почти уверен, что ошибся. Леонардас три дня находился в гостях у Сервуса Нарота, а Кармашан в то же время жил в горах, среди разбойников. Правда, Конан был недалеко от мысли, что он мог и раздвоиться, но здравого смысла в том не усматривал.

И все же: кого преследовать? Продолжать путь в Вендию или порыскать по горам, найти Кармашана и прикончить — просто так, на всякий случай?

Равнодушные к людским делам звезды постепенно гасли. Громада гор, уже освещенная невидимыми глазу лучами восходящего солнца, казалась зачарованным городом, влекущим тайнами и сокрытыми в недрах сокровищами. «Что ищешь ты, человек? — спрашивали они. — Жизни ли? Смерти?»

Конан плюнул в их сторону и решительно направился к своему коню.

Глава десятая БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Тяжелая дума терзала Трилле весь следующий день. Вопли укушенных бандитов не давали ему покоя, звенели в ушах беспрестанно, отзываясь в сердце горьким чувством вины. «Теперь все равно, — тоскливо думал он, — какому богу молиться. Перед всеми грешен, перед всеми...» И прерывистый вздох вырывался из его груди, пугая Клеменсину и раздражая варвара.

Снова и снова припоминая события прошедшей ночи, Повелитель Змей задавал себе один и тот же вопрос: имел ли он право воспользоваться редким даром своим в таких гнусных целях, как убийство полдюжины разбойников, да еще подобным жестоким способом? Нет, не имел — таков был его твердый ответ.

Но, называя себя убийцей и развратником (он вкладывал в это слово иной смысл, нежели все остальные, имея в виду глупую душу свою, ничуть не дрогнувшую в тот момент, когда первый крик задавленного змеей бандита раздался во дворе), Трилле тем не менее понимал, что этими преступными действиями все-таки сохранил жизни друзей, кои сейчас ехали рядом с ним в угрюмом, но зато не вечном молчании.

Он покосился на Конана, потом на Клеменсину и разразился таким душераздирающим стоном, что лошади захрапели в недоумении и тревоге.

— Гр-р-р... — Киммериец обернулся, обдав бродягу ледяным взором ярких синих глаз. — Перестань реветь, парень!

— Страдаю, — объяснил Трилле, для пущей убедительности прижимая руку к сердцу. — Уж так страдаю, Конан, сил нет!

— Достань из мешка лепешку да съешь, — по-своему понял варвар причину страданий Повелителя Змей.

— Не хочу, — буркнул тот, но лепешку все же достал. Урча, он впился в нее зубами и смолотил в один миг. Как ни странно, настроение его действительно несколько поправилось. Ободренный, Трилле полез за второй лепешкой, но был остановлен справедливым Конаном, который без лишних слов отобрал у него мешок и привязал к своему седлу.

... К вечеру спутники достигли полосы леса, за коей, по утверждению Клеменсины, должна была протекать великая река Мхете, что опоясывала Вендию. Повелитель Змей, приходящий в уныние даже при виде ручья, опять расстроился, но девушка успокоила его, пояснив, что в самом начале великая Мхете узка и мелка, а потому бояться вовсе нечего.

— Возьмем у туземцев лодку... — продолжала она материнским голосом увещевать парня, но лишь привела его в больший, чем прежде, ужас.

— У каких туземцев? — перебил он, всей подвижной физиономией своей изображая неизбывное страдание и страх.

— Вдоль Мхете селятся племена дикарей, — поучительно сказала Клеменсина. — Они воюют друг с другом, но пришельцев принимают дружелюбно, потому что те возят им вино и яркие ткани. Туземцы обожают яркие ткани.

— Но у нас нет ни вина, ни ярких тканей! — вскричал Трилле, испытывая крайне неприятное чувство, сходное с тем, что испытывает свинья, заметившая из хлева хозяина с большим ножом, коим прошлой зимой он зарезал ее старшую сестру.

— Вино есть, — пожал плечами киммериец, — но не для дикарей. Всего одна бутыль, и та початая.

— Да плевать мне на вино! — раскипятился Повелитель Змей. — Я не хочу ехать к туземцам! Они сожрут нас, клянусь твоим Кромом, Конан, непременно сожрут!

— Не клянись Кромом, когда мелешь такой вздор, — поморщился варвар. — Здешние туземцы не едят людей. Вот в малахитовых джунглях за Черными Королевствами — да и даже предпочитают человечину всякому другому мясу. Но...

Трилле чуть не стошнило при последних словах Конана. Прежде он никогда не думал о себе в таком контексте. Мысль о том, что он и есть та самая «человечина», которую так любят гурманы из малахитовых джунглей, привела его в неопикуемый ужас.

— О, боги! — воскликнул он, хватаясь почему-то не за сердце, а за тощий свой зад. — Я знал, я знал, что вы равнодушны к людским бедам, но не настолько же! Вразумите же этих несчастных дикарей, этих мерзких черных тараканов, этих пожирателей...

— Тьфу! — разозлился варвар. — Хватит ныть! Разрази меня Кром, если на твои кости польстится даже самый голодный туземец!

Клеменсину немало позабавила перебранка двух друзей, но в душе ее тоже ныла и царапалась мягкими коготками тревога. Из рассказов отца она хорошо знала, что нет на свете такого дикаря, который отказался бы попробовать жаркое из белого путешественника. Конечно, вендийские племена доброжелательнее и цивилизованнее тех, о которых поведал сейчас Конан, но и от них вполне можно ожидать подвоха, тем более что у спутников нет вина и ярких тканей...

— Нет, у леса останавливаться нельзя, — встрепелась девушка, увидев, что варвар поворачивает коня к зеленой полосе. — Он произрастает на сухой песчаной земле.

— Ну и что? — удивился Конан.

— Аллигаторы кладут там яйца. Отсюда не видать, но эта роща так и кишит зелеными зубастыми тварями величиной с пирогу.

— Хм... Откуда ты знаешь?

— Разведение скота не единственная страсть моего отца, — улыбнувшись, сказала Клеменсина. — Он много читал — на разных языках — и меня заставлял. Кроме того, для нас не было большего удовольствия, чем разглядывать географические карты. Кажется, нет на земле уголка, которого я не видела бы — увы, только на папирусе.

— Хорошее занятие, — ухмыльнулся киммериец. — Во всяком случае, полезное... Ладно, к лесу не поедем. Если от туземцев еще можно откупиться вином и яркими тканями, то крокодилам подавай живого человека — любимое лакомство...

Дабы не пугать особенно Трилле, последнюю фразу киммериец пробормотал себе под нос, затем развернул вороного и направил его к круглоголовому зеленому холму, выглядевшему на равнине как шишка на лбу. Взлетев на самый его верх, он с удовлетворением обнаружил там весьма уютную впадину, в которой можно было запросто улечься всем троим.

— Здесь-то наверняка нет аллигаторов, — заметил он, приглашая спутников тоже заехать на холм.

— Разве что летающие, — усмехнулась Клеменсина.

Она оставила свою кобылку цвета светлой северной ночи внизу, а сама ловко вскарабкалась на вершину холма. Трилле последовал ее примеру.

Целый день проведя в пути, все трое сейчас были голодны, как стая волков, — даже Повелитель Змей, в полдень слопавший огромную лепешку. Быстро устроив себе ложе из курток, спутники уселись и принялись за трапезу. В мешке Конана оставалось еще две лепешки и кусок солонины, их-то и поделил он на три равные части, несмотря на то что Трилле и Клеменсина благородно предложили ему взять себе побольше, учитывая его рост и вес.

В несколько мгновений уничтожив припасы, друзья в целях экономии выпили по одному глотку вина и легли спать.

Восточная ночь, расцветенная серебром звезд и золотом полной луны, постепенно окутывала землю. В тишине был явственно слышен плеск от ударов крокодиловых хвостов по воде, но более — ничего. Слабый ветер не теребил листья деревьев, ибо никаких деревьев в округе не было; хищные звери бродили в поисках добычи в иных местах; птицы спали, а насекомые если и ползали, то не производили при этом шума. В общем, стояла совершенная тишина, какая одних пугает, а других восхищает. И только третьи — такие как Конан — ее вовсе не замечают.

Ночь не успела еще накрыть землю черным своим покрывалом, а варвар уже мирно спал, положив под щеку железный кулак.

Совсем не так спокоен был Трилле. Совесть, о наличии коей в собственном организме он прежде и не подозревал, не позволяла ему уснуть. В сотый раз мысленно представляя на одной чаше весов три жизни — киммерийца, Клеменсины и свою, а на другой — полдюжины безумных и диких существований разбойников, он в сотый раз склонялся к тому, что поступил единственно верно, и в сотый раз в сем же сомневался. Беспрестанно вздыхая и ворочаясь с боку на бок, он мешал спать девушке, которую, в общем, тоже мучила совесть, но не настолько, чтоб она лишилась сна.

Да, Клеменсина, конечно, еще не забыла своего преступления, кажется, свершенного во имя любви, а на самом деле погубившего и любовь, и возлюбленного, и постороннюю девицу. Правда, девица не заслуживала и малой толики жалости, но Клеменсина не разрешала себе оправдываться этим. Вновь ее мысли возвращались к тому страшному дню: известие о смерти Энарта и колдуньи, злобные вопли крестьян у шалаша, который она выстроила для себя на опушке леса, темный подвал, костер...

Девушка подавила тяжелый вздох, родившийся в груди ее вдруг, и прикрыла глаза. Потом, все потом... Сон сковал веки так внезапно, что она даже не успела додумать до конца совсем короткую мысль о Конане. Там было что-то вроде языков костра, сквозь кои она увидела впервые варвара, летящего к ней на прекрасном вороном коне. На миг он показался ей богом, спустившимся с небес: огромный, бронзоволицый, с гривой густых черных волос в ореоле красно-золотых искр... Вот на этих искрах она и провалилась в глубокую вязкую дрему. Ей снился костер, пылающий посреди океана, вереницы облаков, что пугливо плыли на недостигаемой высоте, и — варвар. Его фигура, громадой воздвигшаяся как раз в центре огня, была недвижима. Клеменсина же металась по берегу и зывала о помощи. Никто, никто не слышал ее. Тут луч солнца попал в самое пламя, вспыхнул, и девушка узрела наконец лицо Конана. В синих глазах холодно сверкал нерастопленный огнем лед, черные стрелы бровей угрюмо сдвинулись к переносице, а на губах застыла усмешка. Он опять бросал вызов всем, кто загораживал ему путь в будущее!

Во сне Клеменсина всхлипнула, дрожа от сознания собственного бессилия. Ей казалось, что жаркие языки пламени уже вцепились в тело киммерийца, и ему осталось всего несколько вдохов перед тем, как чистая суровая душа его отлетит к Серым Равнинам... Но отчего он не двигается с места? Отчего не пытается перешагнуть костер, едва достигающий его живота?

Девушка набрала полную грудь воздуха и крикнула, надеясь привлечь его внимание. Он должен спастись! Должен!

Ледяной взор медленно обратился к ней. Конан открыл рот и... заржал.

* * *

В брезгливом ужасе Клеменсина пробудилась. Пары мгновений оказалось достаточно для того, чтобы по-

нять: сие был только сон. Усмехнувшись такому странному представлению киммерийца, изобретенному то ли памятью, то ли воображением, она повернулась на другой бок, желая снова заснуть, но вдруг наяву услышала то самое ржание...

Она вскочила и лбом тут же больно треснулась о каменное плечо Конана, который уже сидел, прислушиваясь к звукам у подножия холма.

— Что там? — шепотом спросила его девушка, в тревоге бессознательно подвигаясь к нему поближе.

— Лошади, — ответил он сумрачно. — Верно, аллигаторы сюда добрались... Надо уезжать. В темноте с этими тварями справиться не так просто...

— Так идем же! — Клеменсина потянула его за рукав. — Идем скорее, пока они не сожрали наших лошадей!

— Погоди... Успеем.

Он нагнулся, притянул к себе дорожный мешок и пошарил в нем. Вздох спустя что-то щелкнуло, и девушка разглядела крошечный огонек меж пальцев киммерийца. Он поднял руку. Короткое, но яркое пламя тускло осветило ближайшую к холму округу. Клеменсина с облегчением увидела, что лошади стояли на месте, хотя и перебирали ногами в беспокойстве. Головы их были повернуты в сторону полосы леса, но что там напугало их, конечно, отсюда нельзя было рассмотреть.

Конан ладонью накрыл огонек, погасив его, и дернул за ногу Повелителя Змей.

— Хей, Трилимилль, вставай.

По тому, что говорил варвар не шепотом, а обычным своим зычным, чуть хриловатым голосом, девушка поняла: если опасность и существовала в действительности, то пока еще не столь близко, чтоб бежать сломя голову.

— А? Что? Когда? — Трилле, несмотря на терзания души, уснул очень крепко, а потому сейчас никак не мог уяснить, что нужно от него этому неугомонному варвару.

— Вставай, говорю! Надо уходить отсюда.

— Почему?

— Аллигаторы...

Одного этого слова оказалось достаточно для того, чтобы Трилле вскочил и кинулся вниз, повизгивая от страха. Вчерашний подвиг был забыт, природная трусость победила случайную отвагу. Конан с усмешкой поглядел ему вслед и не спеша поднялся.

Забравшись на свою караковую, Повелитель Змей совсем уж было собрался стремглав кинуться наутек от этого страшного места, но тут вспомнил вдруг о спутниках.

— Скорее, крабы неповоротливые! — прошипел он, опасно озираясь.

Коварные аллигаторы чудились ему повсюду, и теперь ухо его слышало даже те звуки, коих не было: лязг острых зубов, шорох лап и хвостов по земле, урчание пустых желудков... Нет, такого Трилле вынести не мог. Не дождавшись, когда Конан и Клеменсина оседлают своих лошадей, он ударил караковую пятками и полетел по ночной равнине, слабо освещаемой луною, почти полностью сокрытой в облаках.

Киммериец велел девушке ехать следом, а сам направил вороного к полосе леса, дабы набрать крокодильих яиц, потом высушить их на солнце и съесть — насколько он знал, трапеза сия была и сытна и вкусна.

Не сразу Клеменсина настигла храброго спутника своего. Трилле мчался с такой скоростью, словно за ним гнались все аллигаторы мира, одержимые странной идеей сожрать именно этого тощего бродягу, и никого иного.

— Трилле! Трилле, остановись! — воззвала девушка, видя, что Повелитель Змей улепетывает во всю прыть. — Да постой же!

Наконец совесть бродяги откликнулась на отчаянные призывы Клеменсины. Придержав лошадь, он обратился к спутнице, стыдливо отворачивая лицо в сторону:

— А где Конан?

— Увы... — мрачно ответила девушка, рассерженная таким низким, мерзким поведением этого парня. — Он не успел удрать... Аллигатор съел его...

Тут она, желая всего лишь пошутить, совершила серьезную ошибку, по незнанию ли, по недомыслию ли упустив из виду два обстоятельства: во-первых, Трилле был доверчив, а посему даже на миг не усомнился в ее печальном сообщении; во-вторых, он искренне привязался к Конану и считал его единственным человеком, рядом с которым (а может, и ради которого) стоит жить в этом жестоком мире. Что боги? Какое им дело до маленького человека, потерявшегося в бурной стихии судьбы и жизни? Высокомерно поглядывая с небес вниз, они не различают добра и зла так же, как не различают лиц — что им Трилле, что им Клеменсина, что им кто угодно, кроме них самих... Тьфу!

Но то были прежние его размышления. Сейчас он ни о чем таком не думал и не вспоминал — разве что только памятью сердца. Слова Клеменсины повергли его в состояние, близкое предсмертному. Он выпучил глаза, издал короткий жалобный стон и мешком повалился с лошади, притом больно стукнувшись теменем о каменистую почву.

Мигом позже он уже бился в истерике, воя и катаясь по земле словно буйнопомешанный. Девушка не успела поразиться такой реакции на ее невинную, в общем, шутку, а Трилле уже разодрал на себе рубаху в клочья, вырвал несколько прядей волос и теперь длинными ногтями царапал лицо.

— Уй! Уй-у-уй! — визжал он так пронзительно, что Клеменсина на вздох оглохла. — Падаль вонючая! Моего Конана!.. Пожрать как пса!.. бездомного-ненужного-лишайного!... Хвосты поострываю тварям! Чешую отколупаю! У-й-й-я!...

Как раз в этот малоприятный момент в пятне луны на краю равнины показался киммериец. Его вороной рассекал воздух длинными сильными ногами резво и весело, вполне довольный тем, что омерзительные гады,

едва не отхватившие ему голову в полосе леса, остались далеко позади. Пока хозяин собирал в куртку их яйца, несчастное животное содрогалось от жуткого вида этих чудовищ, неторопливо ползущих отовсюду, со всех сторон — они были уверены в том, что добыча никуда не денется. Но вот варвар вскочил коню на спину, свистнул, и он, перепрыгнув ближайшее бревно, лягнувшее зубами у самого уха, помчался вперед...

Что может быть прекраснее полета по ночной равнине? Вороной без раздумий отдал бы за него охалку свежего сена! Нет, две охалки или даже три. Ветер свистит в ушах, но и он не в силах остановить восхитительную скачку; камни разлетаются из-под копыт, а вселенская тьма пугает и сулит бесконечную ночь — но ничто не в силах остановить восхитительную скачку! Плевать на будущее, когда настоящее так весело, когда сердце бьется в груди с восторгом юной силы, когда...

Но хозяин резко натянул повод и вороной встал. Ветер, тьма... Да, они не властны над радостью жизни, зато человек — властен. Конь разочарованно всхрапнул, опустил голову и в раздражении отщипнул немного мокрой от росы травы.

Здесь их ждала новая неприятность: дикий визг Повелителя Змей и окаменевшая от ужаса караковая, видимо предполагавшая, что именно она довела своего хозяина до подобного состояния и ожидавшая за это скорой расплаты. Вороной, который к тому времени уже разобрался в чудном характере бродяги, попытался успокоить подругу насмешливым ржанием — напрасно. Она стояла как вкопанная, и в огромных желтых глазах ее явно прочитывался испытанный бедняжкой шок.

— Прах и пепел... — пробурчал Конан, соскакивая на землю. — Чего это дерьмо орет?

— Я пошутила, — оправдываясь, сказала Клеменсина, уже трижды проклявшая свою неосмотрительность.

— Как?

— Он... Он думает, что тебя сожрали аллигаторы... — Девушка виновато опустила глаза, ожидая нареканий, но варвар только хмыкнул.

— Меня? Вот еще!

Он ухватил Трилле за шиворот и рывком поднял.

— Хей, приятель!

Повелитель Змей обессиленно смолк. Пока он еще не мог сообразить, что вот он, Конан, живой и невредимый, стоит рядом и трясет его за ворот. Сейчас он пребывал в полной прострации и вовсе ничего не слышал.

Тогда киммериец вытащил из дорожного мешка драгоценную бутылку с вином и по собственному рецепту начал лечить спутника. Два глотка сделали свое дело: взгляд парня стал более осмысленным, а голова, до того болтавшаяся на тонкой шее как на нитке, приподнялась и укрепилась в одном положении.

— Конан? — проскрипел Трилле, изо всех сил стараясь сфокусировать взор на варваре.

— Я, — буркнул тот и сунул бутылку обратно в мешок, дабы более не искушать больного.

— Ты... жив? Тебе ничего не откусили?

Вместо ответа Конан отшвырнул его прочь и снова вскочил на вороного, что в нетерпении уж гарцевал и бил копытом.

— Как думаешь, Клеменсина, сколько будет езды до ближайшего селения? — задумчиво спросил киммериец, устремив взор в темные звездные небеса.

— Если ехать вдоль полосы леса, то к рассвету доберемся.

Более варвар ничего не сказал и ничего не спросил. Вороной сорвался с места и вихрем понесся по пустынной равнине, желая вновь испытать уже изведанный восторг, слиться с природой, от коей сам и происходил, вдохнуть свежего ветра и ощутить свою собственную силу... И на этот раз он вкусил сего счастья сполна...

Глава одиннадцатая

ТУЗЕМЦЫ

Перед самым рассветом стало ясно: спутники пересекли некую невидимую полосу, разделявшую два климата. Первый, который теперь остался позади, был умерен, и око всесущего Митры смотрело на эту сторону земли вяло, равнодушно, хотя и постоянно. Второй же климат сразу показал свою подлую сущность, сгустив воздух горячими пластами и обрушив на головы путешественников раскаленные лучи раннего солнца. С каждым шагом — а лошади к рассвету уже сбили копыта и сейчас едва передвигали ноги, даже вороной — дышать становилось труднее, словно жар огромного костра теснил и обжигал грудь.

Мхете, может быть, и величественная, но в этих местах больше напоминавшая загнивший ручеек, воды несла соленые, так что людям пришлось проглотить сухой ком в горле и возлелеять надежду на источник либо — на милость туземцев, у коих наверняка имелись способы добыть пресную воду.

Вопреки уверениям Клеменсины первые хижинки показались только к полудню, когда лошади совсем выбились из сил. Несчастный Трилле стонал в героических попытках скрыть от товарищей дикий ужас, охвативший его при виде глинобитных остроконечных жилищ дикарей, ерзал в седле и остервенело кусал костлявый кулак.

Конан безмолвствовал. Его, кажется, сейчас вовсе ничто не волновало. Занятый какой-то своей, очень важной мыслью, он не отвечал на редкие вопросы спутников и вообще вел себя довольно странно: ни разу проклятие не сорвалось с его уст, ни разу раздраженный взор не опалил холодом беспрестанно скулящего Повелителя Змей, ни разу пятка кованого сапога не вонзилась в шелковый бок усталого вороного. Впрочем, сапоги все трое сняли еще до рассвета, а потом, утомленные долгим путешествием и жарой, сорвали с себя и лишнюю одежду. Но и в одних пропыленных, заляпанных жирными и винными пятнами штанах киммериец выглядел воистину величественно — огромный, синеглазый, с буйной гривой длинных черных волос, он словно бог, сошедший с небес на бrenную землю, воздвигся в седле могучего, под стать ему, вороного коня и теперь сумрачным взглядом обозревал окрестности, сожалея о том, что не участвовал в их создании.

В самом деле, удивительная красота открылась здесь странникам. После восхода солнца они узрели и тонкие станы пальм, раскинувших широкие листья во все стороны света, и песчаную ярко-желтую косу, отходящую от Мхете и тянущуюся далеко на север, и островки нежной зеленой травы, меж коими земля была чернее черного и наичернейшего (многое могла уродить такая земля, но Конан знал, что туземцы сеют на ней только маис, ибо иных культур не ведают). Даже Трилле несколько оживился, заметив в зелени пальмовых листьев крупные волосатые орехи, а на мощных стволах баобабов неизвестных ему дотоле зверей, чем-то напоминающих обезьян и, возможно, съедобных.

Очень скоро выяснилось, что обезьян ему напомнили именно обезьяны: в первые мгновения эти омерзительные твари присматривались к спутникам, безуспешно пытаясь определить, какого они племени и почему у каждого посередине морды вызывающе торчит нос, тогда как у всякой порядочной гориллы он должен быть приплюснут, а затем, разом воинственно заорав,

начали обстреливать их волосатыми орехами, столь восхитившими Повелителя Змей поначалу и оказавшимися при более близком знакомстве весьма неприятной тяжести и твердости.

Злая судьба в сем случае распорядилась несправедливо: все до единого снаряды попали в Трилле, а Конан и Клеменсина не получили даже легкого касательного ранения. Может быть, следовало бродяге задаться вопросом — почему боги столь жестоки к нему? — и в ответ понять некоторые необходимые истины, но его сейчас более занимали страдания по поводу собственной, некогда милой, а теперь испорченной внешности. На лбу его выросла невероятного размера шишка, переливающаяся всеми цветами радуги и еще черным, под глазом багровел огромный синяк, нос был расплюснут так, как и положено порядочной горилле, а верхняя губа распухла и красиво завернулась вверх. До полного великолепия Трилле не хватало только колец в ноздрях и перьев в волосах, но об этом — так смиренно думал он, отъезжая от коварной пальмовой рощи, — наверняка позаботятся дикари, кои вряд ли чем-либо особенным отличаются от обезьян.

Уже покорный судьбе, Повелитель Змей все же не оставил дурной привычки трястись и подвывать от ужаса. Он и сейчас занимался этим скучным делом, только тише прежнего. Иная мысль овладела им в сей момент, и мысли той было имя Жизнь. Вот — он, бродяга и жалкий трус, а вот его жизнь. Какой задумали ее боги и какой сотворил ее он сам в конце концов? Верен ли путь его? Верен ли следующий шаг? И — далее: есть ли истина в мире, переполненном жестокостью, страхом, ложью? Сохранилось ли место ее? И — еще далее: надобно ли жить в этом мире лично ему, такому никчемному существу, не умеющему ни в коей мере способствовать воцарению добра и благоденствия?

Философическая мысль Трилле унеслась в неведомые высоты, и теперь он не мог оформить ее словами даже в уме. Одно лишь сердце знало, о чем вести

беседу с самим собою, и успешно продолжало вызывать к богам, судьбе и чему-то подобному, не названному еще человеком, желая познать непознанное дотоле никем, желая определить единственно свое предназначение и укрепить его в себе, дабы потом не заплутать вновь в потемках бытия. Синяки, шишки и ссадины ужасно болели; Трилле страдал, хотя и знал, что физическое мучение может и облагородить и подсказать правду, выделить в суете мирской искомое. «Что ты есть, Жизнь?» — в тоске спросил бродяга, задрав подбородок и направив единственный уцелевший глаз к равнодушным небесам, голубеющим высоко. Но — не было и не будет ответа оттуда; никогда. Повелитель Змей быстро понял это и посему выдохнул из себя все важные мысли, отделил себя от будущего и снова слился с настоящим.

— Проклятые твари, — сообщил он Конану, легко забывая только что произведенный экскурс в дебри философии. — Ну чем я им не угодил? А?

Киммериец сего не ведал. Его донимали свои мысли, и, кроме того, он заметил наконец селение туземцев, расположенное на большом, сплошь покрытом зеленью возвышении, в круге стройных пальм и серебряной ленты ручья.

Клеменсина, скрывая вдруг охватившую ее тревогу, с сомнением посмотрела на варвара. Возможно, стоило объехать стороной владения дикарей, но только она собралась сказать об этом Конану, как лошадь под нею коротко всхрапнула, дернула головой и начала валиться набок. В один лишь миг огромные глаза ее затянулись мутной пленкой, пена на губах выступила и сразу высохла, а блестящая пышная грива потускнела. Девушка в растерянности стояла у поверженного животного, не в силах пока понять, что произошло.

— Отравленная стрела, — обреченно молвил Трилле, обращая смиренный взор свой книзу. Он уже был готов принять ту же стрелу в себя, в шею ли, в лоб ли — все равно. Сейчас Повелитель Змей духом равнялся

жрецу благого Митры, ибо был так же тонок, спокоен и покорен богам. Ужас, так долго терзавший его душу и даже плоть, испарился бесследно. Однако не успел он насладиться новым для него величием, как голубые глаза его, привыкшие глядеть не прямо, а шарить туда-сюда, узрели в пыли, возле копыт погибшей кобылы, большой золотой медальон с дыркой посередине. Ахнув, Трилле взвизгнул от нежданно свалившегося на него счастья, спрыгнул с лошади и схватил находку.

Увы, так уж устроен человек. Только что он был готов принять смиренно ту участь, какую назначили ему боги, но, обрета золотую безделицу, немедленно потерял бодрость и красоту духа. Уйти из этого прекрасного мира? И именно тогда, когда богатство само свалилось ему в руки? Ни за что!

В следующее мгновение Трилле, сунув в карман штанов драгоценную находку, опасливо осмотрелся и сиганул за тушу убитой лошади. Пожалуй, прежнее, привычное для него состояние, было ему гораздо милее чужого возвышенного. Нет, не выйдет из него ни жреца, ни отшельника... Поймав эту грустную мысль, Трилле заключил было: «увы», но сам расслышал в слове сем столько фальши и лицемерия, что даже смутился. На деле он был несказанно рад тому, что все-таки не оказалось в душе его необходимой силы и широты для подвига самоотречения. И как же весело, как же хорошо ему стало! Похлопав по карману, Повелитель Змей радостно захихикал, почему-то вполне уверенный в том, что умереть ему нынче не придется. А иначе зачем бы он нашел такую дорогую вещь?

На последний вопрос ему охотно ответил Конан. Одной рукой взяв парня за ворот, вторую он использовал для того, чтобы отобрать у него медальон и сунуть его в карман своих штанов. Сразу затем он легко поднял Клеменсину, посадил ее на вороного, сам устроился сзади и направил коня прямо к селению, несколько не заботясь об отравленных стрелах и прочих сюрпризах, кои, конечно, приготовили им дикари...

* * *

Клеменсина, едва сдерживая отвращение, обозревала частокол, на коем вперемежку уныло висели человечесьи, конские и обезьяньи черепа. Не меньшее отвращение вызывали в ней и физиономии самих туземцев: все с полуоткрытыми ртами, обвисшими жирными щеками и плотоядным взглядом. Отличить женщин от девушек здесь не представляло труда, ибо многократное материнство обезобразило фигуры первых, тогда как вторые были удивительно стройны и тонки. Много труднее оказалось отличить мужчин от стариков и мальчиков. Черная и желтая краска покрывала их тела; в каждой ноздре болталось по огромному медному кольцу; в черных длинных волосах блестели разноцветные шелковые шнурки, а на мужском достоинстве кокетливо желтели венки из крошечных цветков.

Одежда туземцев была предельно проста. Женщины не имели ее вовсе, а мужчины носили на шее нечто вроде веревки, состоящей из узелков. На непрошенных гостей все они взирали без испуга и удивления — напротив, с радостью, но Клеменсина с содроганием распознала в чувстве сем нечто неприятное и даже опасное. Так охотник смотрит из засады на молодого жирного оленя, предвкушая вечернюю трапезу из его ножек.

Девушка невольно снова перевела взор на черепа. Как распорядятся боги? Не придется ли и им с Конаном разделить участь тех несчастных, что попали в плен туземцам до них?

А впрочем, пока они еще были свободными. Вороной, гордо вскинув красивую голову, стоял рядом с варваром и несомненно был готов к дальнейшему путешествию. Рядом с ним мулы дикарей казались неудачной шуткой богов, создававших животный мир. Но почему же Конан медлит? Неужели он не видит этих странных взглядов, этих черепов на частоколе?..

Общее молчание продолжалось уже довольно долго. Никто не двигался с места и не начинал переговоры

первым. Конан, усмехаясь, сложив на груди мощные руки, в упор смотрел на самого крупного из туземцев — по всей видимости, вождя. Тот, в свою очередь, тоже смотрел на гостя. В его черных глазах нельзя было прочесть мыслей (ни одной), да их, может, и не содержалось в маленькой головке дикаря; только странный блеск свидетельствовал об определенном интересе — безусловно, киммериец являлся лакомым кусочком, и вождь сейчас решал важнейший вопрос: оставить его для себя одного или поделиться деликатесом с сородичами?

Наконец Конан заговорил. Пользуясь жуткой смесью из всех знакомых ему языков, он объяснил туземцам, что ему и его спутнице необходимо пополнить запасы продовольствия и воды, в благодарность за что они обязуются немедленно уехать отсюда и более никогда не возвращаться.

— Кру-ру? — любезно переспросил вождь тонким скрипучим голосом.

— Воды! — рявкнул киммериец. — И мяса!

— Мя-а-а-са!.. — обрадованно подхватили дикари знакомое слово. — У-у-у! Мя-а-а-са!

Двое метнулись за спины гостям и вскоре приволокли лошадь Клеменсины. Ловко орудуя длинными узкими ножами, сделанными, кажется, из обсидиана или похожей породы камня, они в несколько мгновений всего разделили тушу на куски, отделили лучшие в пользу вождя, а остальное прикрыли большими пальмовыми листьями, то ли приберегая на черный день, то ли намереваясь до приготовления сгноить по особому рецепту. Во всяком случае, одно было ясно: кормить гостей здесь не собираются.

«Право, — подумала Клеменсина, — это не совсем справедливо». Хотя она никогда не ела конину, а тем паче предварительно отравленную, эта лошадь все же принадлежала ей... Похоже, Конан думал так же, потому что раздраженно сплюнул в песок и решительно направился к груде мяса — он-то как раз конину упот-

реблял, и с превеликим удовольствием, а то, что умерщвили ее отравленной стрелой, значения не имело: яд, который используют туземцы, теряет свойство лишь попав в кровь, так что мясо можно есть совершенно спокойно.

Он не успел сделать и трех шагов, как вождь, до того смирно стоявший на одном месте, заорал всполошенно:

— Баб! Баб! Баб!

И женщины, ухнув, с визгом кинулись к пришельцам.

Вдруг выяснилось, что оружием их были ногти. Велика ли ценность подобного открытия, ученая Клеменсина не имела времени сообразить. Все, что вычитала она в книгах, никоим образом не касалось нынешней ситуации. География и геология не принимали во внимание нравы дикарей и боевые искусства их спутниц жизни. Неожиданно для себя сплюнув на песок и помянув Крома, девушка выхватила кинжал и бросилась навстречу атакующим.

Провидение, кое в лице Конана спасло ее от костра, и на этот раз предотвратило неминуемую гибель. Конечно, против двух десятков крепких жилистых туземок она не смогла бы устоять, но варвар (а то же самое провидение опять выбрало его своим представителем), ловко перехватив как бревно первую же дико визжащую красавицу с тощими обвисшими грудями, швырнул ее в самую кучу. Разъяренный и несколько растерянный вой возвестил о том, что маневр удался: трое упали замертво, а еще двое отбежали в сторону, поскользкая и потирая ушибленные места.

Видимо, одна из раненых приходилась вождю супругой либо матерью, потому что он снова крикнул свое «баб!», и все женщины резво поскакали обратно. Клеменсина вздохнула с нескрываемым облегчением. Драка с разбойниками на постоялом дворе была в ее жизни первой, нынешняя — соответственно второй; никакого опыта по этой части у нее тем не менее не прибави-

лось. Зато теперь она знала точно: в число ее достоинств входит умение преодолевать страх, как бы велик он ни был. Тут она помрачнела, ибо мысль, что быстрее ветра и солнечного луча, перенесла ее к Трилле, который вообще не обладал никакими достоинствами, но был славным парнем... Еще один вздох вырвался из нежной узкой груди девушки; потом она повернулась к Конану и попыталась понять, какие мысли занимают сейчас его — все-таки от этого зависело их дальнейшее путешествие.

Если Конана что-то и занимало в данный момент, то отнюдь не мысли. Он разглядел в толпе дикарок одну весьма хорошенькую юную девицу, чьи угольно-черные глаза смотрели на него открыто и весело. Стояла она чуть позади вождя, плечом касаясь его локтя; полные губы едва заметно шевелились, как если бы она шептала молитву (хотя киммериец был уверен, что она призывала его к любви, и немедленно); прямые и очень длинные, до колен, волосы цвета воронова крыла блестя под солнцем; гибкое тонкое тело, ничем не украшенное и не прикрытое, было создано для удовлетворения страсти — в сем случае, страсти заезжего варвара.

Всего несколько мгновений взирал на туземку Конан, не замечая унылых физиономий ее сородичей и недовольной гримасы вождя. Затем, скинув призрачный налет цивилизации как, рубаху перед сном, он отдался во власть своим природным инстинктам, то есть подошел к девице и забрал в ладони ее маленькую грудь, при этом зарывав так нежно, как только умел.

Дикари опешили. Незванные гости вели себя совсем иначе, нежели те, чьи черепа украшали частокол. С детским любопытством все племя наблюдало долгий поцелуй, коим Конан одарил свою избранницу, потом ее ответный ласковый укус в могучую шею, потом торжественное шествие в хижину...

Когда за киммерийцем и туземкой закрылся полог кроваво-красного цвета, Клеменсина с опаской посмотрела на дикарей. Ей казалось, что вождь сейчас крик-

нет «баб!» — и эти ужасные женщины разорвут ее на куски так быстро, что даже провидение не успеет ей помочь, тем более такое похотливое провидение, как Конан. Отвращение выразилось на нежном личике девушки, едва она представила себе, что сейчас происходит в хижине. Однако воображение рисовало ей одни лишь объятия, и ничего больше. Самой ей пока не довелось участвовать в акте страсти, ибо Энарт был целомудрен, а кроме него, она никого не любила. Пребывая в полной уверенности, что дети появляются на свет в результате поцелуя, Клеменсина весьма удивилась тем воплям и стонам, что доносились из-за красного полога. «Неужели Конан ударил эту несчастную? — подумалось вдруг ей. — А если — что еще нелепее и страшнее — он решил ее убить?»

Холодный пот выступил на челе девушки. Не то чтобы ей было так жаль развратную дикарку, но смысла в тайном ее убийстве она не видела никакого. Решив вмешаться и спасти ее, Клеменсина двинулась к хижине, про себя призывая богов дать ей силы и образумить жестокосердого варвара. Спиной ощущая насмешливые взгляды туземцев, она откинула красный полог и...

Глава двенадцатая

НОВЫЕ ДРУЗЬЯ ПОВЕЛИТЕЛЯ ЗМЕЙ

Окруженный со всех сторон обезьянами, Трилле сидел в пальмовых ветвях и тоскливо смотрел вдаль. Где-то там, за рощей, в селении туземцев, пребывали сейчас его спутники. Что с ними случилось? Сожрали их людоеды или пощадили? Захватили их в плен или приняли как дорогих гостей?

Время от времени задаваясь этими и подобными вопросами, Повелитель Змей не забывал думать и о себе. Вот уже третий день проводил он в отвратительном обществе обезьян, которые, кажется, принимали его за своего близкого родича и никуда от себя не отпускали. Его кормили кокосами, бананами и сладкими кореньями, обнимали, облизывали и дружелюбно покусывали, но лишь только он делал попытку слезть на землю, как угрожающее рычание раздавалось отовсюду, и вожак крепкой мохнатой лапой втаскивал его обратно на ветку.

Новые друзья Трилле явно были убеждены в том, что спасли его от врагов. Печаль разрасталась в его груди и застревала сухим комом в горле, когда он вспоминал, как уносил вороной Конана и Клеменсину, как сам он успел сделать только шаг к своей караковой... Вдруг черная наглая стая налетела на него, подняла над землею и потащила куда-то с визгами и кудаханьем... И теперь он сидит между обезьянами, сам

тоже вроде как обезьяна, и будет сидеть так всю оставшуюся жизнь... О, боги, неужели сие возможно?

Повелитель Змей застонал от жуткой мысли этой и повернулся к вожаку. Тот сидел веткой выше и, задрав ногу так, что бродяге пришлось адресоваться к его красной заднице, грыз ноготь.

— Кра-р-р-р... Фр-р-р-у-у! — попробовал объяснить с ним Трилле. — Ур-р, мр-р, тр-р.

— Га-а-а! Уа-уа-уа! — раздраженно заорал вожак, скаля огромные желтые зубы. — Уи!

— Бр-р-ра? — не понял Повелитель Змей.

— Уи! Уи! — повторил собеседник, успокаиваясь и вновь увлеченно вцепляясь в ноготь.

— Тьфу!

Это была уже восьмая попытка договориться, и она тоже закончилась неудачей. Если старый мудрый обезьян и понимал то, что хотел сказать ему новый член стаи, он все равно с ним не соглашался. Да и как было согласиться с такой черной неблагодарностью! Этому уродцу без шерсти и хвоста предложили самую привлекательную самку, коей исполнилось недавно всего два года, он — отказался; ему напихали полный рот превкусных толстых гусениц, он — выплюнул их, да еще облевал всю пальму; он не чесался, как положено, и вообще никак не чесался; он не умел прыгать с ветки на ветку и его приходилось постоянно таскать на себе... Сколько хлопот с одной голой обезьяной! Будь вожак не столь мягкосердечен, он давно уже прогнал бы этого паразита, этого нахлебника прочь...

Трилле вздохнул. Он уже притерпелся к вонючим плоским физиономиям, гортанным крикам, бананам и кокосам, но никак — никак не мог притерпеться к ласкам навязанной ему самки. «Дорогая, — бормотал он, отворачивая лицо, с которого не сходило страдальческое выражение, — прошу тебя, уйди. Умоляю тебя, убирайся отсюда к Нергалу. Заклинаю тебя всеми богами, пошла вон...» Увы, уговоры и увещания она принимала за любовный лепет и тоже ворко-

вала что-то по-своему, обмазывая слюнями ухо своего избранника.

После восьмой, опять неудачной беседы с вожаком Трилле предпринял попытку разжалобить его очаровательную супругу. Интимно склонившись к ней и стараясь не замечать кривой морщинистый палец, коим она ковыряла в носу, Повелитель Змей горячо зашептал:

— Ур-бр... Ду-ду-ду, ух, ау-у-у-у!

— Уи? — удивленно переспросила она.

— Агр-р-р!

— Агр-р-р? — Над Трилле навис сам вожак, и вид его не предвещал для парня ничего хорошего. — Оу, оу... Агр-р-р-р...

Вслед за тем, укоризненно покачав головой, обезьян отвесил новому беспутному члену стаи такую оплеуху, что тот кубарем скатился с пальмы и застрял в ветках.

— Агр-р-р-р! Агр-р-р! — визгливо закричал вожак, потрясая длинными мохнатыми лапами. — Агр-р-р!

Такого нахальства не позволял себе ни один молодой и полный сил самец. Пытаться соблазнить супругу вожака прямо перед его носом, и в таких ужасных выражениях!

— Агр-р-р! — с отвращением повторил обезьян. — Агр-р!

Отходчивый по натуре, он снова залез на ветку и предался любимому занятию. Иногда, в виде особого расположения, он милостиво протягивал ногу своей половине, и та усердно грызла его ноготь вне себя от счастья. Теперь же напрасно она умильно поглядывала на супруга: он гордо грыз свой ноготь сам, таким образом наказывая ее за недостаточное сопротивление совратителю. Понурившись, бедняга спустилась ниже и, вызволив Трилле из плена ветвей, злобно поддала ему под зад.

Никогда прежде не попадал Повелитель Змей в подобную ситуацию. Если б на его месте был Конан, он,

конечно, сообразил бы, что делать... Нет, никогда Конан не был бы на его месте... Уж его-то никто не спутает с обезьяной! Тем более сами обезьяны...

Трилле уныло оглядел свои руки, ноги, живот — все, что входило в поле зрения, — и огласил воздух тяжелым вздохом. В отличие от Конана и Клеменсины он не утруждал себя омовением в ручьях, речушках и лужах, встречавшихся на пути, и к нынешнему времени был с ног до головы покрыт застарелой грязью, пылью, потом и еще какой-то дрянью. А приняхавшись, он обнаружил с прискорбием, что воняет столь же интенсивно, сколь и все обезьянье племя... Жестокий урок преподала судьба бедному бродяге. Чередую молитвы с проклятиями, он обещал себе впредь непременно умыться — хотя бы раз в луну (нет, одного раза в луну мало, надо два или три); каждый год полоскать волосы в чистой воде; аккуратно обгрызать ногти со всех двадцати пальцев. Конечно, условия сии были тяжелы и почти невыполнимы, но Трилле решил не отступать. Он должен доказать — и всем и себе самому — свою твердую волю и непоколебимое мужество. Он должен...

В глазах Повелителя Змей показались искренние чистые слезы. Клятва, достойная не мальчика, но мужа, возвысила его дух, вознесла так высоко, что пришлось сделать усилие, дабы догнать его и вернуть в тело. Бродяга заерзал на ветке, мечтательно улыбаясь будущему. Ну кто мог представить хотя бы на миг, что он способен на такой решительный поступок? Никто. Ах, как прекрасно будет выйти на дорогу умытым! С какой любовью станут смотреть на него все встречные девицы!..

Трилле не терпелось увидеть варвара (если дикари еще не сожрали его) и поделиться с ним своей радостью. «О, Кром, Эрлик, Митра, Адонис и прочие парни, сидящие в облаках и вззирающие на нас, простых смертных, с высоты небес! Помогите мне удрать от моих милых друзей, чтоб их Нергал забрал в свое мрачное царство... Помогите мне найти Конана! Я буду смелым и решительным, я буду умыться... О, помогите же!»

Скороговоркой произнес последние слова молитвы, придуманной им сейчас, Повелитель Змей зажмурился и стал ждать исполнения желания. Но — ничего не происходило. По-прежнему вокруг него сидели обезьяны; по-прежнему вожак грыз коготь; по-прежнему супруга его скулила от несправедливой обиды. Трилле удивленно поднял глаза вверх. Ужели боги не услышали его? И тут же радость тронула его сердце горячим и нежным своим крылом: он поймал посланную ему с небес чудесную мысль! С легкой досадой подумав, что мог бы догадаться об этом самостоятельно, бродяга закрыл глаза ладонями, сосредоточился и тихонько зашипел. Змеи, змеи, змеи сползались к нему отовсюду. Он чувствовал их, слышал и видел. До свободы оставалось совсем чуть...

* * *

То, что увидела Клеменсина, откинув полог, поразило ее стрелою в самое сердце — причем, отравленной стрелою. Вопль ужаса вырвался из ее маленького ротика, а вслед за тем она без чувств упала на землю, ибо и в страшном сне не могла вообразить, что именно, оказывается, люди называют любовью.

Пока Конан натягивал штаны, а разочарованная туземка рыдала в голос, дикари приволокли к хижине кучу пальмовых листьев и цветов, намереваясь отпраздновать бракосочетание белого человека со своей соплеменницей. Особенно радовался предстоящему событию вождь. Он давно собирался избавиться от племянницы, на которой должен был жениться, и вот теперь ему представлялся прекрасный случай сбыть ее с рук, не прибегая к таким неприятным средствам, как утопление или удушение.

Конечно, согласия самого Конана никто и не думал спрашивать. По обычаю туземцев тот, кто по собственному почину тащил девушку в хижину, обязан был немедленно взять ее в жены, иначе ему грозила смерть через костер. Вот почему только последний идиот дей-

ствовал столь откровенно. Умные же дикари предпочитали кусты, песчаные пещеры, берег ручья и даже пальмы — все, что угодно, лишь бы избежать докучливой супружеской жизни.

Вождь давно хотел отменить этот нелепый обычай — не столько из соображений нравственности и стремления к равноправию, сколько вследствие личной нужды. Дело в том, что невестребованные девицы (то есть, востребованные, но не в хижинах, а в иных местах) становились его женами, коим, в свою очередь, вменялось в обязанность приносить по младенцу в год. Так и получилось, что, имея уже девять жен — две из которых, благодарение всем богам, оказались бесплодны — вождь имел от них шестнадцать детей, обладавших к тому же поистине дурной привычкой есть и пить каждый день. Правда, одну из жен ему удалось втихую придушить, но до того она успела родить сразу тройню, каковое обстоятельство лишний раз доказывало несчастливую судьбу вождя.

Тем естественнее была радость этого милого человека в тот момент, когда киммериец поволок девицу в хижину. Но еще более естественно было его негодование, когда он увидел, что жених и не думает исполнять обычай.

С усмешкой поглядев на приготовления к свадьбе, Конан подошел к Клеменсине и испытанным средством — глотком вина — привел ее в чувство. Потом, не обращая внимания на ее взгляд, полный немого укора, а также на всполошенные вопли брошенной дикарки, а также на угрожающий вой всего племени и гневное рычание вождя, сложил в дорожный мешок несколько кусков конины.

Предзакатное алое солнце обещало жаркую и душную ночь, но варвар не желал пережидать ее здесь. Для него, объездившего и исходившего тысячи дорог, побывавшего и пожившего в сотнях городов и селений, все действия дикарей не представлялись загадкой. И в других племенах, он знал, мужчины норовили сбавить

своих женщин чужестранцам; разница состояла лишь в способе действия. Одни навязывали супругу в качестве наказания за вторжение на территорию племени, вторые пытались всучить то же самое — но уже в качестве награды — обладателям рыжей бороды, третьи просто дарили якобы в знак особого расположения к гостю. Не раз уже Конану приходилось спасаться бегством от такого подарка, который, ко всему прочему, тоже умел хорошо бегать, но еще лучше — визжать. А кто может перевизжать отвергнутую женщину? Да никто. Вот и сейчас юная дикарка, выбежав из хижины, пронзительно верещала, хотя кто-кто, а Конан отлично понял, что досталась она ему не девушкой, и значит, жениться на ней должен был тот, кто первый затащил ее в кусты или в какое иное место. На обычай же туземцев варвару было глубоко наплевать, что он и демонстрировал теперь всем своим видом.

И вдруг наступила тишина. Клеменсина сразу почувствовала — сердцем, кожей, кончиками ресниц — ее ужасную тяжесть. Странное молчание, в коем замерли не только люди, но и вся природа, звалось смертью и было одушевленным, так что казалось, его можно потрогать и ощутить ледяной мрак царства мертвых.

Клеменсина повернула голову к варвару, позабыв напрочь ту страшную картину, которую наблюдала в хижине и испытывая сейчас только одно желание — вскочить на вороного, крепко прижаться к могучей спине Конана и умчаться с ним отсюда как можно дальше.

В следующий миг он развернулся. Твердые губы его изогнулись в злобной ухмылке, синие глаза сверкали опасным холодным огнем, и в них девушка тоже увидела смерть; багровый луч солнца отражался на блистающем клинке, что уже вздымался к небесам, готовая опуститься на головы дикарей...

Крик ужаса замер на устах Клеменсины в тот момент, когда с пухлых белых подушек облаков сорвалось само солнце и стремительно полетело вниз, оставляя за собой красный, ослепительно яркий след, похожий на

свежую рану, перечеркнувшую нежное голубое тело неба...

* * *

На сей раз Трилле решил не расставаться так скоро со своими прелестными друзьями. Обвешанный змеями с ног до головы, он прошепствовал по пальмовой роще, вышел на равнину, а оттуда — к тому возвышению, где, насколько он помнил, располагалось селение туземцев.

Конечно, караковой нигде не было. За три дня его отсутствия всякое могло произойти. Может, она соскучилась в одиночестве и вздумала поискать счастья в иных местах, а может, жуткие дикие звери, коих Трилле пока не видел, но кои наверняка жили где-то поблизости, разорвали ее и съели, а может... Впрочем, судьба караковой волновала сейчас Повелителя Змей менее всего. Он желал — и желал всем сердцем, страстно — найти Конана и Клеменсину, ибо то были единственные на этом свете люди, смирившиеся с его существованием довольно легко. Все прочие искренне считали, что жить ему вовсе необязательно; что таких, как он, бродяг слишком много, а толку от них нет; что они только разносят по миру заразу и портят воздух отвратительным запахом долгой дороги, чужих стран и собственного тела.

Что касается тела, то Трилле, критически посмотрев на себя нынешним утром, испытывал теперь весьма и весьма горькие чувства. С помощью змей избавившись от назойливых обезьян и покинув рощу, он совершил героический поступок, а именно: отправился к Мхете и помылся в ее теплых зацветших водах, так что сейчас приятно пах сгнившими кувшинками и дохлыми крокодилами. Но горечь все равно терзала сердце. Двадцать шесть лет он смердел как какой-нибудь дикий кабан и вот только сегодня стал наконец человеком. Что ж, так теперь будет и впредь. Он запомнил ту клятву, которую дал сам себе, сидя на

пальмовой ветке в окружении обезьян, и нарушать ее пока не собирался.

Со стороны селения не доносилось ни единого звука. Трилле втянул голову в плечи, опасаясь отравленной стрелы, и, с пару мгновений поколебавшись, все-таки пошел вперед. Королевский удав, толстый и длинный, обвился вокруг его шеи, свесил плоскую башку к колену своего повелителя и ревностно поглядывал на остальных гадов, ядовитых и просто противных, что, переплетаясь, составляли сейчас нечто вроде живой кольчуги, сверкающей под лучами заходящего солнца.

Как ни старался Трилле задавить в себе страх перед туземцами, он все разрастался, теснил грудь и мешал дышать. После того, как обезьяны с истошными воплями разбежались при виде полчища змей, он почувствовал себя если не божеством, то уж выдающимся воителем точно, и, спустившись с пальмы, некоторое время сидел на земле, распираемый гордостью и сознанием своего величия. Он уже подумывал было прибавить к своему титулу еще один — Победителя Обезьян, но вдруг вспомнил о Конане и почему-то устыдился этих нескромных мыслей. Страх опять заполз в него; одиночество стало почти невыносимым; едва волоча ноги, Трилле прошествовал по роще, потом вышел на равнину. И здесь он был один, если не считать шипящих его подданных, а он их не считал.

Отовсюду к нему стекался страх, а расслабленная душа принимала его с покорностью юной девы, насильно выданной замуж за богатого и злобного старца. Наконец бродяга понял, что с таким грузом не сможет более сделать и шага. Тогда он распрямил плечи, задрал подбородок и затянул веселую и бодрую боевую песнь туранских солдат, но, услышав в сплошной тишине жалкий дрожащий свой голос, смолк. Странное предчувствие охватило его. Тени спутников почудились вдруг рядом — только тени, бездыханные и бесплотные, и от этого даже страх в груди затрепетал и улегся на дно души человека.

Он вздохнул свободно лишь раз. Потом взглянул на островерхие низкие хижины и заметил, что над ними нет солнца. Тут из далеких и мрачных миров прилетела тоска, ранее, вероятно, принадлежавшая рабу, прикованному к скамье на галере. Что там с ним стало, с этим рабом, — отпустили его на волю или он убежал сам — Повелитель Змей не ведал. Одно было ясно теперь: тоска нашла себе нового хозяина, с которым не захочет расставаться и который, безусловно, не сумеет избавиться от нее самостоятельно.

Шепотом проклиная собственную слабость, Трилле вскарабкался на холм. Сейчас ему больше — в тысячу раз больше прежнего — хотелось снова увидеть Конана. Только надежда на это испарялась с каждым шагом; с каждым шагом тяжелела тоска, свивая в его душе уютное гнездо и откладывая туда яйца, благо жертва не сопротивлялась; с каждым шагом становилось темнее, суше, ветренее. Змеи, обвинившиеся вокруг своего повелителя, забеспокоились, а удав поднял голову и посмотрел вперед долгим, истинно королевским, истинно удавьиным взглядом. И тогда Трилле тоже посмотрел туда.

Глава тринадцатая КОВАРНЫЙ КАМЕЛИТ

Трилле помнил себя с одиннадцати лет. До того, рассказывал ему хозяин постоялого двора на севере Аргоса, он шастал по дорогам огромного мира сего с шайкой балаганных шутов, которым наконец надоело кормить малолетнего бездельника и ворешку, и они выкинули его из телеги прямо в сугроб. Вот с этого момента память Трилле начала отсчет.

Была зима — для Аргоса странно снежная и холодная. Белые пушистые хлопья без перерыва, и ночью и днем, валились с неба; с ледяных гор с визгами скатывались малыши; низкое серое небо зацепилось за шпиль замков, покачивалось, лениво перегоняло темные бесформенные облака дальше на север.

Маленький бродяжка лежал в сугробе, чувствуя, как становится ему тепло и приятно. Он знал, что сие означает, но не имел сил встать и пойти — ибо идти было просто некуда. В Аргос он попал впервые. Никаких знакомств тут (да и нигде на свете) не имел. Может, сама судьба распорядилась его будущим и уготовила ему место на Серых Равнинах? Там, и только там, может найти приют бездомное, никому не нужное существо, будь то пес, суслик или человек.

«Фу, парень, какой ты белый!» Чей-то раскатистый бас прогремел ему прямо в ухо, обрывая начавшийся было сон. «А ну, вставай!»

Трилле вяло покачал головой: он не хотел вставать. Он согрелся, руки и ноги уже не ломило от холода, и дорога на Серые Равнины виделась короткой и желанной. Тогда железная рука ухватила его за ворот и рывком подняла. «Замерзнешь ведь, щенок...» — проворчал тот же голос. Потом бродяжка вознесся к небу и так поплыл, умиротворенный, на руках своего благодетеля.

Хозяин постоялого двора притащил его в дом, обмыл, накормил и уложил спать — в самую настоящую кровать. Утром он сказал ему: «Ты похож на моего сына. Оставайся». Трилле остался. Много позже он узнал, что сын Массимо — хозяина — утонул в Хороте, и случилось это давным-давно, когда самого Трилле еще вовсе не было на свете. Что ж, видно, судьба изменила первоначальное решение и подарила маленькому бродяжке жизнь, а заодно, расщедрившись, кров и родителя.

Год спустя, в такой же снежный зимний вечер, будущий Повелитель Змей услышал от Массимо интересную историю:

«Знаешь ли, мальчик, что есть Судьба? О, ты, наверное, думаешь, что это старая карга с клюкою и носом, упирающимся в землю? Нет! Это юная девушка! Волосы ее черны как ночь, глаза голубы как летнее небо, стан тонок и строен, улыбка нежна, а походка стремительна. Зовут ее в каждой стране по-разному. В Аргосе она Маринелла, в Вендии — Мариам, в Офире — Марена, в Бритунии — Марша, в Шеме — Мартхала. Но как бы ни звали ее люди, высшими ей дано имя единое — Богиня Судеб. Говорят, она дочь Митры, единственная и любимая. Правда то, нет ли — я не ведаю. Но вот что расскажу тебе, мальчик.

Много, очень много лет назад, страствуя по свету с балаганом... Ты удивлен? Да, и я, будучи юным и наивным, верил в торжество добра; сам был весел, открыт; не жалел ни хлеба, ни медной монеты, если видел, что кому-то это нужнее, нежели мне. Стоя на

повозке в пестром одеянье я вещал людям о далеких мирах, придуманных мною же, о вечном счастье и вечном горе, и призывал их с любовью взглянуть в глаза друг другу, ибо наша жизнь иная — имея начало, она имеет и конец, и только добро поможет нам прожить ее хотя бы немного лучше, спокойнее, справедливее и дольше.

Меня слушали, но неохотно. Они ждали, когда я замолчу и сойду с повозки: после меня на нее забирались шуты. Вот когда народ оживлялся и веселел! Порой мне казалось, что ни одно слово не войдет им в душу, если его туда не затолкнуть силой — как это делали нобили и королевская стража. Однако шло время, я видел, как нищенка отдает свой кусок хлеба умирающему мальчишке и уходит прочь, проклиная богов за жестокость и предлагая им взять ее жизнь в обмен на его.

Я видел, как в последний день войны, в печальный день убийства и грабежа побежденных, старый солдат с лицом, обезображенным ужасным шрамом через всю щеку, одноглазый, огромный и страшный, как сам Черный Всадник, прячет под своим плащом ребенка, которого его же соратники хотели убить, потому что... Да просто потому, что нашли его в доме купца, зарезанного ими сейчас. Ребенка все равно убили, но — после того, как убили солдата... Я видел... О, много чудес видел я, мой мальчик. Проходили годы. Я бросил эту дурную затею — навязывать людям свою философию, когда каждый из них имеет свою собственную. Я бросил и балаган.

Однажды на постоялом дворе — вот этом самом, где сидим ныне мы с тобой, — я встретил девушку, которая поразила мое воображение. Прежде я никогда даже не представлял себе, что бывает на свете подобная красота. Волосы черны как ночь, глаза голубы как летнее небо... Ты уже догадался, мальчик? Конечно, то была она — Маринелла, Богиня Судеб. Тогда я не знал этого. Я заворуженно смотрел, как прядет она свою пряжу,

какая тонкая золотистая нить вьется меж ее бледных пальцев, и сердце мое замирало.

В зале никого, кроме нас, не было. Я подошел к ней, присел рядом и смело спросил: «Как звать тебя, девушка?» Она улыбнулась, подняла на меня глаза — голубые, удивительной чистоты. «Маринелла». Я обрадовался — ведь она заговорила со мной, а значит, мое бедное одеянье ничуть ее не смутило — и быстро сказал: «О, какая красивая у тебя нить! Так тонка и не рвется. Думаю, это кхитайский шелк?» Она засмеялась. «Нет, Массимо, это не кхитайский шелк». Я снова открыл рот, дабы продолжить беседу, но вдруг сердце мое дрогнуло. «Массимо? Ты назвала меня Массимо? Откуда известно тебе имя мое?» Она подняла свое веретено: «Отсюда».

Молча взирал я на веретено, не в силах понять смысл ее слов. Хозяин — тот, что был здесь до меня, — принес мне жареного петуха и кувшин пива. Я разорвал петуха пополам и предложил половину ей. С улыбкой Маринелла покачала головой, отвергая мое угощение. Пока я ел, одна нитка в руках ее порвалась. Печаль омрачила ее прекрасное лицо. «О, Витинио, как жаль...» — промолвила она тихо, затем снова стала прядь.

«Кто такой этот Витинио?» — ревниво поинтересовался я, разгрызая петушину гузку. «Один красивый молодой человек, — ответила она. — Он погибнет две луны спустя...» И тогда я понял, кто она...

«Ты — Богиня Судеб?» Маринелла кивнула, не отрывая глаз от пряжи. «Я слышал о тебе когда-то. Не правда ли, в руках твоих нити жизней человеческих?» Тут она подняла на меня взгляд, полный печали. «Нет, Массимо, не жизней — судеб». Далее мы молчали. Я доел петуха и допил пиво, затем сел поближе к огню. Мысли в голове моей путались. С трудом верил я глазам своим и ушам своим. Удача ли выпала мне? Ужель предо мной сама Вечная Дева? Говорят, она показывается не каждому, а только тому, чьи помыслы

чисты и сердце благородно. Для остальных же она Маринелла — обыкновенная, хотя и очень красивая девушка, только и всего. Мог ли я полагать себя именно таким — чистым и благородным? Поначалу я решил, что вполне мог. Я старался жить праведно, помогать людям... А что еще? Ничего... Мне показалось, что этого мало.

Тогда иная мысль посетила меня. Может быть, Богине Судеб просто что-либо нужно от меня? Я снова повернулся к ней и спросил:

«А скажи-ка, Маринелла, отчего в прекрасных глазах твоих такая глубокая печаль? Неужели несчастная судьба бедного Витинио столь тронула твое нежное сердце? Неужели ты впервые предвидишь смерть?» Она ответила: «Нет, Массимо, смерть я предвижу часто — много чаще, чем сто или двести лет назад. Печаль моя о другом. Конечно, я расскажу тебе, ибо вижу хорошо твою душу, открытую чужой беде более, чем своей собственной. Я — Вечная Дева и создана для жизни вечной; судьба каждого человека в моих руках, хотя я и не в силах ничего изменить. Однако моя доброта многим дает спасение. Ты, например, через пятнадцать лет должен погибнуть в водах Хорота, но... (тут она прервала на миг свой рассказ, и спустя пятнадцать лет я понял, почему — в Хороте утонул мой сын) Но лишь часть твоей души погибнет, ты же останешься жить, дабы подарить жизнь другому человеку (то есть тебе, мальчик, так я думаю сейчас).

Я же — не человек. Я не могу потерять часть своей души и остаться после этой страшной потери жить. Так и случилось со мной... Давно, очень давно, Массимо. Ты видишь меня, мое веретено, мои золотистые нити... Но должно быть еще одно: рубин, заключающий в себе суть моего существования. Без него срок мой короток...» Я встревожился. «Ты хочешь сказать, что нынче можешь умереть?» Маринелла с грустью посмотрела на нить, опять разорвавшуюся у нее в руках. «Нет, Массимо, срок мой выйдет не нынче. Прой-

дет еще лет двадцать, или тридцать, или сорок... Однако мир не может существовать без Богини Судеб. Вместо меня высшие создадут другую, и она уже не будет обладать моей добротой. Равновесие должно соблюдаться во всем...»

Массимо замолчал, и Трилле напрасно ожидал продолжения его рассказа. Только потом, дней через пять, хозяин постоянного двора вернулся к тому разговору.

«Если бы я мог вернуть ей рубин!.. Ты понимаешь, мальчик, что бы сие значило? Я б спас наш мир от злобной твари, что придет вместо милой и доброй Маринеллы и приведет с собой страшные болезни, войны, голод... Если б знать, кто взял камень!» Так восклицал Массимо, передавая свою тревогу и Трилле. Годом позже он все-таки ушел на поиски Лала Богини Судеб. За ним отправился и Повелитель Змей, изгнанный из дому злобной мачехой, но на сотнях дорог и в сотнях городов так и не встретил своего приемного отца...

Сейчас же думы его были об ином: а что, если Маринеллы уже нет? Не потому ли так грустен, так жесток и равнодушен к людям мир? Не правит ли судьбами новая Богиня — злобная, мерзкая, отвратительная как разодранный и обслюнявленный псом башмак?..

Трилле подавил тяжелый вздох и сделал взор свой осмысленным.

* * *

Сердце Повелителя Змей оторвалось и ухнуло куда-то вниз, к желудку. Он попробовал было упасть в обморок, но ничего не вышло. Наоборот. Страх волною выплеснулся из него; отчаяние и гнев взбудоражили душу, и Трилле, злобно ощерившись, шагнул в вязкую, густую темно-серебристую тучу, покрывшую селение туземцев и укравшую у него друга.

Он сразу понял, что это такое. В древних легендах оно называлось *камелитом* и являло собою летающую

жидкую звезду — нечто вроде медузы. Рожденное дыханием Нергала, сие небесное тело притягивалось к земли живым, обволакивало его и медленно душило. Затем, напившись энергией и кровью, вновь устремлялось ввысь, к облакам. В общем, не было в мире чудовища мерзопакостнее, чем это.

Чавкнув, туча быстро всосала в себя ноги Трилле — он едва успел сорвать с себя удава и отбросить его в сторону, дабы с его помощью выбраться на твердую землю. Удав шмякнулся о травяной ковер у подножия холма и тут же стрелой метнулся обратно. Длинный пятнистый хвост его обернул человека тугим кольцом, потом легко выдернул из коварного камедита.

Поверхность трясины запузырилась, забурилась обиженно, упустив добычу, и Повелителю Змей вдруг почувился глубокий вздох, идущий из самой глубины. Что это было? Демон ли изрыгнул свою вселенскую печаль? Или жертва его простилась только что с жизнью? И в тот же момент погасло солнце. Лучи его, скользящие по равнине, вспыхивающие на мутной поверхности Мхете, блуждающие по листьям и траве, растворились в сумерках скорой ночи. Кромка земли окрасилась в алый цвет, но лишь на одно мгновение — потом и она стала серой, проводив солнце в его вечное царство.

Трилле замер, изо всех сил стараясь подавить в себе дотоле неизвестное ему чувство дикой ярости; в глазах потемнело, словно ночь вошла и в него, и желтые искры заплескали повсюду, куда ни направлял он взор. Он был уже уверен, что Конана поглотил камелит так же, как поглотил он Клеменсину и все селение туземцев. В бессилии скрипя зубами, бродяга отошел от края этой зловонной трепещущей дряни и сел на спину своего удава. Гады копошились на его теле, тихонько шипели, касались головами и хвостами его лица, но Трилле не замечал их.

Он думал об одном — думал так напряженно, что казалось, будто сия разрешенная загадка должна возне-

сти его по крайней мере на императорский трон — как вытащить спутников из трясины (другой вопрос — живы ли они еще? — он отmel сразу, ибо ответа знать не мог)? Лоб его взмок от непривычного напряжения мозга, сердце билось неровно, а ноги в коленях ослабли. Никогда прежде не доводилось ему думать о ком-то другом: все помыслы, все усилия и все чаяния были направлены на единственное в мире существо — на самого Трилиманиля Мангуса Парка, потомственного бродягу, обжору и воришку, коего боги по недоразумению наградили таким удивительным даром.

Мысль сия мелькнула, чтоб тут же и пропасть. Повелитель Змей усмехнулся горько, но вдруг ум его, все двадцать шесть лет занятый одним только делом — словчить и схитрить так, чтоб не пришлось расплачиваться за это шкурой хозяина, — уловил в целом шлейфе мыслишек, летящих за мыслью, интересную идею. А что, если велеть змеям *превратить в решето* мерзкий камелит? И, словно в ответ, гады дружно зашипели, готовые исполнить любое желание своего короля.

Да! Трилле, боясь даже на миг подумать о возможном провале такой замечательной выдумки, вскочил, лихорадочно обозревая огромную поверхность трясины. Она живая — это увидел бы и слабоумный (к каковому этот бродяга, разумеется, себя не относил) — а, значит, и смертная. Так пусть же Нергал заберет порождение свое обратно.

Трилле, обратив взор к небесам, где за прекрасной полной луной, как он полагал, прячется от глаз людских Нергал, повторил последнюю на сегодня мысль свою вслух. Потом встал на четвереньки и повертел задом в том же направлении. Потом поднялся, довершил оскорбление смачным плевком и, вдруг обессилев, сел на землю, ногою подтолкнув удава к камелиту.

Длинное пятнистое тело огромной змеи без раздумий, столь присущих человеку в любой, особенно трудной ситуации, рванулось назад, в зловонное бурлящее

чудище. За ним поползли и более мелкие твари, числом около двух сотен. Все они рядами исчезали в сверкающем под первыми звездами камелите; но за ними появлялись новые, которые так же упорно, с той же силою вонзались в вонючую слизь, желая уничтожить ее, хотя и не понимая зачем.

И здесь Трилле — опять впервые за всю жизнь — мог восторжествовать, ибо плоды его усилий не замедлили сказаться. Тихий стон, теперь уже явно демонического происхождения, раздался изнутри жуткой трясины.

Она всколыхнулась, затрепыхалась и начала судорожно сокращаться, кажется, надеясь раздавить в утробе своей ненавистных червяков, что с такой яростью кромсали ее нежное тело. Стон перерос в крик — звенящий, почти человеческий; крик перерос в вопль, и от этого вопля душа бродяги замирала то ли в отчаянии, то ли в печали. Почему-то не было ощущения победы. Сердце его снова откликнулось на муку, пусть и чужого, непонятного, ненавистного существа.

Пытаясь сохранить на трясущихся губах жестокую усмешку, Повелитель Змей поднял в призыве руки, ладонями обратив их к востоку. Все пространство вокруг него немедленно наполнилось пестрыми, выющими по песку и траве лентами. То было его войско; только он мог властвовать над ним; только он знал его истинную силу и тайну этой силы, и когда камелит оторвался наконец от земли, вздыбился, вихрем закружился в небе, вытряхивая из жидкой плоти своей мириады злобных маленьких существ, кой успели уже расплодиться в ней, Трилле с облегчением выдохнул тоску и ярость, теснившие грудь, и отвернулся, уверенный в победе.

Совершенный покой, суть от сути самой природы, вошел в его сердце. Оглядывая освобожденную земную поверхность бесстрастным холодным взглядом, он искал Конана, теперь готовый без суеты и стенаний узреть его могучее тело обескровленным. Отчего-то чудилось ему,

что само существование киммерийца тоже в его власти: вот сейчас он склонится над ним и вдохнет в него жизнь — если Митре будет угодно, то хоть свою собственную.

Голубовато-серый свет луны залил округу. Мертвыми казались (или были) замершие в последнем отчаянном движении люди и мулы, вороной Конана, Клеменсина, сам Конан... Тут Повелитель Змей задержал дыхание — оно могло понадобиться варвару — и подошел к поверженному другу. Широко раскрытые синие глаза его смотрели прямо в сияющий диск луны, твердые губы были упрямо сжаты, брови сдвинуты, а плечи расправлены. Одного взгляда на него хватило бы, чтобы понять: Серые Равнины уже завладели душою варвара; смерть, следуя единственно правильному и вечному закону природы, одолела жизнь. Увы, так часто сие оказывалось несвоевременно!

Трилле поднял голову к небу и тоже взгляделся в равнодушное круглое лицо луны. Вот темные пятна проказой выступили на нем, потом побледнели и исчезли. Прилетевшая с севера туча на несколько мгновений заволокла источник света и уныния, но лучи его все равно падали вниз сквозь ее прорехи. Жизнь продолжалась, но — без Конана.

Трилле прижался ухом к груди друга. Сердце его молчало. Напряженно вслушиваясь в пустоту, еще совсем недавно заполненную чистой, сильной и яркой, словно первая звезда, душой киммерийца, бродяга шепотом диктовал ей необходимый ритм: так-так-так-так... Пальцы его, крепко вцепившиеся в ворот Конановой куртки, сводило судорогой, когда ему чудился отклик сердца варвара. Но стоило ему замолчать, как он снова слышал одну лишь тишину — никакого, даже самого слабого звука не сообщала она.

Повелитель Змей осмотрелся. Смерть была повсюду; повсюду были ее следы. Однако пальмы стояли как прежде, вытянувшись струною и раскинув огромные листья, примятая мокрая трава уже высыхала и вып-

рямлялась, по крышам приземистых хижин дикарей гуляли лунные лучи, удав свернулся кольцом у ног своего короля и взирал на него сквозь мутную белую пленку, затянувшую большие продолговатые глаза. Да, жизнь продолжалась и будет продолжаться, но — без Конана.

Трилле задрал подбородок вверх, уставился на эту подлую луну, коей было совершенно наплевать, жив ли варвар, мертв ли, и тихо завыл.

Часть третья ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС

Глава первая СТРАНСТВИЯ БОГИНИ СУДЕБ

Прошлой ночью она вернулась в Аргос. Позади Гиркания, Кхитай, Вендия, Иранистан, Черные Королевства, Стигия и Шем. Она обошла весь свет за пятьдесят два года, но лик ее остался так же бел, свеж и прекрасен. Вот только пальцы, не выпускавшие веретена, были ободраны в кровь. Она знала, что сие означает: срок ее выходит. Скоро, совсем скоро вместо нее пряжу человеческих судеб возьмет в свои руки другая. Она ничем не будет похожа на нее и уж конечно не расстанется с магическим Лалом, хотя бы морем слез залило ее ноги...

Маринелла вспомнила, как сама лишилась камня. Великий Пожар, вспыхнувший в Боссонских топях, за день всего приблизился к Аквилонии и сжег дотла все деревни в окрестностях Таурана. Маринелла жила тогда в Кампасии — маленьком северном городке — у вдовы портного. Ей не нравилось здесь. Вечно серое небо, затянутое тучами, угрюмые лица вокруг, низкие дома грязно-желтого камня — ее светлая душа жаждала солнца и улыбок, а потому, когда пряжа, наконец закончилась, она ушла — подале отсюда, в теплые края.

Однако только половину луны провела она в пути. Весть о Великом Пожаре настигла ее на подходе к деревне. Дорогу заполонили телеги, повозки, груженные всевозможным скарбом, всадники и пешие. Все,

все спешили скрыться от страшной беды; пять дней и пять ночей не стихали плач и крик — они достигали неба, облаков, звезд, но не ушей богов; те безмолвствовали.

И тогда Богиня Судеб отправилась обратно. Она не боялась огня — ибо что стихия против вечности? — она желала помочь. Может быть, кто-нибудь немогущий остался под развалинами? Или не в силах бежать прочь? Но едва она подошла к воротам Кампасии, распахнутым настежь, как с неба полилась вода.

Здесь уже некому было приветствовать долгожданный дождь. Черные остовы построек, черные голые деревья, черная земля — и пустота. Ни годоса, ни даже стенания не раздавалось из страшных провалов окон, из подвалов, с улиц. Маринелла прошла к дому вдовы портного, но не нашла ни дома, ни старухи. Только огромное выжженное пятно да куча угля на том месте, где стоял тополь-великан, под которым она любила прясть золотистые нити.

Потом люди вернулись в город. Она ожидала ликования — ведь пожар кончился — и была удивлена и раздосадована, когда вновь услышала плач, увидела мрачные лица. Они плакали о своих жилищах, об узких и кривых, но таких уютных улочках, о всем родном городе, превратившемся в груды пепла и угля. Но на то они и были люди. Поняв мудрость сию, Маринелла улыбнулась сквозь слезы и принялась вместе с жителями Кампасии расчищать пространство для новых построек. Только из чего возводить эти постройки? От жара камни раскололись, деревья и вовсе сгорели...

Тяжелые дни наступили для аквилонцев. Король отказал им в казне; нобилей и прежде мало волновали беды смердов — они-то отстроились быстро и еще пышнее прежнего, поскольку в золоте недостатка не было.

Богиня Судеб, взирая на горе одних и радость других, раздумывала недолго. Отыскав в шалашах близ Кампасии сапожника — самого уважаемого в городе человека, — она отдала ему рубин, дабы тот смог отпра-

вить в далекие края подводы за камнем и стеклом. Счастью его, да и всех прочих простолюдинов, уже отчаявшихся заново построить себе жилье, не было предела...

Много, много позже Маринелла узнала: ее рубин в ту же ночь украл слуга графа Де Плоньо, а потом последний продал его королю Паландии. Дальнейшую судьбу магического Лала не ведала даже Богиня Судеб...

* * *

— Маринелла! Поди принеси воды!

Голос Шелы прервал поток печальных воспоминаний Богини Судеб. Она поднялась, легко подхватила со скамьи тяжелую деревянную бадью и пошла к колодезю. За пять дней своего пребывания здесь она привыкла видеть эту девушку такой, какой она была на самом деле, а не такой, какой она многим казалась. И капризные нотки, звучавшие в звонком голоске, уже не смущали ее. Шела была доброй, очень доброй, и очень скромной, отчего и старалась изо всех сил выглядеть злочкой.

Нить ее судьбы давно вышла из рук Маринеллы. С грустью увидела Вечная Дева, что девушке суждено любить, но не суждено быть любимой. Так и состарится она в одиночестве, без близкого человека, с тоскою в сердце, кое так жаждало счастья. Но ныне она еще не ведала этого, и Маринелла, конечно, не собиралась посвящать ее в тайны будущего.

Шела, первая красавица на деревне, жила в доме у самой дороги. Именно это обстоятельство позволяло ей, не приученной к женскому труду, носить красивые платья и есть вкусную пищу: постояльцы платили ей достаточно щедро, особенно мужчины. Ну кто же будет считать монеты, когда прямо в глаза ему с милой улыбкой смотрит такая прелестница? Злые языки поговаривали, что не только кровом своим торгует Шела, но Богиня Судеб знала отлично — гордичка ждет прекрасного рыцаря, а коль он пока не появился, то холит себя

и лелеет, отгоняя самых липучих презрительным взглядом.

Маринелла опустила бадью в колодец и сама склонилась над ним. Сколько раз приходилось ей беседовать с собственным отражением! Сколько судеб поверила она ему, сколько жалоб высказала! Не надели ее высшие вечной молодостью, давно уже покрыли бы нежную кожу глубокие морщины, что появляются не так от старости, как от слез и горя.

А Шела, беззаботная, милая Шела... Прекрасный рыцарь появится, когда лицо ее увянет, глаза потускнеют, и он подумает: «Ах, что бы мне родиться раньше! Уж я бы не упустил такую красавицу!» И — уедет навсегда, оставив на сердце ее незаживающую рану...

Давно уж Вечная Дева научилась вздыхать. Так и сейчас она выпрямилась и вздохнула тяжело над судьбою бедной Шелы. Кто придумал, что боги не умеют сострадать? Отнюдь нет! Они умеют даже любить... И Маринелла испытала странное чувство сие (может быть, правда, единственная из высших, так ведь и жила она среди людей) — доньше хранила она в сердце образ неуклюжего юноши с добрыми глазами и робкой улыбкой. О, Массимо... Ему казалось тогда, что он смел и решителен с нею — Маринелла не желала его разубеждать. Она знала: душа его и есть такова. Герои часто робки в повседневной жизни, а Массимо как раз-таки герой. Впоследствии он докажет это, и не раз... Но отчего же сложилось так, а не иначе? Отчего только к концу его жизни им предначертано свидеться вновь? Он будет сед, согбен и не сразу узнает ее... Что же произойдет потом? Маринелла не любила об этом думать. Увы, душе не прикажешь: душа думала за нее...

Слеза прокатилась по ее гладкой щеке и упала на высокую грудь... Она не заметила ее, погруженная в круговорот мыслей о прошлом и будущем. Лица, лица, лица... Многих она помнила, многих — нет. А они? Помнили ли они Маринеллу — тихую красивую девушку, жившую среди них так недолго?

Вечная Дева снова заглянула в колодец, с тем чтобы отрицательно покачать головой в ответ своему отражению. Затем вытянула бадью с водой и направилась к дому.

* * *

Одиночество — ее удел. Так было, есть и будет. Жители маленькой аргосской деревушки, видя чужеземку за веретеном и несказанно удивляясь ее приветливой улыбке, приняли ее за ведьму. В длинном веке Богини Судеб случалось и такое. Она не страшилась костра — она страшилась злобных выкриков и ненависти, пылающей в сотнях глаз и направленной на нее самое. Откуда в мирных крестьянах подобные дикие чувства? Маринелла и представить себе не могла. Наверное, никто не знает, как глубоки тайники души человеческой — даже боги.

И как ни плакала, как ни страдала Шела (а она боялась одиночества более всего на свете), Вечной Деве пришлось уйти из деревни.

Она отправилась в путь ночью. Для нее ночь была ничем не хуже дня, а звери ничем не хуже людей. Только бы тропа не обрывалась у рва да светила луна. Впрочем, Маринелла и в темноте видела прекрасно, так что луна была нужна ей лишь для общества, как спутница и подруга.

Когда бледный серебряный диск поднялся над лесом, идти и в самом деле стало веселей. Припомнились старые песни, в ночной тишине звучащие как-то особенно душевно, и старые баллады о рыцарях и пастушках, злых магах и отважных воинах, и ле, восхваляющие добродетель властительных особ и измененность нравов черни. Среди этих творений ума и души человеческой было множество истинно прекрасных; были и скучные, ничуть не задевающие сердца, были и просто отвратительные смыслом и словосложением, хотя Маринелла и в них находила настроение либо фразу из ряда высоких, способных тронуть одним лишь звуча-

нием. Сейчас, во мраке ночного леса, более ей нравилось петь о несчастной любви, об одиночестве, о странном согласии неба и земли, которые всегда рядом, но никогда не сливаются в одно...

Вяз опал... Тяжелой каплей падает с неба звезда мне в висок.
Если б знал, кого везешь ты через годы-непогоды, мой конек.
Гривой трепещешь по ветру лихому, не остановись на полпути.
Ложится на плечи весь мир огромный...
Тяжело, мой конь, меня нести...

Седина покрыла гриву, в облаке руки по локоть уже.
Если б знать, что будем живы — оступиться очень просто в
мираже.

Сколько минуло зим мимолетных!
До земли уж волосы мои.
Вечности не надо — устали мы в полете —
Мне коня бы только напоить...

Пожалуй, эту песнь могла бы сложить и она, Богиня Судеб. Правда, коня у нее не было, но зато была *вечность*, от которой она давно уже устала. Знать бы, что преемница не вложит злобу свою в сверкающую золотистую нить — с радостью отдала б ей веретено и растворилась в бездне миров.

И опять образ Массимо встал перед ее глазами. Почему-то всегда, лишь стоило ей подумать о конце своего существования на земле, сразу как следствие вспоминался он, притом следствием вовсе не являясь — напротив, являясь чуть не началом сих мыслей.

Она видела его юным — большим, как медведь, и наивным, как дитя, — и никогда старцем. Вряд ли он помнил ее так же хорошо. Да, она поразила его воображение, но впереди у него была такая долгая жизнь... Вечная Дева знала: он любил, был любим; его сын обещал стать красавцем и храбрым воином; он имел постоянный доход и уважение окрестных жителей. Все, кроме дохода и уважения, он потерял... Все — значит любовь... Позже он спас маленького бродяжку, чья судьба казалась Маринелле несколько необычной: он обладал великим даром, ниспосланным с небес, но сам

из себя ничего особенного не представлял. Однако нечто весьма привлекательное все же содержалось в недрах его души. Что именно, трудно было понять — столько разного мусора накопилось там. Но Маринелла с невольной горделивой улыбкою еще тогда прочитала на нитях судьбы Массимо: ему суждено подарить жизнь любимцу богов.

Тропа резко повернула налево, к могучему дубу, меж толстых корявых корней коего росли высокие травы, способные служить ложем для утомленного путника. Не чувствуя никакого утомления, Вечная Дева тем не менее прилегла, с удовольствием вдыхая прохладный ароматный запах растений и коры дуба, извлекла из дорожной сумы веретено и принялась за работу. Тихий шорох не испугал ее. Огромный белый волк, выйдя из зарослей, долго смотрел на девушку, пока в глазах его не зажегся красный огонь и он, вдруг спохватившись, умчался в глубь леса. Дальше опять была тишина — одна тишина. Когда б Маринелла умела спать, она опустила бы ресницы и погрузилась в приятную дрему, где Массимо, прекрасный и совсем молодой, ввел бы ее в свой дом и предложил стать хозяйкой... Если не может быть такого наяву, так хоть во сне...

Золотистые нити текли сквозь пальцы, кольцами ложась у коленей. Вот одна порвалась, и сразу следом за нею еще одна... Доброе сердце Вечной Девы дрогнуло. Забыв свои несбыточные, но такие сладостные мечты, она с грустью представила тех, чья жизнь скоро завершится... Юные супруги спали; из раскрытого окна на безмятежные лица их падал столь же безмятежный лунный свет. Не пройдет и девяти дней, как внезапный пожар уничтожит их дом, их скот, их самих...

Маринелла с удивлением ощутила мокрые дорожки на своих щеках. Слезы струились так легко, словно она была обыкновенной девушкой, а не Богиней Судеб. Но... Может быть, за долгие-долгие годы, проведенные на земле среди людей, она и в самом деле стала человеком?.. Эта мысль оказалась неожиданно приятной.

Маринелла тихо засмеялась, довольная своей выдумкой, но тут же и нахмурила тонкие черные брови. Зачем же тешить себя напрасно? Никогда, никогда она не станет... Не закончив мысль, она вытерла рукавом слезы, брызнувшие из глаз на пряжу, и запретила себе мечтать. В конце концов, она — богиня; ей чужды чувства, а тем паче надежды. Она просто существует, только и всего.

...И снова нить порвалась. Теперь предрешилась судьба гордого нобилия, живущего в величественном и мрачном замке на востоке Аргоса. Спустя год он погибнет на охоте, преследуя жирного молодого кабана. Грудь его пробьет стрела, пущенная его собственным сыном... Ах, и что за блажь придет ему в голову — напугать мальчика из-за кустов диким ревом...

Она так и не привыкла к смерти. Иногда ей казалось, что мир этот построен странным образом: жизнь и смерть, отрицая друг друга, всегда рядом — точно как небо и земля, только в отличие от последних в один момент они все-таки соприкасаются; и есть ли тогда смысл вообще жить? Есть ли смысл радоваться, коль скоро земной путь завершится? Есть ли смысл терпеть горести ради того лишь, чтоб дышать, есть и спать? О, как нелепа неотвратимость конечности бытия! Душою Маринелла понимала рациональность и великое значение подобного устройства мира, но умом понять не могла. Или наоборот? Умом понимала, а не душою?

Близился рассвет. Маринелла подняла голову и посмотрела в черное пока небо. Где-то вдалеке оно уже начало светлеть. Скоро, очень скоро проснутся звуки, придет новый день, и с ним новые события, новые встречи... Как любила она короткий (относительно жизни) и длинный (относительно передвижения в пространстве мысли) промежуток между концом ночи и началом дня! Самые тонкие чувства испытывала она именно в это время, самые трогательные воспоминания навевал ей предутренний ветерок!.. И здесь опять она узрела Массимо. Лик его проявился меж листьев и

ветвей, и прекраснее его Маринелла ничего не знала. Она понимала, конечно, что то лишь бесплотная тень — признак восходящего солнца — и все же улыбнулась, кивнула, приветствуя...

Миг — и небо из черного стало розово-серым. Свет растворил призрачный лик Массимо, но перед тем, как он пропал, Вечная Дева заметила печаль в красивых темных глазах...

Руки мои знают, что такое усталость,
Ноги мои знают, что такое усталость,
Но сердце мое лучше знает, что такое усталость,
Солнечный луч касается моего сердца, отдавая часть своего тепла,
А сердцу холодно.
Улыбка ребенка касается моего сердца, отдавая часть своего тепла,
А сердцу холодно,
Я живу в большом городе, где никто не знает, как я устал.

В задумчивости она слизнула с пальца капельку крови. Надо идти.

Глава вторая

СТРАДАНИЯМ НЕТ КОНЦА

Разомлев от восхищенных взглядов, Трилле сидел у огня и ел куропатку. Движения его были степенны, на тощей физиономии застыло выражение вселенской печали, а голубые, от природы плутовские глаза с философской отрешенностью смотрели в одну точку — поверх всех голов. Единственное обстоятельство омрачало триумф Повелителя Змей: Конан, уплетающий уже пятую птичку, косился на него с нескрываемой насмешкой, да и Клеменсина тоже. Он понимал, почему — а теперь он понимал многое из того, что прежде было ему недоступно, — оба спутника благодарны Трилле за спасение, но его важный вид, его надутые щеки при том веселят их безмерно.

К счастью, туземцы не обладали столь тонкими натурами. После коварного нападения камелита в живых их осталось лишь четырнадцать — четверо мужчин, семеро женщин и трое детей (причем вождь потерял всех своих жен, что, естественно, только способствовало его прекрасному настроению). В тощем бледнолицем бродяге они видели своего спасителя, за что неустанно благодарили — не его, но огромного деревянного идола, разинувшего зубастую пасть в ожидании жертвоприношений. Едва придя в себя, дикари по-быстрому накидали в пасть останки сородичей, и принялись собирать угощение для дорогих гостей. Бананы, тушенные с ли-

стями папоротника, жаренные на вертеле куропатки и гусеницы, сваренные в кокосовом молоке, — такими поистине королевскими кушаньями потчевали они Трилле и его друзей.

О камелите не говорили вовсе. Впрочем, весь словарный запас туземцев состоял из трех слов: «баб», «матула» и «кру-ру». «Бабом» прозывались женщины (и вообще и каждая в отдельности), а «матулой» — мужчины; «кру-ру» обозначало все остальное, и великое искусство общения заключалось в том, чтобы придать голосу определенную интонацию, дабы выразить именно то, что нужно. Конан и Клеменсина овладели этим искусством в совершенстве.

— Кру-ру? — любезно спрашивал вождь киммерийца, пальцем указывая на куропаточки кости.

— Ха! — отвечал тот. — Еще бы не кру-ру. Хотя по мне — так лучше баранины ничего нет.

— Матула, о-о-о, — вступала в беседу Клеменсина. — Кру-ру, клянусь Митрой, прелесть что за куропатка.

Трилле, убедившись в том, что его не съедят, готов был отнестись к дикарям благосклонно, однако те предпочитали общество девушки и варвара. Надменный вид освободителя пугал их. Кроме того, по их мнению, он был немым — ибо за весь день не произнес и звука, — а это значило, что он кровный родственник деревянного идола, их божества. В восхищении взирали они на Трилле сквозь растопыренные пальцы (как и положено простому дикарю смотреть на высшее существо), умильно улыбались ему, потом поворачивались к Конану и Клеменсине и принимались весело с ними щебетать. Повелителя Змей очень обижало такое отношение, а потому он еще больше дулся и еще громче пыхтел.

К вечеру, когда туземцы проводили гостей в хижину и с дружественными воплями удалились, Трилле наконец вздохнул свободно.

— А что, Конан, — впервые за нынешний день открыл он рот не для того, чтобы забросить туда кусок

мяса, а для того, чтобы поговорить, — сохранил ли ты мой золотой медальон?

— Сохранил, — ответил киммериец, вытягиваясь в гамаке.

— Ну и где же он?

— Здесь.

К негодованию Трилле, Конан и не подумал показать ему медальон. Вместо этого он широко зевнул и закрыл глаза, как будто не выпался за три дня мертвого сна под камелитом.

Тогда Повелитель Змей повернулся к нему спиной, раскачал свой гамак и тоже закрыл глаза. Он хотел забыться, отстранить непонятные тревожные ощущения от сердца, а сон все не приходил. Тихий умиротворяющий скрип бамбуковых палок, к которым крепился гамак, убаюкивал, но стоило дреме опуститься на веки, как что-то словно толкало Трилле: он глубоко вздыхал и начинал ворочаться, стремясь улечься поудобнее и все-таки заснуть, — напрасно.

Постепенно в голове его прояснялось. Он распрощался с надеждой обрести покой во сне; мысли его вновь обратились к будущему. Он чувствовал, что жизнь его изменилась — как, пока нельзя было уразуметь, просто потому, что думать о чем-либо всерьез бродяга не привык. Слепцом блуждая в потемках своего разума, он терял хвосты одних мыслей и не мог найти начала других, он с восторгом свершал открытие за открытием, однако тут же забывал последовательность слов, их обозначающих, путался, сердился и, в конце концов, забывал и само открытие. Единственный вывод, к коему удалось ему прийти несмотря на все преграды, чинимые ленивым мозгом, был таков: встреча с варваром изменила его жизнь; в чем-то он стал иным и далее все пойдет иначе — нынешняя ночь тому порукой.

Трилле улыбнулся. Да, все так и есть. Сейчас, гордый одним лишь сознанием того, что он есть муж, но не мальчик, он с презрением вспоминал прошлую жизнь,

вплоть до знакомства с обезьянами, не зная того, что мудрецы отрицают отрицание собственного прошлого как занятие, недостойное человека вообще. И даже если б он это знал — он не был мудрецом и не имел ни в душе, ни в уме решительно никаких предпосылок им стать. Потому, наверное, он легко вздохнул, удовлетворенный своими рассуждениями, закрыл глаза и быстро уснул. Так пахарь засыпает после долгого тяжелого дня, считая сон истинным и единственным праздником...

* * *

Проснулся он перед рассветом. Тихий плач прервал его сладкий сон, развеял, как ветер клочки тумана. Подняв голову, он всмотрелся в полумрак хижины. Плакала Клеменсина.

Трилле приподнялся на локте, растерянно уставился на девушку, не представляя, как и в чем ее утешить, затем перевел взгляд на Конана. Но его гамак был пуст. Тогда он свесил ноги, с неудовольствием ощутив сырость земляного пола, на цыпочках прошел к Клеменсине и, от волнения тяжело дыша, склонился над ней.

— Хей, девица... — пробормотал он, ужасно стесняясь своего тощего полураздетого тела. — Кру-ру? Что случилось?

— Энарт, — всхлипнула она в ответ. — Энарт...

— Мда-а-а... — Трилле участливо вздохнул. — Горе большое, прямо необхватное горе. То есть неизбежное... Вот и у Конана вороной сдох... Мда-а-а... Ну и ну...

Иных слов утешения он не нашел и впал в состояние некоторой отрешенности, коей по привычке уже придал философический оттенок. Но тут в недрах разума его забрезжило нечто — Трилле напрягся, при этом покраснев от усилия, и нечто преобразовалось в отличную мысль. Он радостно засмеялся и немедленно сообщил Клеменсине свою идею:

— Послушай-ка, девица. Хочешь, я возьму тебя в супруги? Я умен, благороден (наверняка благороден, судя

по моей внешности) и добросердечен. Клянусь Кромом, тебе нужен именно такой муж как я.

Клеменсина удивленно посмотрела на спутника, что напыжился и даже сопел, весьма довольный своей находчивостью.

— Нет, Трилле... Ты слишком стар...

— Я?

Такого ответа он никак не мог ожидать. Да, конечно, он был далеко не первой молодости, но ведь и дряхлой развалиной его нельзя назвать! Конану, например, уже тридцать один год, а он вовсе не выглядит таким уж старцем, а Трилле моложе его на целых пять лет...

— Ну и ну... — обиделся он и снова забрался в свой гамак. Далее он вел беседу уже оттуда, высовывая только нос, и то исключительно из вежливости. — Как ты оскорбила меня, Клеменсина! Никто и никогда не оскорблял меня так жестоко (в этот момент ему и правда казалось, что никто и никогда). Но... Я готов тебя простить, если ты скажешь, что я молод и хорош собой.

— Я не могу кривить душой, — печально вздохнула Клеменсина.

— Да почему ж «кривить»? — вспыхнул Повелитель Змей. — Иди сюда! Иди, иди, и потрогай мое тело. Кожа моя гладкая и упругая, ни единой морщинки не найдешь! Ну? Что ж ты? Иди и потрогай тело, говорю тебе!

— Зачем же мне трогать твое тело? — Девушка, кажется, рассердилась, но зато успокоилась. — Годы твои и есть свидетельство старости, а тело вовсе ни при чем.

— При чем! У старца тело дряблое, а у меня... и мышцы тверды и...

— И что еще? — С ухмылкой в хижину вошел Конан.

— Скажи ей, брат! — подскочил в гамаке Трилле. — Пусть подойдет и потрогает мое тело!

— Не буду! — отказалась Клеменсина. — Скажи ему, Конан! Не хочу я его трогать!

— Не трогай, — милостиво разрешил ей варвар, вытаскивая из мешка холодную куропатку и вгрызаясь в нее.

Фыркнув, Повелитель Змей отвернулся, но пленительный запах птицы заставил его забыть на время обиду. Выдержав паузу, во время которой слышен был только хруст нежных косточек, перемалываемых крепкими зубами киммерийца, он нарочито зевнул и как бы между прочим сказал:

— Куропатку съесть, что ли...

— Осталась только лепешка, — ответил Конан с набитым ртом. — И то маисовая.

— Проклятие! — Трилле резко развернулся и впери в варвара сердитый взор. — Ладно. Пусть лепешка. Давай.

Конан выудил из мешка большую плоскую лепешку, разорвал ее пополам и, протянув один кусок Клеменсине, второй кинул Повелителю Змей. Как ни странно, после почти трехдневного отдыха под камелитом киммериец вдруг вновь обрел давно позабытое хорошее настроение. Даже мысль о Лале Богини Судеб сейчас не слишком раздражала его, а Трилле, к которому он привык, и подавно. Он знал — вернее, помнил каким-то десятым или двадцатым чувством — как спас его этот костлявый бродяга, как вдвухвал он ему рот в рот свое дыхание, именуемое жизнью, долгую половину ночи. К немалому удивлению Конана, Повелитель Змей, хвостун и болтун, до сих пор и словом не обмолвился об использованном им способе врачевания, наверняка лишившим толики жизни его самого. Недаром ныне он так бледен, недаром голубые глаза потускнели, а веки набрякли...

— Как думаешь, Трилимиль, — внезапно спросил он печально жуящего сухую лепешку спутника. — Конину еще можно есть?

— Ту, что рядом с тобой валялась?

— Ну.

— Нельзя, — авторитетно сказал Трилле. — Она так воняла... О-о-о, как она воняла... Признаться, поначалу я подумал, что это ты...

— Тьфу, дурень! Что ж я буду вонять, когда я живой?

— Я не знал тогда, живой ты или нет,— резонно отвечивал бродяга.— А лошадь не сразу увидал.

— Проклятый камелит!— проворчал Конан.— И невесту мою удавил, и лошадь протухла...

Все трое помолчали, каждый по-своему переживая коварство камелита. Потом киммериец отодвинул полог, и в хижину ворвались веселые солнечные лучи — вестники нового дня. Дальше были видны фигуры туземцев, что сновали туда-сюда, а за ними — пальмы, протянувшие широкие листья навстречу солнцу... Жизнь продолжалась.

Конан молча поднялся, запихал в дорожный мешок все совместное имущество и, кивком велел спутникам следовать за ним, вышел из хижины.

— О, матула! Матула! Кру-ру! — раздались приветственные и чуть подобострастные выкрики дикарей.— Кру-ру?

— Кру-ру,— хмуро ответил варвар.— Ночь теплая, ни дождя, ни ветра, отчего ж не кру-ру?

— Кру-ру, баб.— Клеменсина одарила улыбкой женщин, затем помахала ручкой мужчинам.— Матула! Кру-ру!

Один лишь Трилле сохранял на тощей физиономии своей надменное выражение, хоть сам того и не желал. Он силился улыбнуться, но вместо улыбки получалась какая-то гримаса, так что Клеменсина, случайно поглядев на него, в недоумении расправила глаза и покачала головой.

Тут дикари заметили, что гости оделись по-дорожному и явно намерены покинуть их и отправиться в путь. Поохав и в знак отчаяния повырывав себе волосы — не особенно, впрочем, усердствуя, матулы кинулись собирать провизию, а баб срочно принялись плести венки, одолеваемые похвальным желанием украсить ими дорогих гостей с головы до ног. Вождь в это время приблизился к киммерийцу, даже не поморщившись вырвал еще клочок волос из буйной гривы своей, небреж-

но бросил его на землю, потом прижал руки к животу и проникновенно сказал:

— Кру-ру... матула... О-о-о...

— Кру-ру,— буркнул Конан.— Вот, возьми,— и он протянул поводку золотой медальон Трилле.

Повелитель Змей ахнул. Воистину страданиям его нет конца! Его находку, его сокровище варвар отдает этому дикарю, этому чудовищу, людоеду и недоумку! Сурово сдвинув брови, бродяга сделал шаг вперед.

— Гм-м,— многозначительно мыкнул он.— Гм-м-м...

Более, увы, ему не удалось выдать и слова. Золотой медальон благополучно переключался в ладонь восхищенного вождя, а Конан сразу вслед за тем получил в подарок мешок, набитый маисовыми лепешками и глиняными сосудами с перебродившим фруктовым соком, и небольшую, легкую, зато прочную лодку для плавания по Мхете. Трилле был посрамлен. Только сейчас он понял ход варвара: поменять ненужную в пути золотую безделицу на еду, питье и средство передвижения — о, разумнее не поступил бы и сам Кром.

Все-таки пересилив себя (и жадность, совершенно сковавшую члены), Повелитель Змей улыбнулся вождю.

— Кру-ру, матула,— скрипучим голосом попрощался он.— Может, когда и свидимся...

Затем, моля про себя всех богов о том, чтоб сии слова не оказались пророческими, он поплелся за киммерийцем, тихо плача о потерянном — и теперь уже навеки — медальоне. Никогда, никогда у него не было столь чудесной вещицы! Да что говорить! Он и простого золотого до сей поры в руках не держал! Противоречивые настроения терзали сейчас Повелителя Змей. Жадность боролась с благоразумием, а злость на Конана с искренним дружеским расположением к нему же. Два внутренних голоса (о существовании коих внутри себя бродяга и не подозревал), один писклявый и противный, а другой, напротив, мягкий и спокойный, спорили на тему добра и зла, причем оба ругались словно пья-

ные матросы на корабле, — Трилле негодовал, но не мог остановить их.

Так, страдая и оттого едва передвигая ноги, он добрался до края селения и тут услышал вдруг душераздирающие визги. Внутренние голоса сразу удивленно смолкли, а их хозяин встрепнулся и в тревоге стал вертеться, разыскивая Конана, которого успел уже потерять.

Визжали туземцы. Огромный удав, свернувшийся кольцом у хижины, где ночевал его повелитель, не обращал ровно никакого внимания на ужас темнокожих двуногих существ. И на варвара, уже занесшего над ним клинок, он тоже не посмотрел. Он был погружен в краткое, но очень крепкое забвение...

Меч просвистел в воздухе и вот-вот обрушился бы на плоскую голову гада, но за долю мига до этого сильный толчок опрокинул Конана на землю. Взревев, он тут же вскочил; синие глаза его налились яростью, злобный оскал искажил черты; клинок дрогнул в мощной лапе, почуяв кровь...

Точно так же оскалившись, расставив тощие ноги, против варвара стоял Трилле. Он сам не ведал, какая-то сила швырнула его на спину Конана, однако и сейчас сердце его трепетало от злости и отчаяния. Потрясая грозно поднятыми над головой кулаками, он наступал, готовый защищать этого пятнистого, неподвижного и даже, кажется, вовсе неживого монстра, ошибку богов и природы, от своего лучшего друга.

В голубых глазах бродяги, уменьшенное стократ, сверкало золотое солнце, и Конан, вдруг увидев себя в самой его сердцевине, хмыкнул, довольный суровым видом своим, опустил меч. Мгновения ярости прошли. Он вспомнил, кто перед ним, взъерошенный и дрожащий: Повелитель Змей. Киммериец перевел взгляд на удава, понимающе кивнул головой. Да, было бы странно, коли было бы иначе... Нечто похожее на уважение к этому парню, так отважно вставшему на защиту подданного, пусть даже и такого омерзитель-

ного гада, шевельнулось в его душе. Он снова хмыкнул, не зная толком, как выразить (и надо ли выражать) свои соображения по поводу несостоявшейся драки, и пошел прочь. Трилле, разом растеряв запал, потащился за ним.

Нагрузив на мула, взятого у туземцев на некоторый срок, весь свой небогатый скарб, спутники наконец двинулись к Мхете. С ними шел низкорослый дикарь, посланный хозяйственными сородичами — дабы потом забрать мула обратно.

Ноги утопали в горячем песке, лучи огненного ока Митры, играя, пытались подпалить джунгли; не было печали в сердцах путешественников, кроме той, что не имеет начала и конца, а значит, и причины — она вечна как сама земля, как небо и человеческий разум; суть ее природа и природа есть человек, то есть они одного происхождения...

Конан остановился на вздох, прижал к груди огромный кулак, желая задавить непонятную ему, такую странную, сладкую и в то же время жгучую боль внутри. Ничего не вышло.словно тот луч, что шарит по равнине без цели, случайно забрел в живую душу и, неожиданно обнаружив там необозримый простор, начал палить во всю мощь...

А впереди уже тускло поблескивала темная поверхность великой Мхете. Клеменсина завязала в хвост длинные и густые русые волосы свои с выбеленной солнцем прядью, обернулась к спутникам.

— Пройдем по берегу до косы, там и спустим лодку на воду. Кру-ру, матула?

Дикарь энергично затряс башкой.

— Кру-ру! Кру-ру, баб!

— Что он говорит? — недовольно вымолвил Трилле, разморенный жарой и больше всего на свете мечтающий сейчас о кувшине холодного пива и легком каучуковом племе туранских наемников.

— Он говорит, что истинная Вендия начинается там, за косой.

— Какое счастье... — уныло откликнулся Повелитель Змей.

Он с усилием поднял голову и посмотрел вперед. До темной полосы реки, казалось, еще очень далеко... Зато солнце близко — так близко, что волосы начинают тлеть от его обжигающего дыхания... Воистину, страданиям его нет конца!..

— Конан... — слабым голосом позвал Трилле варвара, широко шагающего впереди. — Ко-о-о-нан!.. Я ухожу...

— Куда? — удивился тот, оборачиваясь.

— На Серые Равнины... Прощай, мой друг...

Глава третья

ЗАБЫТЫЕ БОГАМИ И ЛЮДЬМИ

Второй день путешественники плыли по темным вонючим водам Мхете. Попутный ветер все подгонял лодчонку вперед, и неслись мимо, по берегам, леса, песчаники, разрушенные и заброшенные постройки; солнце, казалось, не уходит за горизонт даже ночью, а прячется за полный диск луны и парит оттуда — прежде не доводилось Трилле и Клеменсине бывать в столь жарких странах. Но мучились они лишь половину дня и начало ночи. Потом Конан — единственный из троих, кто умел управлять лодкой с помощью шеста, — ненадолго пристав к берегу, соорудил для них и себя шалаш из плотных пальмовых листьев, с такими широкими полями, что тень от них падала на все тело, а заодно нарвал травы, которая росла в огромном количестве по краю болота. Сок ее обладал отличным свойством — заживлял ожоги, так что вскоре несчастным спутникам варвара было нечего и желать, кроме, разве что, твердой земли под ногами.

Трилле, за последнее время еще более исхудавший, измученный жарой и перенесенными душевными страданиями, несколько успокоился и повеселел. Кожа его, прежде бледная, нездоровая, покрытая болячками, ныне обрела естественный розовый цвет с золотистым оттенком загара, а по щекам — вот уж небывалая роскошь — разлился самый настоящий румянец, так что даже

Клеменсина (так думалось довольному собой Повелителю Змей) не отказалась бы сейчас потрогать его тело. Однако когда он обратился к ней с этим предложением, то получил в ответ такой решительный отказ, что нежное сердце его в обиде вздрогнуло и не билось в груди целое утро. Трилле надулся, перестал разговаривать и с девушкой и с варваром, который вообще был тут ни при чем, но вскоре увидел на берегу стадо слонов и снова развеселился как дитя.

Конан устал от перепадов настроения этого парня. Он и сам никогда не отличался ровным спокойным нравом, но Повелитель Змей был порою просто невыносим. То он страдал и плакал, то замыкался в угрюмом молчании, то смеялся, то изображал из себя полного идиота, надувая щеки и в раздражении громко пыхтя...

Не раз киммериец поднимал над его головой карающую руку, но — не опускал. В чистых голубых глазах Трилле появлялось такое недоумение, такое преддверье глубокой скорби, что Конан сплевывал в реку и вновь брался за шест. Нергал его разберет, этого повелителя ползучих тварей!.. Муж ли он, мальчик ли? Конану сдавалось, что и не муж и не мальчик, а так, недоразумение, каприз природы, неудачная поделка утомленного мирскими заботами бога. В самом деле, ну как такого ударить? Все равно что заколоть мечом раненого воина или... Нет, более никакого сравнения в голову варвара не приходило. Впрочем, он и так уже потратил достаточно времени на раздумья об этом ничтожестве... Конан с силой отталкивался шестом от илистого вязкого дна и ненадолго забывал о Трилле...

К концу третьего дня путешественники сделали два малоприятных открытия. Во-первых, дно лодки оказалось сплошь в крошечных, размером с горошину, дырках. Точно зная, что туземцы снабдили их добротной, а, главное, совершенно целой лодкой, они стали всматриваться в речную тьму, и некоторое время спустя обнаружили, что ко дну их суденышка присосалось десятка

три омерзительных с виду рыбин. Киммериец попробовал скинуть их шестом — напрасно. Тогда Трилле и Клеменсина взяли по глиняному сосуду из-под фруктового сока и принялись вычерпывать воду. Занятие сие не приносило ни удовлетворения, ни особенной пользы. Уныние овладело спутниками варвара, да и сам он, кажется, частично уже утратил то легкое, почти беспечное состояние духа, кое так счастливо приобрел в селехии дикарей.

Во-вторых, Мхете, миновав несколько небольших порогов, вдруг разрослась вширь; течение стало бурным и быстрым; лодку подбрасывало на частых отмелях, швыряло вверх и потом с размаху об воду. Конан бросил ставший бесполезным шест и сел между Трилле и Клеменсиной. Теперь приходилось думать о том, чтобы как-нибудь пристать к берегу и дальше либо искать новое судно, либо продолжать путь посуху.

Когда лодка в очередной раз подпрыгнула и вновь шмякнулась об воду, Трилле подергал варвара за штанину.

— Ко-о-онан, — проблеял он, страдальчески двигая бровями. — Я хочу на берег...

— Я тоже, — буркнул Конан, не оборачиваясь.

— Клянусь Кромом, я сейчас опять вырву...

— Не плачь, Трилле, — бодро сказала Клеменсина, сама едва сдерживая дурноту. — Я помню — в самом широком месте Мхете должен быть остров. Думаю, мы уже приближаемся к нему.

— Остров? — Киммериец с сомнением посмотрел на девушку. Можно ли верить книгам, в коих черпала она свои познания в географии? Сам Конан, в жизни не прочитавший не то что книги, а и одного слова, более верил своим собственным глазам, нежели рассказам ученых мужей. Но Клеменсина однажды уже доказала, что и ученые мужи не всегда ошибаются. Вдруг и на сей раз она окажется права?

— Да, так было нарисовано на картинке. Мхете, которая вьется как огромная змея, в одном месте ста-

новится очень толстой, словно проглотила слона. Вот там-то и расположен остров.

— С туземцами? — слабым голосом спросил Трилле.

— Не знаю. Об этом в книге ничего не было сказано.

— Значит, с туземцами, — вздохнул бродяга, печально опуская голову.

Он открыл было рот, чтобы по обыкновению зануть и заплакать, но вдруг почувствовал такую усталость, что снова закрыл его и погрузился в раздумья. Занятие сие к нынешнему времени уже не на шутку его увлекало.

Правда, нравилось ему не столько то, что он *думает*, и не столько то, *что* он думает, сколько сам факт, что он вообще что-то думает. Он, неумытый бродяга, прохвост, недоучка, знающий три буквы, увлечен таким почтенным делом — точно мудрец из свиты императора, никак не меньше. Гордость придала ему сил. Желая полюбоваться своим умным лицом, Трилле перегнулся через низкий борт лодки, всмотрелся в воду как в зеркало и... В этот момент легкое суденышко опять подпрыгнуло. Клеменсина едва успела ухватить незадачливого спутника за штаны и втащить обратно.

— О, Митра, — вежливо обратилась девушка к светлomu богу. — Этот парень ноет с утра до вечера, а теперь еще вздумал купаться в реке, где так и кишат крокодилы. Скажи ему, чтоб он молчал и сидел смирно.

— А еще этот парень сожрал все наши лепешки, — мрачно добавил варвар.

Трилле, который и в самом деле прошлой ночью тайком сожрал все лепешки, покраснел и насупился.

— У, медведица, — пробурчал он, косясь на Клеменсину. — У Митры больше дел нет, только тебя слушать...

— Остров! — Конан уже давно всматривался вдаль с таким усердием, что розовые и черные искры мелькали в его глазах, но все-таки различил на горизонте жирную точку и какое-то время наблюдал за ней. Лодка

неслась вперед так стремительно, что вскоре ему стало понятно: он не ошибся, это действительно остров.

Трилле, радостно пискнув, бросился обнимать Клеменсину, да с таким пылом, что чуть было не опрокинул ее в реку. Железная рука варвара оторвала его от девушки и припечатала к днищу — там Повелитель Змей и провел в обиде и тоске все оставшееся время, вплоть до того счастливого момента, когда нос лодки ткнулся наконец в песчаный берег.

Никто не встретил здесь путешественников ни приветственными, ни воинственными криками. Густые заросли папоротника чуть дальше кромки берега, девственный прекрасный лес, холмистая возвышенность — все было величественно и неподвижно; красные лучи заходящего солнца медленно соскальзывали вниз, утопая в зелени, и оттуда возвращались уже остро-желтыми; потом по черноте реки те же лучи рассыпались алым, фиолетовым, багровым и золотым, и ровная поверхность становилась точь-в-точь как осенняя степь, покрытая ковром из облетевших листьев. И отовсюду — тишь. Казалось, остров необитаем.

Тем не менее Конан пребывал в заблуждении только первые несколько мгновений. Оттащив лодку подальше от воды, он сделал два шага вперед и тут же увидел на песке множество слегка уже заметенных ветром человеческих следов. Он не стал бы привлекать к ним внимание спутников — особенно нервного Повелителя Змей, — если б не заметил в одной из цепочек нечто странное: босые ступни вовсе не имели пальцев.

Нахмурившись, варвар присел, наклонил голову — так, что концы его длинных черных прядей мазнули по песку — и стал внимательно рассматривать эти следы. Неведомый зверь, большая горилла, искалеченный человек оставил их? Ответ возник сам собою и сразу, но был настолько ужасен, что Конан не мог воспринять его душой. Он оглянулся. Там, за спиной, бурля и грохоча, неслась река. Вновь опускать в ее пенистые глубокие воды дырявую лодку было бы неразумно — бла-

годарение Митре, что путешественники вообще добрались до острова, а не сгинули в пучине еще в середине этого дня... Оставался один выход: как можно скорее законопатить дно и отправляться в плавание...

— Клеменсина, — буркнул варвар, не отрывая взора от странных следов.

Девушка подошла.

— В твоих книгах не было написано о парне, который разгуливает без пальцев на ногах?

— Нет... О, Конан, такого не может быть...

— Может...

Киммериец ухватил за подол рубахи Трилле, что ринулся уже в заросли папоротника, и толкнул его к лодке. Удивленный и негодующий жест бродяги пропал втуне: Конан был так поглощен своими мыслями, что попросту не увидел его. Зато спустя миг он увидел кое-что другое...

Это самое «кое-что» потрясло его так, что варвар замер на месте как истукан. В синих глазах его отразился суеверный ужас, а нижняя челюсть отвисла — не доставало только струйки слюны из уголка рта, чтобы Конан стал похож не просто на истукана, а на истукана тихопомешанного. Правда, было из-за чего помешаться! Из зарослей на него с доброй улыбкой смотрел *прокаженный*. Правую сторону лица он прикрывал ладонью — видимо, из лучших побуждений, дабы не напугать особенно странников, однако тем хватило одного лишь взгляда на все остальное, чтобы застыть на месте с полуоткрытыми ртами. Теперь перед прокаженным стояло уже три тихопомешанных истукана, причем Трилле тонко подвывал и пускал слюни не струйками, но бурлящим и пенистым, как Мхете, потоком.

Первым опомнился Конан. Он был прав: беспальные следы принадлежали именно прокаженному, а не большой горилле или какому неведомому зверю. Лихорадочно припоминая все, что когда-либо он слышал об этой страшной болезни, киммериец шагнул навстречу несчастному и растянул губы в ответной улыбке. И,

хотя вместо улыбки у него получился довольно неприятный оскал, островитянин понял его добрые намерения, с благодарностью поклонился и жестом пригласил Конана и его спутников следовать за ним.

* * *

Здесь варвар снова задумался о высших мира сего. Митра? Нергал с ним, с Митрой, — богохульствовал Конан, сам не замечая того, — у этого светлого бога достаточно своих забот. Пусть себе пьет сладкую воду из реки вечности и создает из камня и травы новых тварей для жизни на земле. А вот другие...

Черные брови варвара сурово сдвинулись к переносице. Нет, другим он не желает прощать их беспечности! Каким же надо быть тупоголовым и жестокосердным ублюдком, чтобы по прихоти своей распоряжаться судьбой человека! (Прежде Конану доводилось слышать о Богине Судеб, но он не обвинял бедную женщину — она всего лишь пряла золотые, серебряные и простые нити и никак не могла изменить предназначенное высшими.)

Почему одному достаются все радости жизни даром, а у другого отбирается и то жалкое, что он имеет? Почему старец, давно уставший от тягот мирских, влачит беспросветное существование, тогда как юный воин, полный здоровья и надежд на прекрасное будущее, погибает в первом же бою? Сразу сотни «почему» возникали в голове киммерийца и оставались без ответа. Наконец он пришел к единственному выводу: понятие греха у высших значительно разнится с понятием греха у людей, отсюда и противоречие — суровое наказание за малый грех и никакого за страшный.

Понятие сие с трудом уместилось в его уме. Он не стал разбираться; он презрительно сплюнул, сожалея о том лишь, что человеку не дано доплунуть до неба; в душе его ворохнулось *незнакомое* ощущение, наверное имеющее форму кинжала, потому что вонзилось в левый бок и на миг остановило дыхание. Конан скрипнул зубами. Вот сейчас он отлично понял, что это...

Жалость. Жалость, смешанная со злостью. И если первое чувство варвара принадлежало низшим, то второе — высшим. Тем самым, что путают белое с черным, благодетель с преступлением, а жизнь со смертью...

Он заставил себя вновь поднять голову и посмотреть на людей, сидящих вокруг него и его товарищей на расстоянии пяти шагов. Единственная свеча, укрепленная в чашке и поставленная перед Конаном, отбрасывала тусклые блики на обезображенные проказой лица. Одним болезнь выела губы, щеки, ноздри, другие лишились пальцев на ногах и руках, третьи самих ног и рук... Забытые богами и людьми, они доживали на острове свой век, и, кажется, никого не винили за уготованную им страшную казнь.

Островитяне — числом около сорока — взирали на гостей с восхищением. Исполин с бронзовой от загара кожей, литыми мускулами, чистыми синими глазами на суровом, покрытом шрамами лице; юная стройная красавица; тощий парень с клочками то ли волос, то ли шерсти на остром подбородке — они были первыми, кто посетил их остров за долгие годы. Конечно, они оказались здесь случаем, неким поворотом судьбы, но и то сказать: найдется ли во всем мире человек, который приплыл бы сюда по собственной воле...

Этот остров был единственным подарком богов несчастным. За день всего любой (если он не хром и не слеп) мог обойти его вдоль и поперек, зато сколько птицы и зверья водилось тут, сколько ручьев с прозрачной как слеза невинного водою, сколько разнообразной рыбы в этих самых ручьях и Мхете!

— Дорогие гости, — откашлявшись, торжественно начал Шениро — тот самый, что вышел к ним из зарослей папоротника. Вместо правого глаза на лице его зияла огромная черная дыра, из коей — варвар заметил сие с содроганием — сейчас выползала длинная тонкая гусеница. — Я и... Я и мои друзья...

Продолжить он не сумел, смущенно засмеялся и повернулся к большому старику с жидкой седой бородой.

— Льяно, может быть, ты?..

— А что ж, — Льяно повернулся к гостям. — Шениро хочет сказать, что нынче днем мы поймали двух жирных молодых кабанчиков, и если вы пожелаете, одного мы можем дать вам...

— Пожелаем, — ответил киммериец, у которого давно в желудке образовалась неприятная пустота — словно в могиле далекого предка.

— Гм-м... — тут уже замялся и Льяно. — Только... Если бы вы приготовили его сами... Понимаете, не все из нас заразные, но...

— Конечно. — Клеменсина встала и потянула за ворот рубахи Трилле, оцепеневшего от ужаса, но, на удивление, сохранявшего невозмутимый вид.

А Конан снова ощутил острие кинжала под сердцем. Впервые в жизни ему захотелось мягко улыбнуться — так, как это умела делать Клеменсина, и похлопать по плечу кого-нибудь из них — да вот хотя бы Шениро или этого юнца с культяпками вместо рук... Наверное, он бы так и сделал, но тут хриплый голос откуда-то из задних рядов спросил его:

— Скажи, чужеземец, не Конаном ли прозывают тебя?

— Да, — удивленно ответил варвар, приподнимаясь. — А ты кто?

— Я — Невида Гуратти из Зингары. Мы встречались с тобой в Туране. Когда-то я служил там наемником, как и ты... Пивал с тобой и с ребятами в «Маленькой плутовке» и в «Безрогом олене»... Эх, хорошее было время!..

— Хорошее, — пробормотал Конан, сясь припомнить Невиду Гуратти.

— По имени ты не знал меня, — помог ему тот. — А лицо у меня теперь... То есть теперь у меня вовсе нет лица... Ну, да ладно. Скажи, Конан, давно ли ты видел

моего друга Хаврата? Помнится, он жил в одной казарме с тобой.

— Недавно видел. Он живет в Кутхемесе.

— Такой же тощий и веселый?

— Совсем не тощий, — усмехнулся варвар. Наконец-то он почувствовал, что сердце его вновь свободно бьется в груди.

— Верно, выпили туранского красного и славно поговорили о былых деньках? — Кажется, Невида сам мог описать за Конана его встречу с Хавратом.

— Кром, еще бы! — бодро сказал варвар. Может быть, слишком бодро, потому что Невида вдруг замолчал, а старик Льяно посмотрел на гостя с удивлением.

— Тихо! — прикрикнул на своих Шениро, как будто и без того в лачуге не было удручающе тягостной тишины. — Расскажи нам, Конан, как вы оказались на Мхете? И почему решили пристать к нашему берегу?

— Лодка прохудилась, — объяснил киммериец. — Аплыли мы в Вендию. Мне нужно добраться до королевства Мандхатту...

— Мандхатту? Зачем? О, я бывал там лет десять назад и могу с уверенностью сказать тебе, друг, что место сие премерзкое и прескучное! Да вот хоть у Ганимеда спроси...

— Знаю, — хмуро махнул рукой Конан. — Однако именно там живет парень, которого я ищу.

— Кто таков?

— Кармашан, — неожиданно для себя бухнул варвар. До сей поры он не открывал своей цели ни Трилле, ни Клеменсине, а тут вдруг признался незнакомым всем людям и даже не прикусил язык.

— Кармашан? — разом воскликнули Шениро и Невида. Прочие тоже оживились, заговорили, перебивая друг друга. Ясно было, что имя, названное сейчас варваром, знакомо многим.

А Конан и сам не знал, почему он сказал, что разыскивает Кармашана. В действительности искал он Леонардаса, ибо пока не было ровно никаких доказательств

того, что он и есть знаменитый вендийский разбойник. Видимо, то столкновение в подгорье, на постоялом дворе, оставило в душе его незаживающую рану. Он отлично помнил, что если б не Повелитель Змей, для него и его спутников все могло б окончиться Серыми Равнинами. И, хотя Серыми Равнинами эта история кончилась для бандитов, сам Кармашан все-таки сбежал...

— Да, Кармашан, — тем не менее повторил он решительно. — Что вы знаете о нем?

— Я знаю, — выступил вперед юнец с культяпками вместо рук. — Я сам родился и жил в Мандхатту и этого ублюдка Кармашана видал не раз. Он длинен и худ, у него темные волосы и светлые глаза; нрав непостоянный и жестокий, а уж хитер он так, что любого обведет вокруг пальца!

— Еще он любит прикидываться, — прогудел могучий муж с разъеденным проказой лицом. — Я встречал его в Бритунии и могу сказать, что он заправский комедиант — кривляется не хуже обезьяны, а лжет не хуже императорских придворных.

— А еще у него есть брат в Офире! — промолвил Шениро.

— Где? В Офире? — встрепенулся Конан. — И как же звать его брата?

— Не знаю...

— Я знаю, — снова поднялся юнец. — Я даже видел его брата. Честно говоря, его совсем непросто отличить от самого Кармашана. Такой же длинный и худой, с такими же темными волосами и светлыми глазами...

— Кром! Да как же звать его? — потерял терпение Конан.

— Что-то вроде... Лидас?.. Ленас?.. Ах, да, Леонардас!

Глава четвертая

ИСТОРИЯ ГАНИМЕДА

Когда юнец произнес это имя, прочно завязшее в глубинах памяти киммерийца, в синих глазах последнего полыхнул огонек, свойственный всякому охотнику в момент столкновения с загнанным зверем. И, хотя зверя вблизи пока не наблюдалось, Конан словно чувствовал уже его дыхание — тяжелое, прерывистое; словно видел уже его взор — злобный, исполненный ненависти к преследователю; словно заглянул уже в его зрачок, где отражался сам на фоне прекрасной и бесстрастной природы...

Островитяне, от коих ничего не могло укрыться вследствие того, что гость вообще чрезвычайно занимал их, заметили и этот огонек в его глазах. Шениро взволнованно обернулся к юнцу.

— Ганимед, расскажи скорее Конану все — все, что ты знаешь о Кармашане и его брате. Расскажи свою историю, не таи ничего.

— Расскажи, Ганимед, — поддержал и старик Льяно. — Как рассказывал мне в тот самый день, когда тебя привезли сюда туранские солдаты.

Юнец помялся, явно не испытывая желания вновь возвращаться к своей печальной истории, но, взглянув на варвара, который смотрел на него в упор, готовый внимать, вздохнул и сел на земляной пол лачуги, кивком приглашая и остальных последовать его примеру.

Все уселись, по-прежнему сохраняя между собой и гостем значительное расстояние; и свеча по-прежнему горела перед ним, отбрасывая лишь блики на лица прокаженных. Поэтому, наверное, тонкие прелестные черты Ганимеда виделись Конану смутно, как в полусне видится далекий друг или подруга...

— Я говорил уже, — начал юнец, обращая рассказ свой гостю, — что родился и жил в Мандхатту. Так называется маленькое королевство на востоке Вендии, где живут вендийцы, кхитайцы, аквилонцы, туранцы и многие прочие народности, ибо Мандхатту — нечто вроде нашего острова. Туда съезжаются все, кто не нашел понимания на родине (либо, напротив, нашел понимание, но судейских и палачей), там оседают, обзаводятся семьями, живут до старости и умирают. Обычная жизнь обычного человека. Что я могу сказать о нравах в Мандхатту? Ничего хорошего. Думаю, это единственное в мире место, где хороших людей в тысячу раз меньше, чем дурных. Культ мерзкого божка Бака — тому пример. Странное дело: земля, которая находится под покровительством такого светлого и мудрого бога, как Митра, допускает присутствие подобных ублюдков... А люди? Стоит ли говорить серьезно о чопорных, а втайне похотливых законах Бака?

Конан терпеливо слушал Ганимеда, что увлекся рассуждениями о своей стране и совершенно забыл об истинной цели повествования. В конце концов в ворохе посторонних слов часто можно обнаружить нечто весьма полезное...

— Сам я немедиец, — продолжал тем временем Ганимед. — И родиной своей считаю все-таки Немедию. Хотя, какое это теперь имеет значение? Откуда же Кармашан — не ведаю. Судя по внешнему виду, он может быть и немедийцем, как я, и аквилонцем, и офирцем, и бритунцем... Об этом я никогда с ним не говорил.

Сейчас я расскажу, каким образом мне довелось познакомиться с ним. Было мне в ту пору тринадцать

лет. Если ты думаешь, Конан, что в настоящее время мне шестнадцать (а Конан именно так и подумал), то вынужден сказать, что ты ошибаешься. Мне двадцать три года, и юное лицо — единственное, что боги оставили мне из прошлой жизни... Как будто в напоминание о том, каким я был...

Итак, в тринадцать лет я осиротел. Родители мои умерли в одночасье; других родственников я не имел, а посему оказался на улице — ибо дом пришлось продать за долги. Кстати, о долгах: в Мандхатту есть закон — если ты не возвращаешь долг вовремя, у тебя отбирают все, что есть, — все! Пусть даже это «все» по стоимости намного превышает сумму долга. Если же ты нищ, то окончишь жизнь в яме. Бак полагает, что сие справедливо, а я полагаю, что Бак ублюдок и... Видишь, сколько лет прошло, а я до сих пор волнуясь, вспоминая о странных, нелепых и жестоких порядках Мандхатту...

— Наплевать на Мандхатту, Ганимед! — нервно выкрикнул Шениро. — Говори о Кармашане!

— Да, я как раз собирался... В то время он уже был известен как знаменитый разбойник — кстати, и за пределами Вендии. То его видели в горах с шайкой таких же головорезов, то на пиратском судне, то в темных городских закоулках... Не могу сказать, правда то, нет ли — сам я видел его только в Мандхатту и только в образе невозможного придурка. Физиономия его всегда была скособочена, глаза блуждали и редко останавливались на предмете, но если уж останавливались... О, то был взгляд удава, кобры или еще какой подобной гадины.

Поведения он был самого что ни на есть легкомысленного (и все же в итоге выяснялось: он ничего не делал зря, а все только на пользу — себе, разумеется). Ночами он переодевался в женщину, напяливал на голову накладные волосы и выходил из дому; виляя бедрами, шел в один из тайных домов, где предавался веселию и разврату; бывало, потом по городу шли слухи

о задушенных, зарезанных и отравленных — причем именно в том доме, где провел ночь он. Да и я сам несколько раз сидел за одним столом с ним... Кажется, Конан, ты не видал его прежде?

— Никогда, — помотал головой варвар.

— Но ищешь его. Значит, тебя должен заинтересовать мой рассказ о его внешности и поведении. Так вот, у него была странная привычка (после я слышал, что он так и не сумел избавиться от нее): порою в самый неподходящий момент он раздражался полубезумным хохотом, совершенно беспричинным; он дергался, хрипел и пускал слюни, затем вдруг замолкал и вновь становился весел и любезен. Признаюсь, меня охватывала дрожь при первых же звуках этого хохота... Да и остальных, я замечал, тоже...

Однажды мне привелось стать свидетелем злодейского убийства, свершенного Кармашаном...

— Погоди, Ганимед. — Старик Льяно улыбнулся Конану, как бы прося извинить его за то, что прерывает интересующее гостя повествование. — Мы-то знаем, но наш друг — еще нет. Ты забыл рассказать о том, как сам попал в окружение этого разбойника.

— Ах, да... Ну, сие было совсем нетрудно. После того, как родители мои переселились в мир иной, я жил на улице. У одинокого мальчика есть три способа выжить: работать, воровать и — найти себе богатого покровителя. С прискорбием замечу, Конан, что внешность моя тогда доставляла мне много хлопот. Мужички разных сословий и возрастов крутились возле меня, манили деньгами и красивой одеждой, но — по природе своей мне противно это занятие, а потому самый последний приведенный мною способ выжить я отверг сразу.

Что касается способа первого, то в Мандхатту и для взрослого не было работы, что уж говорить о мальчишке... Да, я выполнял всякие мелкие поручения базарных торговцев, получая от них плату куском хлеба, тумачом или медяком, причем медяком редко... Ко-

нечно, я голодал. И вот в один прекрасный день (сейчас-то я понимаю, что не такой уж прекрасный он был) мне удалось стянуть кошель с пояса одного богача, пришедшего на базар в поисках змеиной кожи для платья дочки. Целую луну я проедал эти деньги, прикармливая других уличных мальчиков, а потом веселая жизнь кончилась, и я опять оказался на базаре... Короче говоря, я избрал второй способ выжить, то есть стал воровать.

В Мандхатту в то время не было ни одного вора или бандита, который избежал бы встречи с Кармашаном. Так случилось и со мной. Как-то вышла такая история: только я сунул руку в карман — чужой карман, конечно, — как человек в белой с красными квадратами куртке городского стражника схватил меня за шиворот и поволок... О, я думал, в темницу, но все оказалось гораздо хуже... Мнимый стражник был в свите Кармашана и тащил он меня к нему же.

Далее следуют довольно скучные подробности. Скажу только, что некоторое время я продолжал воровать, и теперь уже делил добычу — на две неравные части. Как ты понимаешь, меньшая доставалась мне, а большая — ему... Ну, да это закон...

Вернусь к убийству. Вот уже почти год я входил в свиту Кармашана. То он поручал мне выследить заезжего купца, то передать его распоряжение шайке разбойников, обитавших в предместье. (И он и они усиленно делали вид, что никакого отношения друг к другу не имеют. На самом деле имели, и самое прямое — Кармашан был их главарем. От него они получали приказания, ему доставалась львиная доля награбленного и прочая и прочая.)

Иногда он брал меня и других приближенных на ночные забавы, что устраивали для него тайные дома. И сейчас у меня делается гадко на душе, когда я вспоминаю эти разгулы, удивительные и отвратительные по своей широте и распутству. Там Кармашан плясал и пел (опять же как полоумный), грязно приставал к

мужчинам и женщинам, пил в три горла и вел себя... О-о-о... Знаешь, я слышал однажды, что человек, который притворяется сумасшедшим, в конце концов обязательно им и станет. Сдается мне, в случае с Кармашаном все так и вышло. Не буду говорить здесь о том, как он поливал вином головы своих ближайших соратников по бандитскому ремеслу, как швырял в них и в купленных на ночь девиц и юношей обглоданные кости, как... Нет, не хочу вспоминать.

То, что я все-таки вспомню, произошло в одну из таких ночей. Поначалу она ничем не отличалась от предыдущих — пили, орали, развратничали и дрались: вот обычное времяпрепровождение этих людей. Но в середине ночи Кармашану вдруг (я говорю «вдруг», потому что он редко этим увлекался) пришло в голову сыграть в кости. Джантра — его близкий друг (хотя мне неприятно употреблять это слово в отношении двух ублюдков, но другого я сейчас не подберу), этот Джантра, одноглазый бандит огромного роста, который был привязан к Кармашану так, как бродячий пес привязывается к человеку, подобравшему его на улице, как раз таки любил играть в кости, а посему с удовольствием уселся за стол вторым. Третьим и четвертым были два парня из той же свиты.

Игра началась. Пока пили бутылъ вендийского белого, жуткой отравы, выигрывал Кармашан. Потом удача перешла к одному из парней, потом к Джантре, потом снова к Кармашану... Дальше я не смотрел, однако знаю, что в конце игры Джантра выиграл на пять золотых больше, чем его друг Кармашан.

Ни тот, ни другой, будучи ужасными скупердьями в обычной жизни, не жмотничали на ночных забавах, а поэтому лишь посмеялись малой разнице в выигрыше и разом спустили все до последней монеты на вино и девиц. Тут я забился в угол и дальше наблюдал за происходящим уже оттуда: пока Кармашан играл в кости, шуму в зале было не больше, чем на базарной площади с утра, когда же он закончил и отвалился на

скамье, поднялся такой гвалт, что мне казалось, сейчас у меня расколется голова на две, а то и четыре части. Обнявшись с Джантрой, Кармашан заскакал по столам, пиная бутылки и блюда, плюя на макушки гостей и громко портя воздух. Потом он оттолкнул Джантру, коршуном кинулся на здоровяка средних лет и... Фу, описывать эту сцену у меня нет охоты.

Разврат закончился только перед рассветом. Повсюду я видел бледные лица с синими кругами под глазами, тяжелый дух стоял в зале и чуть не паром вырывался из дверей. Кажется, я уснул — ненадолго. Затем очнулся, огляделся и порадовался тому, что никто не заметил меня в моем темном углу. Шум почти смолк; вялые выкрики тех, кто еще держался на ногах, смешались с храпом тех, кто уже уснул. Только Кармашан был вполне бодр и озирался кругом в надежде натворить что-нибудь еще. Он прошел по залу, заглядывая в пьяные физиономии собутыльников, порылся в их карманах и сумах, потом вернулся к своему месту. Дальше помню только, что он достал из-за голенища высокого сапога кинжал, подошел к Джантре, который спал, уронив голову на стол, и преспокойно вонзил клинок ему в шею по самую рукоять. Джантра умер сразу. А Кармашан захихикал мерзко, слизнул с лезвия кровь своего друга, пожал плечами и убрался из зала вон.

Я никому не сказал о том, чему был свидетелем, — иначе и меня ждала та же участь, что беднягу Джантру. Утром Кармашану доложили о его гибели, и я своими глазами видел, как сокрушался он, как плакал и по обычаю рвал волосы из ушей и ноздрей. Такого лицемерия я не ожидал...

Вскоре после того он исчез. Говорили, что он и его бандиты нападали на караваны, идущие в Кхитай и из Кхитая, а потом наткнулись на сторожевой отряд и были разбиты наголову. Сам Кармашан, мол, попал в темницу. Ты знаешь, Конан, какие в Кхитае темницы? Да, глубокие ямы, полные отбросов и ползающих в них ядовитых насекомых и змей. Я слышал, что человек и

четверть года не может продержаться там — умирает в ужасных мучениях.

В то время ни Кармашан, ни его судьба уже не занимали меня вовсе, ибо я вновь стал нищим, одиноким и никому не нужным. Проказа уже взялась за меня. Вроде бы я подхватил ее от одной чужеземки... Не помню. Я был пьян, но, кажется, пальцами ощущал неровность и влажность ее кожи... Впрочем, сейчас сие уже не представляет интереса ни для тебя, ни для них, ни для меня самого...

Воровать я не мог: руки (тогда у меня еще были руки) не слушались меня. Я жил в канаве и питался тем, что порой приносили мне бывшие знакомые воры. Часто бывало так, что они забывали про меня на три, четыре, пять дней — конечно, в эти дни я вовсе ничего не ел... Ох, прости меня, друг... Что тебе моя история! Да и мне она давно мнится чужой... С тех пор Кармашана я не встречал. Зато брат его (близнец, что ли) — Леонардас появлялся в наших краях. Его приводили к моей канаве, дабы он полюбовался уродством того, кто был когда-то рядом с его братцем. Мне показалось тогда, что он наслаждается моим жутким видом, моими гниющими руками...

Невероятно похожий на Кармашана внешне и внутренне — он так же противно кривлялся — он, тем не менее, страстно его ненавидел. Сам я не слышал, но парни говорили, что он обливал его словесными помоями с головы до ног, не стесняясь в выражениях. Проклинал его тупость, вследствие коей они оба упустили из рук какую-то бесценную вещь, его распутство и беспечность, его кровожадные наклонности и тому подобное. Потом он пропал, куда — никто не знал.

Ну, а я... Однажды ночью я выбрался из канавы и поплелся прочь из Мандхатту. ~~За семь лун~~ я дошел до Турана, а там... Там меня схватили туранские солдаты (они не касались меня, а просто набросили сетку и замотали веревками), сунули в повозку, повезли к Мхете. А дальше — в лодку и сюда, на остров. Здесь теперь

мой дом, моя родина, мое последнее и самое любимое пристанище. Никто и никогда не относился ко мне так хорошо, как здесь. Я люблю этих парней, хотя некоторые из них еще уродливее меня. Но главное — слава мудрым богам за то, что они вкладывают в голову человека нечто, связанное и с душою и с небом, то есть то, что называется мозгом и позволяет мне многое понять, что-то принять, а что-то отвергнуть, и так далее — в общем, главное, что у этих ребят добрые сердца. Ну, а на их физиономии мне плевать. Пусть у Шениро дырка вместо глаза, я его люблю и таким. Думаю, на Серых Равнинах мы все будем одинаковы, но Шениро я всегда найду по его пылкому и чистому сердцу. Как и вас, ребята...

Ганимед, завершивший свой рассказ неожиданным панегириком в честь своих собратьев по несчастью, умолк. Глаза его увлажнились, и у остальных глаза увлажнились тоже — только Конан мрачно молчал, в глубине души гордясь тем, что не умеет плакать. И все же слова Ганимеда задели за живое и его. Боль этих людей отозвалась в его сердце словно собственная. Мысленно он снова обрушил на богов все известные ему ругательства (а их было отнюдь не мало, так что сие занятие отняло уйму времени), искренне желая им хоть на несколько мгновений испытать хоть толику мучений прокаженных. И, словно в отместку за это, в голове его тут же начали роиться думы о разбойнике Кармашане. Как разобраться во всем? Как выяснить истину? Как, наконец, найти Лал Богини Судеб?

Конечно, цель и направление его путешествия оставались прежними. Из рассказа Ганимеда он лишь уяснил два довольно важных обстоятельства, могущие либо помочь в его поисках, либо затруднить их: первое — то, что Кармашан и Леонардас, скорее всего, два разных человека, как и утверждали рыцарь Сервус Нарот и его гости; второе — то, что теперь он отлично представлял себе внешность и того и другого, благо они ничем не отличались друг от друга, а Кармашана он видел сам.

И все-таки Конан ощущал необходимость идентификации этих бандитов. Он уверился бы в том, что они братья (или выродки Нергала) только тогда, когда поставил бы их рядом... Он постарался как следует припомнить главаря бандитов, с которым бился на постоялом дворе у вредного старика. Длинный, тощий, бородатый... Цвет глаз? Вроде бы светлый, но в пылу битвы у многих глаза светлеют от холодного бешенства. Цвет волос? Какой-то пегий, но уж всяко не белый... А из-за бороды непросто было разглядеть черты лица, да и не к чему это казалось варвару тогда...

В досаде на себя самого Конан качнул головой, не замечая того, что прокаженные давно молча смотрят на него, не мешая ему думать и терпеливо ожидая первых слов гостя. Однако судьба распорядилась иначе. Первые слова, сказанные после трогательной речи Ганимеда, принадлежали не Конану. В самый момент его раздумий дверь в лачугу открылась, и на пороге появился раздурявшийся Трилле. Он довольно улыбался и уже без затаенного ужаса взирал на прокаженных.

— Конан! — сказал он, загадочно двигая бровями. — Не хочешь ли ты... Гм-м... Не хочешь ли ты ответить...

— Чего? — сумрачно буркнул варвар, все еще занятый мысленными поисками Кармашана.

— Жареного кабанчика! — заорал Повелитель Змей в восторге от себя самого. Наверное, впервые в жизни он жарил *своего собственного*, не украденного, а подаренного ему и его друзьям кабанчика. Он *сам* потрошил его, обмазывал травами, насаживал на вертел... Он ожидал бурной реакции со стороны Конана на такое приглашение к трапезе и был уверен, что заслужил ее.

— Кабанчика? — вяло переспросил киммериец. — Что ж, можно попробовать...

Глава пятая

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Последнее время она все чаще вспоминала Массимо — молодого, старого, все равно. Это казалось ей странным. Да, нить его судьбы пересекалась с нею дважды, но сие означало лишь встречу, которая уже произошла много лет назад, и встречу, которая произойдет в самом близком будущем. Почему же память хранит его образ, воскрешает его с таким удивительным постоянством? Почему же сердце при этом всякий раз сладостно замирает и глубокий вздох рождается в груди?

Конечно, Маринелла знала ответ. Но если это действительно было то, что она думала, а именно *любовь* (это слово она мысленно произнесла на всех языках), тогда она может считать себя человеком с полным на то основанием. Вопреки ожиданию, эта мысль не испугала и не смутила ее. Пусть высшие сотворили ее богиней; есть в огромном мире кое-что мудрее и могущественнее их, ибо не они его создатели, а, наоборот, оно создало их. Сколько знала Вечная Дева, оно называется *жизнь* и заключает в себе все... И заключает в себе *все*. При рождении она сразу уловила ритм жизни и слилась душою с ней. Теперь не высшие ее судят, а эта самая жизнь. Если ей было угодно, чтобы Маринелла стала человеком, то никто не может и не смеет воспротивиться ее желанию.

Так она уговаривала себя, с каждой новой мыслью чувствуя, сколь сомнителен ее смелый вывод. Истина требовала иного оправдания. Если таковой вообще имелся, следовало его найти. Он нашелся. Всего один, зато такой весомый, такой убедительный и, по сути, неоспоримый, что Маринелла сразу приуныла. Да, человеком может считаться лишь тот, кто от человека человеком рожден, и не иначе. Но, с другой стороны, — утешала она себя — так ли уж надобно ей быть обыкновенной смертной? Кто мешает ей, богине, любить?

Маринелла снова повеселела. Еще миг, и мысль ее направилась бы по тому же пути дальше, однако нечто вроде предчувствия не пустило ее туда. В самом деле потом она подумала бы, что Массимо уже стар, а она еще юна; что будущего для них двоих нет — никакого; что после второй встречи их жизни разойдутся уже навек; его — для того, чтоб вскоре угаснуть, ее — для того, чтоб продолжать намеченный высшими изначально труд. Обо всем этом Маринелла не стала размышлять.

Ветер колыхнул ветви деревьев, и проскользнувший меж листьев луч заходящего солнца ласково коснулся ее ресниц. Опять пора в дорогу. Она встала, положила веретено в суму, потом суму закинула за плечо и пошла. Земля, в лесу и без того всегда прохладная, перед ночью совсем остыла, но босые ступни Маринеллы ощущали ее внутреннее тепло, кое, словно руда, хранилось под верхним слоем. Через несколько шагов она услышала пульс земли; он бился вровень с ее собственным, а ее собственный — тут она восстановила одну из своих предыдущих мыслей — с пульсом самой жизни. Это означало, что *жизнь, земля и она, Богиня Судеб, едины*. Странно? Может быть. Но не более, чем образ Массимо в ее памяти.

В задумчивости она не заметила камня, лежащего поперек тропы. Пальцы правой ноги ударились об него, и резкая боль пронзила все тело, мигом добравшись до сердца. Вечная Дева остановилась. Что это? Разве мо-

жет она, существо отнюдь не смертное, чувствовать боль? А разве может она плакать? А любить? Не найдя сразу ответа на эти вопросы, Маринелла двинулась дальше. Медленно, медленно темнело вокруг. Знает ли кто-нибудь в мире сем, которая по счету ночь грядет нынче? Она — не знала. И Массимо не знал. Вот только надо ли им было об этом знать?..

* * *

Утром островитяне вышли проводить гостей. Здесь, при ярком солнечном свете, Конан впервые разглядел Невиду Гуратти. Парень был совсем плох. Не только лицо, но и все тело изъедено проказой, а левая сторона к тому же парализована — передвигался он с помощью толстой суковатой палки, и то с огромным трудом. Только голос еще остался при нем: сильный хрипловатый бас, напоминавший горное эхо от громовых раскатов.

— Хей, Текко! Нахор! Аматино! — пророкотал он, тащась впереди всех. — Там, у восточного мыса, лодка... Волоките ее сюда!

— Правильно говоришь, Невид, — одобрил старик Льяно. — Нам она уж никак не пригодится, а им нужна как воздух и еда.

— Чистая правда, клянусь Кромом! — после вчерашней сытной трапезы и доброго сна ночь напролет Конан заметно повеселел. Он уже без содрогания смотрел на уродство прокаженных — вернее, он перестал замечать его. Они были люди, просто люди, так чего ж на них тарашиться и рыдать от жалости? Жизнь — она и есть жизнь. Философия варвара состояла в том, чтобы не навязывать своих чувств и дум никому. Прошлым вечером он едва не изменил самому себе. Светлый Митра свидетель: нынче он пожалел бы о том.

— А я клянусь Кромом, — и тут влез неугомонный Повелитель Змей, — что никогда не забуду кабанчика!

— Еще бы, — ухмыльнулся Конан. — Ты сожрал добрых три четверти...

— Я? Да я укусил всего два раза!

Язвительно усмехнувшись, Конан хотел было добавить «и сто двадцать два в придачу», но тут показались парни, тащившие лодку, и первое же слово застряло у варвара в глотке.

Судно, предназначенное им в подарок, оказалось великолепно. Похожее на маленький корабль, оно обладало и красотой и прочностью. Пожалуй, о таком можно было только мечтать. Теперь спутникам не страшны штормы и течение непостоянной Мхете... Напрочь забыв о споре с прожорливым Повелителем Змей, Конан живо подошел к лодке, испытывая приятное чувство собственника, обзирающего свое сокровище. Он ощупал ее крутые бока, придирчиво осмотрел днище, поднял весла и со знанием дела постучал ими по воде (так покупатель проверяет на базаре лошадь перед тем, как отдать за нее деньги, и, будь у лодки зубы, Конан непременно полюбовался бы и на них). В этот момент сие деревянное чудо было для него таким же живым, как Трилле, Клеменсина, он сам и все, их окружавшие. С особым удовольствием увидел он на днище лодки огромный мешок, явно набитый снедью. Кроме того, здесь лежали: две пары совершенно новых штанов, два кинжала в кожаных ножнах, слиток золота, запасные весла и маленький пузатый бочонок с пивом. Такое богатство могло обеспечить путешественникам долгое и беспечное плавание.

Когда Конан вылез из лодки и обернулся к островитянам, они сумели прочесть в его глазах то, что он вряд ли решился бы сказать вслух. Сорок улыбок стали ему ответом.

Не меньше, чем киммериец, были поражены добротой этих несчастных людей и его спутники. Трилле заплакал как дитя, а Клеменсина сняла с запястья тонкую золотую цепочку искусной работы и, подойдя к прекрасному Ганимеду, надела ему на шею. Юнец отшатнулся было от нее, но Шениро, улыбаясь, сказал:

— Не бойся, Ганимед, ты не заразный. У тебя сухая форма проказы, а это совсем другое дело. Вот я...—

Тут улыбка сошла с его губ, и, прикрыв ладонью правую сторону лица, он отошел и встал за спину старику Льяно.

— Постой, Клеменсина, — буркнул варвар, отворачивая взор и запуская руку в карман.

К вящему изумлению и негодованию Повелителя Змей, у коего сразу высохли слезы на глазах, Конан достал тот самый золотой медальон, что был найден в песке у селения туземцев, а затем подарен вождю.

— О, брат мой... — пробормотал Трилле. — Но откуда же...

В ответ на это киммериец только пожал плечами. Приблизившись к Ганимеду, он снял с его шеи золотую цепочку Клеменсины, прицепил к ней медальон и снова повесил на шею парню. Еще он хотел сказать что-нибудь хорошее — и ему, и другим прокаженным, но язык так и не повернулся. Фыркнув, варвар посмотрел на девушку. Она поняла. Сделав шаг к островитянам, стоявшим в отдалении от них, Клеменсина приложила руку к сердцу и сказала:

— Может, в солнечную погоду Митра заметит блеск этой безделицы, что висит сейчас на шее Ганимеда...

Увы, более ничего подходящего в голову ей не пришло. Да и что с того, если Митра заметит блеск медальона? Не приладит же он Ганимеду новые руки! Не вернет же Шениро глаз, а старику Льяно пальцы на ногах!

Прокаженные тем не менее оценили эти слова. Разулыбавшись, они все потянулись к Ганимеду, желая поближе посмотреть на чудесный подарок гостей. Один Невид Гуратти проковылял к Конану, остановился в пяти шагах от него и прогудел:

— Не теряйте времени. Если отплывете сейчас, нынче к ночи вы будете уже на месте. Я хочу, Конан, чтобы ты нашел Кармашана и отправил его к Нергалу в пасть. А еще я хочу, чтобы ты... — он замаялся. — В общем, коли доведется тебе встретить Хаврата или других ребят, не рассказывай им, во что превратился весельчак Невид Гуратти...

— Не расскажу, — решительно мотнул головой Конан. — И, клянусь Кромом, я не забуду тебя, Невид. Пусть молния врежет мне между глаз, если через двадцать или тридцать лет меня спросят: «Помнишь ли ты Невиду Гуратти?», а я скажу, что нет.

Наконец-то слова нашлись! Конан заметил, что в глазах несчастного сверкнула слеза, а тронутый язвой рот дрогнул в попытке улыбнуться.

— Прощай, Конан, — выдохнул он, повернулся и потащился прочь, уже не оглядываясь.

— Прощай, Конан! — заговорили тут и остальные. — Прощай, милая Клеменсина! Трилле, прощай!

— Торопитесь! — громко крикнул Шениро, перебивая всех. — Пока попутный ветер, торопитесь!

— Торопитесь, — говорил и старик Льяно.

А путешественники уже сидели в своем новом судне. Шестом, взятым из лодки туземцев, Шениро оттолкнул их от берега. Весла взлетели над темной водой раз, другой, третий... Спустя всего несколько вздохов — глубоких и печальных — и лодка уже неслась по Мхете, а остров становился все меньше и меньше... И фигуры прокаженных тоже становились меньше, пока не исчезли совсем в голубой утренней дымке тумана...

* * *

К вечеру вдалеке показались стены древнего Бвадрандата — города, выстроенного прародителями вендийцев в незапамятные времена на берегу Мхете. Конан бывал там однажды. Длинные, очень узкие (в пять шагов шириной), очень грязные и кривые улочки, приземистые крепкие дома из железного дерева, в центре — дворцы, поражающие великолепием мозаичной отделки и пластами золота на широких ставнях, и — пыль. Отчетливее всего киммериец помнил как раз пыль. Она забивалась в уши, в ноздри, клубилась перед глазами, покрывала волосы и одежду, так что все горожане с первого взгляда виделись путешественнику

одинаковыми: седовласыми, облаченными в одежду серого цвета.

Ганимед рассказал Конану, что ближайший путь в Мандхатту лежит именно через Бвадрандат. Следовало пройти его насквозь, затем у восточных врат города нанять слонов, пересечь на них небольшую пустошь, а далее мелководную речушку, за коей и проходила граница королевства.

Причалив к берегу, спутники препоручили лодку на хранение рыбаку — низкорослому, тощему и столь же древнему, как сам город, — отдав за услугу сию один из подаренных им кинжалов в кожаных ножнах. Второй кинжал уже висел на поясе Трилле — с разрешения варвара, конечно, — чем парень был чрезвычайно горд и доволен. Поднявшись по тропе к серым, словно пропитанным здешней пылью, полуразрушенным стенам, спутники вошли в Бвадрандат — нелепый и великолепный одновременно. Пышность и богатство царили тут наравне с нищетой и ветхостью, жирные смуглолицые купцы проплывали в роскошных паланкинах рядом с бегущими по своим делам щуплыми и тоже смуглолицыми оборванцами.

Конан не помнил дороги в таверну, зато хорошо помнил, что таверен всякого рода было здесь великое множество — на каждой улице по паре, а то и больше. Действительно: не успели они сделать и тридцати шагов, как увидели заскучавшего в отсутствии прохожих зазывалу — толстяка в белых шароварах и ярко-красном тюрбане на круглой как шар голове. В руке его намертво была зажата трещотка, коей он немедленно завертел, едва завидя троих чужестранцев.

Впрочем, и без его помощи они не прошли бы мимо. Запахи, доносящиеся из гостеприимно распахнутой двери, волновали не только обоняние, но и душу. Тонкие, удивительно нежные ароматы смешались с грубыми запахами жаркого и половой тряпки; голодный, учуяв их, умилялся и спешил войти; сытый, напротив, раздражался и устремлялся прочь. Спутники были

голодны. А посему, не раздумывая и мига, они спустились на две ступеньки вниз и потребовали у хозяина мяса, рыбы, хлеба и вина.

В ожидании заказа Трилле и Клеменсина с любопытством оглядывались по сторонам. Зал был мал, пол заплыван и протерт до дыр, зато столы так и сверкали выскобленными крышками, а меж ними ползал шикарно одетый, зевающий во весь беззубый рот подавальщик. Еле волоча ноги, он приблизился к путешественникам, уставился черными выкаченными глазами на киммерийца, и ловко швырнул на стол блюдо с жарким. Затем, все не отрывая взора от поразившего его своей статью и мощью Конана, потащился к новым посетителям — двум кривоногим и похожим друг на друга как две капли воды торговцам рыбой. Сели они за соседний стол.

Трилле сморщился от резкого запаха протухшей воды и рыбьей чешуи, посмотрел на припельцев грозно, однако никакой реакции не дождался. Они были так же вялы и сонны, как здешний слуга, а тот, в свою очередь, как те рыбыны, что шевелились еще в их корзинах.

Варвар, который и сам давно хотел спать, перевел ленивый взгляд в угол таверны и... огромный кусок мяса застрял у него в горле. Он поперхнулся, закашлялся. Трилле и Клеменсина с удивлением посмотрели туда же. Не требовалось слов, дабы объяснить им, что произошло с Конаном. В дальнем углу, за маленьким круглым столиком, сидела... Да, ее можно было назвать красавицей, хотя на самом деле для таких девушек еще не придумано истинного названия. Белые пышные волосы ниспадали на узкие плечи, волнами покрывая высокую грудь; голубые, почти прозрачные глаза, обрамленные черными густыми ресницами, глядели на жалкий мирок таверны нежно и спокойно; казалось, она не осознавала еще своей поразительной красоты, но было видно, что годы ранней юности уже миновали — сейчас она вступила в ту пору, когда де-

вушка уже прозывается женщиной, и даже слепец не ошибется в этом, лишь заслышав звук ее чудесного бархатного голоса.

Конан ничуть не сомневался в тембре ее голоса, однако убедиться не мешало. Быстро зажав в рот еще один кусок мяса, он проглотил его, запил глотком вина, вытер губы тыльной стороной ладони, встал и решительно направился к ней.

— Я Конан из Киммерии, — представился он, одарив ее своей самой обаятельной улыбкой, слегка похожей на волчий оскал.

— Лукресия, — ответила она, несколько не смутившись. Голос у нее оказался именно такой, какой и предполагался, то есть нежный и одновременно низкий, с приятными грудными нотками.

— Ты не похожа на вендийку, — сказал Конан и не сдержал гордой усмешки: он считал, что сделал ей весьма тонкий комплимент.

— Я из Аквилонии.

Аквилония — прекрасная страна, подарившая миру непревзойденных прелестниц, многие из коих уже имели возможность познакомиться с Конаном из Киммерии. Сейчас такая честь предоставлялась Лукресии.

— С чего вдруг тебя понесло в Вендию, красотка? — брякнул варвар, тут же досадливо сморщившись. Он хотел спросить иначе: «Каким ветром тебя занесло сюда, моя красавица?» Увы. Любезность никогда не входила в число его достоинств, что, конечно, Лукресия уже заметила.

— Я иду в Мандхатту, — с улыбкой пояснила она.

— И я иду в Мандхатту! Не хочешь разделить со мной место на спине слона?

(Последняя фраза запросто могла вылететь из уст вельеречивого царедворца, привычного к дипломатии. Конан забыл вдруг о своем презрении к этой публике и мысленно похвалил себя за исправленную так ловко оплошность предыдущего высказывания.)

— Ах, Конан... — засмеялась Лукресия. Похоже, на нее вовсе не произвела ожидаемого впечатления прекрасная фраза о слоне.

Конан недовольно нахмурился, как бы говоря: «Да что ж тебе еще надо?» Вслух, однако, заявил другое:

— Но сначала я разделю с тобой ложе в этой вонючей дыре. Не знаешь, есть ли комнаты наверху?

Лукресия расхохоталась. Она не сердилась на варвара. Ей нравилось, что его яркие синие глаза, такие суровые и такие холодные, потеплели, едва только обратились к ней. Ей нравилось, что он так могуч и огромен (впрочем, сие нравилось всем женщинам). Ей нравилось, что буйная черная грива его нечесана и вздыблена, как у зверя. Также ей нравилась его неотесанность (по закону противоположностей, которые притягиваются друг к другу вопреки несоответствию внутреннего и внешнего содержания). В общем, она была совсем не против уступить ему половину своего ложа. Она знала, конечно, что приличия ради (неизвестно кем и зачем придуманного) следует фыркнуть и передернуть плечами на столь откровенное предложение, однако в эти игры давно уж отучилась играть. Она и впрямь была женщиной...

— Да, Конан, ты поделишь со мной мое ложе. Комнаты наверху есть — я живу здесь уже третий день... О, я вижу, на нас смотрят... Может быть, ты познакомишь меня со своими друзьями?

Повернувшись, киммериец увидел, что Трилле и Клеменсина взирают на них неотрывно — у Повелителя Змей даже отвисла нижняя челюсть, настолько он был увлечен. Глаза его при этом затуманились, и всякому, кто был с ним знаком, при взгляде на него стало бы ясно, что ему не терпится предложить Лукресии потрогать свое тело.

Конан махнул рукой, приглашая спутников подойти.

— Клеменсина и Трилле. Едут со мной в Мандхатту.

— Я — Лукресия.

— О-о-о... — забормотал Повелитель Змей. — Прекрасная кувшинка... Тыфу, то есть лилия...

Он присел на край скамьи и от волнения ухватил с блюда Лукресии большой кусок рыбы. Клеменсина продолжала стоять и смотреть на новую знакомую Конана. Взгляд ее — впервые за все время их совместного путешествия — был полон неприязни и тревоги.

Киммериец, который не выносил, когда кто-нибудь стоял за его плечом, дернул ее за полу туники, таким образом предлагая сесть, но она положила руку ему на плечо, таким образом отвечая — «нет».

— Лукресия, говоришь? — задумчиво произнесла она. — Хм-м-м... Где-то я тебя уже видела...

Глава шестая

ЛУКРЕСИЯ

Взор прекрасных голубых глаз столкнулся на полдороге со взглядом не менее прекрасных зеленых. Почему-то именно в этот момент Трилле вдруг понял: философия — не его удел.

Он удивленно таращился то на одну женщину, то на другую, и никак не мог уяснить себе, что же все-таки происходит. Между тем некие тайники его мозга, коим было суждено никогда не открыться, уловили определенный смысл в этих странных взорах. На большее они оказались неспособны, так что смысл сего смысла при этом так и остался загадкой. Одно дело — принять твердое решение умываться два раза в луну, совсем другое — понять, что означает женский взгляд. Трилле вздохнул.

Вздохнул и Конан. Так приятно начавшееся знакомство грозило сорваться из-за того только, что Клеменсина вздумала ревновать. Тайники его мозга были закрыты наглухо, а потому ничего иного ему и в голову не пришло. Сумрачным взглядом смерив девушку, киммериец отодвинул ее в сторону и, накрыв рукою маленькую ручку Лукресии, вновь завладел ее вниманием.

— Клянусь Кромом, милая, — самодовольно произнес он, — тебе не терпится показать мне свою комнату.

— А мне? — тут же влез Повелитель Змей. — Мне ты покажешь свою комнату?

Только сейчас Конан вспомнил вдруг, что Трилле тоже некоторым образом мужчина, а вспомнив, совсем уж было собрался отвесить ему оплеуху и выпшвырнуть вон, но тут Лукресия подарила ему прелестнейшую — а главное, многообещающую — улыбку, и яростная вспышка в синих глазах потухла.

— Я то-оже хочу в ее комнату, — заныл Повелитель Змей, чувствуя, что и эта добыча ускользает от него. Ну почему все, решительно все достается одному лишь варвару? — Возьми-и меня с собой, Ко-онан!

Конан скрипнул зубами, однако сдержался; рука его потянулась к белому локону Лукресии, легко тронула его, потом медленно опустилась к виску...

— О, Конан... — с отвращением молвила Клеменсина. — Неужели ты снова собираешься делать то... то ужасное... которое... Похотливая туземка... Хижина... Красный полог...

Девушка окончательно запуталась, не зная, каким словом назвать то страшное, поразившее ее действо, какое варвар совершал с юной дикаркой. Лукресия же «похотливую туземку» приняла на свой счет. Нахмурив тонкие темные брови, она с видом собственницы дернула Конана за руку.

Он с готовностью поднялся. С самого мгновения, когда пальцы его коснулись гладкой бархатистой кожи аквилонки, мысль его не имела ни начала, ни продолжения — а только один конец; он не слышал слов Клеменсины, он забыл о Трилле; все существо его содрогалось от еле сдерживаемого желания, а в глазах, направленных на нее, уже горел огонь, именуемый страстью. Миг, полмига, и Конан опрокинул бы прелестную аквилонку прямо здесь, в зале...

— Идем же! — нетерпеливо воскликнула она, увлекая его к лестнице.

Тонко взвизгнула под ними первая ступенька, басовито звукнула вторая, чуть не проломилась третья.

Трилле и Клеменсина проводили парочку замороженными взглядами, затем в унисон вздохнули и вернулись за свой стол — продолжать трапезу.

* * *

— И что было потом? — Конан зевал, изо всех сил стараясь не заснуть — правда, в темноте сего не было видно, и все же Лукресия время от времени останавливала свой рассказ, настороженно прислушиваясь к его дыханию.

— Ты не спишь?

— Не сплю.

— А почему вздыхаешь?

— Тьфу! Да тебя слушаю, — с досадой отвечал варвар, поворачиваясь на другой бок — лицом к окну. После целой ночи любви что может быть приятнее (и в то же время утомительнее) увлекательной истории? — Так что было потом?

— Потом... У нобилия меня перекупил один купец... Толстая вонючая тварь... Полторы сотни монет, и я сменила великолепную золотую клетку на крошечную комнатуньку, расположенную под самой крышей огромного несуразного дома, полного слуг и охранников. Но сначала был долгий путь... Мы плыли на галеоне по морю Вилайет, кочевали с караваном по туранским пустыням, тряслись на мулах по Кезанкийским горам, ехали на лошадях через Бритунию, Немедию, Аквилонию... О, когда мы проезжали мою родную Аквилонию, сердце замирало в груди моей, и слезы потоком лились из глаз... Если б я была свободна!.. Я могла бы отыскать мою тетю — она жила в предместьях Пуантена и окрестными жителями считалась колдуньей... Нет, не хмурься, мой варвар... Откуда я знаю, что ты хмуришься? Чувствую. Так вот: моя тетя умела лишь читать по звездам, не более. Даже мало-мальски простого заклинания она не знала...

Увы, в то время я была не властна над собой. Купец, мой хозяин, не отпускал меня ни на шаг. Его псы

всегда находились рядом; они следили за мной и днем и ночью, и даже в интимный момент, когда я справляла естественные надобности, становились вокруг меня плечом к плечу... Фу!

Наконец мы оказались в Зингаре. Мой купец проживал в самой ее столице — в Кордаве. Тут выяснилось, что у него имелась супруга — вот уж ведьма так ведьма.

Она, конечно, прекрасно поняла, какого-такого Нергала ее жирный недоумок притащил меня в свой дом, хоть он и пытался выдать меня за кухарку. О, что за великолепный скандал она устроила ему! Она — считай по пальцам, Конан — визжала, рычала, плевалась, била посуду, каталась по полу, а под конец даже укусила его в живот! Каково?

Честно сказать, потом и мне от нее доставалось. Она никогда не упускала случая ущипнуть меня побольнее, а когда я вскрикивала от боли, медоточивым голосом интересовалась, что произошло. Однажды она изрезала на куски мое единственное платье, и долгих три луны мне пришлось ходить в ужасных обносках, пока мой купец не исхитрился приобрести новое.

Ты понимаешь сам: я жила мыслью о побеге. Я, рабыня, не могла ждать помощи, ибо не было у меня в Зингаре ни друзей, ни родственников. А в общем, кроме тети, что жила в Аквилонии, у меня нигде никого не было.

Дальше... Дальше случилось вот что: супруга моего купца померла от злости. Да-да, именно так. В очередной раз визжа на своего жирного червя, она вдруг побагровела, схватилась за грудь и повалилась на землю. Противно вспоминать, но в тот миг на его пухлой физиономии мелькнула злорадная ухмылка, коя, впрочем, тут же сменилась выражением горя и печали.

И вот, пока купец скорбел по всем правилам в течение восемнадцати дней, а с ним, пользуясь передышкой, и его слуги, я сбежала. Не стану описывать

сейчас мой долгий, очень долгий путь. Скажу лишь, что я добралась наконец до Пуантена и встретила с Мелиндой, моей тетей. У нее я прожила два года, пока... Пока к ней не приехал один человек...

Здесь Лукресия прервала свое повествование. Конан, который слушал ее без особого интереса — а если говорить прямо, то и вовсе без всякого интереса, — почти уснул, когда она вдруг снова подала голос.

— Ты спишь?

— Кром! Нет, конечно! — слишком горячо для того, чтоб это была правда, ответил варвар. Прелестная аквилонка, заметив сие, тем не менее продолжила, ибо уже сама увлеклась воспоминаниями о своей жизни.

— ...Он приехал на рассвете... Ему предстояло выполнить некое важное дело, и перед тем он решил посоветоваться со звездами. О Мелинде и ее невероятном даровании читать по звездам знали многие (к слову, мой варвар, сами астрологи не желали признавать ее, поскольку *женщина* — ах, это смешное мужское самолюбие!). Сей молодой человек не был обременен предрассудками и, кроме того, знал, что плату она берет небольшую, да еще умеет хранить тайну, посему и прибыл именно к ней. День, ночь, еще один день и еще одну ночь он провел в нашем маленьком доме... О, он оказался весьма веселым молодым человеком! Пока моя тетя рисовала на папирусе какие-то закляучки, он рассказал мне о странах, в которых побывал, о людях, которых повидал, и еще многое, многое другое. Когда Мелинда на следующее утро торжественно вручила ему...

— Хр-р-р! — вдруг раздалось мощное рычание.

Лукресия вздрогнула.

— Конан! Да ты спишь! — вскричала она, оскорбленная в лучших чувствах.

— Я? Кром, нет, конечно... — смущенно пробормотал варвар, только что пробудившийся от ее вопля. — Ну, что там было дальше?

— Эх... Ты первый человек, с которым мне захотелось поделиться своим несчастьем, а ты... Ты спишь! — горько сказала прелестная аквилонка, укладываясь рядом с ним и закрывая глаза.

— Да нет же...

Сон, до сего момента не выпускавший его из своего вязкого тумана, неожиданно улетучился. Конан с сожалением вздохнул ему вслед, потом повернулся к Лукресии и приготовился внимать. Она молчала.

— Хей! — он положил руку ей на плечо. — Так что было дальше?

Она молчала.

— Клянусь Кромом, я слышал все! Ну, почти все...

Она молчала. Тогда киммериец наклонил ухо к ее лицу, завесив его своими длинными космами, прислушался... Мерное, еле слышное сопение поведало ему неприятную истину: Лукресия спала. В раздражении варвар снова отвернулся к окну. Одно слово — женщина! Сначала она своим занудным рассказом прогнала прочь его сон, а потом сама преспокойно уснула, оставив Конана в полном одиночестве — то есть без любви и всего остального, обозначающего явь. А что еще он мог ожидать?

Посветлевшее небо за грязным стеклом окна возвещало о скором восходе солнца. Ветер, поднявшийся вдруг, злобно тербил ветви деревьев, пытаясь сорвать с них листву; капли дождя заскакали по крыше, тревожно забили в стекло, да только Конан знал: все обман. Не успеет огненное око Митры запустить на землю свой первый луч, как снова станет тихо, сухо, тепло. Не будет дождя, а ветер преобразится в милый ласковый сквознячок, а к полудню и вовсе воцарится обычный в этих краях зной, наглый и хитрый как сам Нергал, алчущий спалить всё и вся — от прама-тери-земли до новорожденного суслика в глубокой норке.

Так и получилось. Пока киммериец вздыхал и ворочался, надеясь уснуть, затих ветер; дождь, лишив-

шись его энергии и силы, стал скучным и вялым, словно больным, и к рассвету прекратился. К рассвету же у Конана кончилось терпение. Из живых чувств одна тоска осталась с ним сейчас.

Лукресия мирно спала, сам он — нет; мозг его никаких интересных мыслей не изобретал и не воспроизводил; прошлое будто покрылось непрозрачным туманом — короче, заняться в сию пору Конану было совершенно нечем. Поняв, что сна ему так и не дожидаться, он встал, натянул штаны и, стараясь не разбудить Лукресию, вышел из комнаты. Он рассуждал так: что есть одиночество и тоска? Хворь. А есть ли у него средство против хвори? Конечно! Бутыль доброго вина да кусок мяса... Ободренный одной только идеей, киммериец уже ощутил в груди тепло, кое в паре с глотком туранского красного обещало избавить его от скуки и тоски. Он прибавил шаг.

* * *

Когда наутро Трилле и Клеменсина спустились в зал, перед Конаном стояла дюжина бутылей — пустых и полных вперемежку. Сам он пребывал в состоянии полудремы и отсутствия всяких мыслей. Лишь только друзья его подошли к столу, он поднял глаза, обычная синева коих, разбавленная вином, помутнела и посветлела, несколько мгновений смотрел на них, однако не узнал.

Нетвердой рукою ухватив за горло очередную бутылку, он присосался к ней, не каплями, но струями орошая могучую свою грудь; в животе его при этом что-то громко клокотало и бурлило. Вообще весь вид его поверг Трилле и Клеменсину в ужас. Длинные черные волосы, спереди тоже обильно политые сладким вином, слиплись, а пальцы, подбородок, нос и даже ресницы оказались вымазаны бараньим жиром.

Наконец он оторвался от бутылки, швырнул ее на пол. Муть в глазах его растеклась и стала совсем

непроходимой. Напрасно Повелитель Змей взывал к мужеству и совести варвара — тот или не слышал, или просто не понимал ни единого слова. Лишь однажды, переведя взор на спутника, он довольно осмысленно икнул, но вряд ли сие можно было считать ответом.

— Это она виновата, — сердито сказала девушка. — И зачем только мы ее встретили!

— Вздор, — отмахнулся Трилле. — Он захотел напиться, и он напился. Лукресия тут ни при чем.

— Кобра и ведьма, вот и все, — стояла на своем Клеменсина. Она не желала признавать, что ее спаситель пал так низко — наакался до полного отупения, да еще в одиночестве.

— Вздор, говорю! Давай подумаем лучше, что нам теперь делать. Погрузить его на слона и отправиться в Мандхатту? А если он уже сговорился с той девицей и собирается поехать с ней? Не знаешь, куда она направлялась?

— Слишком много вопросов, — буркнула Клеменсина, недовольная тем, что Повелитель Змей не пожелал обсудить наглость Лукресии.

— Тьфу! Да ответь хоть на один, — рассердился и Трилле. Впервые за все время путешествия он почувствовал себя мужчиной, более того — полководцем. За какие-то несколько вздохов он преобразился: чахлая грудь его выгнулась колесом, плечи расправились, а голубые глаза засверкали особым, истинно полководческим блеском. Казалось, вот сейчас Трилле встанет, взмахнет рукою, крикнет громовым голосом: «Вперед, ребята!» — и целая армия рванется в бой, воодушевленная храбрым видом своего предводителя. Триумф, еще не испытанный, но наверняка грядущий, согрел сердце. И хотя, увы, ныне вся его армия состояла из юной девицы и налижавшегося до умопомрачения Конана, ответственность он принимал на себя немалую.

Он еще раз повторил надувшейся спутнице свои вопросы, добавив к ним такой: какого Нергала вообще

киммериец едет в Мандхатту? Затем еще раз не получил ответа и, с легким сожалением поглядев на Клеменсину (ибо женщина, и ничто серьезное и настоящее ей недоступно), принялся размышлять самостоятельно. Продолжалось это достаточно долго — Клеменсина успела немного поплакать, успокоиться и снова поплакать, а варвар выдуть еще бутыль вина.

— Вот что. — Повелитель Змей наконец разработал план на нынешний день. — Сейчас я пойду к этой... к этой...

— Соблазнительнице, — с отвращением процедила Клеменсина.

— Ну да, соблазнительнице... Пойду и скажу: «Вот что, любезная...» — Трилле напыжился, изображая себя в момент будущего разговора с прелестной аквилонкой. — А что думаешь, вот возьму и скажу так! Я такой, я ничего не боюсь. Скажу ей: «Вот что, любезная, нам с тобою не по пути. Отправляйся-ка своей дорогой, а мы поедем своей». Ну, как?

— Очень хорошо, — одобрила Клеменсина.

— Да. А потом — потом мы сделаем вот что...

— Пойдем спать. И не потом, а теперь же, — вдруг отчетливо произнес Конан.

Спутники молча уставились на него. К сему времени они уже успели забыть, что варвар умеет говорить, а потому его рык удивил обоих безмерно.

— Прах и пепел... — пробурчал он. — Копыто Нергала тебе в зубы, Трилимил, если жалкая пара бутылей может свалить меня с ног. Ха!

В самом деле: взор его прояснился, способность снова мыслить блеснула в нем явственно. Но при чем тут был Трилиманиль Мангус Парк?..

— При чем же я? — обиделся Повелитель Змей.

Вместо ответа Конан выудил из кармана несколько золотых и протянул Трилле.

— Наймешь погонщика и пару слонов. Скажешь, чтоб к сумеркам подошел к восточным воротам.

— Где я найму погонщика?

— На базаре...

Варвар тяжело поднялся, едва не свернув стол и скамью, неверной походкой двинулся к лестнице.

— Хей, Конан, ты куда?

И опять ответа он не получил. Покорный судьбе и киммерийцу, Трилле опустил золотые в свой карман и тоже встал. Всего пару мгновений довелось ему побыть полководцем... Что ж, такова, видно, его судьба...

— Пойдем, Клеменсина, — уныло сказал он, направляясь к двери. — Пойдем... Слоны ждут...

* * *

На этот раз Конан выпался отлично. А проснувшись, он обнаружил на краю своего ложа Лукрессию с улыбкой на нежных устах. В руках она держала чашу, полную чудесного розового вина, кою и протянула варвару, едва он открыл глаза.

— Это офирское вино, — сказала она. — Самое лучшее, что я нашла в здешней лавке.

Конан с благодарностью принял чашу и отпил большой глоток, вернувший ему часть утраченных было сил.

— Как ты нашла меня? — хрипло спросил он, награждая прелестницу кривой ухмылкой.

— О-о, мой варвар... Я потратила на это много, много, много сил... — начала Лукрессия серьезно, но тут же не выдержала и рассмеялась. — Ты явился почивать в мою комнату, Конан, так что искать тебя мне не пришлось.

— Я спал, а ты... Охраняла мой сон? — хмыкнул он.

— Ну уж нет... Сказать по чести, так любого врага прогнал бы твой ужасный, бр-р-р, ужасный храп. Меня, во всяком случае, прогнал... Я сидела внизу, в зале.

Он допил вино и водрузил чашу на стол. Руки его таким образом освободились, и он смог обнять Лукрессию.

— Ночью ты рассказывала мне свою историю... — начал он.

— Ты готов дослушать?

— Готов... Только перед тем...

Дыхание его участилось, а глаза помутнели. Зарывав, он перевернул прелестную аквилонку через себя и, спиной прижав к тахте, навис над ней, смешав свои черные пряди с ее белокурыми.

Лукрессия лукаво улыбнулась.

— А как же моя история? — прошептала она.

— Потом...

— О, варвар...

— Потом...

Глава седьмая

БЕСЕДЫ О ПРЕВРАТНОСТЯХ ЛЮБВИ

Девятый день Маринелла ехала в повозке по пыльным дорогам Шема. Ей повезло: юный купец, торгующий зеркалами, согласился взять ее с собой и не потребовал за эту поистине королевскую услугу ни медяка.

Зато ей приходилось слушать его разглагольствования по поводу порочных шемских законов, кои предписывают всякому купцу отдавать часть прибыли в казну. «Что я имею с одного зеркала? — говорил Дин. — Четверть золотого. Для того, чтобы заработать один золотой, я должен продать четыре зеркала, и получается, что полтора я отдаю задаром...»

Маринелла ничего не понимала в этих сложных расчетах, однако слушала внимательно, время от времени отвлекаясь собственными думами, но кивая и вздыхая именно там, где нужно. Золотистые нити вновь текли меж ее пальцев, и, к великому ее огорчению, рвались чаще прежнего. Да, скоро в Шеме начнется междоусобная война, и многие погибнут. Слава Птеору и возлюбленной его Иштар, длиться она будет недолго — пять или шесть дней, — и все же война есть война...

— А если я продам шестнадцать зеркал, — продолжал Дин, сердито хмурия широкие черные брови, — и заработаю четыре золотых, то из них казна отберет у

меня полтора, то есть уже шесть зеркал я отдаю задаром!..

В руках Вечной Девы сверкнула нить судьбы юного купца. Ах! Она чуть не вскрикнула в печали. Бедный мальчик... И ему суждено погибнуть в этой войне — случайно...

Она прервала на миг свою работу, подняла глаза и посмотрела в его затылок, покрытый густыми курчавыми волосами. Бедный мальчик! Еще несколько лун, и ему больше никогда не понадобятся ни зеркала, ни золотые...

Маринелла с усилием отвела взор. Все чаще сомневалась она в том, что должна быть бесстрашна. Неужели сие действительно возможно? Видеть человека перед собою, зная, что в сумрак Серых Равнин уже ступила его тень, и оставаться равнодушной?.. Она покачала головой и ладонью стерла слезу, горячим шариком прокатившуюся по щеке.

— Да что ты, Мартхала! — воскликнул Дин, вдруг обернувшись к ней. — Не надо плакать из-за такого вздора! Прости, я расстроил тебя. Но поверь, мне просто нравится этим заниматься! А деньги... О-о, Иштар, наша мать, знает... Не так уж я люблю эти блестящие желтые кружочки!

Он рассмеялся и снова повернулся к пегой кобылке, что лениво тащила маленькую повозку по кочкам и ухабам — они уже съехали с основной дороги, дабы предложить товар в деревнях, и теперь приближались к Турану.

— Ты поедешь со мной в Замбулу, Мартхала?

— Нет, Дин, мне нужно к востоку...

— Что ж, может, и доведется еще встретиться... — легко улыбнувшись, сказал смертный. — Я буду рад.

— И я... — тихо сказала Вечная Дева.

* * *

Перед самыми сумерками в дверь постучали.

— Ну? — Голос Конана снова был крепок и звучен.

— Это я... — пискнул в коридоре Трилле, не осмеливаясь заглянуть в комнату.

— Ну?

— Погонщик обещал ждать нас перед закатом солнца, у восточных врат.

— Ну?

— Конан... Слон такой большой...

— Кром! Ну и что? Не ты же потащишь его на себе, а он тебя, — раздраженно рявкнул варвар, наконец-то давая спутнику более-менее четкий ответ.

— Да, конечно, но... — Из-за двери донесся тяжкий вздох. — Может, лучше найдем лошадей?

— Гр-р-р...

— Ухожу, ухожу, — пробурчал Повелитель Змей, удаляясь.

Еще не стихли в коридоре его шаркающие шаги, а Лукресия вновь приникла к плечу варвара. Белокурые волосы ее словно покрывалом застлали его широкую грудь, тонкая рука легла на твердый мускулистый живот.

— Конан...

— Умг-м...

— А зачем тебе в Мандхатту?

— Надобно приятеля повидать... Он из касты кшатриев, — не моргнув глазом, солгал киммериец. — А тебе туда зачем?

— Ты не дослушал мою историю...

— Кром! Я хотел, но ты уснула. Расскажи сейчас.

— Я не помню, в каком месте прервалось мое повествование, — закапризничала прелестная аквилонка.

— Э-э... Ну, к твоей тетке пришел парень, потом... Потом...

— Ага-а! — победно воскликнула она. — Не помнишь! И не парень, а молодой человек. Парень — твой Трилле. Мой же был не только красив, но и любезен, прекрасно воспитан, образован и... Я сказала «мой»? Увы. Был мой — половину луны. После он исчез на целый

год. Но мы снова встретились — в Аргосе. И снова расстались. Он велел мне ехать за ним в Мандхатту. Там у него дом... О, конечно, я не слишком благочестива, ибо...

Она умолкла.

— Что «ибо»? — заинтересовался Конан.

— Ничего. Просто «ибо» — и все. Хочешь еще вина?

— Ясно, хочу. И не только вина.

— О-о-о, Конан...

— Отличное вино. Верно, золотой за бутылку?

— Мне уступили за половину.

— Мр-м-м...

— Я не поведала тебе о том, как он ушел из дома моей тети Мелинды.

— Так чего ж ты ждешь? Поведай.

— А...

— Ладно, я потерплю, — великодушно сказал Конан, снова ложась на спину.

Лукресия задумалась на мгновение, как бы размышляя, поделиться с варваром историей своих приключений или нет, хотя и сама понимала, что сие лишь кокетство — она уже рассказала ему основные события, так отчего ж не продолжить?

— Что ж... Я начну с того утра, когда Мелинда протянула ему папирус, в коем содержалось то ли предостережение, то ли, наоборот, поощрение к действию — я не умею читать, так что не знаю толком. Но, судя по выражению его лица, ничего хорошего для себя он там не увидел. Голубые как ясное небо глаза его помрачнели; он долго молчал, уставясь в стену нашего дома, не отвечал на мои вопросы, как будто и не слышал их вовсе; потом вдруг взял меня за руку.

«Пойдем к реке» (мы жили как раз рядом с рекой Алиманой), — сказал он, снова улыбаясь. Правда, в этой улыбке не было прежней легкости, прежнего бездумного, но такого обаятельного веселья; он просто изобразил ее, вот и все.

Мы спустились к реке. Я, предчувствуя, что расставание близко, испытывала необычайную душевную скорбь. Он — тоже. Но уже тогда я понимала, что причина нашего общего уныния разная. Он вряд ли даже вспомнил о тех днях, кои провели мы вместе; гораздо более его волновали собственные, по всей видимости, трудно разрешимые вопросы будущего. Я видела: у него из головы не выходило то, что было начертано в папирусе Мелинды.

Мы уселись на берегу. Перед нами текла быстрая Алимана, а за нашими спинами рос густой высокий кустарник, скрывающий нас от чужих глаз. И опять он долго молчал. Улыбка, по обыкновению, блуждала на его губах, и все-таки то была иная улыбка, незнакомая и неприятная мне. Я первая нарушила молчание.

«Скажи мне, Ли (так я называла его)... Ты уезжаешь?» Он словно бы не слышал моего вопроса. Я повторила его. «Да, я уезжаю», — сказал он бесцветным голосом. «Когда?» Тут он наконец повернулся ко мне. «Когда? — он казался удивленным. — Сейчас, конечно. Не думала ли ты, что я намереваюсь остаться?» Признаюсь, Конан, меня очень обидели эти слова. И все же я постаралась не показать виду. «О, что ты, я не думала так, — улыбнулась я. — Но, может быть, ты захочешь, чтоб я отправилась с тобой?» Он расхохотался.

Поверь мне, Конан, нет ничего обиднее такого смеха мужчины, который стал... который стал тебе близок... Нет, я не о страсти, сжигающей сердца, я — о любви. И пусть моя любовь источила мне душу, пусть я живу ею одной, не замечая вокруг ничего — а я знаю, что наш мир прекрасен, и прекрасны его творения, будь то гордый кипарис, или птица, беззаботно чирикающая в ветвях, или сильный и гибкий лев, или новорожденный, или император, или ты, Конан, — пусть я не впускаю всех вас в свое сердце, отчего с годами оно станет черство и лениво, но я любила и люблю и не хочу менять — ничего.

Зачем я говорю это тебе? Какая нелепость... Ты сам мужчина, ты сам не раз уходил — легко, беспечно, — оставляя за собою чью-то печаль, может быть, столь глубокую, что последующая жизнь той бедняжки окажется пропитана и отравлена ею. Ты не поймешь меня.

— Проклятие! — рассердился Конан. — Я никогда и никому не обещал вечной любви — даже Белит! И я, конечно, не пойму тебя. Согласен: этот мир неплох, только, разрази меня Кром, зачем ты сказала «пусть»? Что толку жить, если все помыслы твои направлены на каприз, который ты называешь любовью? Все проходит мимо тебя, а ты говоришь «пусть»! Воля твоя, но не представляй мне сие как несчастье — не видала ты истинных горестей... Твой Ли, сдается мне, прохвост из прохвостов, но разве он клялся тебе в любви? Делился мечтами о будущем, в коем ты и он неразделимы?

— К чему толковать об этом, — поскучилась Лукресия. — Если б жизнь моя была омрачена лишь безответной любовью...

— Чем же еще она омрачена?

Прелестная аквилонка не ответила. Приподнявшись на локте, она посмотрела в окно и коротко вскрикнула:

— О, Конан!.. Да ведь уже ночь!

— Прах и пепел... — проревел варвар, подскакивая. — Где же этот змееныш!

Проклиная на все лады Трилле, который, видимо, напрочь забыл о том, что погонщик слонов должен ждать их у восточных ворот Бвадрандата перед закатом солнца, Конан натянул штаны, допил вино из бутыли и вылетел из комнаты. Лукресия поспешила за ним.

* * *

В зале царил интимный полумрак, коим активно пользовались все посетители таверны. Тут и там слышались вздохи, стоны, причмокивания, любовное ворко-

вание. Здесь же глазам Конана и Лукресии предстала довольно неприятная картина. Повелитель Змей, вероятно, решив повторить утренний подвиг варвара, наладился до потери сознания и теперь возлежал на скамье, смачно, с повизгиванием, похрапывая. Рядом сидела и самозабвенно рыдала Клеменсина.

— Кром... — процедил сквозь зубы Конан. — Вот дерьмо...

— Два туранская золотой, — сунулся ему под руку толстый вендиец — хозяин сего милого заведения. — Твоя пареня выпила на два золотой.

Молча варвар швырнул ему деньги, потом перевел взгляд с хрипящего Трилле на юную спутницу — всего за половину мгновения взгляд этот наполнился вопросом и укором.

— Я не смогла его остановить! — прорыдала в ответ Клеменсина. — Он вцепился в бутылку и пил, пока не упал!

— Так он выпил одну бутылку?

— Конечно, одну! — В голосе ее явно слышались неодобрительные нотки. Не умом (так как была еще слишком молода, чтобы понять), но неким врожденным чувством она испытывала что-то вроде презрения к мужчине, который падает замертво, выпив всего бутылку вина.

Конан медленно повернулся к хозяину. Только королевское красное, что делают в Аквилонии, стоит два с четвертью золотых за бутылку, но никак не эта кислятина... Однако толстяка уже и след простыл. А поскольку разыскивать его сейчас не было времени, варвар сплюнул на пол, решив, что за эти деньги вытрясет из Трилле всю душу (потом, когда он очнется), взвалил бесчувственное тело на плечо и направился к выходу.

Лукресия и Клеменсина побежали за ним.

Ночное небо, блистающее тысячами звезд, окутало всю землю. Желток луны светил во всю мощь, так что можно было разглядеть каждый камень под

ногами, каждую ветку и каждую лужу. А в лужах, оставшихся после недавнего дождя, мигали звезды; тени людей казались огромными и, как всякие тени, уязвимыми — стоило ступить в круг воды, как они расплывались словно грозовые тучи под порывами ветра, стоило ступить в сень деревьев, как они исчезали совсем.

Едва ли не к полуночи добрались спутники до восточных врат. Погонщик слонов — беззубый, немощный с виду старик — все еще ждал их. Конан загрузил Повелителя Змей вместе с дорожными мешками на исполина, в лунном свете казавшегося желтым, потом туда же посадил Клеменсину. Сам он сел на второго слона; Лукресия устроилась перед ним. Погонщик ловко, словно юноша, запрыгнул на голову третьему — тощему слоненку, — и караван тронулся в путь.

* * *

— Какая чудесная ночь! — поделилась Лукресия с варваром своими ощущениями. — Правда же, Конан?

— Тепло, — согласился он.

— Тепло! — фыркнула прелестная аквилонка. — Да хоть бы и холодно! Ты на звезды посмотри, на луну... А сзади — очертания древнего Бвадрандата... О, я будто попала в таинственную страну, где проживают одни лишь маги, а по тропкам разгуливают неведомые звери!..

Из этой речи Конан понял одно: надо посмотреть на звезды и луну. Он посмотрел. Однако же ничего, стоящего внимания, там не обнаружил.

— Ну, звезды, — пробурчал он, — так и что? Дождя, вроде бы, не будет.

— Фу.

— Что звезды? Ты говорила, жизнь твоя обречена?

— Омрачена, варвар, омрачена. Слава нашему светлomu Митре, пока и тело мое и голова не нуждаются в целителе.

— Женщины! — теперь пришел черед Конана фыркать. — Скажешь им одно слово, а они в ответ тебе всю дюжину. Или ты не хочешь поведать мне свою историю до конца?

— Хочу. Хочу и поведаю. В такую ночь грешно спать и молчать... То есть, молчать вовсе не грешно, а... Ну, не вздыхай, мой варвар. Более я не скажу ни одного лишнего слова. Да, жизнь моя омрачена. Страшным преступлением... Убийством... Погляди назад: далеко ли от нас твои милые спутники?

— Далеко.

— Что ж... Вернусь опять к тому печальному моменту, когда мы с Ли сидели на берегу Алиманы. Я спросила его: «Ты хочешь, чтобы я поехала с тобой?» Он расхохотался. До сих пор я помню этот смех; он жжет мне душу и холодит кровь. «Нет, ты не поедешь со мной, — наконец сказал он. — Ты останешься здесь. Но придет время...» Он умолк, поднялся и подошел к воде. Я смотрела ему в затылок и заклинала: «Скажи, скажи мне, что придет время и мы будем вместе — навсегда». Увы. Спустя всего несколько мгновений он вернулся — с той же улыбкой на устах — и продолжил: «... Но придет время, и мы непременно встретимся. Я сейчас же открою тебе, когда, где и при каких обстоятельствах. Знаю, что тебя ужаснут мои слова, но — молчи, не позволяй себе ни вздоха, ни взгляда, ни тем паче возгласа, призванного показать несогласие. Иначе я заставлю тебя забыть все...»

Конан насторожился. Где-то в глубине его, между сердцем и желудком, шевельнулось сомнение. Откуда оно взялось и к чему относится, он пока не понимал. Медленно, с натугой, заворочались мысли в его голове...

Итак, он встретил Лукресию всего-то день назад, из чего следует... А что же из этого следует? Кром! Только одно: он встретил ее всего-то день назад, а она уже готова поведать ему о «страшном» преступлении? Сие вдруг показалось ему весьма подозрительным.

— Для чего ты рассказываешь мне это? — угрюмо осведомился он, на полуслове прерывая прелестную аквилонку.

— Конан... Поверишь ли, если я отвечу, что после хочу попросить у тебя помощи?

— Я не бог, — киммериец мрачно усмехнулся, — и не могу освободить тебя от греха.

— Но я и не прошу об этом.

Она обернулась к нему; в глазах ее сверкнули слезы, хотя, возможно, то были всего лишь отражения звезд. Молящий взгляд ее жег Конана, впивался ему в душу, пронзая ее насквозь... Варвар смешался.

— Кром... — Лучше принять клинок в печень, чем выдержать женские слезы... — Ну, что было дальше?

Лукресия благодарно улыбнулась ему.

— Дальше... Он снова замолчал, как бы предлагая мне прочувствовать смысл его речей. Напрасно. В тот миг я не могла и не желала вдумываться в любой смысл, посторонний моей любви. Я жаждала продолжения — то есть немедленного описания того, когда, где и при каких обстоятельствах мы встретимся. «Ты поняла меня?» — поинтересовался он, наклоняясь ко мне. «О, да, милый, я поняла», — так ответила я, на деле не поняв ровным счетом ничего. «Тогда слушай. Мелинда втолковала мне, — и в доказательство показала папирус, на коем изображено расположение звезд в некий период — что задуманное мною предприятие не увенчается успехом. Но я впервые в жизни решил обратиться за помощью к астрологу — прежде я всегда полагался лишь на себя и, между прочим, редко ошибался и проигрывал. Так и теперь: я решил идти своей дорогой, а звезды пусть идут своей. Я сказал им: я вам не верю, у меня все получится... К тому же здесь, в этой глухомани, я нашел себе прекрасного помощника...»

Он снова рассмеялся, как будто сама мысль о том, что я могу ему помочь, была по сути своей комична...

«Знаешь ли ты, как называется этот камень?» — спросил он, протягивая мне красный, как заходящее солнце, рубин. «Конечно, — я пожала плечами. — У моего купца я видела немало самоцветов. Это — рубин, или лал. А еще я знаю алмаз, сапфир, изумруд и карбункул. Но почему ты спрашиваешь?»

Тогда он тоже пожал плечами. «Ты назвала всего пять... А их — сотни! Ты — женщина, Ла (так называл меня он). Разве тебя не волнует этот чудный блеск, эта игра мириад крошечных огоньков внутри камня?»

Честно признаться, Конан, меня не волновал ни чудный блеск, ни игра огоньков. В то время я с большим удовольствием рассматривала простой полевой цветок, жучка или былинку, нежели разноцветье драгоценных камней на животах купцов и грудях их отвратительных жирных спутниц жизни. Тем не менее я сказала: «Да, конечно. Только... Мне кажется, что сие есть баюство природы, тогда как истинное искусство в живых существах...» Наверное, я плохо выразила свою мысль, потому что он не понял меня. Нахмурившись, он снова замолчал, раздумывая, посвящать ли меня далее в свои тайны.

«Хорошо, — решил он. — Отложим беседу о камнях на следующую нашу встречу, тем более что не о них я хотел сказать. Потолкуем о деле. Заключается оно вот в чем: мне необходимо завладеть одной вещицей — так, безделушкой. Однако... Однако действительно необходимо. Что буду делать я — тебя не касается. Ты же в скором времени должна будешь отправиться в некую страну и познакомиться там с неким человеком. Мне жаль, но тебе придется быть с ним такой же милой, какова ты всегда со мной. Вот и все пока», — неожиданно закончил он.

«Как «все»? Ты же обещал, что мы с тобой встретимся!» — воскликнула я, не в силах сдержать слез.

«А мы и встретимся. Не тревожься, я дам тебе знать. Живи себе спокойно с этим господином и жди от меня вестей».

И тут, Конан, я испугалась. Зачем я должна жить с каким-то неведомым мне господином? Тот же вопрос я немедленно повторила ему.

«Затем, — жестко ответил он, — что супруг твой во цвете лет принужден будет скончаться, и ты не только поспособствуешь ему в этом, но и заслонишь меня от подозрения».

Свет померк в моих глазах при этих страшных словах. Правда открылась тотчас — увы мне, было уже поздно. Я любила его... И все же я собрала все силы и твердо (мне показалось, что твердо) сказала: «Нет, Ли, никогда...»

Глава восьмая В МАНДХАТТУ

Дорога из Кутхемеса показалась Маринелле особенно утомительной. Множество пеших и конных загромодили ее нынче, так что гвалт стоял просто невообразимый. То и дело сзади и спереди раздавались выкрики: «Посторонись!» Не раз копыта ударяли в землю у самых ног Вечной Девы. Ко всему прочему, проезжающие мимо повозки были полны, и никто не желал подвинуться, чтобы дать место странствующей богине...

К вечеру она добралась до постоянного двора. Усталая, со сбитыми в кровь ногами, присела у огня и снова достала веретено. Золотистая нить, подсвеченная алыми языками пламени, сверкала подобно маленькой молнии, привлекая внимание и добрые улыбки путников, остановившихся здесь на отдых и ночлег. Маринелле, однако, в улыбках этих чудилось нечто злое. Вообще нынче все представлялось ей странным: и дорога из Кутхемеса, и люди, и постоянный двор, и огонь в очаге, и даже веретено, подрагивающее в ее руках. Неведомая тревога угнетала Богиню Судеб, не давала дышать спокойно. Сердце в ужасном волнении то замирало, то начинало стучать так громко, что казалось, будто все посетители смотрят на нее с удивлением и подозрением. Сие не было так, и все же тревога не проходила.

Она попыталась занять свои мысли дальнейшим путешествием в Вендию. Там иной климат, иные законы, иные нравы; там ее будут называть Мариам (как в Шеме называли Мартхалой) и спрашивать, почему она странствует в одиночестве и почему лицо ее открыто — когда она устанет от этих вопросов, то набросит на голову полупрозрачную накидку, тем самым став похожей на всех прочих вендийских женщин... О, она бывала в Вендии уже многожды, и всякий раз повторялось одно и то же...

Нет, посторонние думы не удавались. Как штормовая волна упрямо швыряет лодчонку о скалы, так мысль ее снова и снова возвращалась к Массимо. Загадки в том не было никакой: до встречи с ним осталось меньше одной луны (то есть каких-то двадцати пяти дней). Она совсем не хотела думать о том, где произойдет эта встреча, как, и долго ли продлится. Она и так *знала*, и знание сие не прибавляло уверенности в будущем и не убавляло тревоги.

Жизнь тем не менее на том не кончалась. Следовало забыть (а если нельзя забыть, так хоть заставить себя выбросить из головы на время) все тревожения, освободить душу и дыхание. Встречи с Массимо никак не избежать, равно как не ускорить и не изменить ход ее. Пусть все идет так, как и было predetermined...

Седина покрыла гриву, в облаке руки по локоть уже.
Если б знать, что будем живы, — оступиться очень просто
в миреже.

Сколько минуло зим мимолетных! До земли уж волосы мои.
Вечности не надо — устали мы в полете, —
Мне коня бы только напоить...

Решительно потрянув прямыми, черными будто ночь волосами, Маринелла уложила горсть *ярких* нитей в суму, встала, и прошла в свою *комнату*.

* * *

Конан, увлеченный повествованием Лукрессии, лишь в последний момент заметил трех всадников, летящих

прямо на них во весь опор. Гортанно заверещал погонщик, колотя своего слоненка кулаками по ушам; коротко вскрикнула Клеменсина, однако тут же выхватила из ножен, висящих на поясе у бесчувственного Трилле, кинжал и воинственно подняла его над головой.

Как назло, огромная черная туча подплыла к сияющему диску луны и полностью закрыла его. Вмиг вся округа затянулась мраком, в коем не то что дороги и врагов, а и собственной руки не было видно.

Киммериец соскочил на землю. Он успел увидеть в руках всадников кривые туранские ятаганы, а посему в намерениях их не оставалось сомнений. Пока глаза не привыкли к темноте, Конан ринулся вперед, стремясь оставить спутников своих как можно дальше за спиною. Так он мог беспрепятственно действовать мечом и не бояться, что случайно заденет кого-либо из них.

Несмотря на опасность, в душе варвара всколыхнулось нечто, похожее на радость. Да, давно не приходилось ему вынимать из ножен верный свой меч — разве что только для того, чтоб его почистить. Все же розыски пропавших драгоценностей, содержательные беседы с девицами и прочий вздор не приносили ему ни удовольствия, ни покоя. Битва — яростная и жестокая — вот что было ему по душе. И сейчас, когда клинок его, столкнувшись в воздухе с ятаганом, издал первый звук прекрасной и величественной песни боя, а звон разнесся далеко-далеко, эхом отдаваясь, наверное, в самом Бвадрандате, сердце варвара затрепетало в безумном восторге.

Молча бились всадники с одним пешим киммерийцем. Изредка только вдруг раздавался его короткий рык, но не был он возвестником полученного ранения, а лишь той толикой чувства, коя не умещалась в душе.

Словно сквозь пелену слышал Конан вой погонщика, жалобный голос Клеменсины, выкрикивающий грозные ругательства, еще какие-то охи и вздохи, источник которых не ведал; потом протяжный хрип послы-

шался совсем рядом — это первый противник упал наземь с перерезанным горлом. Вот тут, будто запах крови пробудил дремавшие дотоле прочие чувства, Конан наконец прозрел. Темнота расступилась перед ним. Он видел — одни лишь силуэты, но в бою и того достаточно — двух оставшихся врагов; теперь он мог не просто надеяться на свою воинскую удачу, но и стараться избегать ударов и выпадов.

И второй противник, неосмотрительно свесившись с лошади, дабы достать Конана ятаганом, рухнул с разрубленной головой. Оставался последний.

Видно, и ему радовала душу хорошая битва. Изредка он издавал резкий возглас, целя и рубя клинком в шею и грудь противника, однако всё промахивался; подымал коня на дыбы, потом назад и снова вперед, кружился, гарцевал, стараясь намельтешить в глазах киммерийца до розовых и красных кругов. Тот же почти не двигался. Легко отражая выпады, он не торопился, наслаждаясь боем и выбирая момент для того, чтобы сразить врага наверняка. Наконец такой момент наступил: всадник на миг замер, чуть приподнявшись на стремянах, размахнулся...

Восторг победы опалил сердце Конана. Клинок его взвился к черному небу и... занесенный для решающего удара, вдруг вздрогнул и не опустился, ибо страшный вскрик остановил руку варвара. Отскочив от всадника, он обернулся. Клеменсина лежала на земле без движения, и край луны, выглянувший из-за тучи, освещал всю ее хрупкую фигурку...

Взревев, Конан кинулся к ней.

* * *

Бой закончился, однако победителей в нем не оказалось. Если киммериец из трех противников сразил двух, а одного упустил, то этот последний похитил у него Лукрессию и камнем разбил голову Клеменсине. Благодарение всем богам, девочка лишь ненадолго потеряла сознание, и сейчас уже взирала на Конана

виноватыми глазами, словно именно она была причиной нападения...

Старик-погонщик, чрезвычайно смущенный своим поведением, ловко перевязал юной спутнице варвара голову, затем, беспрестанно кланяясь, объяснил с помощью звуков и знаков, что по крайней мере пятнадцать последних лет никаких происшествий в этих местах не случалось, потому он и растерялся, но если б бой не завершился так быстро, непременно сразил бы одного из бандитов отличным ударом своего кинжала. Конан сделал вид, что поверил.

В действительности же ему было глубоко наплевать на трусость бедного старого погонщика слонов. Он забыл и о нализавшемся Повелителе Змей, и о схватке с бандитами, и о ране Клеменсины. Все мысли его сейчас обратились к Лукресии. Странный неуют в душе свидетельствовал о том, что произошло что-то *не то*. Почему-то ему казалось, что он стал жертвой некоего наглого обмана. Сейчас он не понимал еще, в чем заключался сей обман, хотя и старался восстановить в памяти каждое слово прелестной аквилонки, каждый ее жест и каждый ее взгляд, — сердце его ныне было в полном согласии с разумом, так что подозрения не рассеивались, а, напротив, усиливались.

Освобожденная от черной тучи луна вновь сияла в подражание солнцу так ярко, что ночь перестала быть черной; все вокруг просматривалось как днем, даже дальняя даль; серебро звезд постепенно начинало тускнеть, ибо грядущий рассвет уже подкатывался с востока... В тишине явственно слышалось дыхание старика, вздохи Клеменсины, храп Повелителя Змей, уверенный, плавный и мягкий шаг слонов, но — ничего более. Природа, охваченная дремой, ни одним звуком не общала о своем существовании. Вечность, старшая сестра ночи, медленно пролетала над землей в легкой, словно пух, и прозрачной, словно воздух, колеснице. Ветер вдалеке, за горами, завывший было угрожающе и сердито, почувствовав приближение королевны, стих.

Теперь ничто не нарушало монолитного спокойствия сна и тишины.

Покачиваясь на голове слона, Конан продолжал размышлять о трех своих беседах с Лукресией, надеясь в них отыскать то зерно лжи, которое при сопоставлении со всем прочим поможет ему узнать правду. Наверное, он вовсе не стал бы заниматься сим трудным для него делом, если б неясная тревога не терзала сердце так жестоко. Он даже невольно провел рукой по груди, нащупывая рану, и усмехнулся, не обнаружив ни крови, ни рубца. Вот она, боль душевная, — мучает ничуть не меньше физической, а рубец на сердце навряд ли заживает гораздо дольше...

Первое, что подтверждало его подозрения, было то обстоятельство, что прелестная аквилонка сама навязала ему рассказ о своей жизни. Дважды сей рассказ прерывался, и дважды она к нему возвращалась. Вывод: ей было необходимо поведать ему *нечто*. Но лишь только Конан пришел к сему выводу, как тут же озадачился массой вопросов. Почему она выбрала наперсником именно его? Ужель он внушает такое доверие первой встречной девице? Или же она просто узнала его? А если узнала, то откуда? Конан готов был поклясться, что в жизни не видал ее — вплоть до того момента, когда заметил в углу таверны сияние белокурых волос.

На эти вопросы ответа он не нашел — а в общем, и не старался найти, так как нужных знаний у него не имелось, а строить догадки он считал делом бессмысленным. Далее: *зачем* она посвящала его в такие тайны, как безответная любовь и убийство? И еще далее: какой помощи от него хотела? И кто такой этот Ли?..

И вот тут-то варвара прошиб **холодный пот**. Истина, мстилось ему, совсем близко, рядом, надо лишь продумать все еще раз, **не торопясь**, спокойно... Он был настолько уверен, что немедленно откроет тайну, что, будто заправский вендийский мудрец, принялся усиленно ворочать мозгами, заново припоминая все время, прове-

денное с Лукресией. Он не дышал, опасаясь, что вместе с выдохом от него ускользнет какая-либо важная мысль, он раздулся как индюк и покраснел от напряжения, и все же истина никак не давалась ему. Видимд, то оказался просто неверный ход, потому что Конан не только не открыл тайну немедленно, но немедленно забыл все, благодаря чему сейчас к ней приблизился. Более ничего не брезжило в его голове — там стоял один густой непроходимый туман. Истина совсем близко, рядом, вот она — да только попробуй поймай!

Увы, вендийского мудреца из него не вышло. Что ж, каждому свое. Вряд ли из вендийского мудреца вышел бы воин, из гиены лев, а из обезьяны человек. Раздражение коснулось было оскорбленного сердца варвара своим холодным, как у ящерицы, шершавым хвостом, но затем исчезло. Он усмехнулся. Придет время, и все раскроется само собой. Надо только немного подождать. А кто умеет ждать лучше, чем Конан из Киммерии? Разве что сумрак Серых Равнин, Нергал его побери...

* * *

В Мандхатту они прибыли к полудню. Пыльные кривые улочки и сочетание роскоши с нищетой весьма напоминали Бвадрандат, только здесь еще сам воздух был наполнен какой-то мерзостью, словно спутники попали не в город, а в крысину нору. Смуглые лица прохожих — все до одного — были отмечены печатью недовольства и уныния; на приезжих они взирали с удивлением, как будто те ехали обнаженные и не на слонах, а на крокодилах. Впрочем, некая причина для удивления все-таки имелась.

Трилле наконец пробудился и теперь, испытывая крайнее смущение за вчерашний проступок, визгливо напевал невообразимо нудную балладу, слов коей не знал, а потому беспрестанно повторял одни и те же.

Конан терпел этот вой, как истый мученик терпит пытку, — сжав зубы и устремив горячие яростным

блеском глаза вдаль. Он решил наказать Повелителя Змей презрительным молчанием, хотя на деле выяснялось, что наказывал самого себя, ибо вынужден был молча слушать отвратительные копящие вопли, от коих в ушах у него звенело, а в голове не осталось даже короткой жалкой мыслишки.

Трилле тем временем разошелся вовсю. Если поначалу он лишь слегка подвывал, то сейчас уже орал в полный голос, ободренный молчанием спутников. Да, именно так слушают истинного песнопевца — молча и с уважением.

И опять распрямились сутулые плечи, опять выгнулась колесом впалая грудь. Радужные мечты уже обещали ему рукоплескания всего Мандхатту, как тут вдруг сильный удар в ухо заставил его заткнуться и вжать голову в плечи. Это варвар, не вынеся более мучений, врезал ему тяжелой своей дланью, при этом еще и шипя сквозь зубы ужасные ругательства. Трилле обиженно умолк и так молчал до самого постоянного двора, растравляя в себе обиду и находя, что сие довольно-таки приятное занятие. Он не был еще знаком с теорией мудрого, гласящей, что порою победа приносит меньше радости, нежели поражение. Подтверждалась эта теория тем, что на постоянный двор Конан вошел в крайне злобном состоянии духа, а Трилле в благостном и приятном.

Но, в каком бы состоянии ни были спутники, все они сразу заметили, как разительно отличается здешний караван-сарай от подобного, например, в Туране. Прежде всего здесь они увидели огромного деревянного истукана, изображающего мерзкого божка Бака. Он стоял прямо посреди зала и раздражал всякого, кто лишь бросал на него мимолетный взгляд. Выглядел он и правда отвратительно: щекастый, толстоносый, он хранил на страшной морде своей благочестивое выражение, в то время как в маленьких глазках застыла похоть; короткое туловище с непомерно большим обвисшим животом украшало крошечное, с мизинец

ребенка, мужское достоинство, любовно выточенное добросовестным ваятелем из куска нефрита; на ногах же — самых что ни на есть обыкновенных, разве что чуть кривоватых и тонких, вместо ступней были копытца, на каждом из коих алел кокетливый рубиновый цветок. В общем, в жизни не видел Повелитель Змей существа более неприятного, хоть и был он сделан из дерева.

Кроме Бака спутники обнаружили еще одну особенность, отличающую постоялый двор Мандхатту от всех прочих: ни пива, ни вина здесь не подавалось. Трилле, который с того самого момента, как очнулся утром на голове слона, только и мечтал о глотке холодного пива, пришел в негодование. Варвару пришлось успокоить его еще одним ударом, дабы не орал, после чего Повелитель Змей надолго замкнулся в себе.

А Конан обошел Бака, поднялся по лестнице на второй этаж, где прятался хозяин, — а это была уже традиция — прятаться от постояльцев, кои нахально требуют вина или пива, тогда как в Мандхатту сие строго запрещено законом, — и выкупил у него на два дня три комнаты — для себя, Трилле и Клеменсины (денег рыцаря у него оставалось еще в избытке, и он мог позволить себе такую роскошь).

За трапезой, состоящей из хлеба и мяса антилопы, Конан счел нужным слегка приоткрыть завесу над целью своего путешествия, благо путешествие это подошло к концу и следовало приниматься за поиски Лала.

— Кто из вас знает Кармашана? — спросил он сурово, как будто подозревал обоих спутников в преступных связях с бандитом.

— Никогда не слышал, — буркнул Повелитель Змей, отворачиваясь.

— Не знаю, Конан, — пожала плечами Клеменсина.

— А Леонардаса?

— Леонардаса? Я знаю Линиса — он служил конюхом у моего отца. А еще Лирдона — он жил в нашей деревне и...

— Наплевать на Линиса и Лирдона! Я спрашивал про Леонардаса!

— Нет, Леонардаса я не знаю.

— И я, — вставил Трилле.

— Тьфу!

Сей содержательный разговор не развеял тумана в голове киммерийца. Сомнения обуревали его; то он думал о Леонардасе как о Кармашане, а о Кармашане как о Леонардасе, то ему представлялось, что Лал Богини Судеб уже уплыл из рук вора и теперь хранится в сундуке какого-нибудь богатого купчишки, то казалось, что гнусный старикашка-астролог ловко провел их всех, из вредности либо с умыслом... То есть ни одного обоснованного подозрения у него не было, однако же не было уверенности и в обратном.

В задумчивости затолкав в рот огромный кусок мяса, он проглотил его, почти не жуя, встал и двинулся к выходу, едва не своротив по дороге ханжу Бака. Напрасно спутники зывали к нему, страшно боясь остаться в одиночестве в этом странном месте, — он не ответил и не обернулся. Некая идея, вдруг возникшая в утомленном мозгу, влекла его вперед...

Глава девятая НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

Только за варваром захлопнулась дверь, Трилле и Клеменсина уныло переглянулись. Раньше они совсем ничего не знали о цели путешествия в Мандхатту, теперь знали, что Конан ищет некоего Кармашана и некоего Леонардаса, однако понимали еще меньше прежнего.

Кто такой Кармашан и почему Конан забрался на край света для того только, чтоб его разыскать? Тот же вопрос относился и к Леонардасу.

— Зачем он приволок нас в эту дыру? — вздохнув, Повелитель Змей обратил сей риторический вопрос грязному, в желтых потеках потолку.

Тут вздохнула и Клеменсина.

— Может, он хочет убить этих парней? — продолжал бродяга. — Но почему он взял с собой нас? Разве мы сможем ему помочь?

— Ты кое-что забыл, — усмехнулась Клеменсина, вступая в увлекательную беседу Трилле с потолком. — Мы сами увязались за ним.

— Я не увязывался.

— Увязывался.

Повелитель Змей замолчал. Конечно, увязывался, да еще как... Грусть вошла в его открытую сейчас душу легко и непринужденно. Разом припомнил он все свои скитания, во времена коих был одинок и никому не

надобен. Много ли изменилось сейчас? И твердо ответил бродяга сам себе: много... Он посмотрел на Клеменсину с нежностью. Пусть она не пожелала потрогать его тела, зато сердце ее мягко, а намерения всегда чисты... И пусть варвар несдержан на руку и язык, зато широкой спиной своей всегда готов закрыть друга... Но куда же он отправился? Трилле вдруг испытал такой приступ любопытства, что грусть сразу улетела из его души к кому-то другому. В нетерпении он зашаркал под столом ногами, заерзал на скамье и, видя, что девушка не обращает ровно никакого внимания на эти телодвижения, сказал:

— Может, сходим, по базару потолкаемся?

— Пожалуй, — согласилась она. В тот момент ее тоже весьма занимало внезапное исчезновение Конана, а, зная, что он постоянно притягивает к себе всякие неприятности (чего стоит, к примеру, нападение на них камелита или ночная схватка с кочевниками), она решила пройтись по Мандхатту наудачу: вдруг они встретят Конана и в случае необходимости выручат его из беды. Тогда она наконец сможет отплатить ему добром за спасение от страшной смерти на костре.

Итак, придя к согласию, спутники встали и дружно вышли на улицу.

* * *

Только базар тут был точь-в-точь таков, каков он и во всех других городах света. Длинные торговые ряды, купленные состоятельными торговцами, пестрели разнообразными товарами.

Повсюду разносились пленительные запахи восточных сластей, благовоний, тут и там высились горы свежих фруктов и овощей; равномерный шум порою прерывался истошным визгом обманутого или обворованного; люди сновали взад-вперед, толкались, останавливались у одних столов и равнодушно миновали другие; к палаткам гадалыщиков неизменно стояли длинные очереди.

Трилле базар интересовал по одной лишь причине: по опыту он отлично знал, что здесь довольно легко можно что-нибудь украсть. Правда, ныне у него не было необходимости заниматься столь малопочтенным ремеслом, но натура требовала своего. Он достаточно долго — почти луну — был честным парнем. Хватит. Пора приниматься за дело. И он тут же, не теряя драгоценного времени, запустил руку в чужой карман. Мигом позже Трилле стал богаче на три золотых.

Таким образом покончив с бездельем, он повеселел. Грусть уже и не думала возвращаться в его душу — наоборот, приятная истома охватила все члены Повелителя Змей. Он хотел любви, вина и почтения. Ни того, ни другого, ни третьего ему до сих пор не приходилось вкушать сполна, потому он и обратил сейчас взор на пышнотелую красавицу с кротким выражением белого румяного лица.

Застонав от вожделения, бродяга оставил Клеменсину и ринулся к своей избраннице. Увы. Едва пальцы его коснулись ее нежной шейки, как чей-то грозный рев раздался прямо у его уха, а сразу вслед за тем в то же ухо врезался гиппопотам, свалившийся с неба. Лишь через несколько мгновений Трилле пришел в себя и сообразил: за тушу гиппопотама он принял огромный волосатый кулак дородного крепкого мужа, коего он, по простоте душевной, рядом с красавицей не приметил.

Сейчас тот вопил во все горло, что коварный чужеземец намеревался задушить его невесту, за какое-то преступление его надо немедленно отвести в темницу. В темницу Трилле не хотел. Поэтому, наверное, он схватил Клеменсину за руку и пустился наутек, сбивая с ног каждого, кто попадался на его пути.

У выхода с базарной площади они остановились. Красные от быстрого бега и крайнего волнения, долго не могли отдышаться, опасливо поглядывали по сторонам. Наконец Клеменсина, устремив на спутника взор, полный негодования, произнесла:

— Какая муха тебя укусила? С чего вдруг ты на нее накинулся?

— Любви алкал... — мрачно ответил Повелитель Змей, отворачиваясь.

— Тьфу! И это ты называешь любовью? Я видела — о-о-о, я видела! — что Конан вытворял с той похотливой туземкой. Но то была вовсе не любовь! Энарт никогда не стал бы...

При воспоминании об Энарте глаза девушки увлажнились. Грусть, что покинула Трилле, теперь вошла в ее душу; она была легка и светла, как южный ветерок над морем. Клеменсина подавила вздох.

— Да, — сказала она тоном спокойным и задумчивым. — Энарт никогда не...

Взор ее скользнул по длинной улице, отходящей от базарной площади, и...

— Энарт...

— Да слышал я, — отмахнулся Повелитель Змей. — Энарт никогда не стал бы этим заниматься. Ну и что в этом хорошего? Очень даже странно, вот что я тебе скажу. И если бы на меня не набросилось это чудовище, роковым образом оказавшееся женихом той красотки, я бы ни за что не упустил...

Он не успел закончить свою мысль.

— Энарт! — вдруг закричала Клеменсина и кинулась бежать.

* * *

К сумеркам Конан вернулся в караван-сарай злой, как сто Нергалов. В зале он выпил большую кружку фруктового сока и поднялся наверх, в свою комнату.

Достав из дорожной суммы **предусмотрительно** прихваченную с собой бутылку с **аргосским** красным, он выхлебал сразу половину, **лег на низкую**, ему по щиколотку, тахту, и совсем уж было собрался вздремнуть, как в дверь его постучали.

— Ну? — ответил по обыкновению варвар.

— Ко-онан... — Голос Трилле был тих, но в нем явно слышались торжествующие нотки.

— Чего еще?

— Пойдем... Пойдем скорее в комнату Клеменсины.

— Что я там не видел? — фыркнул Конан, вообще никогда не бывавший в комнате Клеменсины.

— Кое-что-о-о... — пропел чрезвычайно довольный собой Повелитель Змей.

— Прах и пепел...

Однако киммериец поднялся и пошел, немало заинтригованный хихиканьем бродяги. Конечно, он не надеялся увидеть в комнате девушки связанного Кармашана или сам Лал Богини Судеб, но вряд ли Трилле осмелился бы потревожить его без какой-либо цели.

Пройдя вслед за приятелем пять шагов по коридору, Конан ступил в крошечную светлую каморку с окном во всю стену. Здесь он узрел Клеменсину (зеленые глаза ее сверкали и искрились, как никогда прежде, а нежная кожа окрасилась чудесным румянцем) и красивого темноволосого юношу, сидящего рядом с ней и крепко держащего ее руку.

— Конан! — воскликнула Клеменсина, завидя варвара. — Я нашла Энарта! Посмотри на него! Это мой Энарт!

— Гм... — сказал Конан, усаживаясь в единственное кресло, где до него, видимо, восседал Повелитель Змей — судя по кислому выражению лица последнего, так оно и было. — Энарт, говоришь?

Подозрительный киммериец, услышав имя погибшего возлюбленного Клеменсины, сразу вспомнил все, что он слышал о воскрешении мертвецов. Не иначе — мелькнула неприятная мысль — как здесь поучаствовал мелкий колдунишка, знакомый с тайнами черных магов. А может, не такой уж и мелкий...

Но при взгляде на Энарта подозрения рассеялись. Юноша был не просто жив — он сам и был жизнь. Его

темные глаза в длинных пушистых ресницах сверкали и искрились точно так, как у Клеменсины, а румянец на щеках горел и того пуще; он улыбался Конану открыто и светло; его белая чистая кожа не имела еще и признака какой-либо растительности. Он был настолько свеж, хорош и невинен, что киммериец вдруг почувствовал себя древним старцем по сравнению с этой цветущей молодостью.

— Энарт, говоришь? — повторил он, вновь переводя взгляд на девушку. — Клянусь Кромом, это первая хорошая новость за последние дерьмовые дни.

— Да, Конан! — с удовольствием подтвердила счастливая Клеменсина. — Все выяснилось: я не убила его.

— Убила, не убила — какая разница? — вмешался Повелитель Змей. — Ты лучше послушай, брат, что Энарт тут рассказывает... Тебе будет очень интересно.

— Да, Конан! — вспомнила и Клеменсина. — Энарт рассказал про... Про того, помнишь? Карма... Карма...

— Кармашана? — встрепнулся киммериец.

— Ну да!

— Прах и пепел! Что ж вы мне голову морочили? Ну-ка, Энарт, что ты там говорил про Кармашана?

— Я знаю его, — кивнул Энарт. Голос у него оказался не хуже внешности — звонкий, чистый и в то же время мягкий. — Меня отвезла к нему Лайна, колдунья из деревушки близ Кутхемеса. Она...

— Рассказывай все с самого начала, — потребовала девушка, которой явно очень хотелось еще раз послушать своего Энарта.

Юноша смущенно посмотрел на киммерийца.

— Давай сначала, — разрешил Конан. Путь к знакомству с Кармашаном был ему не менее интересен, чем само знакомство.

— Так вот, Лайна... Я увидел ее в первый же день, как приехал в ту деревушку. Еще раз говорю тебе, Клеменсина: не хмурься. Не внешность ее заставила меня подойти к ней и заговорить — сейчас я даже не

смог бы описать ее, хотя видел совсем недавно. Но ее глаза... Пойми, отец сослал меня в деревню, думая, что мне нужно отдохнуть от учения. О, он никак не понимал, что учение и есть для меня отдых. Он не позволил мне взять с собой ни книг, ни рукописей — только одежду и деньги. К чему же мне штаны и хлеб, когда нет книги?

(На этом месте повествования Энарта Клеменсина гордым взором окинула обоих своих друзей.)

Ни один крестьянин из той деревни не понял бы меня, обратиться я к нему с такими речами. Лишь в глазах Лайны я увидел ум и интерес. Нет, не ко мне, а к жизни, к миру, к тому, что окружает нас в каждый миг нашего существования на земле. «Вот,— подумал я,— вот тот человек, с коим я смогу пережить тяжелое время разлуки с моей милой девочкой Клеменсиной и моими книгами».

Я подошел к ней и заговорил. Она охотно ответила мне. Оказалось, что Лайна — здешняя колдунья. Назвав себя, она рассмеялась и сразу сказала, чтобы я не подумал ничего дурного. Мол, местные жители хотят, чтоб она была колдуньей, так пусть она будет для них колдуньей, ничего особенного. На деле же она обычная женщина и отличается от прочих только тем, что умеет и любит читать. Потом я понял, что сие было лукавство: конечно, она умела читать (и не на одном языке), но, кроме того, она... О, я даже не уверен, смогу ли я перечислить здесь все, что она знала и умела. Думаю, многие науки, в коих она разбиралась не хуже императорских мудрецов, не знакомы вам, друзья, даже по названию.

Сознаюсь, я был несколько самонадеян и вздумал удивить ее своими (в ту пору мне казалось — весьма великими) познаниями в разных областях человеческой мысли. Она слушала меня внимательно, затем, когда я устал, принялась говорить сама. Тут-то и испытал я ужасный стыд. Она знала в тысячу раз больше меня! Ежемоментно краснея, я заставлял свою память в точ-

ности запоминать каждое ее слово. И то сказать! Не все слова, произнесенные ею, оказались мне знакомы! К счастью, она не сочла за труд объяснить мне то, чего я не сумел понять сам.

Тогда же она и угостила меня варевом собственного приготовления... Все, кроме науки, исчезло из моей головы сразу. Одно лишь сердце помнило и отца, и Клеменсину, да только сердце без разума — ничто, как и разум без сердца...

Далее время проходило однообразно. Мы читали, обсуждали прочитанное, снова читали, возвращались к прежним темам беседы, искали и находили новые... Я выяснил (но ей не сознался), что она действительно знала толк в колдовстве. Тогда я, как бы между прочим, похвастался, что в одном старинном, очень старинном пергаменте (он рассыпался у меня в руках, лишь только я прочитал его) мне довелось найти интересное заклинание.

Произнести его вслух мог только непорочный юноша, и никто иной. Мне понравилось, что она выслушала меня так внимательно: ни разу взор ее не отворотился в сторону и не наполнился скукой. «Какое же это заклинание, Энарт?» — спросила она, когда я закончил рассказ. «О, ничего интересного,— засмеялся я.— Всего-то охранение ценной вещи, имеющей магическое свойство...» Нет, при этих словах ничто не изменилось в ее глазах, но я все равно почувствовал ясно, что заинтересовал ее более, чем предполагал. «И ты хорошо помнишь его? Ты не забыл ни слова?» — допрашивала меня Лайна. «Ни слова», — с удивлением отвечал я.

Так прошло несколько лун. Однажды Лайна сказала: «Знаешь, Энарт, я думаю, ~~нам не стоит~~ больше проводить столь драгоценное время в деревне. Давай поедem куда-нибудь. ~~Может быть~~, найдем новые книги или рукописи древних мудрецов...» Я согласился с радостью. Мне самому уже наскучило жить в деревне.

Вот тут и появилась ты, Клеменсина. Зря ты терзала себя и каялась. Твои действия не причинили ни мне, ни Лайне никакого вреда. Мне жаль только, что тебе пришлось так страдать. Представляю, какая мука рвала твое сердце, когда я не узнал тебя... Прости. Если б не то зелье...

Лайна же твое появление объяснила мне так: ты — колдунья. Нам обоим нужно держаться подальше от тебя... В ту же ночь она долго творила какие-то заклятия, мешала в котле что-то вонючее и брызгала им на меня, полагая, что я сплю, потом отрезала у меня прядь волос, зарыла ее в землю около дома и на сем успокоилась. Ранним утром мы ушли из деревни. Только нынче я узнал от тебя про то страшное судилище, что устроили моей Клеменсине крестьяне... Откуда они взяли, что ты убила меня и Лайну? Не ведаю. Однако думаю вот что: накануне Лайна, которая, к прочим своим достоинствам, отлично владеет мечом, кинжалом и луком, подстрелила в лесу маленького кабанчика. Кровью его был забрызган весь наш двор... Теперь ты понимаешь?

Ну, а мы... Мы отправились сюда, в Мандхатту. Прибыли мы три дня тому назад. Лайна сразу познакомилась с Кармашаном. Он принял нас очень радушно, познакомил со своею сестрицей — чудной красавицей, угощал даже вином, кое тут запрещено. А в конце трапезы прямо попросил, чтобы я наложил то охранение на одну вещь. Мол, она принадлежит ему по праву, однако слишком много нынче охотников на чужое; да, она обладает магическими свойствами; да, она действительно принадлежит ему и только ему... И... я обещал.

Но, поразмыслив немного, я решил, что прежде чем брать на себя такую ответственность (а вдруг вещь все-таки окажется не его? В том пергаменте присутствовало также предостережение читающему: если использовать заклинание для похищенной вещи, то сотворишь зло истинному ее хозяину и себе самому. Мне тогда

показалось, что это несправедливо — при чем же я? — но сейчас так не кажется) — так вот, прежде чем брать на себя такую ответственность, надо убедиться, что вещь и в самом деле его. Я просил его предоставить мне такие доказательства. Он согласился.

А прошлой ночью, отчего-то не в силах заснуть, я предавался думам о прошлом. Мне показалось странным то обстоятельство, что я не помню, откуда я родом и кто мои благословенные родители. Долго ворочался я без сна, пока наконец мысли мои не прояснились. Я вспомнил все! Я вспомнил отца, родной город и, конечно, тебя, Клеменсина. В душе моей зародились сомнения. «Кто же в действительности Лайна? — думал я. — А главное — друг она мне или враг?» Потом я пришел к выводу, что она могла по ошибке принять тебя за колдунью, и отбросил сомнения прочь. Но о тебе с того момента не забывал и на миг. И вот — нынче мы встретились... Как это прекрасно!..

Кстати, Конан, позволь мне поблагодарить тебя за то, что ты спас мою невесту (ты не против стать моей невестой, Клеменсина?). Не знаю, что б я делал, если бы тогда ты не поспел вовремя... Наверное, до конца жизни я не простил бы себе легкомыслия и доверчивости, присущей лишь ребенку, но не взрослому мужу, каковым я сейчас являюсь.

(При этих словах юного ученого киммериец усмехнулся, но вслух ничего не сказал.)

— А Кармашан, Энарт? А Кармашан? — напомнила Клеменсина.

— Кармашан? Он высок и худ, у него темные волосы и светлые голубые глаза. Он много смеется и шутит — не всегда удачно. Он любит показать, что не понимает самых простых вещей, хотя я заметил, что он все понимает отлично и вообще неглуп. Я почувствовал в нем кое-какие неприятные качества, например жестокость, но, не зная точно, не могу утверждать. Возможно, я ошибся, и он добр и мил. Вот и все...

- Как звали его сестру? — спросил Конан.
- Не помню. Но что-то вроде Ланы или Ливины.
- Ты был в его собственном доме?
- Да.
- Найдешь туда дорогу?
- Конечно.
- Тогда идем.

Он решительно поднялся, уже уверенный в том, что Кармашан и Леонардас не братья, а один и тот же человек, и, не дожидаясь, когда Энарт простится с Клеменсиной, вышел из комнаты. На все воля Митры, но, кажется, дело идет к концу...

Глава десятая ЖИЗНЬ ПРЕКРАСНА

Он протащился по залитой солнцем равнине целый день, надеясь хотя бы к сумеркам найти себе пристанище на ночь. Увы — вокруг была самая настоящая пустыня. Не то что дома или лачуги, а и живого деревца, под сенью коего можно устроиться одинокому путнику, он не видел с раннего утра. Лишь сухие колючие кочки под ногами да в одном месте скопление жалких засохших кустов — вот и вся природа этого некогда богатого и плодородного края. Впрочем, он понимал, что несправедлив.

Равнина, по которой нынче ему пришлось идти, была омерзительным пятном проказы на чистом и здоровом теле сей древней страны. Кому, как не ему, вечному страннику, знать о ее зеленых просторах, густых лесах и чистых реках. Волею судьбы он оказался тут опять; путь его лежал через вендийский город Бвадрандат в Туран, через Туран в Шем и потом — на родину, в Аргос. Сердце давно влекло его туда, а потому он не пожелал идти в обход, вдоль реки или по лесу, а отправился напрямик, по выжженной солнцем равнине...

Ноги уже не слушались его; дыхания не хватало. Он сел на горячую сухую землю, достал из мешка флягу с водой и ломоть черствой лепешки. Оранжевое око Митры светило уже прямо перед ним. До ночи он успеет

еще пройти тысячу шагов, но куда приведет его эта тысяча? К самой середине равнины? Или к краю ее, а там — к человеческому жилью?

Вздохнув, он отряхнул с себя крошки и тяжело поднялся. Один, два, три... Отсчет начался. Дабы не думать о неудачной жизни своей, не мучить себя, не казнить, не вспоминать... Шесть, семь, восемь... Да, подчиненная единственной цели, коей он так и не достиг, жизнь его превратилась в дорогу без начала и конца.

Он нигде не останавливался более чем на день. Влекомый надеждой, он шел, искал, спрашивал, снова шел... Порой его надежда вдруг приобретала реальные очертания. Он узнавал, что предмет его исканий совсем рядом, стремился туда и... И опять продолжал путь, усилием воли оставляя неудачу в прошлой жизни, а в будущую перенося только свою надежду. Тридцать восемь, тридцать девять, сорок...

На память пришли вдруг строки баллады, однажды услышанной им в одном туранском кабачке.

Вяз опал... Тяжелой каплей падает с неба звезда мне в висок.
Если б знал, кого везешь ты через годы-непогоды, мой конек.
Гривой трепещешь по ветру лихому, не остановись на полпути.
Ложится на плечи весь мир огромный... Тяжело, мой конь, меня нести...

Пел ее нищий бродяга, подыгрывая себе на лютне. Пел тихо, как бы для себя одного, но столько души, столько необозримого простора было в голосе его и словах, что все посетители кабачка замерли, стараясь расслышать всё и впустить это всё в свое сердце...

У Массимо никогда не было коня. Зато у него были крепкие сильные ноги, а в придачу не менее сильные руки, могучее тело и светлая голова. Он и сейчас, будучи сед и согбен, мог целый день провести в дороге, переночевать в поле, а потом снова двинуться в путь. Вот только ноги стали слабее в коленях, да глаза уже видели не так ясно... Двести

двадцать три, двести двадцать четыре, двести двадцать пять...

От солнца остался только желтый край с багровым окаемом; подул легкий ветерок, наполненный пылью и запахами дальних стран. Земля под босыми ступнями путника быстро остывала, отчего шаг становился тверже и бодрее, да и лучи дневного светила стали тусклее, прозрачнее, так что слабые глаза Массимо смогли без труда различить вдали нечто вроде крыши дома. Триста, триста один...

Возвращаясь на родину, он не позволял себе думать о том, что столько лет жизни прошло впустую. Он не нашел не только Лала Богини Судеб, но даже и следа его не обнаружил. Бывало, правда, что в долгие вечера на каком-нибудь постоялом дворе он вдруг слышал произнесенное вслух имя, осветившее весь его путь, и шепотом — легенду или досужую выдумку. Потом он подходил к рассказчику и вел с ним отстраненную беседу, постепенно переводя ее на интересующую его тему.

Чаще всего из этой затеи не выходило ничего: ему либо лгали в глаза, либо признавались в полнейшем неведении. Но иногда человек вдруг называл страну, даже город, который ныне являлся местом пребывания магического рубина; воодушевленный Массимо, не терея и мига драгоценного времени, шел туда — и опять ничего, даже слуха и толка, не обнаруживал.

Кроме надежды найти Лал (а он, и возвращаясь домой не терял ее), было еще кое-что, согревающее душу в особенно отчаянные мгновения: мечта. Он понимал, конечно, что она несбыточна, но не переставал лелеять ее. Это была единственная блажь, которую он себе разрешал.

Продумав все самым тщательным образом, он выяснил, что присутствие в нем этой мечты не является помехой в пути — скорее, наоборот. Именно тогда, когда надежда оставляла его, исчезала бесследно, а душа опускалась в бездонную пустоту и темноту, мечта воз-

рождала Массимо к жизни; он улыбался светло, вздыхал освобожденно и понимал: жизнь — прекрасна. Шестьсот восемьдесят два, шестьсот восемьдесят три, шестьсот восемьдесят четыре...

Может быть, ныне, когда он уже старик, смешно мечтать о встрече с той женщиной, которую видел всего раз, которую некогда любил, которая и не женщина вовсе, а богиня. Может быть, смешно...

Однако Массимо не считал себя таким уж старцем. Борода его седа, лицо покрыто глубокими, словно шрамы, морщинами, руки обветрены и грубы, а вот сердце — сердце молодо, как прежде. А всем известно, что лишь молодое сердце способно любить, и никакие года тогда не будут преградой для этой любви... Восемьсот тридцать, восемьсот тридцать один, восемьсот тридцать два...

Он не ошибся. На краю равнины и в самом деле стоял дом. Судя по большому двору, двум повозкам, стоящим поодаль, трем этажам и свету во всех окнах, то был караван-сарай.

Массимо прибавил шаг. Жизнь — прекрасна. Нынешнюю ночь ему не придется проводить посреди пустыни, где ничто не укроет его от ветра и возможного здесь внезапного дождя. Он выпьет кружку теплого пива, заплатив за нее одну медную монету, и ляжет на пол, у стены, на охапку сена или дерюгу — он не был привередлив, так что все равно...

Девятьсот девяносто семь, девятьсот девяносто восемь, девятьсот девяносто девять...

Массимо открыл дверь. Яркий свет ослепил его на миг; жаром протопленной на ночь комнаты дохнуло изнутри. Он вошел — тысяча — и сказал тихо:

— Я пришел, Маринелла...

* * *

Трилле и Клеменсина оказались невероятными упрямыми. Трижды Конан возвращался с дороги и заталкивал их обратно в комнату, и трижды они выбира-

лись оттуда и снова плелись за ним и Энартом. Ни разъяренное рычание киммерийца, ни просьбы и увещевания Энарта результата не дали — Повелитель Змей, держа за руку Клеменсину, на нежном личике коей застыло выражение поистине ослиного упрямства, продолжал преследовать их.

В конце концов Конан плюнул и, пообещав самостоятельно залезть в пасть Нергала, если шевельнет хоть пальцем, чтоб спасти Трилле и Клеменсину, когда Кармашан начнет их убивать, более не оборачиваясь, пошел за Энартом.

Бандит жил в роскошном доме на окраине города, но занимал там только половину — во второй, левой, селился всякий сброд вроде воров, грабителей и скупщиков краденого. Ночь уже окутала землю и яркие звезды зажглись в черном небе, когда киммериец, ведомый юным ученым, подошел к распахнутым настежь воротам (по всей видимости, они вообще никогда не закрывались, ибо жильцы шастали туда-сюда день и ночь напролет).

Здесь Конан оставил Энарта, велел ему возвращаться в караван-сарай и по возможности прихватить с собою Клеменсину и Повелителя Змей. Сам же он миновал ворота и приблизился к массивной двери, расположенной слева — он решил проникнуть на половину Кармашана отсюда, рассчитав, что среди массы обитателей он не будет особенно замечен. Так и вышло.

Здесь шла очередная разгульная ночь. Вопли, песнопения козлиными голосами, брань и стоны неслись из-за всех дверей; пьяные рожи таскались по коридору, держась за стенки; то и дело кто-нибудь с диким визгом вылетал из комнаты и валялся на пол, суча ногами то ли в злобе, то ли в истерике.

Конан спокойно прошел до конца коридора, потом повернул в темный рукав, где оказался тупик. Небольшое оконце под самым потолком смотрело прямо в черноту небес — ни дерева, за ветвь которого можно

было бы уцепиться, ни навеса, на который можно было бы встать, тут не наблюдалось. Наверное, придется ползти по отвесной стене... (Энарт рассказал, насколько запомнил, что окно в комнату Кармашана расположено на углу дома. Вот сейчас Конан как раз был на углу, только пока внутри, а не снаружи.)

Тратить время на раздумья он не стал, тем более что раздумывать, в общем, было не о чем. Вот окно, за ним — стена, а выше еще одно окно... Он ухватился за раму и, легко подбросив вверх свое массивное тело, втиснулся в проем...

— Хей, приятель, ты не заблудился?

Насмешливый голос, раздавшийся за спиной его вдруг, остановил его. Резко извернувшись, он спрыгнул вниз, одновременно выхватывая из ножен меч.

— Не торопись меня прирезать, — хрипло захохотал тот же голос. — Это я, Элерио. Не узнаешь?

Конан опустил клинок. Он не успел еще рассмотреть в полумрак, как худые жилистые руки обхватили его плечи.

— Элерио? Прах и пепел! — взревел варвар, с силой хлопая могучей рукой своей по спине старинного приятеля. — Я тебя нынче весь день искал!

— Я давно не служу, — ответил Элерио грустно. — Собака Кармашан втянул меня в свои грязные дела, поселил в этом гадюшнике и... Да ладно, что я!.. Откуда ты тут взялся? Я иду по коридору, смотрю — что за парень? Вроде нет у нас никого такого роста и с такими плечами...

Конан солгал Лукреции лишь наполовину, сказав, что ищет в Мандхатту своего старинного приятеля из касты кшатриев. Он действительно думал найти его здесь и с его помощью отыскать след Кармашана. Вышло же совсем наоборот: весь день он потратил на то, чтоб отыскать след Элерио, и все без толку. Высокомерные кшатрии отвечали, что давно уж не видели его, а слуги лишь качали головами и вздыхали.

— Ты здесь живешь?

— Живу... Нергал меня поберет... И Кармашана тоже...

Воистину эта встреча была устроена самим Митрой, коему надоели гнусные проделки Кармашана. Конан, чувствуя, как мрачное настроение его улетучивается, быстро поведал Элерио о цели своего визита в дом, потом так же быстро получил от него предложение помочь и еще быстрее проследовал за ним по тому же коридору на второй этаж; оттуда, по внутренней винтовой лестнице, на третий, затем через окно снова вниз, на второй, и наконец они очутились в маленькой темной комнате, пропитанной запахами дорогих благовоний.

— Смотри, Конан, — шепотом сказал Элерио, притягивая приятеля за рукав. — Это слуховое окно, о нем никто не знает... кроме меня.

— А ты откуда знаешь?

— Пять лет я охранял эту обезьяну... Он поверял мне все свои тайны и обещал золотые горы — потом, в далеком будущем, когда сам он станет могуществен и велик... Я глуп. Я уже тогда знал, что великим можно родиться и даже можно им стать, но если только в душе твоей есть для этого кое-что... — Элерио замолчал, обдумывая. — У Кармашана подлая и низменная сущность, потому-то я и называю себя глупцом. Только самый последний глупец мог поверить, что он станет великим...

— Я б потолковал с тобой о величии и прочем — о чем захочешь, — усмехаясь, сказал Конан, — но после. Сейчас мне надо увидеть его.

— Это неразумно. — Даже в темноте было ясно, что Элерио нахмурился. — Сначала тебе надо присесть у слухового окна и подслушать, о чем он поведет беседу со своими девицами. Ну и ~~верно~~ скажу тебе, Конан, ну и ведьмы... А болтает он с ними каждую ночь — наверняка услышишь что-нибудь полезное.

— Будь по-твоему, — после некоторого размышления сказал киммериец.

Он и сам думал прежде осмотреться, а потом уж приниматься за дело, но перед тем хотел удалить из комнаты Элерио. Теперь же, когда тот так искренно стремился ему помочь, решил оставить все как есть. Пусть Элерио будет рядом. Он верный друг — Конан знал сие по тем славным денькам в Туране, где они вместе (и с Хавратом, и с Невидой Гуратти) служили наемниками...

В этот момент за стеной раздался треск, потом кудахтающий неприятный голос.

«Это он...» Конан скорее догадался по движению губ Элерио, чем услышал. Бесшумно подойдя к слуховому окну, он прислонился плечом к стене и так замер, внимая каждому слову, что доносилось из соседней комнаты.

* * *

— Закрой дверь, Лайна, — недовольно буркнул Кармашан, с шумом отодвигая кресло и усаживаясь. — И налей мне вина.

— Белого? — прожурчал незнакомый женский голос.

— Конечно, белого. Пфу, и куда запропастился этот мальчишка? Надо же, доказательства ему подавай. Как думаешь, Лайна, если я своей рукой напишу, что рубин мой, он поверит?

— Если еще скрепишь папирус большой печатью королевства Мандхатту, конечно, поверит. Он всему верит. Удивительно, до чего просто его обмануть.

Тихий стук в дверь возвестил о том, что явился кто-то еще.

— А-а, это ты, Лавиния! — Кармашан довольно засмеялся. — Нашла своего варвара?

— Нашла караван-сарай, где он остановился со своими уродами, — ответил резкий сварливый голос, в котором Конан с трудом и величайшим изумлением расслышал бархатистые нотки чудного голоса Лукреции. Ах, ведьма... — Но сейчас там нет никого из них.

— И где ж они?

— Я скажу тебе, Ли, только... Боюсь, что испорчу тебе настроение.

— Пфа! Что там еще?

— Бжатр рассказал мне...

— Какой такой Бжатр?

— Слуга из караван-сарая. Вечно подслушивает да выглядывает... Так вот он подслушал нынче очень интересный разговор. Девчонка, что назвала меня похотливой туземкой, нашла своего Энарта (Лайна, сестрица, ты клялась, что он никогда ее не вспомнит?) и приволокла его туда. Он все — все! — выложил Конану!

— Дурень... — задумчиво пробормотал Кармашан. — Ну да Нергал с ним совсем... Обойдусь и без охраны.

— Ли, ты все же вытащи рубин из дупла... — начала лже-Лукреция, но тут же была остановлена гневным воплем.

— Замолчи!

Бандит резко отодвинул кресло и забежал по комнате.

— Замолчи, неразумная! Помни истину: и стены имеют уши (если б только Кармашан знал, как он сейчас прав)! И вообще забудь про рубин! Его нет! Нет!

Он выдохся и снова рухнул в кресло. Воцарилось молчание, в коем ясно слышалось тяжелое дыхание бандита. Теперь киммериец имел немного времени поразмыслить. Итак, Лукреция, она же Лавиния, была в доме рыцаря Сервуса Нарота — с супругом, позже коварно убитым. Пока еще оставалось загадкой, кто именно — она или сам Кармашан, тогда называющий себя Леонардасом — перерезал горло несчастному Теренцо. Но Конан подозревал, что ~~все-таки~~ она. Недаром же делилась с ним ~~участием в~~ страшном преступлении и ~~прямо называла себя~~ убийцей. Хотя ей и солгать недолго... Но кто мог подумать, что прелестная аквилонка окажется столь хитроумна, расчетлива, изощрена? Душещипательные истории о безответной любви, о милом «Ли», оказавшемся бандитом Кармашаном,

молящий взор и просьба о помощи; а в доме рыцаря — игра в любовь с жирным Теренцо, обморок у его трупa, фальшивое «признание» малышу Гвидо... Истинно лицедейка, истинно...

— Значит, рассчитывать на Энарта уже нельзя? — хмуро осведомился Кармашан.

— Бряд ли... — Это сказала Лайна. — Можно, конечно, притащить сюда его девчонку и попугать.

— Слишком много хлопот, — сморщился бандит. — Не хочу. Я сделаю кое-что другое...

— Что? — в один голос спросили его девицы.

— Когда взойдет солнце, я... Я скажу Лалу Богини Судеб свое желание. Нет смысла ждать — а чего, собственно, ждать? Жизнь прекрасна, и я жажду взять от нее все, да поскорей.

— О, Ли... — задушенно прохрипела Лавиния. — А я?

— О тебе я позабочусь, — небрежно бросил Кармашан. — Ну, и о тебе, Лайна, тоже... Подлей-ка мне еще белого...

— Ты же говорил, что не скажешь Лалу свое желание до тех пор, пока не закончишь все свои дела. — Кажется, Лайне не понравилась такая спешка.

— Все дела закончены. Теренцо, знавший мое второе имя, гуляет по Серым Равнинам; в Мандхатту окончательно установлен именно такой порядок, какой хотел я; вы, мои девочки, со мной — что мне еще надо? Одно только дело я не успел завершить... В том папиресе, что так торжественно вручила мне твоя тетка, Лавиния, было сказано, что остановит меня на пути моем дикий варвар из далекой Киммерии. Я пытался убить его на постоялом дворе, но он затравил меня и моих парней змеями, потом с твоей помощью, Лайна, мы сбросили на него камелит, но проклятый бродяга и тут спас его! Наконец я напал на него прошлой ночью... Он силен, силен как лев... Если бы Лавиния не разбила голову той девчонке, он наверняка отправил бы меня веселиться дальше — к Теренцо и многим

прочим, то бишь на Серые Равнины... Да, сие дело мною не завершено... Что ж... Что ж... — Кармашан вздохнул и с мгновение помолчал. — Что ж, я завершу его сейчас.

Сразу вслед за тем сильный удар потряс стену, у коей стоял Конан. Миг — и обломки полетели ему под ноги, а в образовавшемся проеме возник длинный тощий парень с темными волосами и светлыми яростными глазами.

— Ну, варвар? Поговорим?

Глава одиннадцатая

ЧУДЕСА ЛЮБВИ

Она повела его наверх, в свою комнату, и там долго смотрела в его добрые, уже поблекшие глаза, видя в них свое отражение и с грустным удивлением находя, что сама становится как будто моложе.

— Массимо,— сказала она, не обращаясь к нему, но просто желая услышать это имя.

— Ты красивая,— улыбнулся он.— И по-прежнему молодая. Знаешь, я ведь так и не нашел твоего Лала. Странная штука! Сколько раз мне казалось, что он почти в моих руках, и — снова неудача...

— Ничего.— Маринелла тоже улыбнулась, хотя тяжесть на сердце становилась невыносимой.— Теперь уже все равно... Я увидела тебя, и могу уходить в вечность — я свободна...

— Но я не хочу! — воскликнул он, отбирая от нее свои руки.— Я не хочу, чтоб ты уходила! Я всю жизнь ждал нашей встречи, я хотел, чтоб ничто не омрачило ее, а ты говоришь об уходе...

Маринелла не ответила. Взгляд ее неотрывно следил за Массимо, а сердце наливалось расплавленным железом и медленно опускалось вниз. Она ждала чуда. Она твердо знала, что если хотеть его так, как хочет она, чудо непременно произойдет. Не потому, что рождена была богиней, но потому, что любила...

— Что ты так смотришь на меня? — тихо спросил Массимо, улавливая в этом взгляде нечто кроме любви.

Маринелла молча покачала головой. Чудо началось. Она уже ощущала его приближение, угадывала его по дрожи в сердце, по слабости в ногах и руках...

Вечная Дева пристально вглядывалась в светлеющие глаза Массимо, в его густеющие волосы, в лицо, кожа на коем медленно разглаживалась, в руки, из пор коих исчезала вьевшаяся дорожная пыль, и из всех сил пыталась сдержать счастливую улыбку. Вот оно, чудо! Массимо молодеет! Пока он не понял этого и смотрит на нее удивленно, но вот сейчас, сейчас проследит за ее взглядом...

Он проследил.

— Что это, Маринелла? — подымая на нее изумленные глаза, спросил он.— Моя кожа стала гладкой и чистой... Я...

— Только на одну ночь. Только на одну ночь, мой Массимо,— ответила Вечная Дева, все-таки улыбаясь — так радостно, как не улыбалась прежде никогда.— И в эту ночь ты станешь моим.

О, как порою боялась она, погружаясь в мечты о нем, заметить гримасу разочарования на его прекрасном добром лице в тот момент, когда он услышит про *одну* только ночь! Как смела она думать так о нем — о нем!

Он улыбнулся ей в ответ так светло и радостно, что горячая волна не испытанного ранее счастья накатилась на нее, обожгла сердце, кое тут же забилося в груди мощно и свободно. Еще миг, и перед ней сидел не утомленный дальней дорогой старец, но тот самый двадцатилетний юноша, с которым познакомилась она много лет тому назад в Аргосе, на постоялом дворе. Маринелла не сомневалась ~~боже ни~~ в чем. Какая, в сущности, разница, человек ~~она~~ или нет, если в душе ее живут самые обыкновенные, самые настоящие человеческие чувства! Она любит, и она любима — что еще нужно для счастья? Да ничего.

Видно, точно так думал и юный Массимо. Легко поднявшись, он протянул ей руку, с прекрасной улыбкою наклонился к ее губам... Нет, Вечная Дева ошиблась... Для счастья нужен еще такой поцелуй и, если можно, еще один... И еще...

Она отпрянула от него — всего на миг, чтоб потушить свечу — и сразу прильнула снова к широкой груди мужчины, единственного в мире... Всего одна ночь? Пусть.

Массимо заглянул ей в глаза, где блестели маленькие диски луны, что заглядывала к ним через небольшое оконце, потом теплыми губами тронул ее маленькое ушко.

— Всего одна ночь? — прошептал он, обнимая ее еще крепче. — Пусть!

* * *

На вид Кармашан казался гораздо моложе, нежели Конан себе представлял по многочисленным рассказам, кои довелось ему услышать. Кожа его была гладкой, белки светлых глаз чистыми, а зубы ровными и белыми. Он смотрел на варвара в упор и гадко ржал.

— Поговорим! — рыкнул Конан в ответ, выхватывая верный свой меч.

Но драки не получилось. В одно короткое мгновение, равное всего лишь взмаху ресниц, пол под его ногами разошелся, и он рухнул в черную сырую бездну, сопровождаемый омерзительными звуками хохота, похожего на лай истеричного пса.

Он еще летел вниз, когда дыра над ним захлопнулась; каменная плита отделила его от всего мира, но она же подарила ему тишину — то единственное, о чем желал он в этот момент, ибо душа разрывалась от злобы и ненависти. По-кошачьи извернувшись, Конан приземлился на все четыре конечности, тут же вскочил на ноги и выставил во мрак острие меча.

В полной тишине он слышал только свое собственное дыхание, тяжелое, прерывистое. Если б ярость мог-

ла рождать настоящий огонь, то Конан наверняка выдыхал бы сейчас языки пламени. Он попался! Попался, как неоперившийся юнец, лишь накануне впервые взявший в руки оружие. Он не хотел думать, что Элерио его предал, однако все сходилось на этом. Именно он, его старинный приятель, привел его в ту комнату, именно он уговорил не вступать в бой с бандитом, а прежде подслушать его разговор с девицами. И где он сейчас? Киммериец отлично помнил, что он стоял за его спиной и тоже вслушивался в слова, доносящиеся из соседней комнаты.

И все же, несмотря на ярость и унижительную беспомощность, Конану стало стыдно. Он не должен был думать так об Элерио. Да, тот служил у Кармашана, но мало ли что бывает в этом странном мире!

Сев на земляной пол, варвар углубился в размышления о нынешнем своем положении. Он в плену; что намеревается делать с ним бандит — верно, известно одному лишь Нергалу, его вонючему папаше; зато совершенно ясно, что он намеревается делать с Лалом Богини Судеб — заказать некую мерзость, которая, несомненно, принесет целый сонм несчастий и Мандхатту, и, может быть, всей Вендии. Когда произойдет богопротивное действие сие? Утром. Нельзя медлить. Надо что-то делать. Конан встал и начал исследовать стены, руками шаря по ним в поисках хоть какого-нибудь отверстия, в каковое можно будет сунуть клинок и расшатать камни. Сплошную ровную поверхность ощущали его ладони и снизу, и сверху, и посередине... Тогда он принялся осматривать пол — тоже ничего. Глаза, быстро привыкшие к темноте, обратились к потолку, но и тот был гладок, а если и имелся в нем люк, так его не было видно. Истина, открывшаяся варвару сейчас, оказалась весьма неприятной и раздражающей: Кармашан поймал его в каменный мешок.

Вновь усевшись на пол, Конан начал перебирать в уме различные способы спасения — сначала себя само-

го, а затем и Лала Богини Судеб. Голова его, однако, была совершенно пуста. Похоже, Сервусу Нароту долго придется ждать свое сокровище... Киммериец невесело усмехнулся. Ему становилось понятно, что хочет сделать с ним Кармашан — ничего особенного, просто уморить в этом каменном мешке. Он уже чувствовал, что ему не хватает воздуха, а что будет дальше, легко представить.

А жаль, если не удастся напоследок хотя бы плюнуть в хохочущую рожу ублюдка... Конан насторожился. В абсолютной тишине он расслышал вдруг посторонний звук. Кажется, где-то в углу скреблась мышь... Что ж, если тут нашелся лаз для мыши, то найдется и для человека!

Он вскочил, вслушиваясь и одновременно вглядываясь во мрак, стараясь определить, откуда доносится шорох, и тут совсем рядом, за спиной его, раздался голос...

— Ко-о-онан! Конан!

Киммериец резко развернулся. Всякий миг ожидая подвоха, подошел к стене, коснулся ее пальцами и — она отъехала от него на два шага, открыв темный как пасть Нергала проем, из которого на Конана пахло затхлостью и гнилью. В следующий момент в проеме показалась встрепанная голова Элерио.

— Что ж ты стоишь как истукан? — сердито сказал он. — Лезь сюда, и поживее!

Конан хмыкнул, сунул в ножны меч и нырнул вслед за другом в дыру. Он услышал, как стена за его спиной со скрипом возвращается на место, разделяя мрак надвое: из одного варвар только что ушел, а в другой только что вошел. Признаться, здешний мрак был ему гораздо приятнее, ибо не был замкнут в четырех стенах. К тому же впереди шел Элерио, и пусть он каждое мгновение изрыгал страшное ругательство, для Конана сейчас не существовало звуков приятнее.

Широкий темный коридор все не кончался. Вот он повернул направо, еще раз направо, потом налево, по-

том вдруг превратился в нору с земляными стенками, где приходилось идти, согнувшись в три погибели, потом снова выровнялся и расширился. Когда вдали мелькнуло светлое пятно, Элерио прибавил шаг.

— Откуда свет? — прервал Конан поток нескончаемых ругательств.

— Утро, — лаконично ответил друг.

Варвар вздрогнул. В этот миг он готов был получить клинок в печень, только бы не слышать этого слова. Уже утро... Может быть, Кармашан уже достал Лал Богини Судеб и начал вещать свое ублюдочное желание? Сплюнув в досаде на свою беспечность, позволившую бандиту избавиться от него на целую ночь, Конан оттолкнул Элерио и пошел впереди сам, рассекая мрак могучим торсом и попирая чавкающую грязь мощными ногами. Свет был совсем близко.

Спустя короткое время оба уже выбирались из подземного хода.

Первое, что киммериец увидел, очутившись на земле, привело его в бессильную ярость. Славная троица — Трилле, Клеменсина и Энарт — стояла под раскидистым каштаном и ласково ему улыбалась.

— Прах и пепел!.. — прогремел Конан. — Убирайтесь прочь!

— Погоди, брат. — Опять голос Повелителя Змей звучал таинственно. — А ну-ка, посмотри сюда...

С видом заправского фокусника он сунул руку в мешок и достал оттуда... Синие глаза варвара за мгновение трижды поменяли свой цвет, а сердце за то же мгновение успело остановиться и вновь застучать так бешено, что Конану пришлось прижать к груди ладонь, дабы хоть чуть успокоить его. Ничего удивительного: на ладони Трилле покоился целый и невредимый Лал Богини Судеб.

— Откуда?... — выдохнул киммериец, завороченно глядя на камень.

— Ха! — Миг торжества прошел, и бродяга, сунув сокровище в руку друга, затараторил, стремясь скорее

рассказать ему о своем подвиге. — Мы стояли у ворот. Тут прибежал Элеро и сообщил, что Кармашан бросил тебя в подвал, а сам...

— Э-э... — прервал его Элеро. — Не сердись, Конан, я им открыл твою тайну о Лале... Но что оставалось делать? Ведь они — твои друзья...

Сумбурное объяснение старинного приятеля Конан воспринял с усмешкой, однако сердиться не стал.

— Да, так вот, — продолжал Повелитель Змей. — Клеменсина с Энартом пошли с Элеро искать подземный ход...

— О нем никто не знает, кроме меня, — опять перебил Элеро, с гордостью глядя на Конана.

— Да, так вот... Они побежали искать подземный ход, а я тем временем позвал моих милых змеюшек и велел им отыскать в некоем дупле этот рубин. Нет ничего проще! Я ждал всего около четверти ночи, и что ж? Одна маленькая — такая красивая! — и любезная гадюка принесла мне камень!..

— Поблагодари свою любезную гадюку от всех нас, — сказал вежливый Энарт. — Конан, а не пора ли нам выбираться отсюда?

Киммериец очнулся. Лал Богини Судеб сверкал в его руке, друзья, живые и веселые, стояли рядом, монеты рыцаря звенели в кошельке — что еще нужно для полного счастья?

— Да, вам пора идти, — молвил он твердо, засовывая магический кристалл в свою суму. — Ждите меня у западных ворот — я скоро.

С этими словами он повернулся и зашагал в сторону дома Кармашана, не обращая ровно никакого внимания на горестные восклицания друзей. Ибо ему для счастья нужно было кое-что еще...

* * *

— О, как я люблю тебя! — услышал он, подходя к дверям комнаты.

— И я — я тоже люблю тебя!

— И я вас люблю, — вяло отвечал Кармашан. — Еще как люблю... А вот что: выпейте-ка моего вина! Помнишь, Лайна, ты научила меня готовить вино? Я приготовил.

— О-о-о, как прекрасно! — В голосе Лайны слышалось удовлетворение: Кармашан приготовил вино по ее рецепту, значит, и любит он ее больше, чем Лавинию.

— Ну и выпей, если прекрасно. Видишь, в углу, на столике, бутылка желтого стекла? Возьми ее и налей себе и Лавинии.

— А тебе?

— Не хочу. — Бандит зевнул. — Мне хватит... Сейчас схожу за Лалом и...

— И не найдешь его! — ногой открыв массивную дубовую дверь, варвар с мечом наперевес вошел в комнату. Он не смотрел на отвратительную лицедейку Лавинию и тем более не смотрел на незнакомую ему Лайну. Взор его, пылающий яростью и презрением, был направлен на Кармашана.

Тот встал. На лице его с мстительной радостью Конан прочитал страх и замешательство. Правда, продолжалось это всего несколько мгновений.

— А-а-а, это ты, — Кармашан усмехнулся. — Клянусь задницей Бака, здесь не обошлось без моего доброго Элеро... Он один знал о подземном ходе... Так что ты говорил о Лале? Почему это я не найду его?

Киммериец не собирался выслушивать эту болтовню. Он пришел убить бандита, а не вести с ним светские беседы. Он подошел к стене, сплошь увешанной всевозможным оружием, и, сдернув с нее длинный бронзовый меч, кинул его Кармашану.

— Ах, как благородно! — пропел тот, ловко ухватывая меч за рукоять и с противным хихиканьем отходя на два шага назад.

Но Конан не обманулся: то был хитрый ход, призванный ослабить его внимание, чтоб потом внезапно кинуться и проткнуть ему живот. Тем самым бандит избежал бы драки и угробил врага без особых хлопот.

Так и получилось. Оборвав смех, Кармашан выставил перед собой меч и рванулся к варвару. Он уже чувствовал в воздухе смерть, вот только не знал пока, чью... Вопли девиц заглушили злобный храп бандита.

Клинок киммерийца взлетел в воздух с молниеносной быстротой и с силой врезался в основание меча противника. Выскользнув из потной ладони, тяжелое оружие с грохотом — не звоном — шмякнулось на пол. Тонко взвизгнув, Кармашан коршуном упал на него, схватил и через мгновение вновь уже стоял на ногах.

Конан ждал его. В обычном бою он не подарил бы врагу и половины вдоха для того, чтобы поднять меч, но здесь не был обычный бой. Против демонической сущности выступила человеческая, и варвар не смог переступить черту и оказаться на одной стороне с Кармашаном, который, конечно, никогда не упустил бы возможности вонзить клинок в спину. Поэтому он отвел руку с мечом и ждал.

Длинная тощая фигура тенью метнулась к нему. На острие мелькнул блик свечи, стоящей на столике в углу. Конан и этот удар встретил ответным — он не желал уворачиваться и скакать по комнате на потеху девицам. И снова бронзовый меч выпал из руки бандита. Положительно, нынче ему не везло.

Зато в третий раз он был начеку. Подняв оружие, он не стал более кидаться на врага, а встал против него, расставив ноги и чуть нагнувшись вперед. Вот теперь бой начался.

Ярость и ненависть, звеня на кончиках клинков, сливались в одно и выплескивались в воздух. В синих глазах сверкал злобный огонь, а в светло-голубых он уже разросся в настоящий костер; снова и снова сходились противники, вкладывая в удары не столько силу мускулов, сколько силу чувств, и последняя была несравненно мощнее первой. Да, снова Конан убедился, что перед ним искусный боец. Кармашан словно слился со своим мечом, и теперь можно было только вместе с рукой отнять его... Но и в той, первой схватке, про-

изошедшей на постоялом дворе мерзкого старика, и во второй, что случилась на равнине между Бвадрандатом и Мандхатту, и сейчас — Конан был уверен в своей победе...

Вдруг костлявая физиономия бандита, мельтешившая перед ним белым пятном, странным образом преобразовалась в совершенно другую, с другими чертами и другим выражением. В мистическом ужасе варвар дрогнул — и пропустил один удар. Лезвие полоснуло по плечу, разрезая плоть; кровь плеснула на ноги, на пол... Зато наваждение прошло, и он вновь видел рожу Кармашана, а не того, жуткого демона из прошлой жизни, с коим довелось ему встретиться в поистине смертельном бою... Коротко и злобно рыкнув, Конан отразил следующий выпад бандита, потом ударил сам...

Но вот, к вящему его изумлению, он опять узрел другого противника. Нергал ли, коварный и жестокий Сет ли сыграли с ним такую страшную шутку — он не ведал. Но в голове его уже стали путаться мысли: с кем он ведет сейчас бой? С двумя врагами? С одним Кармашаном ли? С одним ли Дебом Абдаррахом? Потому что именно омерзительная морда Деба с его невероятными, черными, как мрак царства мертвых, глазами, маячила перед ним сейчас. Но он же убил его! Это было два года назад, но это же было!

Он пропустил еще один удар, и рубаха на животе его окрасилась в алый. «Демон... — будто в лихорадке, прошептал он дрожащим голосом. — «Демон...» Один из самых ужасных его врагов, чудовище, порожденное дыханием Сета, предстал перед ним как живой и разил рукой Кармашана. Смятение овладело варваром. Машинально отражая удары, он почти не нападал сам, и теперь весь, с шеи до пят, был залит своей собственной кровью. Не чувствуя ран, он двигался в полумраке комнаты как зомби, ничего не видя и ничего не желая.

«Конан! Конан! Конан!» Словно во сне слышал он чей-то голос — такой знакомый и такой чужой. «Конан!» Муть, что плавала у его глаз, начала проясняться.

И опять: «Конан!» Он тряхнул головой. Кажется, он все же узнает этот голос... Конечно! Это Низа — старая колдунья из леса у подножия Рабирийских гор, звала его так настойчиво. Что она хочет?

Безразличие, уже сковавшее руки и ноги киммерийца, прошло. Он снова увидел Кармашана отчетливо; он снова поднял свой меч рукою не вялой, как у немощного старца, а крепкой и могучей; он снова опустил его на темя врага. Дикий стон, сменившийся ужасающим воплем, потряс его до глубин души, проник во все поры, забил уши. Темная кровь фонтаном брызнула во все стороны, заляпав и пол, и стены, и потолок. Сломавшись пополам, тощая фигура рухнула.

В это мгновение Кармашан перестал существовать. Опустив клинок, Конан посмотрел на мертвого бандита, потом рассеянно огляделся вокруг.

Лайна и Лавиния сидели в креслах, устремив глаза вверх. Рты их были полуоткрыты, а руки плетями висели по бокам. Киммериец удивленно пожал плечами. Он сразу догадался, что случилось: Кармашан отравил обеих соратниц своим вином. Вот только зачем? Воистину один Нергал поймет своего выроodka...

Конан еще раз пожал плечами, вытер роскошным покрывалом кровь с клинка, и вышел из комнаты.

Глава двенадцатая ПРОЩАНИЕ

Трилле наотрез отказался возвращаться обратно на слонах. Купив на базаре могучего серого в яблоках коня для Конана и буланую кобылу для себя, он, охваченный приступом жадности, для остальных приобрел лишь двух мулов и повозку. Впрочем, ныне им было все равно, каким способом выбираться из Мандхатту.

Клеменсина и Энарт не спускали глаз друг с друга, а Элерио погрузился в воспоминания о матери и возлюбленной, коих давно уж оставил в Лидии — маленьком городке на юго-востоке Аргоса, и теперь более прежнего жаждал вырваться из отвратительного чопорного вендийского городишки и вернуться наконец домой.

Но время шло, а киммериец все не появлялся. Уже и девушка с юношей начали тревожно осматриваться, надеясь узреть огромную фигуру друга, и Элерио встал, приложил ладонь козырьком к бровям и уставился вдаль, и Повелитель Змей, тихонько подвывая, молил всех богов спасти и сохранить варвара от всех Кармашанов вместе взятых.

Когда Конан появился наконец у западных врат города, весь в крови, усталый и чем-то весьма удивленный, но довольный, он нашел всю компанию страшно обеспокоенной.

— Что ж ты! — набросился на него Трилле. — Сам ушел и сам не приходишь! Тьфу! Клянусь Кромом — просто тьфу!

В ответ на малопонятные выкрики бродяги киммериец только усмехнулся. Безошибочно определив, что прекрасный, серый в яблоках могучий конь предназначен ему, он, не говоря ни слова, подошел к нему, вскочил в седло и не торопясь поехал, задумчиво глядя в голубую даль. Тут и остальные погрузились в повозку и тронулись следом; Трилле с трудом вскарабкался на высокую буланую, в очередной раз пожалев о золотых, за нее заплаченных, и потрясся в хвосте процессии.

Равнина, по которой они проезжали в Мандхатту два дня назад, была залита мягкими солнечными лучами. Трава, вытоптанная слоновьими и человеческими ногами, конскими копытами и колесами повозок, матово поблескивала; причудливо ложились на нее высокие тени всадников; цвет неба дарил земле чудесный оттенок — все вокруг казалось сине-желтым, изнутри словно подсвеченным золотым огнем.

В такое время сердце не склонно терзаться. И Конан, ошеломленный тем, что произошло нынешней ночью, сердцем не чувствовал ничего. Даже Лал Богини Судеб, покоящийся в его мешке, не вселял торжества в усталую душу. Скоро, скоро закончится длинный сей путь.

Сервус Нарот получит свое сокровище, Конан — три сотни золотых, кои постарается прокутить как можно быстрее; Клеменсина с Энартом вернутся домой и через год или два произведут на свет ясноглазого младенца; Элерио увидит мать и возлюбленную... Все прекрасно! Так отчего же неведомая тоска так теснит грудь? Киммериец подавил тяжелый вздох — слишком тяжелый для такого чудесного светлого дня — и пустил серого в яблоках вскачь. Пыль клубами поднялась к сияющей голубой выси, на миг облаком задержалась там, но тут же и растаяла.

Всхрапнув, помчалась за Конановым конем красавица буланая; засемили копытцами по твердой сухой земле мулы, подгоняемые свистом Элерио, и всеми своими частями задрезжала древняя повозка.

* * *

Элерио, по обыкновению всклокоченный, с грустным видом уплетал восьмую лепешку с козьим сыром, запивая ее девятой кружкой пива. Вокруг него сидели друзья и занимались тем же. Беседа, едва начавшись, увяла, так что сейчас все молчали и заворуженно смотрели в середину огня, что весело трещало в очаге. Каждый думал о своем, но в конце концов все мысли сходились в одном: путешествие, длившееся так долго, завершилось; еще день или два они проведут вместе, а потом — потом расстанутся, с тем чтобы встретиться нескоро или не встретиться никогда... Конечно, такие думы только ухудшали и без того печальное настроение друзей. Как же странно устроен мир! Дороги, которые мы выбираем, сходятся и расходятся вновь. Редко случается так, что они идут дальше параллельно, рядом... Лишь протяни руку, и друг твой снова будет с тобой!.. Увы... Боги все задумали иначе...

— А что, Конан, — вдруг робко подал голос Повелитель Змей, — что, если я и дальше буду с тобой? Право, мне некуда идти; никто меня не ждет — Нергал его знает, почему. Я мог бы быть твоим... слугой или оруженосцем...

— Нет, Трилимиль, — покачал головой киммериец. — Ни слуга, ни оруженосец мне не надобен. Клянусь Кромом, ты добрый товарищ, но моя дорога для меня одного...

Он хотел добавить что-то еще, однако слово застряло у него в гортани. Синие глаза вспыхнули ярко, словно в них отразилось сияние уходящего за горизонт небесного светила. Спутники удивленно проследили за его взглядом. Да, солнечные лучи и правда сочились еще сквозь грязное маленькое оконце, но не они были при-

чиной столь внезапной перемены настроения варвара. По лестнице в зал спускалась девушка, чья красота поразила всех несказанно. Черные как смоль, густые прямые волосы ее струились по плечам и груди, голубые чистые глаза смотрели ласково, тонкая фигура была подобна натянутой струне, но гибка и изящна. За ней шел большой широкоплечий старик, то ли отец ее, то ли дед. Вот она поставила ножку на нижнюю ступеньку, обернулась к нему, взяла за руку...

Трилле встал. В глотке его что-то клокотало и бурлило, руки судорожно комкали рубаху на груди.

— Массимо... — пролепетал он. Потом откашлялся и закричал что есть сил: — Массимо!

Старик взглянул на него с недоумением. Добрые глаза его расширились вдруг, а нога, занесенная уже над полом, так и застыла.

— Трилле? — спросил он слабым голосом.

Повелитель Змей кинулся к нему, споткнулся и грохнулся на пол. Не вставая, он обхватил руками колени старика и прижался к ним щекой. Тут Конан понял, что бродяга больше не будет проситься в спутники — кажется, он нашел того, кому будет нужен всегда...

...Хозяин, с повизгиваниями зевая, подбросил дров в огонь и удалился к себе. Немногочисленные постояльцы тоже разошлись по комнатам. Держа в широких ладонях пузатую кружку с темным крепким пивом, Массимо неспешно рассказывал историю своих долгих странствий.

— А потом я встретил Маринеллу... — Он с любовью посмотрел в нежное лицо Вечной Девы. — Это был постоянный двор — почти такой, как этот. Она пряла свою пряжу, а я...

— Погоди, Массимо, — перебил его Повелитель Змей, с трудом припоминая. — Но ты же говорил, что она... Гм-м... Богиня Судеб?

— Так оно и есть, — улыбнулся старик.

В замешательстве все пятеро отвортили глаза. Никто не мог поверить, что эта юная красавица с кротким

взором и есть сама Богиня Судеб. Не иначе как в голове Массимо от старости и переживаний перепутались были и легенды...

Вечная Дева тихо засмеялась.

— С Массимо все в порядке, — сказала она, легко угадывая мысли. — Вот я, а вот мое веретено. А вот золотые нити судеб...

— А вот... — хрипло вымолвил Конан, выуживая из мешка магический кристалл, — твоя безделушка...

Зачарованно уставившись на огромный рубин, переливающийся всеми оттенками красного на ладони киммерийца, все молчали. Молчала и Маринелла. С грустью смотрела она на свое сокровище, в сердцевине коего заключалась ее вечная жизнь. Но хотела ли она теперь этой вечной жизни? Нет. Она протянула к Лалу руку, потом отдернула, не коснувшись.

— Возьми, Маринелла, — мягко сказал Массимо. —

И пусть твое место никогда не займет другая.

— Возьми, — пробормотал варвар, отводя глаза.

— Возьми, — с улыбкой прошептали Клеменсина и Энарт.

— Возьми, Маринелла! — в один голос воскликнули Элерьо и ободрившийся Повелитель Змей.

Вечная Дева снова протянула руку и взяла магический кристалл. Камень вспыхнул — словно само солнце ворвалось в зал, яркими ослепительными лучами осветив все вокруг. Миг спустя мощное сияние начало угасать. Красные всполохи пробежали по стенам и потолку, изумленным лицам спутников, всем подарив один вздох восторга и тепла жизни. Только одна искра осталась тлеть в середине рубина, и она будет тлеть там вечно... О, что за странное слово — «вечность»! Маринелла пожала плечами и положила камень в свою дорожную суму, рядом с ~~веретеном~~. Что вечность! Любовь — то единственное, ради чего стоит жить...

А Конан думал о том, что не сумеет теперь выполнить обещание, данное рыцарю. Впрочем, по правде Лал Богини Судеб никогда ему и не принадлежал, так что

пусть утешится тем, что Кармашан не опустошил у него всю сокровищницу — мог же!

— Конан, — позвала его Вечная Дева, тонкими легкими пальцами трогая могучую длань варвара. — Может быть, ты отдашь Сервусу Нароту это?

И она протянула ему великолепный огромный изумруд, внутри которого радужно переливалась прозрачная горошина.

— Там капля моря, — пояснила Маринелла. — Другого такого камня нет во всем мире. Думаю, рыцарь не будет на тебя в обиде?..

— Не будет, — восхищенно выдохнул киммериец, забирая изумруд и запикивая его в мешок. — А вздувает рожу кривить — я ему этот камень засуну в...

— Конан! — хором гаркнули спутники, а Клеменсина в смущении покосилась на Маринеллу. Но та только тихо засмеялась, снова отдавая свои руки Массимо.

...Огонь весело потрескивал в очаге; языки пламени плясали и отбрасывали тусклые блики на стены, будто в подражание Лалу Богини Судеб. Снова в зале воцарилось молчание, только теперь оно было наполнено светлой грустью. Расставание? Что ж, такова жизнь. Встречи и расставания чередуются в ней чаще, чем день с ночью, и, наверное, в сем заключен какой-то особый, очень и очень важный смысл, на коем зиждется основа всех человеческих отношений — ибо, смирившись с тем, что непременно потеряешь, можно научиться беречь то, что пока есть. А расставание все равно неизбежно, все равно...

Нынешняя ночь каждому дала покой и радость. Энарт и Клеменсина утром же отправятся в Коринфию, Массимо и Трилле — в Аргос, Маринелла — снова бродить по свету и пряхть свои золотистые нити. Конан с Элерิโอ тоже поедут в Аргос, но не утром, а сейчас.

— Хей, Элерิโอ, — почему-то стесняясь, сказал Повелитель Змей. — Мы с Массимо пойдем домой своими ногами. Хочешь, бери мою буланую...

— Конечно, хочу, — с нескрываемым удовольствием согласился Элерิโอ.

Конан встал. Сердце его сжималось и подымалось вверх, к горлу, затрудняя дыхание. Он хотел было спросить Маринеллу, встретятся ли все они вновь — пусть не через год, не через два, не через пять — а когда-нибудь, и — не спросил. Он хотел спросить Трилле, где же, в каком месте Аргоса находится тот постоянный двор, где останется он жить со своим приемным отцом, и — не спросил. Он хотел спросить Клеменсину...

Но он не сказал ни слова. Хлопнув по плечу Элерิโอ, он бросил на друзей последний взгляд, кивнул им и вышел. На улице, под черным уже небом, усыпанным сверкающими серебряными звездами, его ждал могучий серый в яблоках конь, а Элерิโอ — буланая кобыла. Пора ехать... Впереди еще долгий путь...

* * *

Ранним утром по улицам Лидии неспешным шагом ехали два всадника. Один восседал на могучем, сером в яблоках коне, и сам был под стать ему: огромный, широкоплечий, с буйной гривой черных спутанных волос, он казался настоящим великаном рядом со своим спутником. Тот, явно высокий, но щуплый, жилистый, с длинными ногами, кулем сидел на изящной буланой кобыле и тоскливо поглядывал на друга. Ему хотелось пустить лошадь вскачь, а не плестись еле-еле по пустым еще улицам города, хотя и озаренного желтыми и розовыми лучами только что восшедшего солнца.

А Лидия и правда переливалась разноцветными бликами, тянула к огненному оку благого Митры широкие зеленые листы деревьев, дышала чистым прозрачным воздухом, и утренняя тишина ее звенела тонко и неназойливо, будто в преддверье торжественной песни пробуждения к жизни — словом, Лидия изо всех сил старалась понравиться черноволосому великану, угрюмо взиравшему на ее красоту яркими синими глазами.

Дело окончено. Магический кристалл вернулся к Богине Судеб, а рыцарь получил взамен огромный изумруд с каплей моря внутри. Только что Конан отдал ему сие сокровище, взял свои три сотни золотых и, выпив на дорогу чашу крепкого красного вина, выехал из ворот, где на улице его с нетерпением ждал Элерио.

Гвидо что-то кричал вслед, рыцарь вторил ему густым своим голосом, улыбались Бенино и юный Пеппо, кланялся Ламберт — все это предназначалось ему, Конану из Киммерии, и все это, конечно, трогало его, но уже отстраненно. Недалеко отсюда, у Рабирийских гор, жила некогда старая колдунья, что спасла ему жизнь и открыла новый путь. С тех пор варвар еще не видал ее, и вот теперь стремился туда, как его друг Элерио стремился к матери. Отчего-то Конан был убежден, что Низа жива — не могла она умереть, не повидавшись с ним. Ведь он похож на нее, похож так, как сын похож на мать, когда природа ее сильна...

Он усмехнулся странным мыслям своим. Неужели это он, варвар с душою суровой и сильной? Вот меч, вот конь — дорога впереди еще длинна, и врагов на ней немало, так к чему же он сворачивает с нее? К чему? Или Низа колдовством притягивает его к себе?

Он снова усмехнулся. Какое там колдовство! Просто он хочет увидеть ее еще раз, вот и все. Конечно, потом он снова оседлает коня и выедет на свою дорогу, но — потом.

Элерио, ежемоментно вздыхая, думал о матери. О, Митра, как мысли эти согревали его сердце в тяжелые времена! Потом он выбросил их из головы вовсе, поскольку они только ранили душу и отвлекали от размышлений о более реальном в его положении исходе. Он проклинал тот день и тот миг, когда судьба свела его с бандитом Кармашаном, тем самым отняв у него по крайней мере пять лет жизни. Он проклинал себя за ту готовность, с которой вызвался служить ему. Он проклинал богов — за то, что не вразумили его вовремя... Впрочем, богов он готов был простить, во всяком

случае Митру. В конце концов, если они будут вразумлять каждого дурня, то на все остальные дела у них просто не останется сил. (То великое событие, что он все-таки ушел от Кармашана, Элерио приписывал лично себе, своей сообразительности. Действительно: при чем тут боги?) Что было потом, когда он ценою невероятных усилий вырвался из паутины Кармашана? Что же было потом? Да, потом, опустившийся и жалкий, он полгода прожил в нищете, заливая вином все страшные мысли о прошлом и будущем. Потом... А потом пришел Конан.

Кажется, Элерио лишь теперь, перед воротами родного города, поверил в то, что возвращается домой. Весь путь из Шема в Аргос он говорил с киммерийцем о чем угодно, только не об этом. Сейчас он проверил свои чувства, зная хорошо, что при сильном волнении дыхание должно быть стеснено, душа расстроена, а сердце шумно. Увы. И в этом он не был похож на других, более приличных людей. Пегие вихры его, прогретые утренним нежным солнцем, как обычно торчали в разные стороны, словно десять человек растопырили над его головой пальцы, но и душа и сердце были спокойны. Он вздохнул, втайне радуясь тому, что варвар от природы не склонен любопытствовать насчет чувств, и повернул буланую последний раз.

Вот тополь, протянувший ветви до середины улицы, мимо которого он прошел много лет назад, стремясь познать мир и показать миру себя. Вот яркий желтый камень среди остальных серых в мостовой. Вот его дом за массивными створками ворот, кои сейчас откроются перед ним... И тут сердце Элерио дало о себе знать, забившись так неистово, что он испугался умереть перед собственным домом, причем, что было бы особенно глупо, от счастья. Не слезая с лошади, он тряхнул в ворота кованым носком сапога и обернулся на друга. Конан с невозмутимым видом сидел в седле и смотрел совсем в другую сторону, явно занятый какими-то своими, очень важными мыслями. А за воротами уже слышался шум,

голоса и лязг цепей, падающих с замка... Мать и Элина... Самые близкие люди, которые, как он искренне надеялся, отныне будут с ним всегда... Вот сейчас, прямо сейчас он увидит их...

— Элерิโอ!

Два голоса — высокий и низкий, дребезжащий — слились в один. Утренняя тишина не удержалась и подхватила этот вопль резким дуновением ветра, шелестом листьев, хлопанием соседних ворот. Элерิโอ посмотрел на родных удивленным взглядом, пожал плечами, словно не понимая, почему они кричат, и рухнул без чувств на руки матери.

* * *

Конан не стал ждать, когда Элерิโอ очнется. Только он увидел, как мать прижала голову сына к груди, а Элина схватила бледную его руку, сразу пустил своего серого в яблоках вскачь, торопясь выехать из Лидии. Он точно знал, что теперь они будут счастливы, и он точно знал, что еще приедет к ним — после, когда захочется... Но суровая натура его тут же отменила хорошие слова о любви и дружбе, заменив их совсем-совсем иными. «После, — продолжал размышлять варвар, погоняя коня, — когда мне захочется отличного вина, или дорога пройдет через этот гнусный городишко, или...»

Чем дальше от Лидии уносил его серый в яблоках, тем чернее становилось небо, обещая первый за многие последние луны дождь. Земля, будто предчувствуя скорое утоление жажды, вздохнула, раскрыла все поры, помягчала, и конские копыта ударяли по ней теперь не звонко, а глухо; побежали по степи желтые суслики, мыши, разыскивая свои норки; ветер переменял направление, желая принять участие в предстоящем разбое, рванул злобно, уверенно, сыпанув принесенный из дальних далей колючий песок в лицо всаднику. Стаи черных густых туч собирались над Аргосом, но дождь все не начинался, и от этого воздух был зыбким, дрожал перед глазами серебрино-розовым светом, прони-

кал под самое сердце и там трогал его холодными мягкими губами... А может, то были лишь воспоминания...

Конан скрипнул зубами, пытаясь забыть, но мыслями все равно невольно снова и снова возвращался в прошлые дни. Как сейчас он слышал тот отчаянный стон, а потом... Потом тишину разорвал дикий животный вопль убиваемого им чудовища... Ни вонючий Сет, ни столь же вонючий Нергал не охранили своего ублюдка от смерти. А может, это светлый Митра помог Конану, заранее зная, что из его рук Лал перейдет прямо в руки Вечной Девы?

«Кто их разберет, этих богов!» — в который раз уже воскликнул про себя Конан. Однако теперь он мог быть спокоен — Кармашана уже не существует; от него не осталось ничего, и только, может быть, в кошмарном сне он потревожит покой Элерิโอ или Повелителя Змей...

Варвар поморщился, чувствуя, как заползает в душу звенящий предгрозово-воздух, ударил коваными задниками сапог в крутые бока коня, и тот полетел следом за ветром к сине-черной череде Рабирийских гор, уже показавшейся вдали. Путь к богатству и славе вновь открыт, но прежде чем отправиться туда, нужно сделать одно важное — очень важное — дело...

Он подарит этот день и эту ночь старухе колдунье, что когда-то определила единственно верное направление пути его; он расскажет ей все — от начала и до конца, и только она будет знать об одной жизни и тысяче смертей Конана-варвара; он выпьет ее крепкого темного пива, веселящего кровь, а потом уйдет — потому что он всегда уходит, как бы сердце его не желало остаться... Дороги его — нечетны, преграды на них — несметны... Киммериец поднял лицо к тучам, вдохнул холодного воздуха и громко расхохотался, с наслаждением слушая далекое эхо своего зычного голоса, катящегося по вершкам гор.

— Э-хе-хе-ей, Ни-иза-а! — заорал он, отлично зная, что она пока не может его услышать, потому что он

едва подъехал к полосе леса, отделявшей ее хижину от поля.— Я вернулся-а-а!

Серый в яблоках врезался мощной грудью в кустарник и, наклонив голову, поскакал через лес, стремясь завершить наконец долгое это путешествие. Ветки хлестали его по морде, трескали под ногами, словно желая испугать и прогнать, но он все равно летел вперед, понимая, что его неугомонный седок не успокоится до тех пор, пока он не привезет его на место... Что-то вдруг громыхнуло наверху, лопнули туго натянутые струны воздуха, и в глаз коню упала ледяная капля, слезой скатившись к шее... Что там творится? Не замедляя бега, серый в яблоках удивленно поднял голову и, в жеребячем восторге всхрапнув, тут же по-взрослому, с чувством, заржал, приветствуя природу: вот теперь он был действительно счастлив. Дождь начался.

Глава первая

В этот день смутная тревога с самого утра не покидала Конана, могущественного короля Аквилонии. Тщетно он искал ее причины — и не находил. После славных побед над врагами жизнь в королевстве, которым он правил мудро и строго, текла мирно и спокойно, не давая оснований для тревоги. Но что-то все-таки томило и мучило его весь день. Под вечер, покончив с государственными делами, киммериец направился в покои королевы Зенобии, надеясь рядом с ней избавиться от душевной тяжести. Он стремительно шел по коридорам дворца, не обращая внимания на почтительно склонявшихся слуг. Черные волосы непокорной гривой рассыпались по плечам, синие глаза мрачно глядели из-под насупленных бровей. Но, услышав за дверью, ведущей в покои Зенобии, знакомый смех, он невольно улыбнулся, и нахмуренный лоб разгладился. Так, с улыбкой, он и вошел к королеве, сначала не заметившей его появления. Она со своими приближенными дамами стояла у окна и кормила ручных голубей, живущих высоко под крышами дворцовых башен. Голуби, напуганные появлением черноволосого гиганта, с шумом вспорхнули с подоконника, и Зенобия обернулась, уже угадав, кто стоит у нее за спиной.

Она взглянула возлюбленному в глаза, и от нее не укрылась тревога, томившая царственного супруга. Мановением руки отпустив дам, она спросила:

— Что-нибудь случилось, милый? Ты улыбаешься, но на душе у тебя тревожно, я же вижу!

— Я и сам не знаю, что меня беспокоит. В королевстве все спокойно, гонцы не принесли никаких тревожных вестей. А все-таки что-то не так... Ты ничего не чувствуешь?

— Нет, милый, ничего. Только мне сегодня все время хочется спать. Я велела дамам петь, мы даже потанцевали немного, потом кормили голубей...

Конан только сейчас заметил, какая она бледная, какие у нее усталые глаза.

— Я сам отнесу тебя в опочивальню, а завтра ты проснешься свежая, как цветок, и веселая, как птичка, — сказал он и легко, как ребенка, подхватил ее на руки.

В опочивальне он велел служанкам поторопиться, помогая госпоже переодеться на ночь, поцеловал ее, совсем засыпающую, и тихо ушел к себе.

Сон затягивал Зенобию, как омут, кружил в черных вязких водоворотах, опутывал руки и ноги клубками трепещущих нитей, глушил судорожно рвущийся из горла крик. Она уже целую вечность пыталась вырваться из этого кошмара, крошечным ясным кусочком сознания понимая, что это сон. И в то же время это была явь, страшная, заволакивающая, колдовская, где чья-то темная воля играла ею, как буря играет сухим листком.

Перед ее широко раскрытыми от ужаса глазами мелькали смутные тени, то принимавшие какие-то очертания, то вновь разлетающиеся бесформенными яркими пятнами, сплетениями разноцветных полос, россыпями сверкающих во тьме точек. Разум ее изнемогал в этой бессмысленной борьбе с непостижимым. Казалось, еще немного — и она сама распадется на искры и полосы, а потом и совсем растает во мраке. И тогда она почувствовала, что тьма пристально смотрит в глаза невидимым оком и шепчет голосом, звучащим прямо у нее в мозгу:

— Рагон Сатх... Рагон Сатх... Рагон Сатх...

Она опять забилась, пытаясь избавиться от муки, но горло вдруг сжал острый железный обруч, и все утонуло в багровом сиянии и ее собственном крике...

Потом наступила тишина. Сероватый полумрак мягко покачивался перед глазами, где-то вдалеке смутно слышались тихие шорохи, которые, приближаясь, становились все громче. Она пыталась понять хоть слово, и в этот момент пелена прорвалась и свет хлынул в ее раскрывшиеся глаза. Голоса на мгновение смолкли и тут же зазвучали вновь.

— Она очнулась! Королева открыла глаза! — радостно защебетал юный голосок.

— Растирай руки, Имма, не останавливайся! — властно приказал суровый мужской голос, и она увидела склонившееся над ней смутно знакомое лицо. Когда-то давно, целую вечность назад, она его знала... Кто это? Ее губы шевельнулись, спрашивая. Человек понял, наклонился и негромко сказал:

— Это я, Дамунк, о королева! Лекарь Дамунк! Еще немного, и тебе станет лучше! — С этими словами он поднес к ее лицу флакон с ароматическим снадобьем. Резкий запах сразу прогнал туман, окутавший сознание. Краски, звуки, воспоминания потоком хлынули на нее, и только что мучивший ее кошмар вдруг отодвинулся куда-то далеко, уступив место знакомой жизни.

Вконец обессиленная, королева Зенобия лежала разметавшись на ложе. Казалось, она всю ночь оборонялась от дюжины врагов — даже тяжелый полог был сдернут и бесформенной кучей валялся на полу. Ночное одеяние тоже было изорвано в клочья — так страшно билась и металась королева в плену своего сна.

Встревоженные служанки испуганной стайкой жалась в стороне — они почти всю ночь пытались разбудить королеву, но кошмар не выпускал ее из своих цепких объятий. И лишь когда из своих покоев прибежал встревоженный король Конан, он, силой своих могучих рук, смог удержать прекрасную Зенобию, бившуюся и стонавшую в тягостном сне.

Только утром, когда взошло солнце, придворный лекарь Дамунк и его маленькая проворная помощница смогли разбудить королеву. Конан удерживал ее трепещущее тело, а ласковые сильные руки Иммы крепко натирали ладони и маленькие ступни Зенобии целебными мазями. Лекарь то и дело подносил к ее ноздрям флакон с ароматическим зельем, и, когда наконец она с трудом приоткрыла глаза, затуманенным взором глядя куда-то вверх, он склонил над ней седую голову, пытаясь поймать ее взгляд и вызволить из кошмара.

— Я — Дамунк, о королева! Лекарь Дамунк!

Глаза Зенобии прояснились, она смотрела вокруг, узнавая и вспоминая. Еще одно лицо склонилось над ней: встревоженные синие глаза, непокорная грива густых черных волос, жестко очерченные губы. Это лицо, каждую черточку и каждый шрам которого она так хорошо знала, страшное в гневе и открытое в радости, теперь исказила гримаса тревоги и страдания. Пересохшие губы разжались, и она прошептала, с трудом узнавая свой голос:

— Конан! Конан, спаси меня!

Руки мужа нежно сжали хрупкие плечи королевы, приподняли ее голову, откинули спутанные пряди волос. За его спиной вдруг приглушенно вскрикнул лекарь:

— О Боги! Что это?!

Белую шею Зенобии охватывал узкий багровый рубец, похожий на след от ошейника. Конан осторожно прикоснулся к нему кончиками пальцев, и королева откинула голову, застонав от пронзительной боли, мгновенно вызвавшей из глубин памяти грозное имя — страх и муку ее ночных видений:

— Рагон Сатх... Рагон Сатх... — со стоном прошептала она.

Дамунк эхом повторил:

— Рагон Сатх... Рагон Сатх... Я встречал это имя в древних колдовских книгах... Это страшный маг, уни-

жающий во сне. Ему что-то надо от людей, и люди погибают, выполняя его волю...

— Клянусь Кромом, королеву я ему не отдам! Не бойся, я здесь, с тобой! — Конан ласково гладил лоб, волосы, руки прекрасной Зенобии, пока она наконец не уснула спокойным сном. Служанки и маленькая Имма остались около нее, готовые в любой момент вырвать королеву из когтей ужаса, а Дамунк повел Конана в свое хранилище, где на полках стояли древние колдовские книги, а на столах грудями лежали свитки с рецептами снадобий и заклинаниями.

Здесь, в полутемной комнате, пропахшей пылью и травами, отгоняющими мышей, среди трактатов, таивших в себе смерть и исцеление, король Конан сел напротив лекаря, и Дамунк, сняв с полки тяжелую толстую книгу в кожаном переплете с серебряными застежками, стал листать пожелтевшие страницы. Король долго ждал и в конце концов, потеряв терпение, спросил:

— Ну, ты нашел что-нибудь про это Нергалье отродье?! Что скажешь об этом Рагоне Сатхе?!

— Имя Рагон Сатх на древнем стигийском наречии означает «Плененный Вечностью». Здесь, в этой старой книге, написано, что он своими злодеяниями прогневил и богов, и демонов.

— Так что же, боги и демоны не могли его просто уничтожить?! Почему он еще жив и продолжает творить зло?

— Нам, людям, не всегда дано понять, чего хотят боги... Возможно, смерть была бы ему слишком легкой карой.

— Слишком легкой! Что может быть хуже смерти?!

— А ты, король, что бы выбрал — смерть или нескончаемую пытку одиночеством? Заточение, когда ты наедине с собой — сто, тысячу, две тысячи лет, и убежать невозможно?

Король помолчал, представив себя на месте мага, и нехотя ответил:

— Ты прав, Дамунк, я бы выбрал смерть... Но что ему надо от людей?!

— Ему было обещано освобождение, если смертный сделает для него то, что может свершить лишь колдун. Сомнительная надежда. Вот он и терзает людей, посылая их на смерть.

— И что же, теперь он хочет этого от Зенобии? От слабой женщины?

— Мы не знаем, что ему надо. Может, и женщине это под силу, а может, тут кроется что-то другое. В книге ничего больше не написано, кроме того, что Рагон Сатх властен над людьми, только ночью, во сне...

Королева... Конан сжал кулаки, приходя в ярость от невозможности оградить ее от чуждой воли. Древние книги, которые просматривал Дамунк, не содержали никаких заклинаний или снадобий, способных помочь в данном случае и отогнать колдовство.

Кресло, на котором сидел король, полетело в сторону, на пол посыпались потревоженные свитки, раздался грохот захлопнувшейся двери, и Дамунк остался один, подбирая с пола свои сокровища.

К тому времени, как Конан вернулся в спальню Зенобии, она уже проснулась и, приподнявшись на смятых подушках, с изумлением оглядывалась по сторонам. Конан вошел, кивком головы отослал служанок, велел Имме принести вина и сел рядом с королевой. Ярко-красный рубец на шее, который утром так испугал Дамунка, сейчас побледнел и еле заметной розовой полосой выделялся на белой коже.

— Конан, что случилось?! Кто посмел устроить здесь такой разгром? Мой любимый полог, смотри, он разорван! О Боги, что это?! — Королева вдруг заметила, что ее тело едва прикрыто обрывками легкой ткани, еще вчера бывшими прелестным ночным одеянием. Зенобия испуганно вскочила с истерзанного ложа, длинные спутанные волосы рассыпались по обнаженным плечам, глаза метали гневные молнии.

— Конан, милый, я ничего не понимаю! Объясни мне, что случилось! Вечером, когда ты ушел от меня, все было как обычно. И вот сейчас, утром, вдруг такое! А мои волосы! Что с ними? Теперь мне целый день придется просидеть, пока служанки их расчешут! — она гневно топнула ногой, пытаясь распутать длинную прядь.

— Так ты ничего не помнишь? Не помнишь, что тебе снилось?

— Мне ничего не снилось! Ты ушел, я крепко уснула, сейчас проснулась — и вдруг такое! А что я должна помнить?! Ведь не я же все это устроила! Или ты хочешь сказать, что я?... — Она вдруг притихла, испуганно глядя на измученное тревогой лицо Конана. Он молча кивнул, наклонившись, обнял ее за плечи и стал нежно гладить спутанные волосы. Взглянув на окно, королева заметила, что солнце уже склоняется к горизонту и вечерние тени ложатся под деревьями. Она резко отстранилась и вскрикнула:

— Смотри, уже вечер! Я так долго спала? Конан, не мучай меня, расскажи, что случилось?

Пока она пила вино, настоянное на целебных травах, и ела принесенные Иммой кушанья, Конан поведал о событиях минувшей ночи. Королева с удивлением выслушала его, еще раз осмотрелась и велела служанкам привести все в порядок. Пока одни служанки хлопотали, приводя спальню в прежний вид, а другие осторожно расчесывали спутанные волосы Зенобии, она сидела напротив зеркала, не сводя глаз с бледно-розовой полосы на шее.

В спальню, бесшумно ступая по толстому ковру, вошел Дамунк и остановился около короля. Конан прошептал, не отводя глаз от Зенобии:

— Она ничего не помнит и ~~не очень~~ верит тому, что я рассказывал. ~~Приближается~~ ~~ночь~~, что нам делать? Я не отойду от нее ни на шаг, и ты останешься здесь со своими снадобьями. Сейчас я пойду отдам кое-какие распоряжения — гонцы ждут с самого утра, а ты будь тут и глаз с нее не спускай!

Конан вышел, а королева все смотрела на свое отражение, пытаясь что-то вспомнить и водя пальцем по розовой полосе. Когда служанки наконец расчесали волосы и заплели их в тугие косы, солнце уже скрылось за деревьями, и только алые облака сияли на небесах, тоже готовые вот-вот погаснуть.

Конан вернулся к Зенобии, готовый провести около нее всю ночь, и невольно залюбовался своей королевой — так она была хороша в новом платье из легкой струящейся материи, с гордо поднятой головой и решительно сжатыми губами. Стоя около своего роскошного ложа, задумчиво прикасаясь к расшитому пологу, она сказала:

— Я не буду спать этой ночью! Конан, будь рядом со мной, не давай мне уснуть! То, что ты рассказал, было так страшно... Я боюсь, вдруг я умру, как те, другие, которых колдун убил во сне!

— Я здесь, с тобой, и никуда не уйду! И Дамунк будет тут, и Имма. Мы будем разговаривать всю ночь, а утром ты спокойно уснешь! Имма, распорядись, чтобы сюда принесли кости — они наверняка найдутся у кого-нибудь из стражи. Я вас сейчас научу этой разбойничьей игре, вы и не вспомните, что ночь создана для сна — ночь создана, чтобы играть и рассказывать всякие небылицы. Дамунк, ты человек ученый, тебе и начинать. Только не вздумай говорить о серьезных вещах, лучше вспомни, как ты был молодым и бегал за девочками! — Король подтолкнул локтем смутившегося лекаря и с радостью заметил лукавую улыбку на губах Зенобии.

Вернулась Имма, неся поднос с освежающим питьем и сладостями для королевы, а идущий следом слуга робко поставил на стол стаканчик с костями. Когда он вышел, все четверо уселись на ковер, и почтенный Дамунк начал плести такую историю, что Конан стал вспоминать, не встречались ли они в давние времена на улицах Шадизара, этого гнезда воров и разбойников. Зенобия хохотала, а маленькая Имма бросала сердитые

взгляды на своего учителя, недоверчиво встряхивая кудрявой головкой. Лекарь с видимым облегчением закончил свой рассказ, и настала очередь короля научить свою королеву играть в кости, как вдруг он почувствовал, что рука, лежавшая на его плече, вдруг соскользнула вниз, и Зенобия мягко повалилась на ковер. Она крепко спала.

Конан попробовал ее разбудить, но она нахмурилась во сне, как капризный ребенок, и уютно свернулась калачиком. Он подхватил ее на руки и бережно уложил на постель, не сводя глаз со спокойного лица. Казалось, ничто не нарушит безмятежность этого сна.

Время тянулось медленно, ночная тишина убаюкивала. Имма дремала в кресле, положив голову на подлокотник. Дамунк боролся со сном, расхаживая из угла в угол и разглядывая давно знакомое убранство королевской спальни.

Затейливая резьба деревянных панелей, украшавших стены, такая забавная днем, теперь, в мерцающем свете одинокого светильника, казалось, таила в себе угрозу. Маленькие крылатые дракончики гонялись друг за другом, прячась среди цветов и листьев. Неверный отблеск пламени оживлял крохотных чудовищ, и они, как настоящие, извиваясь, трепетали перепончатыми крыльями, а цветы, жалобно вздыхая, шевелили лепестками. Лекарь зажмурился, потряс головой, отгоняя наваждение, и отвернулся.

Зенобия безмятежно спала. Конан уже начал надеяться, что кошмар не повторится, как вдруг губы ее страдальчески дрогнули и раздался тихий жалобный стон. Голова судорожно откинулась назад, а руки потянулись к шее, пытаясь освободиться от чего-то невидимого. И снова королева забилась, как пойманная птица, а Конан вновь старался удержать ее на ложе, сжимая в крепких объятиях. Маленькие руки отбивались от него с нечеловеческой силой, тело трепетало и извивалось, вырываясь из неведомого плена, а на шее опять тускло блестел узкий железный ошейник.

Лекарь попытался подойти к Зенобии со своими снадобьями, но был тут же отброшен в сторону. Только могучие руки Конана могли удержать королеву. Вмиг пробудившееся звериное чутье варвара подсказывало киммерийцу, что борется он со злобной враждебной силой. Прижимая к себе всегда столь желанное тело Зенобии, он понимал, что избавиться от чужой воли несчастная королева могла лишь убив себя.

Когда Дамунк и Имма снова подошли к ложу, пытаясь поднести к ее ноздрям флаконы, Конан, не разжимая железных объятий, прорычал сквозь стиснутые зубы:

— Не подходите! Теперь ждите до утра! Отойдите дальше!

Еще долго продолжалась эта схватка с вселившейся в прекрасное женское тело колдовской мощью, но наконец краем глаза Конан увидел, что звезды погасли и небо начало светлеть. Что принесет королеве это утро? Неужели она больше не увидит солнца, не посмотрит на него своими ясными глазами, не засмеется озорным смехом? Где она сейчас, какие мучения испытывает ее душа во власти этого демона?!

— Кр-р-ром! Я не отдам тебя! Ты вернешься! Ты вернешься! — хрипло шептал Конан, не выпуская из объятий бьющуюся королеву.

Внезапно все стихло. Она лежала вытянувшись на ложе, неподвижная, как статуя. Конан, тяжело дыша, отпустил плечи жены и вгляделся в застывшее лицо. Нет, это было не ее лицо! У нее никогда не было такого выражения, никогда губы не изгибались так надменно и повелительно! Глаза были закрыты, но Конану казалось, что они смотрят на него сквозь сомкнутые веки.

— Пусть они уйдут! — вдруг произнесли эти губы чужим властным голосом, от которого повеяло смертью. — Пусть они уйдут, а ты останься! Скорее!

Дамунк хотел что-то сказать, но Конан быстро подтолкнул его и испуганную девушку к двери, закрыл засов и вернулся к Зенобии. Она медленно села, как

села бы ожившая мраморная статуя. Тяжелые веки поднялись, и на Конана глянули огромные глаза, сверкавшие блеском огня и снега. Губы послушно зашевелились, произнося чужие слова:

— Королева в моей власти! Она может умереть, а может и остаться жить! Я каждую ночь буду приходить к ней, если ты не займешь ее место! Мне нужен ты, варвар, только ты!

Сердце Конана разрывалось от боли и ярости. Перед ним — страшный враг, которого нельзя убить, которому придется поклониться! Выбора не было.

— Отпусти ее, я согласен! — Его голос дрожал от гнева, ногти до крови впились в ладони.

— Я знал, что ты согласишься, люди все одинаковы! Завтра ночью ты закроешься в своей спальне и будешь ждать! Я, Рагон Сатх, хочу видеть тебя! Прощай! — Тело королевы внезапно обмякло, и она обессиленно повалилась на подушки. Раздался тихий звон, и на пол покатылся лопнувший железный обруч, сжимавший ее шею.

Бросившись к двери, Конан, срывая засов, рывком распахнул ее, и в спальню вбежали лекарь и его ученица. Они захлопотали вокруг Зенобии, приводя ее в чувство, а Конан поднял с пола железный обруч и подошел к окну, чтобы получше его рассмотреть. Металл, похожий на полированное железо, своим ледяным холодом обжигал пальцы, его хотелось отбросить, как ядовитую змею, но он все всматривался в таинственные знаки, черной вязью украшавшие обруч. Он хотел позвать Дамунка, чтобы показать ему колдовские письмена, но тут на обруч упал розовый луч солнца — и проклятый ошейник растаял дымной струйкой, только пальцы Конана продолжали гореть, как от ожога.

Зенобия лежала, глядя в потолок невидящими глазами. Лицо за эту ночь совсем осунулось, волосы потускнели, бескровные губы пересохли и потрескались. Конан приподнял безвольное тело жены, и лекарю удалось влить в скорбно сжатый рот несколько капель вина. Она закрыла глаза, и ее бережно уложили обрат-

но на подушки. Спокойный сон прогнал страдальческое выражение с побледневшего лица и дал отдых измученному телу.

За дверью спальни ожидали встревоженные дамы, все в королевском дворце замерло в предчувствии несчастья.

Конан вышел от Зенобии, плотно прикрыв дверь. Жизнь продолжается, и дела королевства не менее важны, чем жизнь королевы. Он объявил, что королеву мучили дурные сны и теперь она отдыхает. Услуги придворных ей пока не нужны, лекарь и служанки справятся сами.

День прошел своим чередом. Дела король вершил быстро и решительно, и к вечеру тревога во дворце совсем улеглась. Отпустив последнего гонца, Конан наконец поспешил к Зенобии. Глядя на его спокойное лицо, никто не догадался бы, какие мучительные мысли роятся в голове киммерийца. Как там его королева? От лекаря никто не приходил, значит, ничего страшного. Приближается ночь... Что она принесет? Что будет завтра? И будет ли это завтра? Он тряхнул головой, прогоняя сомнение. Все будет, и завтра, и вся долгая жизнь! Настала пора встретиться еще с одним магом, а сколько их было! Конан усмехнулся, по опыту зная, как порой слабы и беспомощны бывают все эти волшебники, встретившись с его не знающей сомнений волей, и, все еще улыбаясь, вошел в спальню Зенобии.

Она, как и вчера, сидела у зеркала, одетая в парадное платье, с высоко уложенными волосами. Крепкий сон вернул краски и свежесть ее лицу, зажег глаза прежним блеском. Она повернула голову и улыбнулась в ответ на его улыбку. Его глаза искали след от колдовского ошейника, но стройная шея, поддерживавшая гордую голову, сияла безупречной белизной.

— Что со мной, Конан? Я стала так поздно просыпаться! Уже скоро вечер, а я только что поднялась. Но зато как мне хорошо! Я хочу пойти в сад. Вели приготовить все для ужина в саду, мы будем допоздна

веселиться! Пусть музыканты играют, мне сейчас хочется танцевать!

— Я очень рад, что ты проснулась такой веселой. Сейчас в саду накроют столы, и ты будешь хозяйкой ночного праздника. Пусть музыка играет погромче, чтобы и я ее слышал. Мне придется на всю ночь уединиться с Дамунком — поверь, это очень важно! А утром мы встретимся, и ты мне все расскажешь. Смотри только, не слишком улыбайся юному Готнару — иначе мне придется услать его в дальний гарнизон кормить змей и лягушек! Прости, мне уже пора, повеселись за двоих, дорогая!

Дамы окружили королеву, и она, не успев рассердиться на Конана, тут же снова улыбнулась. Вечером в саду было в самом деле чудесно. На деревьях зажгли маленькие фонарики, привезенные из заморских стран, негромко заиграли музыканты, спрятавшиеся в заросшей плющом беседке.

Королева приколотла к волосам душистый ночной цветок, села во главе длинного стола и решила, что обязательно вскружит сегодня голову молодому Готнару — а завтра пусть он отправляется в самый дальний гарнизон, к пиктам и лягушкам! Подумаешь, важные дела с этим лекарем! Ну, Конан, смотри не пожалей!

Музыка заиграла громче, зазвенели кубки, слуги как угорелые летали из сада в дворцовую кухню и обратно, сгибаясь под тяжестью блюд и серебряных кувшинов с вином.

Королева изредка, нахмурившись, поглядывала на пустое кресло, предназначенное для Конана. Но тут же лукавая улыбка снова появлялась на алых губах, и она, склонив голову и опустив длинные ресницы, слушала, что напештывает ей Готнар, молодой повеса из свиты короля. Он всегда ухитрялся оказаться рядом с ней, когда Конана не было поблизости, и без усталости превозносил ее красоту. Когда же ему приходилось сопровождать короля, он всегда искал ее пламенным взором, и часто она даже спиной чувствовала, как он пожирает

ее глазами. Конан от души забавлялся этой игрой, и вечерами они оба, бывало, хохотали над этой рыбкой, бьющейся на крючке любви.

Сейчас, досадуя на Конана, она чувствовала, что позволяет себе лишнее, но вечная женская жажда поклонения толкала ее продолжать опасную игру.

Тем временем на небольшую лужайку, ярко освещенную разноцветными фонариками, чинно вышла крохотная пара — два карлика, купленные королем, каждый за слиток золота. Их привезли издалека, специально на потеху блестящего аквилонского двора. Не больше половины обычного человеческого роста, стройные, с красивыми гладкими личиками, доверчивыми карими глазами и вьющимися каштановыми волосами, они казались вечными детьми, братом и сестрой. Но это были взрослые люди, хотя никто не знал, сколько им лет. Голоса их, тонкие и пронзительные, как у птиц, всегда вызывали у Зенобии улыбку, а когда они пели любовные песни, она не могла удержаться от смеха.

Теперь же они были одеты в наряды, в точности повторявшие наряды короля и королевы. Их головы венчали золотые обручи с сияющими зубцами, на поясе у карлика болтался огромный меч, цепляясь за ноги и вызывая взрывы хохота.

Они танцевали медленно, важно, то с поклонами расходясь, то вновь сходясь, чтобы степенно покружиться, взявшись за руки. Меч путался в траве, задевал за юбку крошечной королевы, но они невозмутимо кружились, величественно кланялись и изящно взмахивали руками.

Зенобия, изнемогая от смеха, с трудом сняла с руки драгоценный браслет и бросила его крошке-королю. Тот ловко поймал его на лету, благодарно улыбнулся и важно надел поверх рукава своего одеяния. Другие придворные тоже стали бросать шутам драгоценности, и малютка-королева не спеша собирала их в подол, словно спелые яблоки. Это вызвало новый взрыв хохота, музыка загремела громче, и на смену карликам на

полянку стали выходить новые танцующие пары. Кавалеры и дамы кружились в танце, наслаждаясь ночной прохладой. Королева танцевала с Готнармом, ее загадочная улыбка дразнила и обнадеживала.

Шум праздника слабыми отголосками долетал до спальни короля, где он отдавал последние приказания лекарю и двум дюжим стражникам. Это были надежные молодцы из его личной охраны, они знали многое и были немые, как могила. Вот и теперь им предстояло нести ночной караул у дверей королевской спальни, а утром быть здесь же, под рукой, чтобы привести Конана в чувство, если колдовская сила не отпустит его сама. Имма, маленькая помощница лекаря, стояла тут же, умоляюще глядя на Конана — она словно чувствовала, что ее собираются отослать. Славная девочка, истинные чувства которой давно уже не были секретом для короля. Когда она натирала целебными мазями его ноги, уставшие от многодневной охоты, или массировала тело, возвращая затвердевшим буграм мышц мягкость и легкость, в трепете ее сильных рук безошибочно чувствовалось нечто большее, чем старание служанки. Это были любящие прикосновения, и они выдавали ее так же, как полужакрытые глаза и вздрагивающие от скрытой нежности губы.

Где-то глубоко в душе Конан чувствовал ответный отклик на этот робкий призыв и знал, что когда-нибудь сожмет в объятиях это стройное смуглое тело, зароеется лицом в непокорные завитки черных волос, глубоко заглянет в ее глаза. А какого они цвета, эти глаза? Золотистые? Зеленые? Он так и не смог рассмотреть. Все равно приятно было сознавать, что все это будет... Но не сейчас... Когда-нибудь потом...

Поэтому он и хотел отослать ее, чтобы она не видела его в час бессилия, а может, и смерти. Но ее глаза смотрели так требовательно и в то же время умоляюще, что он сдался:

— Ладно, Имма, ты тоже останься, приготовь вино — твое знаменитое, на травах, что и мертвого поднимет, и

растирай меня покрепче, уж я-то знаю, какие у тебя сильные руки, малышка!

Она расцвела, услышав его похвалу, и, повинувшись кивку Дамунка, побежала готовить снадобья. Конан, перед тем как запереться в спальне, велел лекарю запомнить все, что он будет говорить утром.

Дверь захлопнулась, звякнул засов, и Дамунк приготовился ждать всю ночь, не смыкая глаз. Стражники, словно бронзовые изваяния, замерли по обе стороны дверей, опершись на алебарды, готовые скорее умереть, чем допустить кого-либо к королю.

Конан прошелся по спальне, вслушиваясь в отдаленные звуки музыки и всплески веселого смеха, постоял у окна, вдыхая пьянящий аромат цветущего сада, потом решительно закрыл окно и подошел к ложу. Глядя на него в этот момент, можно было подумать, что где-то неподалеку ждет оседланный конь, а сам он собрался в опасный путь. Как раньше, во времена, когда необузданный варвар мотался по свету, добывая удачу мечом и секирой, на нем была надета простая свободная туника, широкий кожаный пояс с кинжалом, на ногах — прочные дорожные сандалии. После некоторых колебаний он пристегнул к поясу меч из чудесной стали, способный рубить камни. Это был прежний Конан — воин, пират, искатель приключений. На голове, вместо золотого обруча с огромным искрящимся камнем — символом королевской власти, был обычный кожаный ремешок, стягивающий непокорные черные волосы.

Конан присел на ложе, в ожидании неведомой опасности, но вместо этого почувствовал приятное покачивание — ему показалось, что он снова маленький мальчик, усталый и невыспавшийся. И вот оно перед ним, мягкое ложе и пышные подушки, такие желанные и соблазнительные! Мгновение — и вот киммериец уже удобно устроился на этих подушках, подложив под щеку могучую руку. Счастливая улыбка мелькнула на строгих губах, и он уснул, безмятежно, как в детстве.

Глава вторая

Он несся со страшной быстротой через темные спирали сновидения, неясные фигуры смутными пятнами пролетали мимо и таяли далеко позади. Казалось, этот полет может продолжаться вечно — без мыслей, без осознания себя, но вот мелькание неясных пятен приостановилось, и Конан беспомощно забарахтался в пустоте, мысленно ругаясь и поминая всех демонов, каких только знал. Нащупав меч, он рывком выхватил клинок из ножен и размахнулся, пытаясь перерубить невидимую паутину, не дававшую ему привычно встать на ноги. Но перерубать было нечего и стоять было не на чем: эти клочья тумана висели в пустоте так же, как и он сам — могучий король Конан.

Яростные ругательства потоком прорвались наружу, но предательский туман глушил их, как подушка, прижатая к лицу.

Внезапно раздался звук, от которого заломило уши, и серые клочья, затрепетав, стали разлетаться в стороны. Это был хохот, от которого мог лопнуть мозг и глаза готовы были вылезти из орбит. Почти теряя сознание, но крепко сжимая немеющей рукой оружие, Конан полетел со страшной высоты куда-то вниз.

Он упал на что-то мягкое и тут же упруго вскочил, слегка согнув сильные ноги и сжав меч, готовый отразить любую атаку. И снова раздался этот жуткий хохот, выворачивающий внутренности и заставляющий

дрожать колени. Неимоверным усилием воли Конан подавил предательскую дрожь, глаза от ярости налились кровью, и он резко обернулся, ища врага.

Да, враг был здесь, его присутствие Конан чувствовал каждой частицей своего тела, но глаза видели лишь странную комнату, в которой он оказался, и стоявший на золотом возвышении прозрачный сверкающий трон.

Не выпуская меча, все так же напружинив ноги, готовый к стремительному прыжку, как разъяренный барс, варвар огляделся по сторонам.

Его ноги по щиколотку утопали то ли в мягком красноватом ковре, то ли в шкурах неведомых зверей, искусно сшитых и покрывавших весь пол. Только золотое возвышение с тронном сияло посреди пушистого ворса. Сама комната была похожа на огромный шестигранный купол. Шесть стен из красновато-золотистого металла, похожего на медь, сходились над головой, и из точки, где все они смыкались, свисал на тонкой нити сияющий белый шар. Его свет причудливо преломлялся в многочисленных гранях прозрачного трона, играя крошечными радугами и бликами.

Конан отвел глаза от этого пронзительного сияния и снова стал рассматривать стены, готовый лицом к лицу встретить опасность.

Посреди каждой из шести граней висел большой кусок материи с вытканными загадочными символами. За этими тканями, похоже, были двери или окна, потому что полотнища колыхались и трепетали, как от легких порывов ветра. Конан хотел уже откинуть мечом одно из этих полотнищ, но его остановил властный голос, загремевший за спиной:

— Остановись, безумец! Еще не время! Обернись!

Он резко обернулся, выставив вперед меч, и увидел сидящего на троне хозяина этой пустой и странной комнаты, хозяина его сна. Сразу стало ясно, что любой меч бессилен что-либо сделать с этим существом, глядящим на него с высоты своего трона. Величественная фигура то обретала почти осязаемую плоть, то станови-

лась зыбкой и расплывчатой. Лицо с пронзительными, ледяными глазами тоже все время менялось — суровый старик превратился в юношу с надменным жестким лицом, через мгновение ставшим почти совсем непохожим на человеческое, с кривыми, торчащими книзу клыками.

Конан стоял, опустив бесполезный меч на мягкую шерсть ковра, и смотрел на бесконечную череду превращений того, кто отныне был властен над его жизнью и смертью. Но он все время играл в эту игру и теперь без страха ждал, что будет дальше. Что-то ему нужно, этому демону, в чем-то маг, как и все они, слабее человека, и именно у простого смертного часто ищут чародеи поддержки своей колдовской силе.

Наконец тот, кто сидел на троне, перестал менять свои обличья, и на киммерийца теперь глядело существо, вполне похожее на человека, с таким же мощным, как у Конана, телом. Слегка седоватые волосы были коротко подстрижены, отчего лицо казалось высеченным из темного камня. Оно было бы даже величественным, если бы не этот взгляд, пронзающий насквозь обжигающим холодом и в то же время полный смертельной тоски, и не горькая складка поджатых губ, прячущих муку в глумливой надменности.

— Ты мне нравишься, варвар! Давно я не встречал такого, как ты... Вижу, в твоей душе нет страха, ты разозлен, разгневан, но не боишься... Это хорошо, значит, тебя хватит на три, а то и на четыре двери. Ты подаришь мне три или четыре восхитительные ночи надежды! А потом — конец, как и у всех. Я не лукавлю перед тобой, ты не выйдешь отсюда живым, как и я не выйду отсюда вовеки... Мы с тобой — оба пленники, ты — мой, а я — пленник Вечности. Твоя участь даже лучше моей, ты хоть можешь умереть!

Конан смотрел на это лицо, слушал бесстрастно произносимые слова, отыскивая в его сердце неожиданной волной понимания и сочувствия. Сила, заточен-

ная в этой медной коробке, еще более неукротимая, чем его собственная, веками бьется и ищет выхода, а впереди — века и тысячелетия мрачного плена...

Он оперся руками на крестовину своего меча, прямо глядя в глаза могущественного пленника, и сказал:

— Так это ты — Рагон Сатх, плененный Вечностью, и тебе от меня что-то нужно, как от тех, что умерли во сне, проклиная твое имя? Но зачем ты мучил Зенобию, слабую женщину, ведь она все равно ничем не могла тебе помочь? Для того, чтобы скоротать твою вечность?! — Синие глаза снова запылали яростью, когда он вспомнил безжизненное лицо и запрокинутую голову измученной королевы.

Снова раздался смех, болью пронзивший все тело Конана.

— Вечность — не так уж мало, чтобы изучить вас, людей, мошек, живущих одно мгновение. Все вы одинаковы, хоть и воображаете себя разными. Вы так же похожи друг на друга, как трава на полях, как рыбы в реках, как птицы в стаях... И если больно вашим близким, то каждый готов отдать себя кому угодно, лишь бы унять эту боль. Ну, например, мне! Разве не так?

— Ты прав, колдун, я никогда не боялся за себя, а за нее — боюсь. Ты нашел слабое место в моем сердце, и вот я здесь, перед тобой. Ну, я жду, что скажешь?

— Варвар, ты мне нравишься все больше! Поверь, мне будет жаль, когда ты погибнешь! Я буду часто вспоминать тебя, пока не появится кто-то еще лучше. Но таких мало, очень мало... Не стану тебе рассказывать, как я очутился в этой башне, — ты все равно не поймешь, да и я не хочу вспоминать минувшее... Тысячи лет слегка притушили огонь ненависти, но он будет жечь меня вечно... если я не выйду отсюда. Ах, с какой легкостью я бы сделал все сам и покинул эту клетку! Но нет, я должен ждать, когда ничтожный смертный пройдет по пути богов и откроет мне шесть дверей Вечности! Несбыточная надежда!

— Что я должен сделать для тебя, чтобы ты обрел свою свободу? И что я получу взамен, если сделаю то, что ты захочешь?

— Что ты получишь?! То же, что и я, — свободу, свою маленькую человеческую свободу, вернее, то, что вы, люди, называете свободой, ибо что о ней может знать смертный! Подойди ко мне, ближе, еще ближе, еще!.. — Его вытянутая рука слегка коснулась шеи Конана, и король почувствовал, как сомкнулся ошейник, покалывая кожу тысячами ледяных иголок. Он попытался сорвать холодный обруч, но это причинило ему новую боль. Киммериец поднял гневные глаза и встретился с пронзительным властным взглядом Рагон Сатха. Слегка наклонившись вперед, он смотрел на Конана, усмиряя его гнев, а на его могучей шее тускло блестел такой же ошейник.

— Я тебе уже говорил, что мы оба пленники. А теперь ты откроешь одну из дверей и добудешь за ней то, что тебе покажется самым важным. Я буду следить за тобой и кое в чем помогу. Но это — если ты сам поймешь и услышишь... Иди! — Он показал рукой на одно из полотнищ, оно взметнулось вверх, как от порыва сильного ветра, и Конан, убрав в ножны меч, решительно шагнул в клубящуюся тьму.

На этот раз падение не было долгим. В глаза ударил ослепительный свет, и в то же мгновение он камнем упал в воду. Конан тут же начал грести руками, быстро поднимаясь на поверхность сквозь бледно-зеленую толщу. Сколько раз ему приходилось выпутываться из всяких передрыг! Спасаться из морских глубин — тоже. Еще один, последний рыбок — и вот уже голова поднялась над водой, мокрые волосы залепили глаза, рот отплескивается от горько-соленой воды. Откинув со лба налипшие волосы, он осмотрелся. Вокруг — бескрайнее море, довольно спокойное, и нигде никакого намека на сушу. Ослепительно-белое солнце нестерпимо сияет в белесом небе, припекая мокрое тело.

Конан еще несколько раз покрутился в воде, оглядываясь по сторонам и высматривая хотя бы смутную полоску земли. Ничего, только сероватая дымка. Но вот неподалеку в волнах мелькнул темный предмет, пропал, снова мелькнул. Конан, мощно взмахивая руками, поплыл к этому предмету, в глубине души уверенный в удаче. Конечно, так и есть! Осклизлый кусок корабельного бруса, который волны уже давно мотают на своих спинах. Он уцепился за него, переводя дух. Последние несколько гребков в теплой воде дались ему нелегко. Намокшие сандалии и тяжелый меч тянули ко дну, а солнце, жарящее сверху, отнимало, казалось, последние силы.

Сколько времени он барахтался в этой омерзительно теплой, горько-соленой воде, определить было невозможно — солнце, как привязанное, по-прежнему сияло над головой, не думая опускаться к горизонту.

Во рту все горело от жажды, и чувствовалось, как натянулась кожа на лице. Прикосновение воды не освежало, а только обжигало воспаленную кожу. Перед глазами плыли черные круги, сквозь которые смутно виднелась бескрайняя гладь моря. Голова бессильно поникла, щека прижалась к бревну, но руки, послушные негибимой воле, продолжали крепко держаться за кусок спасительной древесины.

Горячая неподвижность воздуха вскоре сменилась порывами обжигающего ветра, волны становились круче, и потоки воды все чаще обдавали склонившуюся на брус голову. Конан, на миг очнувшись, поднимал лицо, яростно отплевываясь, не открывая распухших век, судорожно вдыхал горячий воздух и снова терял сознание.

Волны мотали его все сильнее и сильнее, но вдруг что-то внутри его встрепенулось и напряглось. Ноги! Ноги за что-то задели, потом волна потащила его назад, потом снова ноги проволоклись по дну. В уши ворвался шум прибоя. Волны уже безжалостно били его тело о прибрежные камни. Конан с неимоверным трудом

разлепил полуослепшие глаза и различил смутные очертания берега — деревья, кусты и светлую полосу песка.

Не выпуская из рук бревна, он рывком бросился вперед, уходя от волны, норовившей утащить его обратно в море. Следующая волна мощным толчком поддала его вперед, и, полузахлебнувшийся, сжимая позеленевшую деревяшку, он оказался вне досягаемости бушующего моря.

Бросив наконец бревно, он, как червяк, со стоном пополз вперед, обдирая руки об острые осколки ракушек. Глядя одним глазом из-под распухших век на белое солнце, по-прежнему неподвижно стоящее над головой, он увидел, что по бокам светила сияют еще два таких же солнца, окруженные переливчатым ореолом. Конан тут же забыл об этом, поглощенный лишь одним желанием — доползти до дерева, бросившего на песок спасительную тень. Добравшись до островка тени, он услышал над головой шелест листьев и погрузился в беспамятство.

Из забытья его вывели чьи-то легкие прикосновения и негромкие посвистывающие голоса, похожие на щебет птиц. Он с трудом открыл глаза, но не увидел ничего, кроме белого песка и пучков острой травы. Песок прилип к щекам, ресницам, хрустел на зубах. Губы превратились в сплошную запекшуюся корку. Он со стоном поднялся на четвереньки, обхватил руками ствол дерева, подарившего ему живительную тень, и медленно, шатаясь, поднялся на ноги.

Жажда саднила горло, глаза застилало красноватое марево, но сквозь него Конан видел вокруг чудные, нелепые фигуры. Они ~~взволнованно переговаривались~~ на своем свистящем языке и ~~то и дело прикасались~~ к нему чем-то щекочуще-мятким.

С трудом шевеля губами, Конан прошелестел:
— Пить... О Кром, где здесь вода?..

Странные существа на мгновение притихли, потом дружно защебетали, и одно из них подошло к дереву, у

которого стоял Конан. Существо отцепило от пояса предмет, напоминающий огромный звериный коготь, и стало проскрести в рыхлой коре глубокую бороздку. Конан следил за ним непонимающими глазами, стараясь не упасть. Вдруг он почувствовал, что множество рук поддерживают его со всех сторон и мягко подталкивают поближе к дереву.

Киммериец обхватил руками толстый ствол, чтобы, покачнувшись, не удариться головой, и его губы оказались рядом с процарапанной бороздой. Что-то прохладное брызнуло ему прямо в лицо, свежей струйкой потекло по губам, и язык ощутил дивный вкус свежей воды, пахнувшей молодой травой и цветами.

Вода била упругой струйкой из тела дерева, возвращая ясность сознанию, а телу — бодрость и силу. С каждым глотком жизнь снова вливалась в него, и он все пил, пил и не мог напиться. Когда же почувствовал, что больше не может сделать ни глотка, он стал ловить ладонями эту чудесную влагу и плескать на обожженное солнцем лицо, на шею и плечи. Вода стекала по груди и спине холодными ручейками, а киммериец, постанывая от удовольствия, теперь полным горстями плескал ее на ноги.

Но вот живительный ручеек стал тоньше, в конце концов из борозды сочились лишь редкие капли чудесной жидкости. Конан с сожалением слизнул их и, чувствуя себя вновь полным сил, оглянулся, желая посмотреть, что за существа ему привиделись в знойном бреду.

Похоже, что бред, несмотря ни на что, продолжался. Хорошо, что у него тогда не было возможности рассмотреть их получше — сейчас, когда сознание прояснилось и перед глазами перестали мелькать радужные пятна, Конан решил, что этот Рагон Сатх — великий мастер насыщать кошмары.

Он стоял напротив десятка существ, про которых не знал, что и подумать. Люди? Нет, не люди. Звери? Нет, хотя и похожи. Покровытые короткой мягкой шерстью,

с тонкими, гибкими телами, грацией движений напоминающие кошек, они стояли твердо и прямо, как люди, и ростом были чуть пониже Конана. Руки и ноги, похожие на человеческие, заканчивались одинаково длинными пальцами с блестящими черными коготками, а когда они, жестикулируя, размахивали руками, то между пальцами были видны кожистые перепонки.

Таковыми одеждами и украшениями, как у них, Конан было не удивить — он повидал на своем веку немало диких людей, одетых в юбки, плетенные из сухой мягкой травы, и увешанных бусами из рыбьих костей, но лица... Или морды? Нет, все-таки лица, хотя и покрытые шерстью.

Крупные головы с торчащими в стороны большими ушами были велики для их маленьких лиц. Черные блестящие носы и крохотные синева-коричневые губки совершенно терялись на этих головах с огромными, в пол-лица, глазами. Воспаленные покрасневшие глаза странных существ наполовину прикрывались тяжелыми серыми веками, отчего все они казались очень старыми и усталыми.

Обитатели странного мира, не выказывая никакой враждебности, продолжали пересвистываться, и Конан вдруг с изумлением почувствовал, что смутно понимает, о чем они толкуют. Чем больше он прислушивался к высокому щебету своих спасителей, тем яснее становилась ему их речь.

— Смотрите, он уже может идти! Надо отвести его к Рийне и поскорее устроить праздник! Наконец-то море сжалилось над лемнирами, детьми Ночи! Наконец-то погаснут эти проклятые солнца! Наконец-то настанет для нас час любви, и родятся новые дети!

— А захочет ли он пойти с нами? Смотрите, какой он огромный, и на поясе у него висит острый кусок металла. Если он разозлится, мы все погибнем! Море еще не выбрасывало такого могучего тирна!

— Он сейчас поймет, что ему будет с нами хорошо, очень хорошо, и каким бы могучим он ни был, он

всего лишь тирн, и море его нам подарило! Начинайте петь песню гостеприимства!

Конан схватился за меч, готовый отогнать подальше этих лемниров, но они сами попятились, взяли за руки и, стоя на безопасном расстоянии, принялись раскачиваться и протяжно свистеть. Мелодичный свист сложился в чарующую мелодию, напряженные мускулы Конана обмякли, он, не задумываясь, вложил меч обратно в ножны и сделал шаг к ним навстречу. Они пели, не сводя с него загадочных круглых глаз, а он подходил все ближе и ближе. Наконец, лемниры плотным кольцом обступили Конана и стали слегка поглаживать его тело мягкими ладошками. Эти крикосновения показались ему более приятными, чем ласка женщины, он даже застонал от удовольствия.

Мягкие лапки поглаживали, подталкивали, похлопывая его по спине, груди, рукам, влекли куда-то по вязкому песку, потом по жесткой траве и наконец вывели на выложенную плоскими камнями дорогу. Свистящее, убюкивающее пение не прекращалось, покрытые шерстью ладошки без устали ласкали тело варвара, который изнемогал от наслаждения. Он уже давно забыл, зачем волны выбросили его на этот берег, и замедлял шаги лишь затем, чтобы острее ощутить эти сводящие с ума толчки и похлопывания. Его мозг словно угас, хотя он и понимал все, что щебетали лемниры, — ему было уже все равно.

— Обыкновенный тирн, хоть и очень большой. Смотри, как он жмурится от удовольствия! Черный Оффа обнимет его, и Ночь выйдет на свободу! Долгая темная Ночь!

— Смотри, Рийпа выслала нам навстречу детей прошлой Ночи! Как они прекрасны, юные дети мрака!

— Во мне все дрожит от желания поскорее погрузиться в темноту, широко открыть глаза и вновь увидеть настоящие краски Ночи! Этот бесцветный жгучий день невыносим!

— Сейчас, сейчас, сейчас!

Крошечные создания, точная копия больших лемниров, с усилием глядя из-под полуопущенных век, посыпали дорогу перед киммерийцем густо-красными лепестками цветов. Конану казалось, что он шагает по лужицам крови, но это его даже забавляло. Он подставлял плечи, руки, шею мягким лапкам и готов был позволить вести себя куда угодно, хоть к Нергалу в пасть.

Его привели на большую площадку, с одной стороны выходившую к лесу, а с трех других окруженную редкими острыми камнями, торчащими, как зубы исполинского чудовища.

В центре площадки неподвижно сидела, зарыв толстые ноги в песок, огромная черная птица. Вокруг нее был выложен большой круг из нежно-розовых, отливающих перламутром раковин. Лемниры, стараясь держаться подальше от этого круга, повлекли Конана к зеленой стене шелестящего леса.

От высоких деревьев веяло прохладой, из продырявленных стволов сочились та живительная влага, которая вернула его к жизни, стекая в большие высушенные скорлупы неизвестных плодов. Два дерева росли почти на самой площадке, и с гибких ветвей свешивались витые веревки, искусно сплетенные из множества тонких волокон. На них покачивалось широкое гнездо, украшенное связками бус из осколков раковин, рыбьих позвонков и засушенных ягод. В гнезде восседало существо с ослепительно-белой шерстью и ярко-красными глазами. Видно было, как существо мучительно морщит маленькое личико, с отвращением взглядывая на небеса с тремя пылающими солнцами.

Почтительная толпа лемниров большими жесткими листьями навевала прохладу на свою властительницу и легонько покачивала ее гнездо.

Увидев приближающегося Конана, Рийпа, как называли лемниры свою госпожу, радостно приподнялась и протянула ему навстречу руки в извечном женском призыве. Конан ускорил шаги, стремясь поскорее ощу-

тить прикосновение маленьких, покрытых белой шерстью ладоней. Лемниры усадили его на циновку, лежавшую на земле рядом с гнездом, и Рийпа, закрыв глаза и тихонько посвистывая, запустила тоненькие пальчики в густые волосы киммерийца.

Последние остатки воли покинули тело разомлевшего гиганта. Теперь он принадлежал ей, только ей одной, он был ее вещью, она могла делать с ним все, что хотела.

Рийпа повернула голову и пронзительно защебетала:

— Скорее готовьте пир! Несите плоды иросы, тонги и побольше питья! Тирн, сильный и счастливый, готовится прийти в объятия Черного Оффы! Дети прошлой Ночи, пойте песни Умирающего Света!

Маленькие лемниры встали вокруг неподвижной черной птицы, повернувшись к ней спиной, и, взявшись за руки, стали раскачиваться из стороны в сторону. Время от времени кто-нибудь из них издавал резкий протяжный свист, а остальные вторили тихим лепечущим щебетанием.

Тем временем почти вся площадка была устлана травяными циновками, и взрослые лемниры, выбегая из леса с плодами и сосудами, полными душистой влаги, группами садились неподалеку от гнезда властительницы.

Около Конана, в плетеной травяной корзине, оказались огромные желтые и светло-зеленые плоды размером с добрую тыкву. Было заметно, что тонкая кожица едва выдерживает напор мягкой и сочной плоти. Сосуды с янтарной жидкостью манили прохладой и ароматом.

Маленькие Лемниры все пели свою однообразную песню, закрыв глаза и качаясь, а большие с жадностью пили древесный сок и, припав крошечными ротиками к огромным плодам, высасывали мякоть, оставляя лишь сморщенную шкурку.

Конан тоже попытался присосаться к тяжелому сочному плоду, но его усилие вызвало щебечущий

смех. Рийпа, глядя на облитую сладким соком широкую грудь и перемазанное лицо, откинулась на руки своих прислужниц, звонко чирикавая от удовольствия. Конан и сам рассмеялся, достал из-за пояса кинжал и стал есть сочный плод, нарезая его большими ломтиками.

Он чувствовал себя как никогда сильным и счастливым. Маленькие лемниры пели песню об уходящем Свете, и забывшему печали киммерийцу тоже хотелось, чтобы сияние горячих солнц поскорее погасло и наступила блаженная прохладная ночь, а его шею обвили прекрасные пушистые руки Рийпы.

Госпожа лемниров с высоты своего гнезда пытливо заглянула в глаза Конана:

— Я слышу — он призывает Ночь! Он хочет Ночи и меня! Ведите его к Черному Оффе! Ночь приближается! Скорее! Скорее!

Конан, отодвинув в сторону пустые корзины и скорлупы, начал подниматься, готовый с радостью идти туда, куда посылала его Рийпа, но вдруг железный ошейник непереносимо сдавил горло, день померк сам собой, и он с хриплым стоном повалился на циновки к ногам испуганных лемниров.

Когда слегка отпустило, варвар встал на колени, судорожно вдыхая горячий воздух, обжигающий легкие, но странным образом проясняющий сознание. Все, что было прежде, в мгновение ока клубком размоталось перед ним, и глаза Рагон Сатха требовательно и властно заглянули в душу.

— Найди и принеси то, что покажется самым важным! Найди и принеси!

Теперь его тело не жаждало мягких прикосновений и щекочущих объятий, разум и хитрость вновь вернулись к нему. Он видел себя как бы со стороны и понимал, что предназначен стать жертвой какому-то Черному Оффе. Маленькие лемниры разомкнули свой круг и выстроились живым коридором, по-прежнему ласково свистя и покачиваясь.

Конан подошел к границе, отделявшей Черного Оффу от поляны веселившихся лемниров. Множество рук толкало его в спину, побуждая переступить линию, выложенную розовыми ракушками, но он стоял, такой же неподвижный, как и черная фигура впереди.

Да, это был камень, черный поздраватый камень, искусно обтесанный в форме готовой взлететь птицы. Два отверстия по бокам головы были заполнены застывшей красноватой массой, но эти символические глаза смотрели почему-то зловеще и живо.

«Самое главное! Самое главное! Самое главное!» Вот оно, самое главное, в этом Конан уже не сомневался. Ошейник слабо сдавил и отпустил горло, как бы подтверждая его догадку.

Серповидно изогнутый, матово-золотой клюв торчал из каменной головы. Любой ремесленник-камнетес укрепил бы его аккуратнее, но Конан чувствовал безошибочно — это был настоящий клюв живой птицы.

Уже не думая, что нужно от него Черному Оффе, а зная лишь, что ему самому нужно от зловещего идола, Конан, не задумываясь, шагнул вперед и подошел ближе, держась за рукоятку меча.

Позади раздался многоголосый вздох, а из чрева каменной птицы донесся тихий клекот, становясь все громче и громче. Уже ничего не было слышно, кроме этого торжествующего звука, крылья медленно приподнялись, и ноги стали медленно выдираться из песка...

Не раздумывая больше и не разглядывая оживающее чудовище, Конан молниеносно обнажил клинок и изо всех сил ударил по крылу. Меч рассек пористый камень, и черные осколки брызнули во все стороны. Страшный крик нечеловеческой боли и ярости сотряс все вокруг, но Конан уже рубил, рубил и рубил. Крошево из стонущих, вопящих камней заполнило весь обложенный ракушками круг, а меч все сверкал, отражая белые блики солнц.

От головы, только что угрожающе наклонившейся к нему, чтобы проткнуть острым клювом, осталась

черная бесформенная груда, в которой смутно поблескивал острый золотой серп. Разбросав ногами осколки, Конан взял его в руки и краем туники обтер черную пыль. Ладонь неожиданно ощутила живое приятное тепло, как будто этот серп, только что бывший смертоносным клювом, благодарил его за освобождение.

Внезапно Конан заметил, что ослепительный свет горячего дня померк, сменившись сероватыми сумерками. Камни, разбросанные под ногами, с тихим шипением растворялись в воздухе, и наступала ночь, та самая Ночь, которой так ждали лемниры. Конан стоял уже в полной темноте, сжимая в руках теплый предмет, и не знал, что делать дальше, — кругом было тихо, ни шороха, ни звука, и так темно, как бывает, наверное, только в могиле.

Где-то бесконечно далеко от него вдруг засветилась крошечная точка, она быстро росла, приближаясь и превращаясь в шар неяркого света. Конан почувствовал, что его затягивает в искрящуюся сферу, взмахнул руками, теряя опору, и неожиданно оказался на мягком ковре в знакомой башне. Все было так же, как и раньше, только вместо двери, за которой побывал Конан, красновато поблескивала сплошная глухая стена да на полу бесформенной грудой лежал узорчатый полог.

Голос Рагон Сатха раздался неожиданно и как будто сразу со всех сторон:

— Дай мне его! Скорее дай мне к нему прикоснуться! — Страстный шепот трепетал, как живая птица, и Конан в удивлении оглянулся, не зная, кому отдать желанную добычу.

Две вздрагивающие смуглые руки возникли прямо перед ним, и Конан положил серп в протянутые ладони. Вздох, похожий на стон любви, пронесся по комнате, и золотое пламя заплесало в чаше сомкнутых рук, на глазах меняя форму того, что в них лежало. Острый клюв превращался в чистый блестящий треугольник со странными выступами по краям, а в самом центре

чернел один-единственный знак, похожий на незнакомую руну.

Когда превращение закончилось и Конан поднял глаза, перед ним на троне сидел Рагон Сатх, с играющей на губах загадочной улыбкой.

— Ты, варвар, не обманул моих надежд! Ты силен и умеешь слышать и видеть! Возвращайся в свой дворец, у тебя есть целый день жизни! И прими мой совет — никогда не забывай, что жизнь коротка, не откладывай на потом то, что хочешь сделать сейчас! — Он раскати-сто, совсем по-человечески расхохотался и кивнул в сторону завесы, еще вчера прикрывавшей дверь: — А это возьми в подарок своей королеве, взамен порванного полога. Возьми, не пожалеешь! — Громкий смех перешел в рев урагана, полотнище взметнулось от ветра, замотало Конана, и он, отбиваясь от липнущей ткани, споткнулся и упал на что-то мягкое и смутно знакомое.

Он раздраженно сбросил с себя ткань и увидел, что лежит на смятом ложе в своей собственной спальне. Кругом — тишина, а за окном едва брезжит рассвет. Прошла всего одна ночь, но сколько всего она вместила! Кажется, вчерашний вечер был так давно, даже спальня виделась какой-то незнакомой, или в ней что-то было не так, или он сам в чем-то изменился. В задумчивости Конан остановился у зеркала и ничуть не удивился, увидев на шее тускло блеснувший ошейник. Усмехнулся и подумал: «Мы все — пленники Вечности...»

Глава третья

Заря за окном разгоралась все ярче, и король вспомнил, что приказал стражникам ломать дверь, если утром не откроет ее сам. Снова прошелся по спальне, заново привыкая к знакомой обстановке. Потянулся, предвкушая долгий день жизни, отодвинул засов и распахнул дверь.

Стражники не шелхнулись, по-прежнему неподвижные, как изваяния. Дамунк поднялся с кресла и шагнул ему навстречу. Видно было, что он не спал всю ночь, усталость и беспокойство окружили черными тенями его глаза, руки взволнованно вздрагивали. Зато Имма безмятежно спала, свернувшись на подушках, как котенок. Конан улыбнулся, глядя на нее и вспоминая последние слова Рагон Сатха. «Ах ты, старая бестия! Как ты хорошо нас знаешь! Зато тебе это не дано — жить собственной жизнью. Но советом твоим я воспользуюсь, клянусь Кромом! Хороший сегодня будет день!»

Он отпустил усталых стражников, и они ушли, гремя доспехами. Дамунк, увидев ошейник на могучей шее короля, всплеснул руками и горестно запричитал:

— О, мой король! Теперь этот колдун замучает тебя до смерти! Что он делал с тобой этой ночью? В какие бездны ужаса забросила тебя его злоба?

— Все совсем не так, добрейший Дамунк! Это могучий маг, но движет им не злоба, а отчаяние. Ну, ладно,

больше я тебе пока ничего не скажу, потом, если все кончится хорошо, я буду долго рассказывать, а ты сядешь и все запишешь — получится большая толстая книга, не хуже тех, что стоят у тебя на полках. А сейчас распорядись, пусть подадут завтрак — я умираю от голода.

Дамунк вышел, а Конан остановился около крепко спавшей девушки, бережно поднял ее на руки и поцеловал сначала сонные глаза, потом полуоткрытый рот. Она, не просыпаясь, обвила его шею, но прикосновение к холодному металлу ошейника мгновенно разбудило ее. Их глаза встретились — голубые, жадно-требовательные, и золотистые, радостные и испуганные. Она хотела что-то сказать, но властный поцелуй опередил слова. Конан унес ее в спальню, опустил на ложе и, прошептав: «Сиди тихо, я сейчас вернусь!» — быстро вышел из опочивальни, плотно прикрыв за собой дверь. Вскоре слуги внесли обильный завтрак, а следом поспешно вошел Дамунк, ожидая дальнейших приказаний.

— Можешь идти отдыхать, вечером ты мне снова понадобится. Имма тоже ушла, я ее отпустил. Я позавтракаю у себя и выйду чуть позже. Ночь была действительно трудная, и мне тоже хочется отдохнуть. — Он притворно зевнул и прикрыл глаза, пряча вспыхнувший огонь страсти под полуопущенными веками. Дамунк, почтительно поклонившись, отправился к себе, мысленно поражаясь стойкости короля, так небрежно говорившего о встрече со страшным магом, веками наводившим ужас на смертных.

Имма сидела на королевском ложе, притихшая и счастливая. Она не смела верить, что король все-таки заметил ее любовь, в конце концов понял, что она тоже женщина. Но губы еще хранили жар его поцелуя, а тело до сих пор чувствовало нежное объятие могучих рук. Прикрыв глаза, девушка пыталась удержать это ощущение и не слышала, как вошел король. Конан запер дверь и неслышными шагами приблизился к зажмурившейся девушке. Как она была хороша сейчас, с высоко подня-

тыми удивленными бровями, маленьким полуоткрытым ртом, слегка запрокинутой кудрявой головкой! Он тихо засмеялся и ласково провел рукой по смуглому плечу, сдвигая легкую ткань платья. Имма, глядя на него сияющими глазами, нетерпеливо повела другим плечом, сбрасывая лиф, и притянула к груди его голову.

Ее тело, как натянутая струна, трепетно отзывалось на каждый его поцелуй, на каждое прикосновение. Время или остановилось, или понеслось вскачь, или вообще перестало существовать — вихрь любви подхватил их, закружил и понес, ни на мгновение не давая опомниться, снова и снова заставляя с жадностью искать друг друга. Девушка, всегда казавшаяся Конану такой маленькой и хрупкой, здесь, на ложе любви, напоминала ему то резвящуюся пантеру, то породистую чуткую лошадь...

Солнце стояло уже высоко, когда они смогли наконец разомкнуть объятия. Имма быстро надела платье и легкой тенью выскользнула из спальни, подарив королю на прощание нежную улыбку и благодарный взгляд.

Конан лежал, ни о чем не думая, и чувствовал себя освеженным и помолодевшим, как будто искупался в ледяной горной речке. А впереди был почти целый день! Целый день жизни! Он вспомнил, что его уже давно дожидается завтрак, засмеялся, вскочил на ноги и упруго прошелся по комнате. Каждая частица сильного тела радовалась жизни, кровь играла, как молодое вино, солнце за окном манило на простор, и он уже было шагнул к двери, но тут взгляд его упал на кусок ткани, лежавший на полу. Тот самый кусок, который там, в медной башне, закрывал таинственную дверь и казался таким мрачным, теперь сиял переливами шелков и радовал глаз причудливым параллелизмом узоров. Конан подхватил ткань, перебросил через плечо и вышел из спальни.

Он шел по галерее и чувствовал, что самые разные желания переполняют его и рвутся наружу. И меньше всего его волновали сейчас государственные дела.

Вельможи и нарядные дамы, ожидавшие его выхода на галерею, так как он распорядился не допускать их сегодня во внутренние покои, почтительно склонялись перед ним в поклонах. От их глаз, привыкших замечать любую мелочь, не укрылось радостное настроение короля, молодой блеск голубых глаз, легкая, как будто летящая походка. Паллантид, доверенный советник короля, командир отборной гвардии Черных Драконов, сделал шаг навстречу, желая что-то сказать, Конан, усмехнувшись, увлек его за собой и, обернувшись через плечо, сказал притихшим придворным:

— Сегодня — игры в Приречной Роще! Маркос, распорядись, чтобы как можно скорее все было готово! Надеюсь, после веселой ночи бароны смогут удержаться в седле? — И он ушел, громко смеясь и похлопывая по плечу Паллантида, который, как и многие, явно перебрал этой ночью. Но, как бы ни затягивались королевские пиры, этот суровый воин, умевший храбро сражаться на поле битвы и самозабвенно веселиться за пиршественным столом, всегда сохранял ясный ум и был для Конана неоценимой опорой в нелегком деле правления.

Маркос, главный распорядитель королевских увеселений, тут же засуетился, спеша выполнять приказание. Его атласный голубой камзол и рубиново-красная шапочка с щегольским золотистым пером мелькали то около конюшен, где суетились конюхи, седлая и выводя лошадей для короля и свиты, то около хозяйственных построек, где слуги поспешно нагружали повозки и везли к Роще все необходимое для рыцарской потехи, то его властный голос раздавался в кухне, приводя в трепет важных поваров и многочисленных поварят. Не успел отгреметь ночной праздник, как наступило время для очередной забавы.

Давно король Конан не был таким веселым! Облепившимся слугам пришлось побегать этим утром! Но желание короля — закон, и вереница повозок уже потянулись в Приречную Рощу, чтобы на огромной

поляне, которую Конан особенно любил за широкий вид, открывавшийся на могучие воды Хорота, соорудить легкие трибуны для короля и придворных; а на самой поляне установить невысокую ограду для рыцарских игр.

Дамы пестрыми бабочками упорхнули в свои покои, спеша переодеться в наряды, подходящие для рыцарского праздника, а князья и бароны велели своим оруженосцам готовить доспехи.

Жизнь во дворце закружилась и забурлила в праздничном водовороте, а сам король Конан, отдав несколько распоряжений верному Паллантиду, поспешил к королеве, которую не видел со вчерашнего вечера.

Она проснулась совсем недавно и сейчас сидела у окна, любясь цветущим тюльпановым деревом, бледно-зеленые цветки которого были похожи на бокалы для небесного вина. Служанка, прибежавшая с галереи, рассказала ей о желании короля, и, когда Конан вошел в ее опочивальню, Зенобия встретила его радостной улыбкой и сияющими глазами:

— Конан, милый! Как ты хорошо придумал! Игры в Приречной Роще! Как я люблю видеть тебя в боевых доспехах, верхом на славном Дрионе! — Зенобия пошла навстречу королю, легкие руки легли на могучие плечи, но тут она увидела стальной обруч, охвативший его шею. Она вскрикнула, как раненая птица: — О Боги! Конан, что это?! Кто посмел надеть на тебя рабский ошейник?! Как ты позволил? — Ее пальцы на миг прикоснулись к ледяному металлу и тут же испуганно отдернулись. — Какой он холодный! Скажи мне, что это значит?!

— Не спрашивай сейчас, дорогая, я все равно не смогу тебе ответить! — Конан на мгновение нахмурился, вспомнив Рагон Сатха и предстоящее испытание, потом, тряхнув головой, улыбнулся, отгоняя мрачные мысли. — Пока этот ошейник должен быть на моей шее, а потом я избавлюсь от него, и мы навсегда о нем забудем. Ты мне веришь, дорогая? — И он жадно

прильнул к ее губам, отгоняя тревогу от ее сердца. Наконец, вздохнув, она положила голову на мускулистую грудь супруга, и тут ее взгляд упал на узорчатую ткань, переброшенную через его плечо.

— О, какая прелесть! Конац, откуда это? Какая дивная ткань! Как раз для нового полога над моим ложем!

— Да, для нового полога над твоим ложем! Пусть она охраняет твой сон и навевает чудесные видения. Я велю сегодня же повесить ее в твоём изголовье, а ты пока одевайся. Хочу погарцевать перед тобой на верном Дрионе, а то он, наверное, уже застоялся в конюшне и забыл, что такое битва!

Струящаяся ткань соскользнула с плеча на пол, король поцеловал черные улыбающиеся глаза прекрасной Зенобии, нежно провел рукой по волнистым волосам и вышел из опочивальни. Королева, проводив его любящим взглядом, села перед зеркалом, велел служанкам уложить волосы низким, лежащим на шею узлом. Она знала, что эта прическа подчеркивает природную грацию ее гибкой шеи и лучше всего подойдет к новому наряду. Зенобия радовалась случаю надеть парадное платье, как будто специально спитое для такого случая.

Служанки надели на нее обновку из переливающегося изумрудно-зеленого шелка. Узкий лиф из малинового бархата с золотыми застежками и глубоким вырезом, надетый поверх шелкового платья, делал ее похожей на отважную всадницу, ожидавшую, когда к ней подведут горячего коня. Малиновая шапочка с пушистым зеленым пером диковинной птицы, кокетливо надвинутая на лоб, и искрящиеся зелеными лучами изумрудные серьги довершали наряд королевы. Улыбнувшись своему отражению и представив себе восхищение короля, она отошла от зеркала, с удовольствием поглядывая на мелькающие из-под зеленого платья малиновые носки изящных туфель. Все было так благородно просто в этом наряде и так хороша

была в нем молодая королева, что даже служанки не смогли удержаться от восхищенных возгласов.

Разрумянившаяся в ожидании праздника, Зенобия в сопровождении нарядных придворных дам вышла на галерею, опоясывающую огромный двор, мощенный древними базальтовыми плитами. Сбоку, у стены, конюхи держали под уздцы горячих, бьющих копытами и пританцовывающих от нетерпения лошадей. Зенобия сразу увидела свою любимую верховую лошадь, резвую шалунью Файрис. Кобыла нетерпеливо перебирала тонкими ногами, капризно изгибала шею, потряхивая шелковистой гривой с вплетенными в нее разноцветными кисточками, и была чем-то неуловимо похожа на свою хозяйку.

Король в сопровождении свиты, облаченный в сверкающие позолотом парадные доспехи, поджидал дам на нижних ступенях широкой лестницы. Увидев королеву и уже не сводя с нее восхищенного взгляда, он легкими шагами взбежал по ступеням, подал ей руку и торжественно повел вниз. Конюхи подвели лошадей, и вскоре блестящая кавалькада прекрасных дам и воинов в доспехах, сопровождаемых многочисленными оруженосцами, конюхами и слугами, поскакала к Приречной Роще. Жители Тарантии, прослышав о королевской забаве, высыпали на улицы и радостными криками приветствовали своего короля. Многие спешили в сторону Приречной Рощи, желая полюбоваться на королевские игры. Зная щедрую натуру короля, они предвкушали не только замечательное зрелище, но и богатое угощение.

Рыцари гарцевали по поляне, а с высоких скамей, покрытых коврами, на них заирали прекрасные дамы. Король и королева сидели в просторной ложе с шелковым навесом, защищавшим их от солнца.

Гарольды обошли вокруг поляны, трубя в трубы и возвещая начало праздника. Рыцарям предстояло проехать в боевом вооружении мимо королевской ложи и показать свое искусство управлять конем. Потом, после

жеребьевки, рыцари будут сражаться друг с другом, а в завершение, король выберет среди победивших соперника для себя.

На королевских играх воины должны были показывать ловкость и умение владеть боевым оружием, и часто победа доставалась не самым сильным, а самым проворным.

Толпы простолюдинов облепили ограду, громко высказывая свое суждение о каждом из бойцов:

— Смотри, Хамс, сколько их собралось и как сверкают доспехи! Интересно, кто в этот раз сразится с королем?

— Я ставлю на тощего Ройлунда! Гляди, какой у него конь! Так и пляшет, так и пляшет, как будто на нем сидит не рыцарь в тяжелых доспехах, а какой-нибудь мальчишка-конюх! Только, скажу тебе, Ройлунд совсем не мальчишка, дерется он знатно!

— Ну, ты и скажешь! Тощий Ройлунд! Где уж ему против Боффина! Я тебе точно говорю — король выберет Боффина!

Тем временем рыцари по одному выезжали на середину поляны и, искусно правя лошадьми, заставляли их то выпшагивать чинной поступью, то резко останавливаться. Породистые горячие кони, повинаясь властной руке своих хозяев, гарцевали перед королевской ложей, вызывая одобрительные крики толпы и восхищенные возгласы придворных.

Потом, после жеребьевки, рыцари попарно выезжали для поединка. Вызываемый имел право выбрать оружие — копьё, булаву, боевой топор. Но многие предпочитали меч, излюбленное оружие короля. По старинным правилам на турнире воины должны были показывать все свое искусство, поэтому бой был похож скорее на изящный танец, чем на настоящее сражение. Рыцарь считался проигравшим, даже если допускал такую оплошность, как потерянное стремя. Конан, сидя в ложе рядом с королевой, в легких сверкающих доспехах, всей душой рвался туда, на поляну, где перед ним сража-

лись рыцари. И часто, когда он видел удачный выпад или молодецкий удар, его зычный голос разносился над поляной, подбадривая ловкого бойца. Королева Зенобия, видя, с каким нетерпением он стремится в бой, не могла удержаться от улыбки. Королю уже за сорок, невозможно сосчитать, сколько сражений он выиграл за свою жизнь, в скольких стычках участвовал, и все равно ржание коня и звон мечей снова и снова будят в нем этот воинственный дух, зажигают огонь в глазах, заставляют руки тянуться к оружию. Как она его любила в такие мгновения, как радовалась, что ей, именно ей выпало счастье стать его женой, его королевой!

Победители полукругом выстроились напротив ложи, трубачи и барабанщики оглушительными звуками возвестили начало королевского поединка.

Конан повернул голову и встретился с сияющими глазами Зенобии.

— С кем ты сегодня будешь сражаться, мой рыцарь? Кто сегодня заслужил эту честь?

— И барон Боффин, и герцог Карино, и даже этот повеса, барон Готнар, что не сводит с тебя влюбленных глаз, дрались неплохо, но я, пожалуй, сегодня выберу графа Ринци.

— А почему именно его, милый? Мне показалось, что барон Боффин сражался лучше всех, а каким ударом он выбил меч у графа Ройлунда!

— Ты права, он действительно прекрасный боец, но я не могу этого объяснить... Просто я так хочу!

Королева давно уже знала, что для Конана это был самый главный довод, и понимающе улыбнулась.

Король подождал глашатая и объявил о своем выборе. Рыцари разъехались по своим шатрам, разбитым на краю поляны, а граф Ринци пересел на свежего коня и стал ждать поединка.

Сегодняшняя победа досталась ему легко. Конь его противника, молодой и горячий, испугался звона мечей и, шарахнувшись в сторону, порвал подпругу. Граф Ринци, жизнерадостный толстяк, любитель пиров и

охоты, неожиданно для себя был выбран королем, чтобы участвовать в главном поединке. Он стоял на краю поляны, важно подбоченясь и поглядывая в сторону скамей, где сидели придворные дамы. Сегодня он стал героем, и, хотя знал, что король всегда выходит победителем из поединка, ему хотелось показать, на что он способен.

А король в это время объезжал поляну на Дрионе, великолепном мощном вороном жеребце, который легко нес своего закованного в сталь господина. Он повиновался малейшему движению руки всадника, легко и послушно выполняя повороты, вставая на дыбы и переходя в галоп.

Но вот снова взревели трубы, и всадники разъехались на противоположные концы поляны.

Конану не хотелось сражаться всерьез, поэтому он и выбрал противником графа Ринци. Но добродушный толстяк, за королевским столом евпий и пивший за пятерых и часто отпускавший такие шуточки, что нежные дамы пунцово краснели, здесь вдруг преобразился. Раньше Конан не принимал его как воина всерьез, но теперь почувствовал, что поединок будет нешуточным.

Они кружились друг против друга, не нападая, один — могучий, широкий в плечах, в сверкающих золотом доспехах, другой — огромный, с грузным животом, обтянутым кольчугой, в черных с бирюзой латах и в шлеме с высоким гребнем. Мощные кони, фыркая и грызя удила, нетерпеливо рвались в бой, и наконец Конан ринулся в атаку. Меч скользнул по ловко подставленному щиту, всадники разъехались и вновь помчались навстречу друг другу.

Никогда еще поединок не длился так долго. Граф Ринци, казалось, позабыв, что сражается с самим королем, не хотел уступать и все яростнее атаковал Конана. Наконец, они сплелись с такой силой, что щит графа разлетелся вдребезги, а Конан невольно покачнулся в седле.

Поединок был окончен. Дамы восторженными возгласами приветствовали победу короля, а он, объехав на разгоряченном коне вокруг поляны, снял шлем, бросил его оруженосцу и остановился напротив ложи, где сидела королева. Приняв от слуги посланный ею кубок вина, он велел наполнить еще один и протянул его графу Ринци. Тот тоже снял шлем и, довольный собой, осушил кубок одним глотком.

Слуги подвели к нему рыжего могучего коня, к седлу которого были приторочены большие кожаные кошель с золотом. Сняв с руки щит с изображением Аквилонского льва, Конан положил его сверху на седло. Такая награда сулила графу дальнейшее милости, и народ, собравшийся вокруг поляны, разразился восторженными воплями.

Пока рыцари, удалившись, снимали доспехи, слуги торопливо расставляли пиршественные столы для господ и выкатывали бочки с вином для простонародья.

Солнце уже клонилось к горизонту, когда Конан, весь день отгонявший от себя мысль о предстоящей ночи, велел седлать лошадей. Пир на поляне еще продолжался, а король и королева с небольшой свитой поскакали обратно во дворец.

У широкой лестницы всадники спешили, конюхи бросились выводить разгоряченных лошадей, прикрывая попонами, а Конан поднялся на галерею.

— Милый, ты был сегодня просто великолепен! А этот толстяк, граф Ринци, как он сражался! Я и не думала, что он так крепко держится в седле! Мне казалось, что он полетит на траву после первого же удара!

— Мне тоже так казалось... Но, как видишь, он не только за столом, но и в бою хоть куда! Надо подумать о подходящем для графа деле, а то скоро его конь не сможет таскать такое брюхо! — Конан улыбнулся, но Зенобия видела, что он думал о своем.

— Ты придешь ко мне сегодня? Я буду ждать! — Она погладила нежными пальчиками его нахмуренный лоб, пытаясь прогнать мрачные мысли.

— Нет, я не придю. И еще несколько ночей мы пробудем в разлуке. Поверь, мне ничего так не хочется, как остаться с тобой, но я не могу... Не спрашивай сейчас ни о чем, потом я все тебе расскажу... — Он жадно поцеловал ее и, не оглядываясь, пошел в свои покои, а Зенобия еще долго смотрела ему вслед, огорченная и встревоженная.

Дамунк уже ждал его у дверей опочивальни, и, когда король вошел, он встретил его словами:

— О, государи! Я целый день размышлял над твоими словами и сейчас осмелюсь тебе возразить!

— Да? С чем ты не согласен, мудрейший Дамунк? Я уже не помню, что сказал тебе утром!

— Ты сказал, что Рагон Сатхом движет не злоба, а отчаяние! Но ведь именно за свою злобность он и заточен в этой башне, а отчаяние... Отчаяние делает злодея лишь более изощренным и опасным! Не верь ему, будь осторожен, колдун может тебя страшно обмануть! Сейчас ты ему нужен, а потом... Я еще не встречал злобного мага, который выполнял бы обещания! — Голос старика звенел от волнения, он готов был снова и снова предостерегать короля против коварства колдунов, но в этот момент вошли Имма и две служанки с вином и фруктами.

Имма встала рядом с лекарем, не сводя с Конана золотистых глаз. Она хотела что-то сказать, но не решилась. Наконец Дамунк спросил:

— Что с тобой, девочка? Ты хочешь что-то сказать королю?

— Да, учитель, если мой господин разрешит!

Конан улыбнулся и погладил ее по щеке:

— Ну, что ты хочешь сказать, маленькая ученица великого лекаря? Говори, не бойся, я тебя слушаю! — Он сел в кресло и с удовольствием смотрел, как разрумянившаяся девушка разливает в кубки вино. Она поднесла Конану его любимый огромный кубок, подошла к лекарю и сказала, поглядывая то на него, то на короля:

— Я — всего лишь твоя ученица, Дамунк, но все же и я кое-что знаю. Пусть мой господин смело закрывает глаза и погружается в сон — сегодняшняя ночь будет трудной, но не последней. Так говорит мое сердце. Дамунк, скажи, ошибается ли оно?

— Нет, девочка, если так говоришь, значит, так оно и будет. Твое сердце видит дальше, чем моя премудрость. Я рад, что король выйдет живым из этой передряги. А сейчас, наверное, уже пора, мой господин?

Конан боролся со сном, допивая последние глотки вина. Он устало поднялся, кивнув Дамунку и Имме, вошел в опочивальню и задвинул засов. Тряся головой, чтобы отогнать сон, он быстро переоделся в заранее приготовленную простую одежду, пристегнул к поясу меч и как подкошенный рухнул на ложе.

Глава четвертая

Темный вихрь тут же подхватил его, немного покачал, убаюкивая, а потом со свистом и завыванием понес куда-то вверх. Конан летел, как камень, выпущенный из пращи, и вся вселенная в бешеном потоке кружилась вокруг него. Потом вихрь, словно наигравшись своей игрушкой, с размаху швырнул его вниз, и Конану показалось, что он сейчас рухнет в бездонную пропасть. Но вместо этого он плавно опустился на пол знакомой башни. Колдун ждал его, сидя на своем троне и потягивая вино из такого же огромного, как и у Конана, кубка.

— Ну что, варвар, ощутил всю прелесть жизни? Хорошо повеселился перед трудной работой?

Конан молча стоял перед ним, широко расставив крепкие ноги, положив могучие руки на кожаный пояс. Трудно было понять, кто здесь хозяин — тот, кто сидит на троне и, прищурившись, попивает вино, или тот, кто стоит напротив, спокойный и сильный. Колдун почувствовал это и, желая уязвить Конана, со смехом продолжил:

— Ты правильно сделал, что прислушался к моим словам, киммериец! Какая славная девочка эта помощница лекаря! А какое у нее гибкое, сильное тело! Я до сих пор трепещу, вспоминая ее объятия! Теперь — очередь за королевой!

— Как! Ты, змеиное отродье, и днем не оставил меня в покое?! Ты посмел...

— Да, смертный, посмел! Не забывай, что у тебя на шее мой ошейник, и ты принадлежишь мне и днем, и ночью! Все, что чувствуешь ты, чувствую я. Это — моя отрада, мое развлечение... Турнир тоже был хорош, но я бы предпочел еще одну женщину... Запомни это, варвар!

Спокойствие покинуло Конана, его рука, как всегда в мгновение гнева, потянулась к мечу, глаза загорелись зловецким огнем.

— Ты еще пожалеешь, колдун, о своих развлечениях! Пока я служу тебе, но потом... потом мы еще поквитаемся!

— Ты, ничтожный, смеешь мне грозить! — Колдун встал, отбросив кубок. — Мне, повелителю снов, хозяйну жизнью! Боюсь, придется раздавить тебя, как вошь, и поискать кого-нибудь другого! Или иди — или я тебя уничтожу! — Несколько мгновений они сверлили друг друга испепеляющими взорами, потом Конан, переполненный яростью, перевел взгляд на стены.

Одно из полотнищ чуть заметно колыхалось, словно за ним кто-то прятался. Чувствуя спиной тяжелый взгляд колдуна, Конан, не задумываясь ни на мгновение, схватил колеблющийся полог и мощным рывком сорвал его с золотых колец. Ткань затрепала, разрываясь, а перед ним открылся бесконечный мерцающий коридор. Он, как живой, вздрагивал под ногами, но Конан шел не оглядываясь, кипя от гнева, вспоминая последние слова колдуна. Прав был Дамунк, этим существам нельзя доверять, какими бы мирными они ни казались сначала. Пусть Рагон Сатх думает, что запугал короля Конана, маг еще узнает тяжесть руки варвара и острие его клинка! Никакие заклинания и волшебные талисманы не спасут это гнусное отродье! Вполголоса пеноса коварного колдуна последними словами, Конан все шел и шел по светящемуся коридору, и не было видно конца тягостного пути.

Вдруг он заметил, что сияние стен как бы поблекло, стало заметно темнее, и вскоре король уже шагал в

полной темноте, вытянув вперед руки и ощупывая ногой путь впереди себя, чтобы не провалиться в какой-нибудь колодец. Сделав несколько осторожных шагов, он уперся в сырую шершавую стену, а нога задела за какой-то предмет, гулко загрепевший от толчка. Конан выругался уже не сдерживаясь, в полный голос, и эхо неожиданно громко отозвалось его же проклятиями. Он присел и стал шарить под ногами, пытаясь найти предмет, о который только что споткнулся. Его рука наткнулась на что-то круглое, пустое внутри, напоминающее боевой шлем. На ощупь он был почти такой же, как и его собственный, который король надевал, когда участвовал в турнирах, но только спереди нависал какой-то странный щиток. «Как раз перед глазами, — подумал Конан, — если его надеть, так ничего не будет видно. Какая-то дурацкая штукавина!» Он уже хотел было отбросить шлем в сторону, чтобы не путался под ногами, но вдруг ему страшно захотелось надеть странное сооружение на голову. Он даже засмеялся от нелепости такого желания: кругом темень, хоть глаз выколи, а тут еще эта штука, в которой и днем-то ничего не увидишь. Все еще смеясь над собой, но не в силах противиться мальчишескому любопытству, он осторожно надел шлем на голову и невольно вскрикнул: все вдруг неожиданно осветилось неярким сиреневатым светом, в котором были отчетливо видны стены, пол, потолок большой пещеры и многочисленные, уходящие вдаль коридоры. Да, это была именно пещера, вырубленная в центре какой-нибудь горы или прорытая глубоко под землей. Конан снял шлем, желая лучше оглядеться, и тут же снова оказался в полнейшей темноте. Так вот что это за шлем! И вот для чего нужна эта штука перед глазами! Здесь, за всеми этими колдовскими дверьми, ничего просто так не бывает, надо внимательно смотреть, обо что ты спотыкаешься, что падает на голову, а главное, чувствовать, что тебе хочется сделать, — это и есть помощь и подсказка проклятого мага.

Конан снова надел на голову шлем, подумав при этом: «Хорошо хоть не тесный!» Пещера в то же мгновение озарилась лиловым светом, и Конан увидел, что стоит почти на самом краю глубокой ямы. Еще шаг-другой вперед — и он бы покатился вниз. Его путь лежал не туда, киммериец твердо это знал. Он все же наклонился над ямой, пытаясь высмотреть, что там внизу, и почти сразу же отпрянул от края, с омерзением отплевываясь, — от густого смрада гниющей падали захватывало дух, а в глубине беззвучно колыбалась похожая на густое тесто зеленоватая масса, сверкая красноватыми искрами. Все еще плюясь и шепотом проклиная Рагон Сатха, забросившего его в эту вонючую дыру, Конан, прижимаясь к краю мокрой стены, осторожно обошел яму и уверенно двинулся к одному из боковых коридоров. Почему ему надо было идти именно туда — он не знал и не задумывался над этим. Туда — и все, никаких сомнений и колебаний.

Темнота как бы таяла при его приближении, сменяясь мягким сиреневым светом. Грубо вырубленный в каменной толще коридор покато уходил куда-то вниз, и вода, с журчанием стекавшая со стен, ручейками струилась по неглубоким желобам.

Конан все шел и шел, и не было конца этому бесконечному спуску. Ему казалось, что он бредет уже целую вечность по неровным каменным плитам и всю оставшуюся жизнь обречен идти, идти, идти куда-то вниз.

Вдруг он услышал резкий короткий писк, и что-то с размаху врезалось ему спине, подобно брошенному камню. В то же мгновение киммериец почувствовал острую боль в плече и резко обернулся, выхватив меч. Пронзительный писк раздался снова, и прямо в шлем врезалось какое-то небольшое крылатое существо с омерзительным голым длинным хвостом. Конан успел на лету схватить эту тварь и изо всех сил сжал кулак. Хрустнули кости, раздался предсмертный визг, и тельце, потрепывавшись, обмякло. Конан с изумлени-

ем рассматривал отвратительные останки, а над его головой, изредка взвизгивая, носилась целая стая крошечных бестий, не решаясь напасть на пришельца.

Конан никогда не видел такого зверя. В его руке лежало существо немного меньше крысы, с большими перепончатыми крыльями и сильными когтистыми лапами. Голова, увенчанная жестким костяным гребнем, была сильно вытянута вперед и, казалось, состояла из одной лишь зубастой пасти. Острые, загнутые назад зубы могли вырвать из тела большой кусок мяса. Сзади у этой твари болтался длиннющий тонкий хвост, на конце которого имелся большой раздвоенный шип. Да, если нападет вся стая этих прожорливых тварей разом, от него в считанные мгновения останется только груда голых костей!

Сзади, там, где его укусила летучая тварь, по спине текла струйка горячей крови. Хорошо еще, что на нем надет плащ! Ранка наверняка небольшая, а за этой стаей нужен глаз да глаз!

Он вытащил из ножен меч и, прислонившись спиной к стене, стал ждать. Твари, носясь высоко под сводом коридора, иногда начинали пронзительно верещать, и тогда несколько самых отчаянных пикировали на Конана, но тут же взмывали вверх, не решаясь напасть. Наверное, им был знаком меч, уж очень они напоминали стаю потревоженных ворон.

Вдруг они все разом загудели, сделали круг над его головой и полетели по коридору вперед, туда, куда вел и его, Конана, путь. Переждав, пока затихнет пронзительный писк, он двинулся дальше, еще внимательней оглядываясь по сторонам и не забывая посматривать на высокий свод, откуда тоже могла свалиться какая-нибудь нечисть.

Вскоре король услышал уже знакомые визгливые крики и хлопанье множества крыльев. Коридор расширился, спуск стал более пологим, впереди замаячили яркие голубые сполохи. Коридор вывел в огромную пещеру, дальние стены которой с трудом просматрива-

лись во мраке. Всю середину пещеры занимало светящееся голубым светом озеро, в которое вливались ручейки из многочисленных ходов, расположенных вокруг. Все они были неотличимы друг от друга, и Конан сразу подумал, что надо бы сделать заметку, по какому ходу возвращаться назад, если колдун не позаботится сам вызволить его отсюда.

На узкой полоске суши, окружавшей идеально круглое озеро, валялось множество камней, крупных, поменьше и совсем мелких. Они казались на вид очень тяжелыми, но, когда Конан поднял довольно большой камень, почувствовал, что ему совсем нетяжело. «Тьфу ты, даже камни здесь не такие, как надо!» — подумал киммериец. Все в черном мире его раздражало, вызывало отвращение и желание поскорее убраться отсюда. Но сейчас надо было пометить коридор, по которому предстояло уносить ноги. Он довольно быстро сложил из камней невысокую пирамиду и воткнул в ее вершину одну из валявшихся вокруг костей. Как видно, сюда забредали не только люди, но и какие-то крупные звери — кость была огромная, дочиستا обглоданная и ярко выделялась на черном фоне стены.

Покончив с этим делом, Конан сел, привалившись спиной к подножию своей пирамиды, напился воды из ручья, бежавшего к озеру, и стал думать, что делать дальше. Беспокойные твари сновали где-то немыслимо высоко над головой, под темным, пропадающим из глаз сводом пещеры, и, слушая их пронзительные вопли, глядя на мерцающие голубоватым светом неподвижные воды озера, Конан незаметно задремал.

Глава пятая

Тем временем где-то далеко-далеко отсюда, в королевском дворце Тарантии, прекрасная королева Зенобия никак не могла унять тревогу. Она допоздна гуляла по темному саду, пытаясь развеять грусть, но лунный свет, стрекот цикад и аромат цветов только усиливали беспокойство. Она чувствовала, что в молчании короля, в его ночном уединении скрыта какая-то мрачная тайна, и, как всякая женщина, была уверена, что только ее любовь может отвести беду и спасти любимого от смерти. В том, что королю в это мгновение угрожает смерть, она не сомневалась. Но Конан не сказал ей ничего, велел только дожждаться утра, и она, поднявшись на галерею, с тоской смотрела на темные окна его опочивальни. Придворные дамы, не понимая причины грусти своей королевы, напрасно пытались целый вечер ее развеять. Ее не трогала ни нежная музыка, ни забавное пение крошек-щеглов, она как будто ничего не видела и не слышала. В конце концов она отослала всех, кроме двух служанок, и отправилась в свои покои.

Поглощенная печалью, Зенобия не замечала молчаливой тени, следовавшей за ней весь день и весь вечер. Готнар по-своему истолковал настроение королевы. Он был уверен, что между нею и королем произошла размолвка, и решил, что его час настал. Он был готов на все, чтобы завоевать любовь прекрасной дамы, хоть на

миг, хоть на час, а там — что угодно, пусть даже смерти! Какой-то лукавый голос нашептывал ему, что он молод, красив, его нежная кожа не покрыта рубцами и шрамами, а о своей любви может говорить бесконечно, не то что неотесанный варвар! А какими глазами королева смотрела на него вчера! Глаза эти звали, манили, обещали... Король сейчас у себя в спальне, и королева не сводит глаз с его окон. Наверняка ее сердце полно обиды и гнева, а в такие мгновения женщины совершенно беззащитны. Уж он-то знает, какими словами разжечь если не пожар любви, то пламя мести!

Вот придворные дамы удалились, и Зенобия пошла к себе со своими служанками. Какая удача! Та, рыженькая, за приличное вознаграждение всегда сообщала ему, в каком настроении проснулась королева, каких желает развлечений, и сейчас молодой повеса очень рассчитывал на помощь рыжей служанки.

Зенобия задумчиво сидела перед зеркалом, ожидая, пока девушки причешут ее на ночь. Она любила смотреть на себя при теплом золотом свете факелов, когда ее кожа, казалось, тоже изучала золотистый свет и черные глаза глядели так маняще-загадочно. В это время обычно входил Конан и медленно приближался к ней, любясь волной длинных волос и пытаясь встретиться взглядом с ее отражением. Но сейчас никто не заглядывал в ее глаза, никто не подходил неслышными шагами...

Вздыхнув, Зенобия встала и, велев оставить один факел, подошла к ложу. Служанки упорхнули, тихо перешептываясь, а она еще посидела на ложе, ни о чем не думая. Наконец, грустно покачав головой, опустилась на подушки, и крепкий сон тут же сомкнул ее усталые веки.

Рыжеволосая служанка с плутовскими глазками сначала испугалась, когда услышала, чего на этот раз хочет от нее сиятельный вельможа. Она долго притворялась, что не понимает, о чем речь, потом настроилась отказалась, боясь рисковать головой. Но увесистый

кошелек и кольцо с изумрудом в конце концов развеяли все колебания. Служанка велела настырному придворному ждать на галерее. Когда путь в опочивальню госпожи будет свободен, она даст ему знать.

Готнар, сознавая все безумие своей затеи, уже не мог отступить. То молодому человеку казалось, что Зенобия в тиши своей опочивальни думает о нем, то чудились копы стражников, протыкающие его грудь, повинувшись гневному приказу королевы...

Но вот он услышал тихое покашливание, и на галерею выглянула лукавая мордашка. Куда рыжая умудрилась спроводить стражников, было поистине загадкой, но путь оказался свободен, и Готнар, неслышно приоткрыв дверь, оказался в опочивальне королевы.

Раздвинув тяжелые занавеси, он заглянул в узкую щель. Тихо. Потрескивает и дымится ароматной смолой единственный факел. Узорный полог у изголовья ложа опущен, виднеется лишь край легкого, как пена, ночного одеяния...

С гулко бьющимся сердцем Готнар тихо подошел к ложу и прислушался к ровному дыханию спящей королевы. Он уже собрался откинуть полог, чтобы разбудить ее дерзким поцелуем, но тут узорная ткань колыхнулась, как будто за ней кто-то стоял, охраняя сон Зенобии. Первая мысль молодого Готнара была о сопернике. Рука потянулась к кинжалу, он лихорадочно соображал, кто посмел перебежать ему дорогу. Но долго размышлять Готнару не пришлось — полог сорвался с колец и упал ему на голову, складками плотной ткани забив рот, не давая ни вздохнуть, ни крикнуть. Молодой человек отчаянно боролся с невидимым противником, но все больше запутывался в тугих складках. Через несколько мгновений на полу лежал большой вздрагивающий кокон.

Все произошло быстро и беззвучно. Королева вздохнула и чему-то улыбнулась во сне. А тяжелый, отливающий шелком сверток поднялся в воздух и, как огромная ночная птица, вылетел в открытое окно.

Несколько подвыпивших бродяг, с песнями возвращавшихся домой из харчевни, шарахнулись в сторону от чего-то огромного, со свистом и стонами пролетавшего над их головами. Немного поспорив, померещилось им это или не померещилось, они снова запели свою пьяную песню и, шатаясь, пошли дальше по улице.

А колдовской полог нес свою извивающуюся и мычащую ношу все дальше, на окраину города, к смрадным пустырям и свалкам. Над одной из канав, полной нечистот, пузырящихся и блестящих в тусклом лунном свете, сверток остановился, и ткань начала раскручиваться. Встряхнув краями, как птица встряхивает могучими крыльями, кусок ткани взмыл к небесам, а скрюченное тело с воплем полетело вниз, в канаву. Зловонная жижа сомкнулась, но через мгновение из потревоженных нечистот поднялась облепленная грязью фигура. Цепляясь за осклизлые края канавы, скользя и снова сползая в хлюпающую жижу, человек отчаянно старался выбраться, ругаясь и всхлипывая. Он несколько раз чуть не захлебнулся, погрузившись с головой, но отчаяние и ужас перед такой гнусной смертью придали ему сил. В конце концов несчастный выполз из канавы и долго лежал, приходя в себя, среди черепков и прочего городского мусора. Потом поднялся на ноги и, шатаясь, как пьяный после тяжелой попойки, скрылся в темноте.

Глава шестая

Что-то неуловимо изменилось вокруг, и Конан, встрепенувшись, открыл глаза. Огляделся и внимательно прислушался. Озеро по-прежнему сияло спокойным голубым светом, ручейки, стекавшие из галерей, тихо журчали, но гомона отвратительных тварей не было слышно. Что-то должно произойти: все вокруг притихло и насторожилось, даже стены, казалось, застыли в ожидании... И вот на самой середине озера забурлила вода, к берегу побежали мелкие волны, становясь все крупнее и крупнее. Вода в центре голубой чаши уже пузырилась и клокотала, как в кипящем котле. И вдруг все стихло. Но эта обманчивая тишина продолжалась совсем недолго. Из воды показался какой-то круглый предмет, он поднимался выше, выше, и вот над водой возникло нечто, похожее на огромный черный бутон. Толстый стебель поддерживал сомкнутые лепестки, а вода в глубине искрилась ослепительными голубыми вспышками. Вдруг бутон вздрогнул, по пещере вздохом пронесся слабый порыв ветра, и острые лучи алого света брызнули из щели начавших раскрываться лепестков.

Ветерок с шорохом проносился по пещере, и лепестки, вздрагивая, раскрывались все шире и шире. Алый свет играл на овальном своде. Только сейчас Конан смог разглядеть, как высока была пещера и какие чудовищные гроздья сцепившихся крылатых тварей ви-

сели над головой, шевелясь и попискивая. Если им вздумается вдруг напасть, летучии бестии мгновенно покроют его толстым слоем визжащих зубастых тел, и от него тут же ничего не останется. Киммериец содрогнулся, представив свой чисто оглоданный костяк в компании с горами костей, валявшихся у него под ногами, и решил, что жизнь свою дешево не отдаст.

Алое зарево нестерпимым светом залило всю пещеру, и Конан, чтобы не ослепнуть, снял с головы колдовской шлем. Вместо непроглядной темноты он увидел пещеру, залитую мягким розовым светом, черные воды озера с пляшущими на волнах алым бликами и раскрывшийся черный цветок с мерцающей огненно-красной сердцевинкой.

Он сразу понял, что ему нужен именно этот сияющий сгусток, это трепещущее сердце черного цветка. Красное сияние неодолимо влекло киммерийца, и он устремился прямо в черные воды, ничего не видя, кроме желанной цели. Но, сделав несколько шагов и погрузившись в воду до колен, он вскрикнул от ужасной боли. Казалось, сотни кинжалов вонзились в его икры и безжалостно проворачиваются в ранах, терзая живое тело. Он поспешно бросился на берег, упал на мелкие камни и взглянул на свои ноги. Вопль гнева и омерзения сотряс притихшие своды пещеры, и Конан яростно принялся отрывать от ног клубки багровых присосавшихся червей. Они гроздьями висели на икрах, в щелях сандалий из толстой бычьей кожи и прямо на глазах раздувались от высосанной крови. Конан отрывал гроздь за гроздью и с проклятиями швырял их на острые камни. Омерзительные тела с хлопаньем лопались и растекались, как густой багровый студень.

Оторвав последнего червя, Конан стал осматривать израненные ноги. Они все были покрыты кровоточащими ранками, кровь сочилась и медленно засыхала, образуя сплошную корку.

Вдруг теплый трепещущий свет стал тускнеть, и Конана пронзила мысль, что он далеко отбросил чудес-

ный шлем. К счастью, он был здесь, рядом, под рукой. Поспешно надев его, Конан увидел, что черный цветок медленно смыкает лепестки и погружается обратно в голубые воды. Вот бутон скрылся в глубине, озеро снова забурило, и волны с плеском забились в берега. Скоро поверхность воды опять стала неподвижна, как зеркало. Крылатые твари вновь засновали над водой, визжа и сверкая красными глазками.

Конан сидел, прислонившись спиной к груде камней, и невесело размышлял. Может быть, ему стоило попытаться добраться вплавь до черного цветка с пылающей сердцевинкой? Нет, это было невозможно, проклятые черви высосали бы его еще на полпути. А если чудесный цветок поднимется снова через год?! Да если даже через месяц — все равно: или он сам умрет здесь от голода, или его растерзают летучие твари. Но сидеть и размышлять, какой смертью ему суждено умереть, было не в привычках Конана. Еще не успела улетучиться последняя мысль о зубастых чудовищах, а мозг уже начал работать в другом направлении. Куча камней, которую киммериец недавно сложил, чтобы не потерять выход из пещеры, подсказала ему, как можно достигнуть цели. Радуюсь, что есть возможность что-то делать, он встал, снял сандалии, отрезал кинжалом кусок плаща и промыл раны на ногах. Когда же смысл запекшуюся кровь, оказалось, что ранки, хоть их и было огромное количество, больше не кровоточат, а посиневшие распухшие ноги почти не болят. Снова обувшись и с отвращением посмотрев на пятно красной слизи, растекшееся по камням, он внимательно огляделся по сторонам. Разномастные валуны громоздились вокруг всего озера, и их с избытком должно было хватить для того, чтобы выполнить задуманное.

Конан встал, поднял большой камень и положил его на кромку воды, затем еще один, еще и еще. Вскоре небольшая плотина из крупных камней, слегка выступая над поверхностью воды, на несколько шагов приблизила его к цели. Но озеро могло оказаться слиш-

ком глубоким, тогда вся затея была бы напрасной. Конан обмотал руку полый плаща и мечом, как шестом, стал промерять глубину, прежде чем опустить очередной камень. Нет, это озеро явно не отличалось глубиной — рука нигде не уходила под воду больше чем по плечо.

Камни один за другим перекачивали с берега на дно озера, а Конан неумоимо, как раб-каменщик, все таскал и таскал их, строя свою плотину.

Наконец даже его силам пришел конец. Он ополоснул лицо и руки холодной водой из ручья, напился и, тяжело дыша, сел около груды камней. Мучительно хотелось есть, но король гнал от себя воспоминания о дворцовых обедах. Да что там обеды, сюда бы сухих лепешек, и побольше! Но кругом валялись лишь мертвые камни, под которыми не водилось никакой живности, а крылатые зубастые твари не вызывали никаких чувств, кроме омерзения.

Однако Конан сумел сделать довольно много. Почти половина пути от берега до середины озера была преодолена, над водой чернела массивная плотина из каменных глыб. «Надо будет засыпать щели мелкими камнями, а то еще застрянет нога, и все пропало», — устало подумал киммериец и прикрыл глаза. Он, видимо, задремал на какой-то миг, а может, спал долго — в этой черной дыре время как будто перестало существовать. Наглые твари с отвратительным визгом носились над водой, словно чайки перед бурей. Особенно смелые пролетали почти перед самым лицом, явно собираясь на следующем витке вцепиться в киммерийца голодными зубами.

Гвалт становился все громче, и вскоре туча беспорядочно летающих тварей закрыла от глаз Конана голубое сияние озера.

Он ждал этого момента с самого начала, а когда увидел чудовищные громады в алом свете распустившегося цветка, покаялся, что этого испытания ему не избежать. Но варвар не собирался оставлять в этой пещере

свои кости и, проворно вскочив на ноги, с удивлением почувствовал себя отдохнувшим и полным сил. Голод отступил, мысли были ясные, рука, как всегда, крепко сжимала меч.

От первого же взмаха блеснувшего стального лезвия во все стороны полетели ошметки разрубленных тел. Меч со свистом рассекал мельтешащую стаю, а с потолка летели все новые и новые полчища визжащих чудовищ. Вскоре все камни под его ногами покрылись крошечным изрубленным дергающимся телом, меч без устали свистел в воздухе, останавливая бешеный натиск, и Конану уже стало казаться, что эта бойня никогда не кончится, уж слишком многочисленны были мерзкие бестии...

Но вот мелькание хвостатых тел стало реже, снова засветились голубые воды неподвижного озера, и оставшиеся твари с воплями взмыли к потолку и опять сцепились в висающие гроздья. Снова все затихло, слышалось только шумное дыхание Конана и предсмертные взвизги подыхающих тварей.

Киммериец вытер меч, испачканный бурой кровью, куском плаща и с отвращением отбросил прочь грязный лоскут. Кровь маленьких чудовищ имела омерзительно кислый запах, от которого тошнота волной подкатывалась к горлу. Конан опять напился прохладной воды из подземного ручья и почувствовал освежающий прилив сил. Ему понравилось это неожиданное ощущение, он встал на колени и приник губами к быстрой струе. Даже вино, прекрасное вино из дворцовых подвалов, не пилось с таким наслаждением, как эта вода, неизвестно откуда просочившаяся в пещеру и питавшая колдовское озеро.

Поднимаясь с колен, Конан мельком взглянул на ноги, ожидая увидеть синие кровоподтеки и многочисленные раны.

— Кром! Ну и дела! — невольно вырвалось у него. Даже при этом тусклом голубоватом свете было видно, что никаких ран на ногах нет и в помине. Санда-

лии, правда, местами уже начали рваться, но их «раны» не заживали под действием подземной воды.

Когда Конан поднял глаза от сандалий, середина озера уже бурлила, как и в прошлый раз. Кругами бежали волны, бились в берег, и, прыгая с камня на камень, он поспешил к краю своего сооружения. Встал на последний торчащий из воды камень, с жадностью вглядываясь в бурлящие воды и ожидая появления черного цветка. Отсюда, с края своей плотины, он совсем близко видел кипение сияющих вод и огромную, темную массу, медленно поднимавшуюся из глубины. Голубые сполохи сияли, змеились вокруг бутона, а он не спеша выплывал из таинственного подводного мира, чтобы раскрыться здесь, в этой темной дыре, и озарить алыми лучами мерзких притихших тварей, стерегущих его покой. Может быть, столетия, а может, и тысячи лет поднимается цветок из глубин, не ведая о времени и свете солнца, но теперь или он, Конан, погибнет, или пещера уже никогда не будет сиять алыми отблесками и зубастым чудовищам придется до скончания века висеть в призрачной темноте.

Сняв шлем, чтобы не ослепнуть от невыносимо яркого света, Конан заглядывал в самую сердцевину цветка. Его лепестки, поначалу казавшиеся ему черными, сейчас играли причудливым переплетением золотистых прожилок, а в центре, как в широкой чаше, лежал небольшой, трепещущий, как сердце, комок, то горевший ровным густым светом, то вспыхивавший, подобно молнии, огненно-красными сполохами.

Вспышки ослепительного света становились все реже, сердцевина цветка спокойно рдела, уже не освещая так ярко все закоулки пещеры. Лепестки, дрогнув, стали смыкаться, и цветок ~~опять медленно~~ погрузился в воду.

Чувствуя дрожь в руках от жгучего жала схватить этот комок света и ощущая ледяное покалывание колдовского ошейника, Конан вернулся на берег, чтобы продолжать свою работу.

Надо было перетаскать еще много камней, пока плотина достигнет середины озера и он сможет дотянуться до заветной цели.

Он собирал камни и складывал в кучу около плотины, намереваясь потом быстро уложить в воду. Краем глаза киммериец все время поглядывал наверх, ожидая нападения прожорливых чудовищ, но они шуршали и копошились над головой, резко попискивая и не пытаясь больше напасть.

Осторожно опуская в воду камень за камнем и раз за разом промеряя глубину, Конан постепенно наращивал свою плотину. Дно оказалось довольно ровным и глубина почти одинаковой. Но, опуская камни в сияющую голубую воду, Конан видел колыхавшиеся белесые клубки червей, поджидавших в глубине следующую жертву.

Когда король, как ему казалось, был почти у цели и в очередной раз опустил руку с мечом вниз, чтобы померить дно, она, не встречая сопротивления, резко ушла под воду, и пришлось уцепиться за камень, чтобы не соскользнуть в глубину. Все. Основная работа закончена. Он добрался до того места, из которого поднимается колдовской цветок. Осталось только ждать, вернее, не совсем ждать — ему предстояло еще заполнить зияющие провалы между валунами. Взглянув в синюю глубину, он, перепрыгивая с камня на камень, вернулся на берег и стал носить к плотине мелкие камни. Как же пригодился прочный двухслойный дорожный плащ! Он насыпал в него груды камней и нес их вперед по плотине. Там тщательно заделывал все ямы и провалы, чтобы нога не соскользнула, когда придется убегать с добычей.

Сколько времени продолжался этот бесконечный труд, здесь, в мерцающей глубине пещеры, определить было невозможно. Конан носил камни, отдыхал у кучи валунов, подкреплял силы водой из ручья и снова носил камни...

Казалось, прошла целая вечность. Но вот, он высыпал в широкую щель последнюю грудку камней, утрам-

бовал ногами в разорванных сандалиях, с сожалением посмотрел на то, что осталось от плаща, и присел отдохнуть на берегу, прямо около своей плотины. Вид голубого озера уже вызывал тоску, совершенно не хотелось видеть эти мертвенно-спокойные воды. Повернувшись спиной к голубому сиянию, он опустил голову на колени и закрыл глаза.

Спать... Спать... Долго-долго, а потом проснуться у себя во дворце, выпить молодого вина и съесть свежего хлеба... Увидеть небо над головой и золотой диск солнца... Почувствовать прикосновение тонких рук, нежно обвившихся вокруг шеи... Но пока его шею сжимает леденящий обруч, не следует предаваться пустым мечтаниям.

Конан встряхнул головой, отгоняя видение, оглянулся и тут же вскочил на ноги. Вот он, решающий миг! Вот для чего было потрачено столько трудов! Глаза, не отрываясь, смотрели на пузырящуюся середину озера, а ноги уже сами несли его вперед.

Не доходя нескольких шагов до края плотины, Конан остановился. Вода бурлила и клокотала у самых его ног, легкие брызги падали на камни. Темный бутон медленно поднимался из глубин.

Конан стоял замерев, словно боялся спугнуть осторожного зверя. Вот верхушка бутона поднялась над водой, вот уже весь цветок медленно покачивается на толстом стебле. Лепестки замерли на мгновение, потом вздрогнули и разомкнулись. Лучи алого света резанули Конана по глазам, и он поспешно снял шлем.

Лепестки медленно отгибались, освобождая заключенный внутри ослепительный свет. Чаша раскрылась, и вот в нескольких шагах от Конана, на уровне его груди, сияет это нечто, которое ему нужно добыть. Не раздумывая, Конан метнулся вперед, оперся на твердый, как камень, лепесток и вскочил на круглый венчик. Если лепестки сейчас захлопнутся, то он, как муха, станет добычей цветка — эта мысль мелькнула в сознании и тут же погасла. Раздумывать было некогда. Еще один

шаг — и Конан склонился над красным пульсирующим источником света. Руки осторожно приблизились к нему, словно боясь обжечься. Но нет, жара не чувствовалось, только слабое тепло согрело его ладони. Он схватил это нечто, это алое сердце, сияющий теплый камень, и одним прыжком соскочил на свою каменную дорогу. За его спиной раздался скрежещущий звук, как будто лязгнули огромные челюсти, и плотина ходуном заходила под ногами. Камни, как живые, разползались в разные стороны, шлем, гремя, покатылся и исчез под водой, а Конан огромными прыжками понесся к берегу, сжимая в руках полыхающую ярким светом добычу. На ощупь это был камень, теплый, едва помещавшийся в руках. Красные блики металась по пещере, гроздя летучих тварей с визгом обрушивались вниз и, поднимая тучи брызг, бились в воде. Сзади, почти настигая его, щелкали чьи-то огромные челюсти... или каменные лепестки...

Сжимая в руках свое сокровище, Конан, перепрыгивая с камня на камень, мчался к спасительному коридору. Не обращая внимания на крутой подъем, он несся вперед, прислушиваясь к зловещим звукам за спиной. Вдруг пол под ногами задрожал, сзади послышался страшный грохот, с потолка посыпались мелкие камни. Конан бежал не оглядываясь, надеясь только на силу своих ног. Красные блики, как отблески огня, металась по стенам галереи, и то, что он вдруг увидел впереди, заставило его резко остановиться.

— Проклятие! Кром, этого не может быть! Отродье Нергала, ты послал меня в западню! — Конан в бесильной ярости смотрел на глухую стену, сочащуюся ручейками воды.

Грохот падающих камней за спиной заставил его обернуться. То, что он увидел позади себя, исторгло у него новый взрыв проклятий. Скрипя зубами от бешенства, он прижал одной рукой к груди теплый и как будто вздрагивающий камень, а другой рукой выхватил меч.

Пути назад тоже не было. Обвалившиеся камни завалили коридор, и теперь Конан был отрезан от всего мира. Крохотная пещерка длиной в несколько шагов — вот все, что ему осталось. Но он был не один. Камни, завалившие коридор, вздрагивали и откатывались в стороны, как будто сквозь них кто-то пробивался. Сжимая меч и напрягшись для последнего прыжка, он встряхнул головой, отбрасывая с лица слипшиеся волосы. То неведомое, что пробивалось сквозь толщу обвала, наконец отбросило последние глыбы. Из бесформенной норы на Конана выползал огромный бутон, подталкиваемый сзади мощным хвостом, который киммериец принимал за стебель. Лепестки резко раскрылись, сверкнув бесчисленными рядами загнутых острых зубов. В середине, там, где раньше лежал трепещущий алый камень, виднелась черная глотка, окруженная желтыми дрожащими щупальцами. Лепестки со скрежетом сомкнулись, чтобы в следующее мгновение раскрыться еще шире. Конан в последнем отчаянном порыве взмахнул мечом и изо всех сил ударил поперек чудовищной пасти. Меч отскочил от нее, высекая искры, а Конан невольно сделал шаг назад и уперся спиной в мокрую стену. Он не успел занести руку для следующего, пусть бесполезного, удара, как вдруг все вокруг опрокинулось, завертелось, меч выпал из разжавшихся пальцев, и Конан, кувыркаясь, полетел куда-то, крепко прижимая к груди сияющую добычу.

Он не сразу понял, что вот уже несколько мгновений стоит босыми ногами на мягком ковре. Открыв глаза и оглядывая медную башню, кажущуюся спокойной и безопасной по сравнению с пещерой, Конан перевел дух. Вот уже и со второй стены исчезла таинственная дверь, и снова колдун протягивает руку за своим талисманом.

Глаза Рагон Сатха возбужденно горели, как будто он сам сражался с подземными тварями. Рука властно тянулась к Конану, но киммериец отступил на шаг, не выпуская из рук трепещущий камень.

— Ты отчаянно храбр, смертный, и очень силен! Я начинаю думать, что и пять дверей тебе по плечу! Дай же мне поскорей талисман, я хочу ощутить его живое тепло! — Рука колдуна маячила уже совсем близко, и Конан устало протянул ему ярко вспыхнувший камень. И вот, Рагон Сатх держит два золотых треугольника и, с торжествующим видом, прикладывает один к другому. Раздался негромкий треск, и обе части талисмана как будто срослись между собой. Колдун жадно прижал их к груди, как только что Конан прижимал сияющий теплый камень, и сказал:

— Хоть ты и не считаешь могущество магов и осмеливаешься сотрясать проклятиями мою темницу, все же ты — мой раб, и тебя ждут эти четыре двери, — он махнул рукой в сторону затрепетавших полотнищ, — а теперь возвращайся в свой дворец и повеселись хорошенько, день ведь такой же длинный, как ночь!

Конан, который слушал мага, едва сдерживая бесильную ярость, хотел было снова разразиться бранью и проклятиями, но вихрь уже закружил его, понес, небрежно кидая то вверх, то вниз, и с размаху опустил на мягкое ложе, забросав сверху подушками. Конан сразу вскочил на ноги, хватаясь за пояс, забыв, что оружие осталось в гнусной пещере, и с облегчением увидел, что находится у себя в опочивальне. Рядом на ковре валялся его меч, на ногах были совершенно целые сандалии, и плащ, накинутый на плечи, был как новенький.

Глава седьмая

За дверью послышались тяжелые шаги, звон доспехов — это менялся караул у дверей спальни. Конан поднял меч, вложил клинок в ножны, снял плащ и открыл дверь.

На этот раз уснул старый лекарь, а Имма сидела в кресле, перебирая камешки своего ожерелья. Увидев короля, она радостно вскрикнула, сорвалась с кресла и побежала ему на встречу:

— Я знала! Я знала, что все кончится благополучно! Учитель, учитель, проснись!

Дамунк поднял усталую голову, но, увидев короля, сразу сбросил остатки дремы и тоже поднялся с кресла:

— Вот и вторая ночь миновала, хвала пресветлому Митре! Сколько еще ночей мой король будет служить проклятому колдуну?

— Еще четыре... Кром, какой мерзкой работой мне в этот раз пришлось заниматься... Нет, не спрашивай, все равно рассказывать не буду. Потом, когда все кончится — или никогда... А сейчас я чувствую себя отвратительно грязным. Эй, слуги!

На его зов прибежали два мальчика-пажа. Они дежурили поблизости, чтобы сразу выполнить любое желание короля.

— Быстро бегите и велите приготовить купальню с горячей водой! Я все утро буду отмываться, чтобы за-

быть эту пакость... Да, и принесите сюда еще вина и побольше свежего хлеба! — Конан вспомнил, о чем он мечтал в темной смрадной пещере, и улыбнулся.

Имма робко подошла к нему и спросила, опустив глаза:

— Повелитель тяжело трудился этой ночью. Мне будет позволено растереть целебным бальзамом усталое тело? После купания бальзам впитается в кожу, и силы вновь вернутся к тебе!

— Бальзам — это хорошо! — Конан, вспомнив похотливую улыбку Рагон Сатха, скрипнул зубами. — Это очень хорошо, но растереть мое тело придется Дамунку, силы у него еще есть!

Он увидел, как задрожали ее губы, и ласково сказал:

— Этот проклятый колдун... Он теперь все время со мной — и днем, и ночью, — и прикоснулся к ошейнику. Имма грустно кивнула головой и отошла к столу, чтобы налить ему вина.

После купания, свежий и отдохнувший, Конан вызвал к себе Паллантида, и они долго обсуждали государственные дела. Король не торопился, и советник был доволен, что может высказать свое мнение о сборщиках податей, которые, как он считал, в Тарантии откровенно выполняли свои обязанности.

— В провинции, государь, подати собираются более-менее исправно, а здесь, в столице, в богатом городе, просто из рук вон плохо. Эти купцы и зажиточные ремесленники наверняка подкупают сборщиков, и в казну почти ничего не поступает. Только бедняки исправно платят подати, но не может же на эти гроши существовать государство!

— Да, ты прав, Паллантид, надо что-то предпринять... Через несколько дней мы вернемся к этому разговору, а пока я тебя оставляю...

Конан вышел в сад и направился в его дальний уголок, где любила отдыхать Зенобия. Он не ошибся — королева сидела под огромным деревом, в тени которого легко дышалось даже в самые жаркие дни. Вокруг нее

на разложенных на траве коврах расположилась свита, а напротив сидел опрятный старик и что-то рассказывал.

Конан подошел ближе, дамы поднялись для поклона, рассказчик тоже встал и хотел было уйти, но Зенобия велела ему остаться. Конан сел рядом с женой, поцеловал ее и спросил:

— Душа моя, кто это? И почему у вас так тихо — ни музыки, ни песен?

— Милый, этого старика встретила в городе одна из служанок, а на другой день челядь только о нем и говорила. Мне стало интересно, и я велела привести его сюда. Как хорошо, что ты пришел! Он знает столько старинных преданий и так занятно рассказывает — ты только послушай!

Старик действительно повествовал столь занятно, что даже Конан, не особенно любивший слушать этих уличных рассказчиков, веселящих простой народ, сидел забыв обо всем. Лишь когда голод напомнил ему, что настало время обеда, он поднялся и бросил старику золотой, велел накормить его на королевской кухне и проводить к Дамунку.

— Он тебя так просто не отпустит, старик! Наш лекарь будет слушать тебя до самого вечера, а потом запишет все, что услышал. — И, подав руку королеве, повел ее во дворец.

Чтобы скоротать день и не доставить колдуну удовольствия, Конан после обеда велел оседлать Дриона, и, надев простую тунуку и плащ, выехал из города и поскакал вдоль берега Хорота.

Во дворец он вернулся, когда солнце уже садилось, бросил конюху поводья и быстрыми шагами направился в опочивальню.

Дамунк с тревогой поглядывал в окно, на алеющие облака, и беспокойно ходил из угла в угол. Услышав быстрые шаги, он облегченно вздохнул и сказал:

— Наконец-то! Я уже начал беспокоиться, что сон настигнет моего короля где-нибудь в поле или прямо на улице!

— Я немного поспал у реки и чуть не опоздал. Слушай, лекарь, а как тебе понравился этот старый болтун? Я их много встречал, но этот знает больше всех, вот я и послал его к тебе.

— Я оставил его ночевать, и завтра весь день он будет рассказывать мне свои сказки. Даже я многого не слышал, а уж Имма — и подавно.

— А где она? Я ее весь день не видел.

— Готовит к утру целебный настой, говорит, он тебе понадобится.

— Ну, раз понадобится, значит, буду жив! До завтра, Дамунк, уже пора!

Дверь за королем закрылась, Дамунк сел в кресло и стал вспоминать рассказанное стариком, чтобы сократить долгую ночь.

А Конан в это время уже стоял в медной башне перед Рагон Сатхом и слушал его издевательский смех.

— Да, неплохо ты провел день, король, неплохо! Стоит ли быть королем, чтобы так отчаянно скучать?! Жалко стало, что я почувствую в своем теле немного горячей жизни? Ну, ты не захотел развлечь меня — зато я тебя развлеку! Иди в эту дверь! — Колдун протянул руку к одному из полотнищ, и Конан двинулся туда, повинувшись невидимой силе, толкавшей его в спину. Он шагнул в темноту и сразу остановился.

Ничего не было видно, только слышались какие-то звуки. Они постепенно приближались, становились громче, отчетливей, и что-то до того знакомое было в этом разноголосом гаме, что Конан невольно выругался:

— Нергал меня заberi, уж не в Шадизар ли я попал по милости проклятого колдуна?! Этого мне только не хватало!

Он напряженно вслушивался в пронзительную перебранку, призывные выкрики, звон бубенчиков и скрип телег и чувствовал, что находится посреди огромного базара, но клочья тумана, который так любил напускать Рагон Сатх, не давали ничего разглядеть.

Наконец, ему надоело стоять и вслушиваться в этот гомон. Он сел на землю, прислонился спиной к чему-то твердому, что оказалось позади, и стал ждать. В конце концов, он сюда попал не для того, чтобы вслепую блуждать в клубах тумана, и если колдуну торопиться некуда, то и он подождет.

Как будто подслушав его мысли, туман начал редеть, и перед глазами стали появляться неясные контуры. Мимо него проплывали едва различимые силуэты верблюдов, звеня многочисленными бубенчиками. Погонщики орали пронзительными голосами, разгоняя медлительных прохожих. Водоносы сновали со своими кувшинами, чуть ли не спотыкаясь о вытянутые ноги Конана. Нет, это был не Шадизар и не один из других городов, где ему пришлось побывать! Туман уже превратился в легкую знойную дымку, и Конан с жадностью разглядывал диковинное место. Наверное, это главный город всех колдунов и демонов, скрытый от человеческих глаз, куда можно попасть разве что в кошмарном сне! Кто, кроме чародеев, мог бы построить такие дворцы, высоченными башнями взмывающие в небо и соперничающие с солнцем сиянием золота и драгоценных камней! В каком другом городе мостовые могли быть выложены драгоценной мозаикой, то зеленой с желтыми узорами, то лазурной, как море, с белыми завитками пены!

А что за диковинные торговцы сидели в изукрашенных лавках! Крылатые существа с серебристыми блестящими лицами певучими голосами предлагали какие-то невиданные плоды, а рядом, сидя на толстом узорном ковре, коричневый сморщенный старец со свиными ушами и золотым кольцом в носу скрипуче расхваливал сандалии, летучие сандалии, которые так и рвались в небо, едва сдерживаемые веревкой, привязанной к руке странного торговца...

Конан зажмурился и потряс головой, пытаясь привести мысли в порядок. Открыл глаза — все то же самое, только теперь торговцев заслонил медленно бредущий

караван маленьких слоников, не больше лошади, украшенных богатыми попонами с болтающимися шелковыми кистями. Рядом шли толстые полуголые люди с огромными тюрбанами на головах, их голоса сливались с ревом слонов, заглушая все остальные крики.

Оглядевшись как следует, Конан обнаружил, что сидит в стороне от базарной площади под высоким раскидистым деревом. Листья его под порывами легкого ветра не шумели, а нежно постукивали друг о друга. Посмотрев повнимательнее, Конан понял, что они каменные — тонкие зеленые пластинки на бурых черешках. И все же это было дерево, настоящее дерево!

— Кром, ну и местечко! И где я в такой сутолоке найду то, что ему нужно?! Да я тут год проторчу, а ничего толком не пойму! — Он поднялся на ноги, отряхнул с себя пыль и медленно пошел вперед, разглядывая лавки. Торговцы, завидев его, с отчаянными воплями выбегали навстречу и пытались затащить внутрь лавок — казалось, киммериец был единственным покупателем в этом странном городе. Все кругом продавали, и никто ничего не покупал. Что-то здесь было не так, что-то настораживало и не давало задержаться возле переливчатых кип материй, связок ароматных плодов и дивной работы оружия. Он шел вперед, не обращая внимания на протянутые руки с манящим товаром, не слушая призывных голосов.

Вдруг кто-то дернул его сзади за плащ, потом потянул довольно настойчиво, и Конан гневно обернулся, готовый проучить нахального торговца. Но перед ним стоял оборванный старик без всяких выкрутасов, без трепещущих крыльев, чешуи на плечах и золотых волос на голове. Увидеть в этой демонической толпе нормальное человеческое лицо было для Конана большим облегчением. Но только он собрался задать старику вопрос, как тот покачал головой, прикоснулся к губам кончиками пальцев и кивком головы позвал его за собой. Круто повернувшись, уверенно нырнул в тол-

пу, и Конану пришлось поднажать, чтобы не потерять его из виду.

Пестрые лохмотья старика вскоре замелькали далеко впереди, а киммериец едва успевал уворачиваться от красных верблюдов, груженных какими-то голубыми сосудами, то от многочисленных бродячих торговцев со скрипучими тележками. Наконец они выбрались на широкую улицу, сплошь застроенную высокими башнями-дворцами, острыми шпилями взмывающими к небесам. Другая улочка, третья, и вот они очутились на пустыре, заросшем редкими колючками и невысокими деревьями с красновато-зелеными каменными листьями. Невдалеке виднелась городская стена с огромными тяжелыми воротами, которые охранял отряд вооруженных стражников верхом на единорогах.

Старик сел под кустом, выбрав место, чтобы их не было видно со стороны ворот, и предложил Конану сесть рядом. Он восхищенно смотрел на короля, на его могучие плечи, широкую грудь, и вздыхал, как бы что-то вспоминая. Наконец сказал:

— И я когда-то, клянусь Кромом, был молодцом хоть куда! Хотя ты, пожалуй, покрепче будешь! Этот проклятый демон, чтоб ему сдохнуть в его башне, посылает на смерть самых лучших, самых сильных! Правда, если ты застрянешь здесь, ты не умрешь, но это ничуть не лучше. Стареть тут, в плену у демонов, слетевшихся со всего света на свой проклятый базар! Тьфу, лучше бы я умер в колыбели!

— Ты что, тоже побывал у Рагон Сатха?! Откуда знаешь, что я его пленник?

— Проклятый обруч когда-то сжимал и мою шею, но здесь я освободился от одного демона, чтобы попасть в рабство к другому. По твоему виду я смело могу сказать, что ты родился в Киммерии, и для меня эта земля тоже когда-то была родиной. Мое имя — Калтус, может, ты что-нибудь слышал обо мне? Хотя вряд ли, ты еще слишком молод, а здесь, в этом окаянном городе, время идет как-то совсем по-другому...

— Нет, старина, я о тебе не слышал, хотя верю, что ты был славный воин — Киммерия всегда была матерью могучих сыновей! Но что, разрази меня гром, должен я найти в этом огромном городе? Ведь ты тоже что-то искал?

— Искал и не нашел. Здесь можно бродить всю жизнь и так и не узнать, что нужно этому негодяю. А найти это что-то надо до захода солнца, купить и успеть унести ноги за городские ворота. Тогда ты свободен. Здесь, в этом городе, который называется Шаисса, свои законы. Всякий смертный, который попадает сюда, желанный покупатель. Ему предлагают все, что он хочет, — дворец, слона, девушку, оружие. За любую вещь нужно заплатить всего одну монету — любую монету, даже самую мелкую! Но если ты купишь больше, чем одну вещь, или останешься здесь с покупкой дольше захода солнца, когда уже закроют городские ворота, ты навсегда становишься пленником этого города. Колдуньи и маги используют таких бедолаг, как я, для самой грязной работы и за это кормят своими объедками. Мне до сих пор не смириться с такой участью! Ночью они загоняют нас в загон и запирают там, как скот, а сами предаются омерзительным забавам — не хочу даже говорить об этом!

— А зачем ты позвал меня сюда? Чтобы все это рассказать? Боюсь, что это мало чем поможет — ни ты, ни я не знаем, что нужно Рагон Сатху, а покупать что попало не имеет смысла!

— Для меня — имеет. Если бы у меня была хоть одна монетка! Теперь, когда на мне нет этого проклятого колдовского ошейника, я мог бы выбраться отсюда! Может быть, и ты когда-нибудь унесешь отсюда ноги, если следующий, кого заловит Рагон Сатх, захочет тебе помочь! Если бы у меня была монетка, я бы что-нибудь купил и скорее побежал за ворота! И тогда я бы снова очутился дома, хоть и старый, и немощный, но дома, среди людей! Я был бы счастливейшим из нищих, я пел бы песни и плясал на свадьбах, эх, да

что там... — и он отвернулся, смахивая непрошеную слезу. Конан полез было в кошелек, висевший на поясе, чтобы дать старику монету, но тот испуганно остановил его:

— Нет! Нет, не давай мне ее! Этот проклятый город! Если ты мне дашь монету, у тебя самого сразу все исчезнет, и ты останешься ни с чем!

— Но как же я тогда смогу тебе помочь?

— Придумай что-нибудь! Ты молод, силен, умен, а я уже старик! Попробуй спасти меня, может, и я смогу тебе помочь!

Конан минуту подумал, потом улыбнулся, лукаво подмигнул старику и медленно направился в сторону базара. Пройдя немного, он вдруг остановился и, сняв с пояса кошелек, стал пересчитывать деньги. Старик стоял поодаль, с надеждой наблюдая за его действиями. Вдруг мимо них проскакал лихой всадник на восьминогом коне, и Конан, заглядевшись на такое диво, уронил в пыль пару монет. Не заметив потери, он сунул деньги обратно в кошелек, привязал его к поясу и решительно направился к лавкам торговцев. Старик, тихо вскрикнув от радости, поспешно подобрал монеты и побежал следом за ним, стараясь держаться на почтительном расстоянии. Он шел за ним как тень, стараясь угадать, что купит его спаситель, и ломая голову, чем бы ему помочь.

Конан заглянул в одну лавку, другую, третью и почувствовал, что у него голова пошла кругом. Всего три лавки — а каких только диковин ему не предлагали! И эликсир вечной молодости, и плащ, который делает человека невидимым, и венец мудреца, который помогает правителю всегда принимать верные решения, и еще столько всякой всячины, что и не упомянешь! Он глянул на небо. Солнце стояло высоко, времени еще было много, но и город был велик. А вдруг то, что он ищет, находится вовсе не на базаре, а где-нибудь во дворце? Поди угадай... У Конана просто руки чесались от желания свернуть голову проклятому Рагон Сатху, даром что

тот колдун. У всех этих бестий, сидящих в лавках, такие хитрые рожи, если это можно назвать рожами. Даже для кошмарного сна слишком много зеленых ушей, одноглазых лиц и волосатых хоботов вместо носа. Все эти колдуны — мастера принимать человеческий облик, но здесь, похоже, они предстали в своем истинном обличье, не таясь и не скрываясь. А уж глаза-то простому смертному им отвести ничего не стоит — так вот и пройдешь мимо талисмана, и ничего тебе не поможет, не подскажет... Не подскажет?! Ну, нет, проклятый колдун, где твоя обещанная помощь и подсказка?! Конан, все еще кипя от злости, прислушался к себе, не подаст ли ему знака колдовской ошейник, но нет — ни жара, ни холода не чувствовала могучая шея киммерийца. На душе у него стало совсем мутно, и он пошел дальше, уже не заглядывая в лавки и не обращая внимания на разноголосые вопли продавцов и зазывал.

Вдруг его внимание привлёк визгливый голос, обращавшийся явно не к нему:

— Смердящий раб, паршивейший из смертных, ты смеешь без дела шлаться по улицам, вместо того чтобы чистить выгребные ямы! Сын шелудивой суки, ты дождешься, что тебя за ногу подвесят в Большой Колючке, на потеху детям Гимры! — И визгливое существо гнусно хохотнуло. Конан оглянулся и увидел толстобрюхого верзилу в ярко-синих атласных шальварах и красных сапогах с загнутыми носками. Великолепный парчовый пояс в несколько рядов был намотан на голый волосатый живот, колыхавшийся от хохота. Конан поднял глаза и, увидев его голову, подумал, что лучше бы он смотрел на шальвары — они были гораздо красивей. Жирные коричневые щеки свисали чуть ли не до плеч, круглая плешивая голова крутыми толстыми складками переходила прямо в мохнатую спину, глаза, как два крохотных уголька, зло смеялись из-под потных валиков бровей, а нос... «Нергал меня побери, если это нос!» — подумал Конан, едва удерживаясь, чтобы не

расхохотаться. Стыдливый лоскут влажной кожи нависал над верхней губой, колыхаясь в такт шумному дыханию. Уперев в бока жирные руки, уродливое существо сверху вниз взирало на знакомого Конану старика, который теперь совершенно преобразился. Он выставил вперед ногу, заложил руки за спину и смело глядел на верзилу.

— Ну, ты, жижанавозная, подарочек небес, чего встал, как Гость?! Сказано тебе — будешь болтаться на Большой Колючке! — Толстяк уже начал злиться, и на его вопли стали собираться зеваки. Конан подошел поближе, желая посмотреть, чем все кончится. Похоже, дело старика — дрянь, он явно не собирается бежать к выгребным ямам. Тем лучше! В таком поганом месте сам Кром велел поработать кулаками!

Раздвинув в стороны любопытных чудовищ, Конан встал за спиной толстобрюхого, готовый уложить его в любой момент, но тут заговорил старик, и голос его звенел от ненависти и торжества:

— Это мы еще посмотрим, кто сегодня украсит Большую Колючку! Ты, трясущийся вонючий студень, непочтительно говоришь с Гостем! Эй, стража, сюда, здесь оскорбили Гостя! — Старик достал из пояса монеты и, подбросив их на руке, сделал шаг в сторону толстобрюхого. Тот замер, соображая, жирный загрибок наливался багровой кровью.

Тем временем, гремя латами и щитами, подбежали стражники в высоких островерхих шлемах. Старик, уже не в силах сдерживать радость, чуть ли не подпрыгивал на месте, показывая рукой на толстобрюхого и звеня монетами:

— Он непочтительно обзывал меня непотребными словами и угрожал Большой Колючкой! Мне, Гостю!

Окружившие их существа зашумели, закивали головами, некоторые даже стали плевать на толстобрюхого, который с воем повалился на колени. Стражники схватили его за руки и за ноги и быстро куда-то поволокли. Жирный зад волочился по земле, и Конан с удо-

вольствием увидел, как лопнули на нем красивые шальвары.

Зазывалы в лавках опять стали наперебой расхваливать свои товары, дергали старика за пестрые лохмотья, пытались тянуть Конана за плащ. Но его грозный взгляд заставил их попятиться, и они на безопасном расстоянии, заглушая один другого, вопили о своих чудесах и диковинках.

Не обращая внимания на вопли торговцев, Конан подошел к старику и спросил:

— Ну, и что теперь? Ты-то купишь какую-нибудь диковинку и уберешься отсюда, а потом сможешь ее показывать на деревенских праздниках — глядишь, и не пропадешь с голоду, еще и вином напоят, а мне что делать?! Я эти лавки уже видеть не могу, а солнце скоро на закат пойдет! Ну и гнусное место!

— Слушай, король, не унывай, может, еще и повезет! А сейчас давай-ка сходим в одну лавку, там, на краю базара, и я куплю то, что присмотрел. А потом, если Митра поможет, глядишь, что-нибудь и придумаем!

— Ну ладно, веди в свою лавку, посмотрим, что ты прихватишь отсюда в Киммерию! — И Конан пошел за стариком.

Вскоре они подошли к большой, богато украшенной лавке. У входа стоял зазывала — толстый карлик с огромным кривым кинжалом у пояса — и от скуки ковырял в носу одним из своих многочисленных пальцев. Другая семи- или восьмипалая рука гордо покоилась на рукояти клинка.

Увидев сразу двух покупателей, карлик широко разинул рот, вытаращил круглые глаза, потом опомнился и завопил:

— Самые лучшие в Шаиссе кувшины с вином! Вино пьешь — а оно не кончается! Ни в одной лавке Гости не найдут Птицу, Говорящую Правду! Только у нас! Если Гости зайдут, хозяйка, прекрасная Зирина, покажет им такие диковинки, от которых помрачается ум и замирает сердце!

С удовольствием послушав пронзительные вопли маленького зазывалы и полюбовавшись, как он размахивает многопалыми ручками, киммерийцы вошли в лавку прекрасной Зирины.

У Конана глаза убежали от сияния украшений, блеска оружия и доспехов, ярких красок ковров и тканей. Он даже не сразу заметил хозяйку, с усмешкой глядевшую на него.

Да, не зря толстый карлик назвал ее прекрасной Зириной! Она стояла у маленького столика, богато инкрустированного драгоценными камнями и перламутром, и смотрела на гостей темными бездонными глазами. Ее одежды, похожие на одеяние вендийских танцовщиц, не скрывали от жадных взглядов ни одной из прелестей. Гладкий упругий живот, полуоткрытая грудь, длинная смуглая шея со множеством ожерелий и красный смеющийся рот обещали счастливцу многое, очень многое...

Загадочно улыбаясь, она поставила на столик высокий серебряный кувшин и три кубка — два золотых, богато отделанных сияющими драгоценными камнями, и один простой, оловянный, такой, какие обычно ставят на столы в придорожных харчевнях. Налив вино в золотые кубки, хозяйка приветливо сказала:

— Выпей, король Конан, желанный гость Шаиссы! Выпей и ты, старый Калтус, бывший раб, а теперь дорогой Гость! Ты часто заходил в мою лавку и, наверное, уже знаешь, что купить? А королю я покажу кое-что, от чего он, может быть, и не откажется! Скажи, король, я, по-твоему, красива? — И она прошлась перед ним, призывно покачивая бедрами.

Сердце в груди Конана бешено забилося, Зирина вдруг показалась самой желанной из всех женщин мира.

— Да, ты очень красива, наверное, только здесь, в Шаиссе, живут такие прекрасные женщины!

— А теперь посмотри сюда, король! — Хозяйка отдернула легкий полог, скрывавший что-то в глубине лавки, и Конан с Калтусом, подошедшим сзади, застыли,

словно громом пораженные, — перед ними в небольшой нише, освещенная ярким светом масляной лампы, на ковре сидела девушка с золотыми волосами. Когда отдернулся полог, она подняла опущенную голову, и на Конана глянуло лицо, которое могло присниться только в прекрасном сне...

Сапфировые глаза под тонкими, слегка нахмуренными бровями смотрели печально и покорно. На белых, как снег, щеках играл легкий румянец, крепко сжатые, похожие на крошечный бутон розы, губы были созданы для любви.

Встретившись глазами с Конаном, она вспыхнула, вскочила на ноги, губы приоткрылись, показав ослепительно-белые зубы. Она сделала шаг ему навстречу, и на ее ноге зазвенела тонкая стальная цепь.

— Это мой самый лучший товар! Ну, так как, кто из нас красивей? Я или она? — И хозяйка приподняла голову рабыни за подбородок. Рядом с золотоволосой пленницей красота Зирины совершенно поблекла. Конан, не сводя с девушки завороченного взгляда, потянулся рукой к кошельку.

— Надо же, королю, такому молодому и полному сил, нравятся столетние старухи! — раздался сзади тоненький ехидный голосок. — Ты в Шаиссе, король, а здесь не все бывает тем, чем кажется! Квир-р-р! Квир-р-р!

Конан оглянулся и увидел в большой клетке голубую птичку с насмешливыми черными глазками. Она прыгала по жердочке и весело чирикала:

— Квир-р-р! Квир-р-р! Стар-р-руха! Посмотри на нее!

Не понимая, о какой старухе идет речь, Конан перевел глаза на девушку — и попятился. Перед ним стояла сморщенная, худая, как скелет, древняя беззубая старуха и с вождением смотрела на короля белесыми, гноящимися глазами. На тощей коричневой ноге карги болталась стальная цепочка.

Хозяйка нахмурилась, задернула занавеску и подошла к клетке с птицей:

— Разговорились, негодница! Уж тебя-то точно никто не купит! Кому ты нужна, Птица, Говорящая Правду! Правды никто не любит! Сиди и помалкивай! — И она накинула на клетку большой пестрый платок. Птица обиженно пискнула, повозилась и затихла.

Тем временем старый Калтус что-то высматривал в грудке оружия, лежащего на полу. Наконец с торжествующим возгласом он вытащил большой меч с простой, ничем не украшенной рукояткой, в широких кожаных ножнах.

— Вот то, зачем я сюда пришел! Вот он, чудесный Меч — Сокрушитель Демонов! Хозяйка, держи монету — и Меч мой! — Он бросил Зиrine монетку, та на лету поймала и стала предлагать Калтусу чудесную кольчугу и волшебный щит.

— Нет, я все купил, что мне нужно! А теперь угости нас своим вином, у тебя ведь все равно оно никогда не переведется!

Сделав приветливое лицо, Зирина поднесла им золотые кубки, а себе взяла оловянный. Но тут Калтус вдруг внимательно посмотрел на Конана, потом на кубок, потом опять на Конана:

— Нет, хозяйка, король не будет пить из этого кубка, возьми себе золотой, а ему дай оловянный!

— Как можно! Чтобы гость пил из простого кубка! Позор моему гостеприимству! Да и сам король не захочет пить вино из такой дрянной посуды!

Но Калтус решительно отобрал у нее кубок и всунул в руку ничего не понимающего Конана. Потом подвел его к большому зеркалу, висевшему сбоку от двери:

— Смотри внимательно, король, и ты все поймешь!

Из зеркала на Конана глянуло смутное лицо синеглазого юноши с растрепанными волосами, с первым пушком над верхней губой. Рядом с ним стоял очень похожий на него воин лет тридцати, могучий, широкий в плечах, с мощными буграми мышц на руках и груди.

— Что это за чудеса?! — сказал Конан, и юноша в зеркале повторил движения его губ.

— Просто волшебное зеркало, которое показывает стариков молодыми, а молодых юными... Да ты не на лицо смотри, а на свою шею... И на кубок... Ну?

Конан всмотрелся и наконец понял: узор из магических знаков на колдовском ошейнике был точно такой же, как и узор, шедший вокруг кубка. Это было то, что он искал!

Выплеснув на пол вино, он поспешно достал монету и положил ее на столик. Хозяйка, с перекошенным от злобы лицом, потерявшим всю свою красоту, с ненавистью смотрела на него и шипела:

— Все равно ты не уйдешь отсюда! Все равно ты останешься здесь и украсишь Большую Колючку!

Красные губы расплывались, занимая половину лица, и на Конана уже смотрела отвратительная тварь с горящими глазами и жесткой щетиной волос. Груды коричневыми мешками свисали на живот, а толстые слоновьи ноги гневно топали по полу, сотрясая всю лавку.

— Украли! Избили! Стража, сюда! Хватайте их! Скорее! А-а-а!

Конан, не дожидаясь, пока набегут гремящие железом чудовища, ринулся к двери, за ним, на отставая, резво бежал старый Калтус.

Солнце опустилось уже совсем низко, деревья, постукивая каменными листьями, отбрасывали длинную тень, и киммерийцы со всех ног помчались к городским воротам. Конан бежал, прижимая к груди кубок, а Калтус неся в обнимку со своим мечом.

Позади, на базаре, стоял страшный шум и гам. Похоже, стражники сбились со следа и искали их во всех лавках. Отдышавшись, Калтус сказал, вынимая из ножен меч:

— Ты, король, пока они перетряхивают торг и не наступают нам на пятки, должен мне помочь. Меч-то у меня в руках, да слушаться он меня не будет. Быстренько прочитай, что тут написано на клинке!

Конан внимательно взгляделся в светлую сталь и разобрал полустертую надпись.

— Тут написано: «Махгран!» Слушай, а почему именно клинок ты захотел купить? А не Птицу, Говорящую Правду?

— Ведьма-то была права, правду никто не любит, а меч... Такими мечами сражались боги и демоны! Смотри, как он нам сейчас поможет! — Старик взмахнул мечом над головой, и, показав Конану на толпу приближавшихся стражников и прочей нечисти, валом валившей из города следом за ними, воскликнул:

— Враги идут! Махгран!

Меч, как живой, вздрогнул в его руке, по лезвию, треща, пробежала тонкая, как змея, молния, и клинок превратился в узкий трепещущий пучок огня. Пальцы Калтуса невольно разжались, но меч не выпал из его рук, а взмыл вверх и, роняя искры, понесся навстречу воюющей толпе.

Конан, обнажив свой верный клинок, ринулся следом, сунув кубок за пазуху и придерживая его левой рукой. Но то, что он увидел в следующее мгновение, заставило его в изумлении остановиться и опустить оружие. За его спиной, шумно дыша, встал Калтус и воскликнул:

— Кр-р-ром! Ну, теперь вы попляшите, Нергалъе отродье! Смотри, чуть не весь город понесся за твоей чашей! Да, не зря я приглядел этот клинок — как чувствовал, что без него отсюда ноги не унесешь! Да ты посмотри, что делается! Дай им, дай им жару, Махгран! Махгран!

Конан не выдержал и тоже оглушительно взревел:

— Махгран! Махгран!

Огненный меч засиял еще ярче, словно отвечая на их призыв, и закружился над замершей на мгновение толпой чудовищ. Они попытались было разбежаться в стороны, почувстввав смертельную опасность, но меч, гудя и треща искрами белого пламени, носился

вокруг, сгоняя их в одну кучу, как стадо испуганных баранов.

Некоторые пытались подняться в воздух на своих нелепых крыльях, но меч поспевал и тут, и демоны, рассеченные острым пламенем, корчась, падали вниз, на головы остальных.

Старый Калтус просто обезумел от радости, видя своих врагов, мучивших его столько лет, отнявших силу и молодость, воющими и скулящими от ужаса перед летучей молнией, Мечом — Сокрушителем Демонов.

Вдруг у них за спиной раздались топот копыт и воинственные крики. Конан резко обернулся и поднял клинок. Калтус же не обращал внимания ни на что, кроме кишащей перед ним толпы и ослепительного меча, летающего над нею, как бы играющего с демонами в последнюю кровавую игру.

От городских ворот прямо на них лавиной неся большой отряд черных воинов на белых, как снег, единорогах. Ощетинившаяся сверкающими копьями конница выглядела поистине устрашающе. Еще немного — и они будут растоптаны могучими копытами, и десятки копий вонзятся в их тела...

Калтус наконец услышал крики за спиной, оглянулся и завопил, показывая рукой в сторону приближающегося отряда:

— Враги идут! Враги! Махгран!

Меч на мгновение остановился в воздухе, потом, сверкнув, опустился к земле и неуловимо быстрым движением прочертил по камням и песку круг, тут же вспыхнувший голубоватыми языками огня. Вся визжащая толпа демонов оказалась заключенной, как в клетку, в это трепещущее огненное кольцо. Те из них, кто пытался, поднявшись в воздух, выскользнуть из смертельного круга, тут же падали вниз, пылая, как смоляные факелы.

Меч со свистом пронесся над головами замершего с поднятым клинком в ожидании атаки Конана и ста-

рика, кричащего, размахивающего руками, — и устремился к новой добыче.

Всадники, скакавшие впереди, увидев летящую на них молнию, попытались повернуть назад, но, столкнувшись с задними рядами мчащихся во весь опор воинов, попадали со своих единорогов или напоролись на выставленные копыта. Меч с торжествующим свистом врезался в гущу всадников, сея вокруг смерть, огонь и ужас.

Закованные в черные доспехи воины падали на землю, рассеченные надвое огненным клинком. Обезумевшие от смертельного ужаса единороги метались, пытаясь выбраться из свалки, в ярости протыкали друг друга острыми рогами. Кровь заливала им глаза, из распоротых животов вываливались внутренности, а всадники падали им под ноги, воплями и стонами заглушая ржание умирающих единорогов.

Вдруг, как будто решив, что с этой горсткой спятивших вояк не стоит больше возиться, меч взлетел высоко в воздух, и оттуда на всадников и единорогов посыпались частые, как дождь, молнии.

Конан и Калтус, как замороженные, смотрели на эту чудовищную картину избиения демонов, но радость победы и избавления смешивалась в их сердцах с суеврным ужасом.

Вскоре вместо грозного отряда вооруженных до зубов воинов перед ними пылал огромный костер, и дым поднимался до небес, заслоняя закатное солнце. Калтус первым вспомнил, что еще не все опасности позади, и, с неожиданной силой толкнув Конана так, что тот даже пошатнулся, прокричал ему прямо в ухо, заглушая треск пламени:

— Бежим! Солнце заходит, и ворота скоро захлопнутся! Не успеем — значит, все это зря! Скорее!

Конан забросил свой меч в ножны и, придерживая кубок, перекатывавшийся под туникой, побежал к воротам, догоняя Калтуса.

Огненный клинок в это время обрушил град молний на завывающую толпу демонов, и вот уже второй

столб пламени и дыма поднялся к небесам, отравляя воздух смрадом горящих тел.

Горстка всадников в шлемах с развевающимися алыми перьями попыталась преградить дорогу беглецам, но здесь уже Конан обошелся без чудесного меча. Наконец-то и он смог дать волю своей ярости, сокрушая, опрокидывая, сбрасывая с белых единорогов черных, гремящих латами чудовищ. Его клинок свистел, колот и рубил, не уступая огненному мечу Калтуса.

Вскоре лишь несколько единорогов, ослепительно-белых на фоне багрово-черного пламени, пожирившего демонов, в панике носились вдоль городской стены. Путь к воротам, казалось, был свободен, но тут вдруг Калтус что-то увидел впереди и закричал, показывая рукой:

— Смотри, один ушел, мерзавец! Что он делает, каналья, что делает!

Рядом с распахнутыми воротами последний уцелевший стражник что-то делал с черным камнем, вмурованным в белую кладку стены. Внезапно камень выскочил из своего гнезда, и демон с криками исчез, превратившись в сизое облачко. А из черного отверстия стали выползать клубы тумана, похожего на тот, в котором оказался Конан, когда только что попал в Шаиссу. Еще несколько мгновений — и туман скроет от них все.

Конан рванулся вперед, подталкивая кашляющего и задыхающегося старика. Он и сам почувствовал невыносимое жжение в горле, из глаз полились слезы, мешая видеть еле просвечивающие в клубах едкого тумана черные створки ворот. Они уже совсем расплывались перед глазами, ноги дрожали и подкашивались, но мысль, что они вот так, за здорово живешь, рухнут здесь, всего в нескольких шагах от спасения, породила в душе киммерийца новую горячую волну ярости. Слезы вскипели и высохли на глазах, ноги обрели былую упругость, и он, волоча под мышки скорчившегося от кашля Калтуса, в несколько прыжков достиг ворот. Створки,

дрогнув, со скрипом стали медленно закрываться, грозя раздавить их, как заблудившихся лягушек. Еще один мощный прыжок — и Конан повалился на землю, прямо на Калтуса. Ворота с грохотом захлопнулись за спиной.

Воздух со свистом вырывался из обожженного горла, король попытался отползти от старика, чтобы дать ему отдышаться, но сил уже не было.

Старик сам, кашляя и отплевываясь, с трудом вылез из-под уткнувшегося в песок Конана, шатаясь, встал на колени и, смахивая с обожженных глаз едкие слезы, прохрипел:

— Ко мне! Махгран! Ко мне!

Из-за белой стены густыми клубами валил черный дым вперемишку с сизыми хлопьями ядовитого тумана. Но вот дым прорезала ослепительная вспышка, и над городом, очертив крутую дугу, взмыла сияющая полоска белого огня. Покружив на месте, как бы танцуя победный танец, меч падучей звездой ринулся вниз и, рассыпая искры, ткнулся костяной рукояткой в ладонь старого Калтуса и замер. Конан, сплевывая горькую слюну, медленно встал и, с восхищением глядя на светящийся в руке Калтуса меч, сказал:

— Да, с таким оружием нигде не пропадешь! Смотри-ка, вернулся по первому зову, как верный пес! Слушай, старина, если мы выберемся отсюда живыми, уходи из Киммерии и иди ко мне на службу! С таким мечом можно не бояться за целое королевство!

— Ну, нет, король, со своим королевством управляйся сам, а я свою родину не покину! Разыщу родню, какая осталась, научу управляться с оружием смышленного парнишку из нашего рода и передам ему меч — чтобы он охранял наши края от врагов... Нет, король, я останусь в Киммерии!

— Знаешь, я и не ждал от тебя других слов, а предложил просто так, на всякий случай... Слушай, а эта проклятая Шаисса так и будет тут торчать веки вечные?! Моя бы воля — стер бы ее с лица земли!

— Будь моя воля — и я бы здесь камня на камне не оставил! Эй, эй, куда ты?! — Калтус попытался ухватиться за рукоять выскользнувшего меча. Но огненная полоска, ярко засиявшая в наступающих сумерках, снова помчалась к городским стенам.

Как выпущенная из гигантского лука стрела, пылающий меч носился вокруг стен Шайссы, и молнии с треском срывались с его острия. Вскоре все стены вспыхнули призрачным голубым пламенем, взметнувшись сплошным столбом прямо в небеса. Несколько мгновений пылало это невиданное пламя, от грома и треска заложило уши, потом пламя свилось в клубок и умчалось вверх, в чернеющее небо. Стадо тихо. Где-то высоко-высоко, среди проступивших звезд, еще мелькала крошечная голубая точка. Но вот исчезла и она.

Там, где только что стоял город демонов, колдунов и оборотней, больше не было ничего. В тусклом свете ущербной луны кое-где виднелись кучки камней и небольшие деревца с постукивающей на ветру листвой. И посреди этой дикой пустыни сиял до половины вонзившийся в землю чудесный Меч — Сокрушитель Демонов.

Бережно вытащив его из земли и полюбовавшись, как гаснут на холодном стальном клинке последние искры, Калтус вложил волшебное оружие в ножны и усталое сел под деревом.

Конан с удовольствием пристроился рядом и наконец-то задал вопрос, который не давал ему покоя:

— Слушай, что я хотел тебя спросить, пока мы еще здесь... Что это за штука такая — Большая Колючка, которую все так боялись?

Калтус вдруг расхохотался и долго не в силах был произнести ни слова. Конан, не понимая, смотрел на него, но вдруг песок рядом со стариком завертелся маленьким смерчем, потом воронка стала расти, и вот уже его подхватил настоящий вихрь, не потревоживший ни песчинки у ног Конана. И сквозь вой ветра Конан услышал:

— Я и сам не знаю, что это такое! Я ее никогда не видел! А кто видел, те не возвращались! Эге-ге-гей! Проща-а-а-ай!

Теперь Конан сидел совершенно один в голой чужой пустыне, под немыслимым деревом с каменными листьями и ждал, что же будет дальше. Он не собирался никуда идти, справедливо полагая, что теперь, после таких трудов, колдун сам должен побеспокоиться и доставить его обратно.

Но кругом было тихо, беззвучно проплывали в вышине тонкие облака, временами набегая на тонкий серп луны. Конану вдруг захотелось разглядеть свою добычу, то, из-за чего на них ополчился весь город.

Ничего особенного, простой оловянный кубок. Но почему-то так не хочется выпускать его из рук... Выпить бы из него доброго вина! Конан прикрыл глаза, представляя запах и вкус своего любимого красного вина, но тут налетел холодный ветер, пробирая его до костей, и вот уже его закружил вихрь, пронося над безжизненной землей...

Он не сразу понял, что вновь стоит в башне, так закрутил и заморозил его бешеный ледяной поток. Закоченевшие руки прижимали к груди теплый, почти горячий кубок, который и не позволил Конану окончательно замерзнуть. Живительное тепло из ладоней растекалось по всему телу, как то самое вино, о котором он только что мечтал.

— Ну, король, ты, я вижу, хорошо развлекся? Я же тебе говорил, что скучать не придется! Это тебе не камни таскать и червей кормить, это — Шайсса! Жаль, что ее больше нет... Зато кубок здесь... Ну, что же ты стоишь как столб, давай его сюда! — Колдун протянул руку, и Конан, ругнувшись сквозь зубы, нехотя отдал оловянную чашу ему. Глаза короля горели ненавистью, которую уже ничто не могло погасить, но маг, поглощенный своим талисманом, не обращал на своего пленника никакого внимания. В руках чародея мерцала тусклым золотом половина шестиугольного

диска, и он нежно поглаживал ее жадными пальцами. Потом, вспомнив про Конана, поднял темные глаза и глухо сказал:

— Все... Иди... День твой! Хочешь — веселись, хочешь — спи. Так и быть, я тебе мешать не буду. Мне почему-то кажется, что ты сможешь... — Он махнул рукой, и стены закружились в бешеном хороводе. Снова перед глазами мелькнула орущая и галдящая Шаисса, и все пропало.

Глава восьмая

Громкий стук разбудил его. Открыв глаза, король увидел резной с позолотой потолок опочивальни, узорный полог у изголовья, солнечные блики на стене. И снова услышал громкий стук. Ну конечно, солнце давно встало, Дамунк встревожен, стража вот-вот начнет ломать дверь.

Вот уже три ночи у его дверей стоит караул, вот уже три ночи почти не спят Дамунк и Имма, готовые броситься ему на помощь. Проклятый колдун! Конан еще никогда не чувствовал себя таким униженным. Он, добившийся королевской власти, победивший столько врагов, в том числе и магов, сейчас, как купленный по дешевке раб, рискуя жизнью добывает свободу этому исчадию бездны! Проклятие!

Весь день король не находил себе места от душившей его бессильной злобы. Он пойман, крепко пойман на крючок, и кто знает, что готовит ему гнусный колдун потом, когда он получит свой талисман?! Может быть, улизнув из своей башни, он оставит там его, Конана?! От колдунов меньше всего можно ожидать честного выполнения обещаний.

Нет, эти твари, расплодившиеся по всей Земле, должны быть уничтожены, а это значит, надо уничтожить гнездо, их породившее. Стигия — вот рассадник ала, таинственная страна, где маги обретают свою колдовскую силу, откуда потом расползаются по всему свету,

чтобы мучить, терзать, использовать людей себе на потеху.

Стигия отныне станет целью его завоеваний. Он еще не стар, время у него есть. Есть ли? Быть может, эти три дня — все, что ему осталось? Нет, не три дня, а целая жизнь! Конан хоть и кипел от ярости, но ни на мгновение не сомневался в своей победе.

Ближе к вечеру, когда солнце уже опускалось к горизонту, чтобы на завтра снова озарить мир живительным светом, на короля вдруг снизошло удивительное спокойствие. Уверенность в победе стала несокрушимой, он еще не знал как, но чувствовал, что победа будет за ним. И, как всегда, незаметно подкрался сон, накинул на него свое серое покрывало: мысли спутались, исчезли, и опять понесли куда-то колдовские ветры и волны...

Колдун, как бы почувствовав произошедшую с варваром перемену, смотрел неподвижным, тяжелым взглядом, не говоря ни слова. Конан тоже не мигая глядел ему в глаза и молчал. Наконец Рагон Сатх поднял свой огромный кубок, отхлебнул слегка дымящийся напиток и криво усмехнулся:

— Ну, я вижу, ты полон решимости! Иди! За этой дверью доблесть и смелость будут тебе нужнее всего! — И он натянуто рассмеялся, махнув рукой с кубком в сторону ближайшей завесы. Не желая дальше слушать его насмешки, Конан шагнул к другой двери, не к той, на которую указывал колдун. Отдернув полотнище, он мгновение помедлил, вглядываясь в зыбкие, меняющие очертания клубы тумана, сделал шаг вперед и упал на что-то мягкое.

Его покачивало, потряхивало, а сам он ничком лежал на соломе. Конан приподнялся и посмотрел вокруг. Куда ни кинь взгляд, везде простиралась однообразная, серая, мокрая равнина, и повозка, в которой он лежал на сырой соломе, медленно ползла по жидкой чавкающей грязи.

Конан привстал, чтобы рассмотреть возницу, но, к своему удивлению, никого не увидел. Он был в повозке

один, а впряженный тощий бык сам, без понукания, с трудом тащил ее, по колено увязая в грязной жиже.

Все кругом казалось каким-то зыбким от мелкого дождя, которого Конан сначала даже не заметил. Но когда по лицу потекли холодные струйки, он откинул со лба волосы и почувствовал, что они совсем вымокли. Его рука привычным движением легла было на рукоять меча, но нащупала лишь насквозь промокшую ткань дорожных штанов. Кроме штанов и сандалий, на нем ничего не было — ни туники, ни плаща, ни, самое главное, пояса с мечом и кинжалом.

Конан вскочил, увязая в мокрой соломе, и, рыча от гнева и ненависти, переполнявшей его так, что даже слов не находилось, погрозил небесам могучими кулаками. От его недавнего спокойствия не осталось и следа.

Бык, на мгновение остановившись, коротко замычал, как бы присоединяя свой голос к яростному воплю киммерийца, и снова с трудом поволок повозку одному ему ведомым путем.

Она медленно катилась, поскрипывая и кренясь на скрытых в грязи ухабах. Бык брел медленно и равнодушно, тяжело переставляя худые ноги. Во все стороны до самого горизонта — ни холма, ни камня, ни дерева, одна раскисшая от дождя грязь. Конана даже передернуло от отвращения — такой унылой картины он в жизни не видел. Тряхнул головой, сбрасывая надоевшие капли дождя. Вдруг раздался скрежет, повозка дернулась, резко остановилась, и он ткнулся лицом в прелую солому.

— Тьфу, что там еще, Нергалу в задницу такие дела! Ну, ты, ходячие кости, что встал?! Везешь, так вези!

Бык изо всех сил дергал повозку, но она, видимо, наскочила на камень, и колесо уже угрожающе трещало, грозя слететь с оси. Бык скосил на Конана полный тоски лиловый глаз и жалобно замычал, как бы прося о помощи.

— Эх, ты, дохлая скотина, тебя что, совсем не кормят? Но пешком по такому месиву я все равно не

пойду, уж придется тебе довезти меня до места. А сейчас все же, Нергал меня поberi, надо лезть в грязь!

Конан нехотя спустил с повозки ноги и осторожно погрузился в жижу, провалившись почти до колен. Внизу было полно мелких острых камней, и он в душе порадовался, что проклятый колдун не забросил его в это море грязи в одних штанах, а все-таки оставил на ногах крепкие сандалии.

Подойдя к колесу, он действительно нащупал ногой большой камень. Еще чудо, что ветхая повозка не развалилась на куски, налетев на такой валун.

Недолго думая, Конан сунул руки в грязь и принялся раскачивать камень, пытаясь сдвинуть его с места. Пальцы скользили, не находя опоры. Наконец ему удалось крепко ухватить проклятый валун, от напряжения на спине и руках вздулись бугры мышц, и медленно, будто нехотя, камень наконец дрогнул и откатился в сторону, чуть не придавив киммерийцу ноги.

Теперь повозка могла двигаться дальше, но Конан не торопился в нее залезать. Он налег на нее плечом и зычно крикнул:

— Гей, пошел! Вперед, заморыш!

Бык дернулся, повозка вздрогнула и покатила. Некоторое время Конан шел рядом, разглядывая свои до плеч измазанные руки. Да что там руки! Грязь была на груди, на животе, на штанах. Он взял клоч соломы и кое-как начал оттирать ее с рук. Бык, потихоньку волоча пустую повозку, внимательно посматривал на человека блестящим глазом. Когда Конан в сердцах хотел было швырнуть размазавшую грязь солону в чавкающую жижу, бык остановился и жалобно замычал. Конан, не понимая, глядел на животное, пока до него наконец не дошло.

— Тьфу ты, пропасть! Да ты же, бедняга, такой голодный, что и солону слопать готов! На, ешь, а то еще ноги протянешь, что тогда буду делать...

Он доставал из повозки слежавшуюся мокрую солону и, с усилием переставляя ноги в вязкой жиже,

подносил ее к быку. Тот с жадностью пожирал ее так, как будто это была молодая весенняя травка. Вскоре на дне повозки не осталось ни клочка соломы, и Конану пришлось усестся прямо на голые доски. Зато бык заметно повеселел и, гораздо увереннее переставляя ноги, зашлепал по грязи вперед, к пока еще неведомой цели.

Повозка еще долго тряслась по бескрайнему морю вязкой жижи. Дождь, то утихая, то усиливаясь, кое-как смыл грязь с тела Конана, а конца пути все не было видно. Бык шел не останавливаясь, только грязь равномерно чавкала под его ногами да скрипели старые колеса повозки. Конан уже начал терять терпение, ему казалось, что он промок насквозь, до самого сердца, и даже гнев, пылавший в нем, потух, уступив место мрачному отращению.

Наконец, когда дождь утих настолько, что можно было видеть бескрайнюю равнину далеко вперед, стал заметен крохотный бугорок посреди ровного места. Поначалу Конан решил, что это ему только кажется. Но бык шел именно туда, к этой темной точке, то появлявшейся, то исчезающей за пеленой дождя.

Когда дождь почти прекратился, сеясь из низких туч мелкой пылью, Конан смог разглядеть очертания большого холма и какую-то постройку на его вершине.

Они медленно приближались к холму, и киммериец, встав в повозке, пытался разглядеть, что за постройка темнела на его макушке. Но дождь, припустивший с новой силой, скрыл с глаз и загадочное сооружение, и сам холм, только бык уверенно шел вперед знакомой дорогой.

Постепенно грязь становилась мельче, бык с надсадой тянул повозку в гору, едва перебирая разъезжающимися ногами. Конан спрыгнул на землю, с удовольствием почувствовав, что ноги больше не проваливаются в отвратительную жижу, и пошел рядом, жалея замученную скотину. Бык посмотрел на него с почти чело-

вечей благодарностью и потянул вверх громыхающую на камнях пустую повозку.

Дождь кончился внезапно, словно повинувшись чьему-то приказу, и Конан, шагавший рядом с телегой, держась рукой за ее край, невольно остановился. Они были уже совсем рядом с невысокой, не выше человеческого роста, каменной стеной, огораживавшей огромный дом, стоявший на вершине холма. Когда-то крепкие ворота, сделанные из добротных брусьев, сейчас представляли из себя жалкое зрелище.

Бык медленно подошел к воротам и сильно ткнул рогами приоткрытую створку. На землю посыпались щепки и мокрая труха. Створка как будто нехотя отворилась, и бык затащил повозку во двор.

Они стояли посреди большого двора, кое-как замощенного выщербленными камнями. Бык понурил голову и словно уснул, а Конан, отойдя на пару шагов от повозки, с изумлением стал осматриваться:

— Клянусь Кромом, такого я еще не видал! Ну и домина! Кто же здесь живет, хвост Нергала ему в глотку?!

Дом действительно поражал своей величиной и нелепостью. Казалось, его строили пьяные великаны, чтобы потом уйти и навсегда забыть о нем. Стены были сложены местами из грубо обтесанного камня, а где и просто из валунов. Узкие окна, расположенные как попало, зияли пустыми дырами, лишённые переплетов и ставень. Лишь три окна внизу были прикрыты трухлявыми ставнями, да входная дверь еще была цела, наверное, благодаря широким железным полосам, набитым крест-накрест. В левом крыле дома возвышалась квадратная башня, похожая на исполинскую голубятню. На уцелевших кое-где остатках черных стропил еще виднелась черепица, но ясно было, что ей уже недолго осталось украшать этот дом. Круглая башня, торчащая справа, сохранилась лучше. Узкие, как бойницы, окна, прорезавшие грубую складку стен, тоже не имели уже ни рам, ни ставень, зато крыша здесь была почти целой.

Середина дома, длинная, как сарай, тоже лишь местами сохранила кровлю. Как раз там, где были закрытые ставнями окна, стропила были покрыты гнилой соломой, кое-где для верности придавленной камнями.

Да, время, ветер и дождь хорошо потрудились, превращая нелепый дом в груды развалин, и им осталось поработать совсем немного, чтобы довести дело до конца!

Конан запустил руку в мокрые волосы, еще раз удивленно оглядывая диковинный дом. Бык, подтащив повозку поближе к дверям, остановился и протяжно замычал. Внутри дома слышались тяжелые шаги, крикание, и дверь, чуть не слетев с петель, распахнулась от мощного пинка.

На крыльцо, пригнув голову, чтобы не расшибить лоб, вышел великан, раза в полтора выше Конана. Глядя на него, киммериец опять было схватился за отсутствующий меч и шепотом выругался.

Потягиваясь и зевая, на него смотрело сонными бесцветными глазами огромное существо с телом, покрытым жесткой щетиной. Гнилые зубы торчали из разинутой пасти, громадные черные от въевшейся грязи руки скребли волосатую грудь. На нем были надежды лишь сильно потертые короткие штаны из грубой кожи, да на поясе болтался огромный нож. Босые черные ноги с мозолями, жесткими, как копыта, могли, наверное, ходить по самым острым камням.

Великан опустил глаза, увидел Конана, угрожающе сжавшего кулаки, и хрипло расхохотался:

— Охо-хо-хо! Хо-хо-хо! Ты только посмотри, Хозяйка, кого притащил сегодня этот бездельник! Да иди же скорей, мы сегодня с добычей! — Он, все еще булькая от хохота, подошел к быку и, наклонившись, принялся его распрягать.

— Эй, дохлятина, а где же солома?! Куда делась солома, я спрашиваю?! Ты посмел ее сожрать, негодяй? И так от тебя одно разорение, только и знаешь, что

жрать! — И град ударов и пинков обрушился на несчастную скотину. Бык, не пытаясь убежать или увернуться, покорно снес все пинки и понуро вошел в полуоткрытую дверь. Повозка осталась сиротливо стоять посреди двора, а великан снова завопил:

— Хозяйка, ну где ты там копаешься? Иди скорей сюда да неси сеть — у нас богатая добыча!

Слушая эти вопли, Конан весь напрягся и начал потихоньку отступать к воротам. Но великан с неожиданным проворством опередил его и отрезал путь к отступлению.

— Да где ты там, в подпол, что ли, провалилась?! Тебе говорю — иди скорей, а то улизнет!

На его крики из дома не спеша вышла такая же, как он, безобразная великанша. Юбка из давно потерявшей цвет толстой материи едва прикрывала колени, открывая могучие волосатые ноги с такими же черными мозолями, как и у ее мужа. Огромную трясущую грудь обтягивал кожаный жилет, туго зашнурованный в талии. Жесткие космы, собранные в пучок на макушке, были украшены жемчужным ожерельем и торчащими во все стороны драгоценными заколками. Сверкающие драгоценности выглядели так нелепо на ее уродливой голове, что Конан, засмотревшись, не сразу заметил перекинутую через плечо великанши сеть. Когда он отпрянул в сторону, было уже поздно — брошенная ловкой рукой сеть накрыла его, и оба великана захохотали, любуясь, как он яростно пытается освободиться.

Заматав потуже, они взвалили добычу на плечи и понесли в дом. Там, не церемонясь, вытряхнули из сети на пол и с грохотом опустили решетку.

Конан тут же вскочил на ноги и, рыча, бросился на прутья. Великаны стояли рядом и смеялись, скаля кривые желтые зубы.

— Глянь, глянь, Хозяйка, как кидается! Молодой, сильный! Ишь ты, какую добычу Гоц сегодня отхватил! Если бы он по дороге не сожрал всю солому из повоз-

ки, я бы ему, пожалуй, подкинул охапку... Смотри, глазами-то, глазами как сверкает!

— Слышь, Хозяин, а может, нам его прямо так поджарить, а? Гляди, какой крупный, и мяса на нем много... Я бы мигом приготовила... Правда, там еще с прошлого раза осталось, но так хочется свеженького!

— Еще чего! Прямо так! Да это нам на один раз! Нет уж, доедим, что есть, а этого надо откормить. Фу, я что-то устал его тащить. Где там у нас вино? Быстро неси сюда кувшин и все, что осталось!

Он, развалясь, сел на лавку у громадного стола из кое-как обструганных брусьев, а Хозяйка, бросив на Конана жадный взгляд и облизнувшись, грузно пошла внутрь дома.

Вскоре она вернулась с охапкой полусгнивших дров и, бросив их на пол у громадного почерневшего очага, проворчала:

— Дрова кончаются... Слышишь, Хозяин, скоро дичь не на чем будет жарить! Съезди завтра на Гору за дровами! Да ты уснул, что ли?! — И она угрожающе замахнулась поленом.

— Ну, ну, потише, не видишь, я устал! Вот отдохну денек-другой, тогда съезжу!

— А этого на чем жарить будем? — Она кивнула в сторону Конана. — Ты же знаешь, я сырого не ем! Я тебе не какая-нибудь дикарка! Я из приличной семьи! — Ее голос перешел на пронзительный визг, и полено уже было готово опуститься на всклокоченную голову Хозяина.

— Да успокойся, моя красавица! Так и быть, я завтра поднимусь в башню, наломаю ставень. Там еще много осталось. А потом, когда отдохну, тогда и съезжу... А сейчас давай клади полено в очаг и разводи огонь, ужинать пора!

Поворчав еще немного, Хозяйка побросала дрова на решетку очага и разожгла огонь. Ярко вспыхнувшее пламя осветило все углы огромной, не меньше пирше-

ственного зала, комнаты, посреди которой сидел за столом, кляя носом, великан.

Конан, убедившись, что тот не обращает на пленника никакого внимания, осторожно подошел к решетке и огляделся.

Пламя жадно пожирало трухлявые дрова, его отблески играли на грубой кладке стен и черных от копоти балках потолка, отбрасывая шевелящиеся тени. Кроме стола, двух лавок и громадного топчана в дальнем углу, в комнате ничего не было. А Конан был посажен в небольшую нишу без окон, отделенную от комнаты крепкой железной решеткой. Напротив него, в такой же нише, только без решетки, понуро стоял бык и жевал губами, наверное вспоминая давешнюю солому.

Конан оглядел комнату еще раз и в углу, противоположном тому, где стоял топчан, увидел лежавшую на полу приставную лестницу из толстых брусьев. Он поднял глаза и под самым потолком заметил небольшую, на удивление добротную дверь. Когда-то к ней вела лестница, но сейчас только обгорелые концы ступеней, торчащие из стены, напоминали о ее существовании. Эта маленькая крепкая дверь с блестящими коваными накладками и большой замочной скважиной невольно привлекала внимание: снова и снова разглядывая комнату, киммериец все время поднимал глаза в тот угол.

Послышались тяжелые шаги и приглушенное ворчание. Кособокая дверь, ведущая куда-то внутрь дома, с жалобным скрипом распахнулась, и вошла Хозяйка с двумя кувшинами вина. С размаху бухнув их на стол и поглядев на сонного хозяина испепеляющим взглядом, она достала с полки около очага большое блюдо и два кубка. Плеснув в один из них вина, жадно стала его пить. Не открывая глаз, Хозяин потянул к себе кувшин. Хозяйка сердито хлопнула его по рукам:

— Сколько раз тебе говорить, пей из кубка! Вечно ты норовишь присосаться к кувшину! Нет, не зря меня

матушка отговаривала, когда я решила стать твоей Хозяйкой! Права она была, когда предупреждала: «Он совсем дикий, настоящего обхождения не знает!»

— Ну, заладила, не знает, не знает! Так чего ж пошла за меня?

Великанша вдруг поставила на стол недопитый кубок, опустила глаза и, разглаживая волосатыми ручищами складки на юбке, сказала:

— Да уж больно ты был хорош... Хотя и не знал настоящего обхождения, и сейчас не знаешь, но такого красавца, как ты, в наших краях больше нет... И дом твой — тоже настоящий дворец! Вот и пошла за тебя...

— Ну, так и не ворчи! Вот сготовишь ужин, так и быть, слазая для тебя на чердак... Я ведь тоже долго выбирал, а пригожее тебя не сыскал. Достану тебе ожерелье из красных камешков, хочешь?

Она чуть не подпрыгнула от радости:

— Ой, какой ты смелый! Правда, принесешь ожерелье? Только будь осторожен, чтобы Родраг не проснулся!

— Ничего, два раза уже ходил, а он не проснулся! Я и ключ, и замок смазал маслом, дверь не скрипит, и половицы там крепкие. — Великан достал из кармана огромный ключ и повертел им в воздухе. Потом налил себе вина в кубок и положил ключ на край стола. Хозяйка, оскалив зубы в безобразной ухмылке, допила вино и быстро вышла из комнаты. Хозяин, довольно крикнув, устался на огонь и пробормотал:

— Ох уж эти женщины! Пока не скажешь, что она самая прекрасная, так и не пошевелится, чтобы мужу обед сготовить!

Он снова замер, глядя на огонь и изредка приглядываясь к кувшину, опасливо косясь на дверь.

Конан, стараясь не шуметь, попытался приподнять решетку, но толстые железные прутья даже не дрогнули, как он ни старался. Решетка не была частой, он свободно мог высунуть наружу голову, но, упершись могучими плечами в холодный неподвижный металл, понял, что силой здесь не возьмешь. Надо было ждать!

Не может быть, чтобы он сюда попал только на ужин этим волосатым! Нет, он не боров и не теленок, так просто сожрать его не удастся!

В комнату ввалилась Хозяйка с огромной лоханью, наполненной кусками мяса, и Конан благоразумно отступил в тень, чтобы не привлекать ее внимания. Хозяин восторгнулся, взял длинный толстый вертел, прислоненный к очагу, и стал насаживать на него куски мяса. Хозяйка подбросила в очаг еще дров, огонь затрещал, и Хозяин, пристроив вертел, стал его медленно поворачивать. Потом ему это надоело, и он толкнул великаншу под столом ногой:

— Давай-ка теперь ты поверти, а я намешаю ему еды.— Он кивнул в сторону клетки, где, притаившись, сидел Конан.— Ему не мешает хорошо раздобреть, вишь, какой жилистый!

— Нет уж, верти сам, а то опять зелье просыпешь, как в прошлый раз. Смотри, и кувшин почти пустой! Один все вылакал! Сиди и верти, я сама все сделаю.

Она сняла с полки большую глиняную миску, налила в нее вина из своего кувшина и, достав спрятанный за очагом небольшой мешочек, стала полными горстями сыпать из него в вино какой-то порошок. По всей комнате разнесся дивный аромат пряностей, заглушив запах горелого мяса.

Конану показалось, что он попал на кухню своего дворца в Тарантии, где повара готовят праздничный обед. У него подвело живот и рот наполнился слюной. Перед глазами вставали видения жареных ягнят, запеченной дичи, огромных пирогов на оловянных противнях. Он даже заскрипел зубами от невыносимого желания вцепиться зубами в жареную баранью ножку, посыпанную душистыми травами. А Хозяйка тем временем большущей деревянной ложкой размешивала порошок в вине. Вскоре он загустел и стал похож на крутое тесто, горой поднявшееся над краями миски.

— Ну, вот и готово! И вина еще много осталось. Пусть-ка он помечется, понюхает, а мы сначала поедим.

А потом и ему дадим — да, миленький? Как там наше мясо, готово?

— Готово, готово! Плесни-ка мне в кубок, а то во рту пересохло от такой работы! Вертишь, вертишь, а оно все еще сырое...

— Знаю я тебя, ты бы и так все сожрал! Ну, нет, пока я жива, ты будешь пить вино из кубка и есть жареное мясо, как моя матушка учила. Давай клади его сюда!

Она подвинула блюдо к краю стола, и ключ с громким стуком упал на пол. Великан, поднявшись, чтобы снять с огня вертел, затолкал его заскорузлой пяткой под стол, ничего не заметив.

Конан, изо всех сил борясь с муками невыносимого голода и отгоняя соблазнительные видения, заметил, куда упал ключ, уверенный, что ему это скоро пригодится.

Хозяин, сняв с пояса нож, спихивал на блюдо подгоревшие куски мяса, а Хозяйка, сидя на лавке напротив него, уже нетерпеливо облизывалась:

— Ну, скорее же, чего копаешься? Руки дрожат? Конечно, кувшин осушил, так будут дрожать! Дай, я сама.

— Женщина, не встревай! Я сам все могу! Вот, погляди! — и он кое-как спихнул с вертела последние куски мяса.— Что мне один кувшин! Сходи-ка принеси еще парочку, у меня сегодня и аппетит хорош, и жажда разыгралась! А то не полезу завтра на чердак!

— Иду, иду, я и сама хотела еще выпить! Сейчас принесу! А правда, я стану еще красивее в ожерелье из красных камешков?

— Из красных, как твои глазки, как твой носик, дорогая! Быстро тащи вина! — И Хозяин с размаху хлопнул ее ручищей по широкому заду.

Великанша, радостно завизгнув, помчалась за вином, а он принялся за мясо, жадно отдирая огромные куски острыми зубами. Но не успел он дожевать первый кусок, как Хозяйка уже вернулась, неся еще два кувшина.

— Ну вот, это уже лучше! Лей, да не через край. А то всухомятку кусок в горло не идет! Ну, женушка, выпьем!

Бульканье вливаемого в глотки вина сменялось чавканьем и сопением, а потом кубки снова наполнялись, и все повторялось сначала. Наконец великан пыхтя откинулся на спинку скамьи и принялся ковырять в зубах.

— Ужин сегодня удался на славу! Такой Хозяйки, как ты, и за Дальней Горой не сыщешь!

Хозяйка, дожевывая последний кусок и распустив тугую шнуровку на кожаной жилетке, довольная, ответила:

— Да, не зря меня матушка учила готовить! Когда я их откармливаю своим снадобьем, мясо у них получается нежнее, чем у молодого барашка! Ох, дорогой, мы же про него забыли! Как бы он там с голоду не подох! — И она проворно вскочила из-за стола, но тут же покачнулась и чуть не упала.

— Ого, я уже напилась и наелась! Доброе у нас вино, тоже матушка делать научила! Нет, мне не донести миску, давай-ка ты!

— Уж ладно, я-то крепче тебя, донесу! — Великан взял посудину, наполненную ароматным тестом, запах которого сводил Конана с ума. Пошатываясь, он подошел к клетке и протолкнул ее между прутьями решетки. В нос киммерийцу ударил запах, от которого у него закружилась голова, а рот наполнился слюной.

— На, ешь да скорей поправляйся! — Хозяин побрел обратно к столу, а Конан присел на корточки перед миской, жадно вдыхая аромат и собираясь уже запустить руки прямо в пышную, желтоватую массу.

Но тут бык, до этого тихо стоявший в своем углу, вдруг жалобно замычал, вытянув морду в его сторону, а обруч на шее Конана резко сжался, пронзив холодом все его тело. Король отпрянул в сторону, упав на солому в нескольких шагах от миски. Наваждение исчезло.

Запах желтого месива больше не вызывал голода, не манил и не соблазнял. Он отполз подальше в свой угол и стал смотреть, что будет дальше.

Хозяйка расшнуровала и сбросила свою жилетку и стала кокетливо вынимать заколки из волос. Драгоценные камни и жемчуг теперь валялись на столе среди обглоданных костей и разлитого вина. Хозяин, урча от вожделения, потащил ее за юбку к топчану, и в следующее мгновение они с грохотом повалились на груды тряпья и кожаных подушек.

...Когда стоны и возня в углу затихли, сменившись оглушительным двухголосым храпом, Конан подошел к решетке и осторожно просунул в нее голову. Последние отблески огня уже не могли разогнать темноту, и он с трудом различал предметы. Напротив зашевелился бык, негромко топая копытами по каменному полу. Вот он не спеша вышел на середину комнаты и подошел к Конану. Ноздри его жадно вздрагивали, с губ капала слюна, глаза умоляюще глядели на миску с желтым тестом. Конан, не раздумывая, вытолкнул посудину из своей клетки, и бык, мыкнув от наслаждения, уткнулся в нее мордой. В мгновение ока миска оказалась пуста, а бык жадно, как собака, облизывал ее края, громыхая по полу. Потом он, удовлетворенно вздохнув, положил голову на поперечный прут решетки и прикрыл глаза. Конан похлопал его по морде, безрадостно усмехнувшись:

— Хоть ты поел, голодная скотинка! Тебя год, наверное, надо кормить, чтобы ребра не торчали! — И он перевел взгляд на бока животного, ожидая увидеть торчащие кости и впалый живот. Ничуть не бывало! Перед ним стоял мощный бычина с широченной грудью и сильными ногами. Огромная голова с широкой мордой была увенчана острыми синевато-синими рогами.

— Ого-го, так вот что это за снадобье! Да, я бы тут у них враз оброс мясом и жиром! Ну, а теперь-то что мне делать, может, ты подскажешь? — Он погладил

крутой бычий лоб. Бык отошел в сторону и изо всех сил уперся головой в камень рядом с решеткой. Решетка вздрогнула, бык уперся еще сильнее, скользая по камням задними ногами и напрягая шею. Наконец со скрипом и скрежетом железная преграда поползла вверх, и Конан мгновенно выскользнул наружу, облегченно вздохнув. Бык потихоньку попятился от камня, и решетка опустилась на место. Клетка была пуста.

Мощный храп, сопение и почмокивание спящих великанов заглушали их шаги. Бык, обнюхав и полизав лужицы вина на столе, пошел в дальний угол и остановился около лестницы, лежавшей на полу.

Конан пошарил под столом и в тусклом свете догорающих углей с трудом нашел ключ. Он еще раз осмотрелся и увидел рядом с запасными вертелами несколько заготовленных впрок факелов. Зажег один из них и подошел к лестнице.

Бык стоял рядом и смотрел на маленькую таинственную дверь. Конан приставил лестницу к стене и хотел было уже подняться наверх, как вдруг влажная морда ткнулась ему в плечо. Он обернулся. Бык подошел к тайнику и высыпал весь порошок. Конан подбежал, собрал снадобье в миску, добавил остатки вина из брошенного на полу кувшина, кое-как размешал все это и, стараясь не вдыхать аромат пряностей, отнес посудину к входной двери и выставил на улицу:

— На, ешь лучше тут, а то тебя, пожалуй, разнесет так, что и в дверь не пролезешь.

Он вернулся в дом, а бык вышел на крыльцо и уткнулся мордой в миску. Подобрал на полу обрывок веревки, Конан обмотал ее вокруг пояса и заткнул за нее пару запасных факелов. Постояв немного и послушав непрекращающийся храп, он, зажав в руке горящий факел, тихо поднялся вверх по приставленной лестнице. Стоя на последней ступени, достал ключ, вставил в скважину и осторожно повернул. Прав был

Хозяин — ключ повернулся легко, без единого звука, и дверь открылась сразу, от легкого толчка руки.

Конан вошел на чердак, укрепил факел в гряде наваленных возле двери старых кувшинов, плошек и мисок, втащил наверх лестницу, прикрыл дверь и осмотрелся.

Чердак был огромный, и один-единственный факел не мог разогнать темноту, прятавшуюся во всех углах за кучками всевозможного хлама. Хотя не все, что было здесь навалено, можно было назвать хламом. Совсем недалеко от двери лежал большой мешок — из дыры, прогрызенной вездесущими мышами, рассыпались по полу золотые монеты. Чуть дальше грудой лежала золотая и серебряная посуда.

Конан зажег второй факел и двинулся дальше, с удивлением рассматривая эту сокровищницу.

Да, этот чердак, хоть и заваленный кое-где битой и погнутой посудой, полуистлевшими тряпками и обрывками кожи, смело можно было назвать сокровищницей. Сделав два-три шага, Конан увидел огромный резной сундук, окованный фигурными накладками. Откинув крышку, он тихо прошептал: «Ого-го, вот вам и красивые камешки!» Как видно, к этому сундуку и наведывался смелый Хозяин, чтобы ублажать свою несравненную женушку.

Блики огня играли на роскошных ожерельях из крупных рубинов, сапфиров, изумрудов. Такие камни сделали бы честь даже его королевской сокровищнице в Тарантии. А снизу, заваленные этим ворохом ожерелий, выглядывали драгоценные браслеты, пряжки, крупные жемчуг диадемы...

Конан уже протянул было руку, чтобы посмотреть, какие еще сокровища хранит этот громадный сундук, но тонкие ледяные иголки, вдруг пронзившие его шею, сразу напомнили, зачем он сюда поднялся. Он ищет что-то важное для колдуна, но здесь, в сундуке, этого нет. Может быть, это тот страшный Родраг, разбудить которого так боялись великаны? И Конан

медленно пошел дальше, осматриваясь на каждом шагу.

Его внимание привлекла груда доспехов и оружия, заблестевшего в свете факела. Доспехи, хоть и позолоченные и украшенные драгоценными камнями и богатым орнаментом, были погнуты и местами поломаны. Зато мечи, сияя холодной сталью, сразу завладели его вниманием. Он хотел было взять один из них, чтобы не чувствовать себя совсем безоружным, но снова холод сотнями игл пронзил его тело и заставил идти дальше.

Киммериец наткнулся на мешки и слитки золота, на ларцы с украшениями, которые всю жизнь снились бы женщинам, хоть раз их увидевшим. Изысканная посуда, достойная королевского стола, лежала сваленная в кучи. Конан шел, рассматривая все эти диковины, и удивлялся, как все это оказалось в старом, прогнившем доме, у прожорливых чудовищ, которые даже понятия не имеют, что с этим делать.

Засмотревшись на груду боевых щитов, сверкающих алмазами, Конан чуть не упал, наткнувшись на что-то мягкое. Повернувшись, он увидел, что стоит перед неким подобием ложа, сделанного из множества кожаных подушек, расшитых золотыми и серебряными нитями. На этом необычном ложе покоился небольшой вытянутый предмет, напоминавший длинный ларец, прикрытый плотной черной тканью с вышитыми на ней мелкими звездочками. Конан осторожно потянул к себе черную ткань, под ней действительно оказался ларец из драгоценного сандалового дерева.

Опустившись на одно колено, король разглядывал находку. Не обнаружив замка, осторожно поднял крышку, готовый в любое мгновение отскочить в сторону и схватить любой из валявшихся поблизости мечей.

Сначала ему показалось, что перед ним на зеленой атласной подушке лежит, свернувшись в клубок, змея. Присмотревшись, киммериец понял, что это свернутый

бич, но такой странный, каких он до сих пор не видел. Костяная рукоять была богато украшена золотыми колечками и мелкими сияющими алмазами, а сам бич искусно сплетен из множества узких полосок кожи, с прикрепленными к ней мелкими зеленоватыми колючками. На конце бича повис сморщенный темно-зеленый плод, сплошь покрытый такими же колючками.

Конан осторожно прикоснулся к одной из них — она была совсем не острая и прогибалась под надавившим пальцем. Но не успел Конан убрать руку, как заметил, что лежащий перед ним хлыст начал меняться. Колючки, вплетенные между полосками кожи, стали светлеть и наливать холодным белым сиянием. Плод, висящий на конце, вздрогнул и тоже мягко за-светился. Теперь уже Конан не рискнул бы прикоснуться ни к одной из этих колючек — перед ним лежала проснувшаяся Смерть, тот самый Родраг, которого так боялись великаны и за которым он сюда пришел.

Пока он стоял и разглядывал странный бич, лежащий на подушке в драгоценном ларце, словно величайшее сокровище, снизу послышались грохот, возня и крикливые голоса. Великаны проснулись и, похоже, заметили исчезновение пленника.

Конан решительно взялся за рукоять, и она удобно легла в его ладонь. Живой трепет пробежал по всей длине бича — от костяной рукояти, плотно зажатой в могучей руке киммерийца, до самого конца, где был подвешен колючий светящийся плод.

Стараясь не шуметь, Конан двинулся к двери. Голоса становились все громче, и вдруг истошный визг Хозяйки разнесся по дому, вспугнув, наверное, всех ворон и летучих мышей, поселившихся под его дырявой крышей.

— Лестница! Смотри, он залез на чердак! Хозяин, что нам делать, он на чердаке!

— Замолчи! Как он мог туда залезть, когда ключ-то у меня! Вот здесь, в этом кармане! Или нет, в этом!

Тоже нет... Посмотри, не выпал ли ключ на постель, когда мы...

— Да нету тут никакого ключа! Говорю тебе, он на чердаке, остолоп! Где же тогда лестница? -

— Клянусь рогами Голодного Демона, если он там, я его оттуда сейчас достану и съем живьем! — зарычал великан. Слышно было, как он двигает стол к стене и что-то водружает сверху. Потом раздались проклятия: Хозяин попытался достать до двери, но ему все еще было не дотянуться. Конан, прижав створку изнутри плечом, прислушивался к перебранке великанов, не в силах удержаться от злорадной ухмылки. Рукоять подрагивала в его руках, бич зашевелился, просясь в бой со своими врагами, но король все еще медлил и не открывал дверь.

Через замочную скважину было видно, как Хозяйка откуда-то приволокла огромный пустой сундук, и великаны, пытаясь, взгромоздили его на лавки, стоявшие на столе. Хозяин оглушительно захохотал, хлопая себя по ляжкам:

— Ну, если Родгар еще не спустил с него шкуру там, на чердаке, то сейчас это сделаю я! Хозяйка, зажги-ка мне факел, кто его знает, в какой он угол забился!

Великанша затопала к очагу и завопила:

— Хозяин, здесь остался всего один! Этот негодяй, кость недоеденная, прихватил все факелы!

— Ну, все равно давай! Я его немного подпалю, чтобы не ел совсем сырым! — И он снова захохотал.

Хозяин неуклюже полез наверх, стол и скамьи затрещали под его тяжестью. Конан не стал дожидаться, когда дверь распахнется под ударом громадного кулака, и распахнул ее сам.

Стола, двух лавок и сундука все же было маловато, чтобы великан, как по лестнице, мог добраться до двери. И, когда дверь неожиданно для него распахнулась, он изумленно вытаращился на Конана снизу вверх, а тот, пригнув голову под косяком низкой двери, поглядел вниз с жестокой усмешкой.

Великан наконец опомнился и завопил, ухватившись черными ручищами за порог и собираясь лезть дальше:

— Да ты глantzь, Хозяйка, он еще и улыбается! Шальной какой-то нам в этот раз попался! Ну, я его сейчас достану! — И, ничего не видя от бешенства, пеленой застилавшего глаза, он задрал ногу и полез было на чердак.

Рукоять бича в руке Конана задержалась, стала почти горячей, раздалось шипение, как будто сзади подбиралась змея, посыпались на пол сваленные в кучу доспехи, и Конан поспешно отошел от двери. Ему не пришлось даже поднимать руку для удара — бич ожил и сам рвался в атаку.

Великан, как гигантская распластанная жаба, лежал на животе, заползая на чердак и громко ругаясь. Снизу его подбадривала Хозяйка:

— Давай, давай, муженек, достань его оттуда! Так и быть, ешь его живьем! И я тоже тебе помогу! Ой, что это ты? Хозяин, Хозяин, что с тобой?

Ноги Хозяина, торчащие из проема, задержались, оглушительный вопль потряс стены дома, и великан мешком свалился на сундук, а оттуда — на пол. Едва дыша, он скорчился на боку, а со спины его лоскутьями свисала окровавленная кожа. С трудом ворочая заплетавшимся языком, он прохрипел:

— Родраг! У него в руках Родраг. И он ему служит! Помоги мне встать, хватай Гоца, и бежим отсюда! Надо, пока он еще там, привалить дверь камнями, чтобы не догнал! — Он со стоном встал на четвереньки и пополз к нише, где еще недавно стоял бык. Хозяйка, быстро смекнув, в чем дело, первой добежала до стойла.

— И скотины нет! Он что, и быка затащил на чердак?

— Дура, на улице посмотри! — Великан тяжело поднялся на ноги и, шатаясь, двинулся за помчавшейся к двери Хозяйкой. Ее топот и вопли, вдруг донесшиеся со двора, прибавили ему сил, и он почти бегом выскочил за дверь.

Конан смотрел сверху, поигрывая рвущимся из рук бичом. Он догадывался, что их ждет во дворе. Гоц, сожравший все их снадобье, тоже, наверно, захочет по квитаться. Так пусть же и скотина получит свое удовольствие! Развеселившийся варвар прыгнул на сундук, по лавкам — на стол, а потом на пол. Выйдя на середину комнаты, тускло освещенной серым утренним светом, он стоял и ждал, с улыбкой прислушиваясь к топоту, столам и глухим ударам падающих тел, доносившимся со двора. Наконец Хозяйке удалось заскокить в дверь, и она, ничего вокруг не видя, пыхтя, побежала прямо навстречу киммерийцу.

Бич, до этого тихонько шипевший на полу, молниеносно взвился, сверкнув колючками, и полоснул ее по руке, спустив кожу от плеча до кисти. Вытаращив от ужаса глаза, великанша, вопя, шарахнулась к двери, но ей навстречу в дом влетел Хозяин, с проклятиями придерживая окровавленные клочья штанов. Следом за ним в дом, ломая створки, с трудом просунулась громадная бычья голова с бешеными фиолетовыми глазами.

Конан, не выдержав, захохотал, щелкнув бичом по полу.

— Ну, Гоц, молодец, старина! Хозяйский корм тебе на пользу! Ты потешился — теперь моя очередь! Моя и славного Родрага! Давай, приятель, повеселись, раз уж проснулся! — И бич снова с шипением взвился в воздух.

Великаны, ободренные и какие-то съезжившиеся, металась по комнате, опрокидывая все на своем пути. Конан, стоя на середине, гонял их из угла в угол, время от времени, делая несколько быстрых шагов в нужную сторону. Да, этот Родраг, маленький колючий демон, с шипением кидавшийся на врагов, хорошо знал свое дело! По торчащим обломкам стола и скамей, по острым черепкам битой посуды перед Конаном, завывая и визжа, носились два здоровенных куска мяса, с ужасом сверкая залитыми кровью глазами!

Конан хохотал, а бич в его руке, казалось, совсем обезумел, опьянев от гнева. Бело-зеленая светящаяся точка со свистом и шипением металась от Хозяина к Хозяйке, хотя уже трудно было понять, кто из них кто.

Из последних сил великаны, падая и снова вскакивая под могучими ударами Родрага, кинулись к двери, забыв, что их ждет во дворе. Но бешенные глаза Гоца внимательно следили за схваткой, и вместо спасения у порога их ждали огромные рога. Первой добежала Хозяйка и, ничего не видя и не слыша, кроме шипящего зеленого демона, то справа, то слева впивавшегося в ее растерзанное тело, с размаху налетела на один из выставленных рогов. Он проткнул ее насквозь, и ее предсмертный вопль слился с торжествующим бычьим ревом.

Хозяин остановился, не зная, где искать спасения. Бык тряхнул головой, и Хозяйка, обливаясь кровью, рухнула на пол. Родраг рвался из руки, и Конан подбежал поближе к растерянному великану, давая бичу возможность добить свою жертву.

— Вот славный кусок мяса! — взревел варвар. — Жаль, здесь нет твоих родственников с Дальней Горы! Они бы тебя сырым сожрали! Ну, Родраг, давай, спусти с него остатки штанов и последнюю шкуру! Вот тебе, Нергалье отродье! Еще! И еще немного! — Конан теперь сам наотмашь хлестал хрипящего великана, который, как крыса, метался вдоль решетки, за которой еще недавно сидел его пленник. Наконец он рухнул на колени, а потом и совсем распластался на полу. Его тело все еще вздрагивало под ударами, пальцы судорожно скребли каменный пол. Но вот великан дернулся последний раз, застонал и затих. Родраг взвился для удара, замер в воздухе и с тихим стуком упал к ногам Конана.

Мерцающий свет постепенно тускнел, и смертоносный колючий шар снова превращался в зеленый сморщенный плод. Внезапно Конан почувствовал, что его рука, только что державшая рукоятку бича, сжимает пустоту. Он разжал руку — в ней ничего не было, да и

сам бич как будто таял в воздухе. Мгновение — и от него ничего не осталось, кроме небольшого плода с мягкими колючками.

Конан бережно поднял его с пола и положил на ладонь. Надо же, такой невзрачный — кто бы мог подумать, что в нем таится такая сила! Он с отвращением покосился на две бесформенные туши. Киммерийцу захотелось выйти отсюда на воздух, пусть даже и под проливной дождь, но не успел он сделать и двух шагов, как вдруг стена дома дрогнула от сильного удара. Раздался страшный рев взбешенного зверя, и еще один мощный толчок сотряс ветхую стену. Посыпались мелкие камешки, где-то наверху треснула балка. За окном мелькнуло тело быка, разбегавшегося для нового удара. Конан невольно содрогнулся, увидев, во что превратился тощий Гоц, подкрепившийся хозяйским снадобьем. Он был теперь не меньше слона и, как разъярившийся демон, сметал все на своем пути.

Конан едва успел отскочить к внутренней стене, как во все стороны полетели камни, и наружная стена обвалилась, увлекая за собой потолочные балки и гнилые стропила. Еще удар — и крыша обрушилась, пыль поднялась столбом, скрыв от глаз внутреннюю дверь, в которую Конан хотел проскочить. Что-то, падая сверху, крепко ударило по голове, и киммериец упал, оглушенный, однако его руки продолжали крепко сжимать колючий плод.

В голове гудело, перед глазами плыли красные круги, и Конан не сразу понял, что сидит на полу в медной башне, привалившись спиной к одной из стен. Где-то в тумане смутно виднелась неподвижная, как изваяние, фигура Рагон Сатха. Маг что-то говорил королю, и сквозь звон, раздававшийся в ушах, тот с трудом расслышал слова:

— Крепкая же у тебя голова, киммериец! Не зря о тебе трубила молва по всему свету! О твоих подвигах кое-где уже сложены легенды! Теперь я вижу, что сделал правильный выбор. Давай сюда свою добычу и отправ-

ляйся спать, да пусть твой лекарь приложит примочку к голове — балка переломилась, а тебе хоть бы что! Ха-ха-ха! — От его смеха дрогнули стены башни.

Конан, сжав зубы и преодолевая слабость в ногах, бросил колдуну плод и услышал знакомое грозное шипение. Маг, поймав плод на лету, поспешно произнес какое-то заклинание, и в жадных руках засверкал четвертый кусок талисмана. Рагон Сатх тут же присоединил его к трем остальным и, нежно поглаживая, ласкал получившуюся фигуру. Наконец он махнул рукой в сторону Конана, и красные круги с новой силой замелькали перед глазами киммерийца, скрыв и колдуну, и башню.

Глава девятая

Боль пульсировала в затылке, но мысли пронеслись ясные и четкие. Он прошел испытание, добыл Рагон Сатху еще один кусок золотого талисмана. Значит, сейчас он у себя. Надо открыть глаза... Но как это трудно...

Ему не сразу удалось, преодолевая тупую боль, разлепить веки. Да, все правильно, он у себя в спальне, кругом тишина, солнце еще не играет золотыми лучами на стене, день только начинается...

Конан, пошатываясь на непослушных ногах, добрал до двери и отодвинул засов. Потом вернулся к ложу и с облегчением рухнул на мягкие подушки...

Солнце уже заливало ярким светом всю спальню, когда он снова пришел в себя. Все случившееся ушло куда-то далеко, как прошлогоднее воспоминание, и голова больше не болела. Король почувствовал, как что-то прохладное легло ему на затылок, и, скосив глаза, увидел Имму. Она опускала в серебряную чашу с каким-то снадобьем сложенный в несколько раз кусок полотна. Рядом, держа его руку, сидел Дамунк и внимательно всматривался в лицо короля. Когда Конан открыл глаза, лекарь с облегчением вздохнул и сказал девушке:

— Опасность миновала! Беги, вели принести кувшин вина и прихвати тот маленький красный флакончик, про который я тебе вчера говорил... Торопись, девочка, а я

пока сменю примочку! — И он стал вынимать полотно из серебряной чаши. Снова Конан ощутил прохладное прикосновение и прикрыл глаза, погружаясь в приятную дремоту. Он проснулся на несколько мгновений, чтобы выпить кубок вина, в которое Дамунк отлил немного жидкости из красного флакончика. Как будто живительный огонь побежал по телу, и Конан снова уснул, чтобы проснуться уже к вечеру здоровым и полным сил.

Теперь около ложа сидела королева, с тревогой ожидая его пробуждения. Ошейник, с которого она не сводила глаз, вызывал у Зенобии какие-то смутные воспоминания, от которых сердце сжималось в испуганный комок.

Но, когда Конан, проснувшись, улыбнулся своей обычной улыбкой, ее тревога сразу рассеялась. Она, ни о чем не спрашивая, ласково провела рукой по его волосам, стараясь не глядеть на страшный обруч. Конан сел, сжав в ладонях руки жены, и посмотрел в окно:

— Как, уже вечер? Значит, я весь день проспал? Со мной что-нибудь случилось?

Зенобия молчала, и король ответил Дамунк, приблизившийся к ложу с новым кубком вина:

— Да, мой повелитель! Живительные сон и мое лекарство восстановили твои силы. Прошлая ночь оказалась очень трудной, но сейчас все в порядке. Вот еще один кубок с лекарством, прими его!

Конан одним духом выпил терпкое вино и вновь почувствовал, как жар волной расходится по телу. Он был по-прежнему силен и бодр, и осталось всего две ночи! Две ночи рабства у проклятого колдуна — и он снова будет свободен! Свободен! Сладостное для него слово, как глоток холодной воды для умирающего от жажды путника в горящей пустыне!

Король еще раз с досадой взглянул в окно, прощаясь с заходящим солнцем, и поднялся с ложа. Зенобия прильнула к его груди и прошептала:

— Знаю, ночью тебе грозит смертельная опасность. Мое сердце изнывает от страха и тоски. Но все будет хорошо, и когда-нибудь это кончится, правда, милый?

— Правда. Через две ночи все завершится. И я уверен, что все будет хорошо. А пока иди и ничего не бойся... — Он прильнул губами к ее губам, пытаясь поцелуем прогнать страхи. Вчерашнее чувство спокойной уверенности не покидало Конана, и он с улыбкой проводил Зенобию до дверей.

Дамунк вышел следом, а Имма немного помедлила у порога, глядя на короля ясными глазами.

— Ну, девочка, что мне понадобится завтра? Примочка, питье или чудесный эликсир Дамунка? — Он, улыбаясь, ждал ответа.

Она тоже улыбнулась и тряхнула кудрявой головкой:

— Ничего не понадобится! Мне кажется, кувшина вина в изголовье будет достаточно, и чтобы наготове был плотный завтрак!

Конан захохотал, довольный таким ответом.

— Молодец, я рад это слышать! Ну так позаботься, чтобы все это было под рукой!

Девушка выскользнула из спальни и тут же вернулась с полным кувшином вина. Поставив его в изголовье, собиралась уже было уйти, но Конан остановил ее и, нежно проведя рукой по щеке, сказал:

— Спасибо тебе, ты славная моя! Ну, а теперь иди: смотри, уже совсем стемнело!

Задвинув засов, он задумчиво подошел к окну, посмотрел, как гаснет золотистый край неба, послушал переключку часовых на стенах и отправился обратно к ложу.

Надев заранее приготовленный широкий пояс, пристегнул меч и кинжал, накинул плащ и присел на край, вспоминая случившееся прошлой ночью. Вскоре он, мягко повалившись набок, уже спал.

— Я познакомлюсь с твоим лекарем поближе, когда выберусь отсюда! — такими словами встретил его Рагон Сатх, криво усмехаясь. — Его настойки и эликсиры, похоже, мертвого поднимут на ноги! Кажется, что ты и забыл, какая тяжесть вчера обрушилась на твою голову! И все это сделали несколько капель его снадобья!

Конан молчал, не желая вступать в разговор, и спокойно смотрел колдуну прямо в глаза. Тот, нахмурившись, привстал на троне и протянул руку к полотнищам:

— Ну, раз ты полон сил и уверен в себе, так выби-рай, в какую дверь ты войдешь сегодня!

Выбор у него остался небольшой — всего две двери, две темные неподвижные завесы. Про какую из них колдун вчера говорил, что за ней королю понадобится вся его храбрость? Да она ему нужна за каждой дверью! Одно из полотнищ слегка колыхнулось, и Конан, не задумываясь, устремился туда, снова погрузившись в зыбкий туман.

Сделав несколько шагов, он остановился. Кругом ничего не было видно, однако ноги уверенно стояли на чем-то твердом. Его не кружили вихри, и он никуда не проваливался. Немного выждав, Конан стал различать смутные контуры каких-то предметов и движущиеся тени.

Вдруг, совсем рядом, раздался многоголосый женский визг и быстрый топот легких ног. Конан уже видел, что стоит посредине зала роскошной купальни, а обнаженные девушки испуганной стайкой подбегают к дверям и выскакивают наружу. Наконец, когда последняя девушка, подхватив платье и туфли, исчезла за дверью, снаружи послышался звук запираемого засова.

Ну вот, его опять поймали и заперли! Конан невольно улыбнулся, сравнив этот зал со своей тюрьмой в доме великанов. Здесь, по крайней мере, не пахнет навозом. Киммериец отвел взгляд от резной двери и стал с интересом осматриваться.

Похоже, он попал в царский дворец, так богато был отделан этот зал, а купальни, подобной этой, Конан не видал нигде. Сделанная, казалось, из цельного бледно-зеленого камня, она имела вид громадной чашечки цветка. А края, в форме загнутых лепестков, отгибались наружу, и на них стояли вазы со всевозможными фруктами и тонкогорлые сосуды с вином. Между ка-

менных лепестков изгибались золотые фигуры, из их раскрытых пастей в купальню с журчанием лилась душистая вода.

Мягкие белые ковры с тонким узором из зеленых листьев окружали купальню со всех сторон. Множество разбросанных парчовых подушек говорило о том, что обитательницы дворца любят проводить здесь время. Все в этом зале навевало покой и негу — узкие высокие окна были распахнуты, и утренний ветер доносил из сада аромат роз, стены, радуя глаз, сияли драгоценными камнями и позолотой. С высокого сводчатого потолка свешивались ажурные светильники, в них, казалось, мелькали маленькие фигурки играющих огненных змеек.

Разглядывая прихотливые узоры, Конан в то же время чутко прислушивался к тому, что творилось за дверью. Внезапно тишина сменилась возбужденными женскими голосами. Они быстро приближались, загремел засов, и дверь распахнулась.

В зал вошли и неподвижно застыли две прекрасные девушки в доспехах, с обнаженными мечами в руках. Их лица были суровы и решительны, и Конан, едва взглянув, понял, что это — настоящие воины, а не просто слабые женщины, обрядившиеся в боевые одежды. Он потянулся к мечу, но тут в дверях показались еще две юные девушки в легких полупрозрачных туниках. Они несли небольшие мягкие кресла и низкие столики. Испуганно поглядывая на киммерийца, прислужницы поставили ношу на мраморный пол и поспешно удалились. Следом вбежали столь же прекрасные создания с блюдами и кувшинами. Запах жареной дичи и острых приправ зацекотал ноздри киммерийца, и он решил, что сражения пока не будет.

Девушки, принесшие яства, упорхнули, и в зал медленно вошли и встали по обе стороны дверей безмолвные женские фигуры, с ног до головы скрытые легкими вуалями. Они склонились в почтительном поклоне, и Конан увидел приближающуюся из глубины коридора

женщину в золотисто-зеленом мерцающем одеянии. Она шла, почти не касаясь ногами пола, и в тишине было слышно, как звенят многочисленные браслеты на ее руках и щиколотках.

Решительные синие глаза киммерийца встретились с загадочной глубиной немигающих зеленых глаз. Они сияли на бледном прекрасном лице, как два темных изумруда. Коралловые губы слегка изогнулись в усмешке. Подойдя к Конану совсем близко, так, что в ноздри варвара хлынул исходящий от незнакомки аромат благовоний, женщина принялась молча его разглядывать, а киммериец стоял, как будто окаменев, не в силах пошевелиться.

— Так вот кто испугал моих девушек! — Голос ее, глубокий и волнующий, прозвучал для Конана чарующей музыкой. — Они могут не бояться, ты не причинишь нам зла! — Она загадочно улыбнулась и прикоснулась пальцем к его губам. Словно молния пронзила все его тело, и очарованный варвар почувствовал, что эта женщина может приказать все, что угодно, а он с радостью будет выполнять любую ее прихоть.

— Сядь сюда и Расскажи мне, кто ты и как сюда попал. — Она опустилась на одну из низких скамеечек, обитых золотистым бархатом, и показала Конану на разбросанные по полу подушки. Он послушно пристроился у ее ног, жадно охватывая взглядом гибкую фигуру неведомой повелительницы.

Ее пышные темно-рыжие волосы, убранные в высокую прическу с золотой диадемой, украшенной сверкающими камешками, сзади спускались на шею крутыми локонами. Узкое платье из тяжелой зеленой ткани, отливавшей золотом, удивительно шло к ее белоснежной коже и медным волосам. Открытые до плеч руки, низкий вырез, позволявший видеть манящую ложбинку груди, и высокие разрезы на юбке, сквозь которые виднелись стройные ноги, волновали Конана, помрачая разум. Но какая-то частица его души понимала все же, что это — очередной обман, колдовское наваждение, и

два этих противоречивых чувства вели сейчас в душе киммерийца жестокую борьбу.

— Эй, Зафра, налей нам вина! И почему так тихо? Где музыкантши?

Девушки, как легкие птицы, бросились выполнять ее приказание. У Конана в руке оказался большой кубок, наполненный душистым вином. Расположившись на подушках по другую сторону купальни, музыкантши подобрали брошенные впопыхах инструменты и принялись наигрывать негромкую мелодию.

Рыжеволосая женщина, не сводя с Конана глаз, отпила глоток вина из своего кубка и снова спросила:

— Ну, так кто ты такой и как попал в мой дворец? Я жду ответа, говори!

Конану вдруг захотелось рассказать все с самого начала — и про Рагон Сатха, сидящего в своей заколдованной башне, и про свои ночные приключения, и про чудесный талисман, но та частица, которая сопротивлялась властным чарам этой женщины, и опейник, вдруг сдавивший на миг шею, заставили его немного опомниться. Простодушно глядя в зеленые глаза женщины, он сказал:

— Ты приказываешь — я с радостью подчиняюсь! Но только мало что могу тебе рассказать. Я — король обширной страны, имя мое — Конан. Я уснул ночью в своем дворце, а проснулся уже здесь, у тебя. Значит, ты — мое сновидение! — Конан пригубил вино из кубка и, довольный своей хитростью, добавил: — Конечно, это сон! В жизни я такого вина никогда не пил! И такой прекрасной женщины, как ты, тоже никогда не видел! — Тут он уже не лукавил и говорил с искренним восхищением, откровенно ею любясь. Она, как видно, довольная таким ответом, взмахнула рукой, и служанки поставили перед ними низкий столик с купаньями. Отпивая мелкими глотками ароматное вино, женщина с улыбкой сказала:

— Ну, раз это сон, то пусть все в нем будет так, как я хочу! Я царица страны, в которую ты попал. И на

сегодня ты — мой слуга. Я буду приказывать, а ты — подчиняться. Зато ночью... Ночью ты будешь приказывать, а я — подчиняться... А потом... потом ты проснешься! — Она странно улыбнулась, быстро проведя узким языком по ярким губам, и Конан невольно вздрогнул, почувствовав опасность в ее последних словах. Но все же она так манила, была так желанна! Осушив кубок он ответил:

— Я согласен, прекрасная царица! Приказывай — я буду верно служить тебе весь день! А потом я проснусь с надеждой, что ты мне снова приснишься! — И он с удовольствием принялся за дичь.

Музыка заиграла громче, из дверей на середину зала выбежало десятка полтора девушек. Их гибкие тела были едва прикрыты небольшими кусочками ткани, сплошь расшитыми золотом и сверкающими от обилия драгоценных камней. Недостаток одежды уравнивался множеством ожерелий, запястий, колец, головных украшений и ножных браслетов. Они встали полукругом и замерли, не сводя глаз с Конана и царицы.

Повинуясь легкому наклону головы своей повелительницы, девушки начали танцевать. Сходясь и расходясь в причудливых фигурах танца, звеня браслетами и плавно изгибаясь, они напоминали Конану змеек, в изобилии украшавших пол и стены этого зала. Странная тягучая музыка и мелькание гибких смуглых тел завораживали, и он уже забыл и про дичь, и про вино. Лишь царица все время владела его вниманием. Изредка взглядывая на танцующих девушек, киммериец вновь переводил глаза на их повелительницу. Она же, поднося к губам кубок и отвечая ему загадочным взглядом, быстро проводила по губам розовым языком.

Конан не заметил, сколько уже прошло времени. Музыка давно смолкла, девушки куда-то исчезли. В огромном зале сидели только он и рыжеволосая повелительница, да у двери стояли, замерев, две прекрасные стражницы с обнаженными мечами.

Допив вино из забытого кубка, он спросил:

— А как твое имя, моя повелительница? Как мне тебя называть этой ночью?

Она засмеялась, сверкнув глазами:

— Для тебя это имеет значение?! Ну, если хочешь знать, то меня зовут Фриния. А сейчас, мой слуга, слушай приказ своей царицы: ты пойдешь с моими девушками в город и будешь их охранять. Я хочу свежих фруктов, а горожанам запрещено подходить к моему дворцу. Ты силен и смел, для тебя это будет не служба, а удовольствие! — Она снова засмеялась и хлопнула в ладоши.

Дверь распахнулась, и в зал вбежали служанки, неся светлые роскошные одежды, ларцы с драгоценностями, флаконы и кувшинчики. Две из них подошли к Конану и поманили его за собой. Прежде чем за ними закрылась дверь, он оглянулся и увидел, как девушки помогают царице снять платье, готовя ее к купанию.

Он потряс закружившейся головой и нехотя пошел за служанками, увлекавшими его на галерею, ведущую во двор.

Широкий мощный двор с невысокими стенами, почти скрытыми вьющимися розами и плющом, со звонко журчащим фонтаном в центре, был, скорее, похож на небольшой сад. Здесь Конана уже дожидались три служанки с большими корзинами и две юные воительницы в кольчугах, с мечами у пояса.

Служанки, которые пришли вместе с Конаном, велели открыть ворота. Пять девушек шли впереди, а он вместе со стражниками следовал за ними, замыкая маленькую процессию.

Дворец Фринии утопал в пышных садах и небольших рощицах. К городским улицам вела широкая дорога, обсаженная высокими стройными деревьями.

Когда они отошли от дворца довольно далеко, Конан оглянулся и залюбовался его красотой. Даже в Шаиссе, поражавшей разум своими дворцами-башнями, он не видел такого великолепия.

Над темно-зеленой листвой садов возвышались легкие причудливые постройки из белого камня, с многочисленными башнями и башенками, ажурными переходами и галереями. Зеленая черепица крыш с золотыми шпилями и фигурными водостоками ярко выделялась на фоне ослепительно-синего неба с редкими пушистыми облачками. Его стены не были изукрашены мозаикой и драгоценными камнями, но сам дворец казался редкостной драгоценностью в оправе зелени и небес.

Идя следом за негромко переговаривавшимися служанками, Конан то и дело оглядывался, любуясь тем, что увидел. Но вдруг холодная острая мысль пронеслась в голове, заставив на миг сжаться сердце: «Зачем я здесь? Чтобы любоваться дворцом и небесами, а ночью спать с царицей? Проклятое колдовство! Так я опять буду плутать, как в Шаиссе!» Он стиснул зубы и отвернулся, ничего уже не видя перед собой, кроме злобно-насмешливых глаз Рагон Сатха. Он, могучий король Конан, опять попался на женские чары. Конечно, она тоже колдунья, эта Фриния, и кто знает, чем кончится для него эта ночь любви... Ему уже не хотелось, чтобы зашло солнце, он мрачно шагал рядом с суровыми стражниками, ощущая себя прежним Конаном, способным противостоять любому колдовству.

Сады внезапно кончились, и по бокам дороги стали попадаться дома горожан. Они проходили по улицам красивого чистого города, и всюду Конан видел испуганные взгляды и закрывавшиеся двери лавок, когда люди замечали приближение небольшого отряда. Прохожие старались свернуть в боковые улочки, лишь бы не попадаться им навстречу. А служанки шли, не обращая на горожан никакого внимания и весело переговариваясь.

Наконец они вышли к базарной площади. Конан сразу почувствовал что-то неладное. Не было слышно веселой переключки голосов, гомона толпы, на дверях многих лавок висели большие ржавые замки. Мальчики-зазывалы не расхваливали звонкими голосами свой

товар, не приглашали покупателей зайти в лавку. У дверей сидели старики или пожилые женщины, равнодушно или испуганно глядя на проходивших мимо служанок. А они, уверенно миновав несколько рядов небогатых лавок, остановились у невзрачного входа в одну из них. Женщина, сидевшая у порога, испуганно вскрикнула и хотела скрыться за дверью, но стражницы встали рядом с ней, и она замерла, пригвожденная страхом. Одна из девушек обернулась к Конану и, ода-рив его ослепительной улыбкой, сказала:

— Ты должен охранять вход в лавку, и, пока мы оттуда не выйдем, никого туда не пускать. Таков приказ нашей госпожи. Ведь ты понял? — И она опять игриво ему улыбнулась, скользя глазами по его могучей фигуре. Он положил руку на пояс, где висел его верный меч, и, нахмурившись, кивнул. Стражницы вошли в лавку следом за служанками, втолкнув туда плачущую женщину. Конан замер у дверей, ничего не понимая, но по-прежнему не убирая руку с меча.

Чем-то ему все это не нравилось, но он не мог понять чем. Хозяева лавок, расположенных поблизости, опасливо выглядывали из-за дверей, готовые в любое мгновение задвинуть изнутри засовы и затаиться.

Царица пожелала свежих фруктов, а весь город перепугался, как будто на него напала чума. Пять хороших служанок и две хмурые девчонки в кольчугах — да на любом базаре их бы даже не заметили. Подумаешь, царский выход! У любого богатого купца в Тарантии слуги выглядят куда внушительней!

Так он размышлял, невесело поглядывая на солнце, которое явно спешило к закату, чтобы отдохнуть там, за краем Земли. Вдруг он увидел, что из одной лавки неподалеку вышел невысокий седой купец и медленно направился в его сторону. Конан стоял неподвижно, краем глаза наблюдая за незнакомцем. Тот подошел совсем близко и склонился в почтительном поклоне:

— Приветствую тебя, чужеземец! Ты — новый слуга нашей прекрасной царицы?

— Да, почтенный купец, сегодня я — ее слуга. А почему ты решил, что я — чужеземец? — Конан повернулся к нему, желая поговорить.

— Твой меч и пряжка на плаще — не нашей работы, да и сам ты мало похож на жителей нашей страны. Наши мужчины — невысокие и стройные, среди них нет таких могучих воинов, как ты.

— Что-то я не видел ваших мужчин, одни старики да старухи! А где же все мальчишки и юноши? Где молодые мужчины? Или у вас тут мор на мужчин напал?

Старый купец немного помолчал, прикрыв глаза, потом быстро проговорил:

— Как прекрасна наша царица, несравненная Фриния! Какое счастье служить ей днем и получать награду ночью! — Он замолчал, ожидая, что ответит Конан.

— Она что, всем вам голову заморочила, ваша прекрасная царица? — грубо спросил киммериец, начиная терять терпение. Солнце спускалось к вершинам деревьев, приближалась ночь, сулившая непонятную опасность, ничего похожего на талисман еще не встретилось на его пути, а тут еще этот полоумный купец, влюбленный в свою царицу!

Неожиданно старик воздел руки к небесам и негромко, оглядываясь на дверь лавки, воскликнул:

— Хвала Пресветлым Богам, наконец-то мои мольбы услышаны! Пришел человек, стряхнувший проклятые чары! На, возьми эту шкатулку и спрячь, а я пока все тебе расскажу. — Купец быстро сунул в руку Конану крошечную коробочку, и тот спрятал ее в потайном кармашке пояса. Потом снова замер, глядя на старика, который торопливо заговорил:

— Еще совсем недавно наш город был совсем не таким... Жизнь здесь бурлила, люди жили богато и счастливо, прославляя Пресветлых Богов и мудрого царя. Но даже великие мудрецы совершают роковые ошибки, когда дело касается женщин!

Наш славный правитель был вдовец, и после смерти царицы долго не мог утешиться. Но вот однажды, —

старый купец опасливо покосился на дверь лавки, но там все было тихо, — однажды в наш город неизвестно откуда прибыл богатый караван, который сопровождали прекрасные девушки-воины. Во главе каравана, в роскошной колеснице, ехала женщина дивной красоты. Ее сопровождали многочисленные служанки, и ни одного мужчины не было в ее свите.

Эта женщина остановилась на самом лучшем постоялом дворе и послала царю дорогие подарки. На следующий день он пригласил ее во дворец... Вот тут-то все и началось! Наш повелитель сразу потерял голову, и от его мудрости и рассудительности не осталось и следа! Вскоре эта женщина — ты, конечно, понял, о ком я говорю, — стала женой нашего царя.

Недолго длилось его счастье! Через три дня после свадьбы он умер. Новая царица прогнала из дворца всех прежних служанок, а слуги-мужчины сгинули неизвестно куда. В городе поселился страх.

Каждый день прислужницы царицы Фринии выходили в город и уводили во дворец двоих юношей или молодых мужчин. Больше они не возвращались. — Купец снова оглянулся по сторонам и перешел на шепот: — Я тоже лишился единственного сына... А покинуть город невозможно, ее чары держат нас здесь, как в тюрьме... Когда она изведет всех молодых мужчин, тогда только мы освободимся от этого чудовища. Я скажу тебе, кто она! Фриния — царица змей! И все ее прислужницы — тоже змеи! Они проводят с юношами ночь, а потом их жалят! И тебе грозит то же самое, если не воспользуешься тем, что я тебе дал. Змеи как огня боятся красных тканей. В этой коробочке спрятано тончайшее красное покрывало. Когда тебе будет грозить опасность, набрось его на царицу и убей ее! Убей, ради моего погубленного сына! Ради двоих сыновей этой женщины, которых сейчас поведут на смерть! Слышишь, они их нашли! Прощай, чужеземец, да помогут тебе Пресветлые Боги! — И купец побежал к дверям своей лавки.

За спиной короля действительно раздались крики, плач, звон разбитой посуды, звуки ударов и смех. Дверь распахнулась, и на улицу вышли три улыбающиеся служанки с корзинами, полными фруктов. Следом за ними шли два красивых юноши, обнимая двух девушек, прислужниц царицы. Стражники, угрожая мечами, удерживали на пороге обезумевшую мать, пока она, рыдая, не повалилась на землю. Ее сыновья, ничего не замечая, кроме прекрасных дев, беспечно улыбались, навсегда покидая свой дом.

Конан, едва сдерживаясь, чтобы не пустить в дело свой добрый меч, сжав зубы, двинулся за ними следом. Краем глаза он увидел купца, с мольбой глядящего на него из-за приоткрытой двери своей лавки, и кивнул ему головой.

Когда они шли обратно по дороге, обсаженной высокими деревьями, дворец, залитый розовым закатным светом, казался еще прекраснее, чем днем. Но в нем, как в румянном спелом яблоке, гнездились отвратительные черви, высосавшие сок из целого города. Юноши, которые шли сейчас перед ним, еще утром знали, чем грозит им дворец царицы змей, а сейчас, забыв обо всем на свете, кроме лукавых чар женской любви, направлялись прямо к смерти в пасть.

Несколько раз за время недолгого пути Конан прикасался рукой к потайному карману, словно проверяя, здесь ли чудесная коробочка. Он знал, что ему снова придется испытать на себе волшебное очарование царицы, и был готов к борьбе. Но проклятый талисман... Нергалы проделки! Где он может быть? Что здесь самое важное? Может быть, эта крошечная шкатулка? Нет, только не она! Его душа не встрепенулась, его рука не ощутила волшебного тепла. С ее помощью он победит царицу — и только... Но это — лишь полдела. Надо искать талисман!

Они подошли к дворцовой стене, и перед ними тут же распахнулись ворота. Во дворе, увитом розами, с журчащим фонтаном посередине, их уже ждал целый

отряд вооруженных девушек. Двоих пленников, с восторгом смотревших на прекрасных стражниц, увели в одну сторону, а Конана повели в другую.

Он поднимался вслед за прислужницами по лестницам из розового в прожилках мрамора, его вели по галереям, с которых был виден раскинувшийся внизу город. Наконец, они остановились перед дверью, словно чешуей покрытой тонкими пластинками зеленоватого камня. Из-за двери доносилась приглушенная музыка, теплыми волнами убаюкивающая разум. Конан сжал руки, напрягая всю свою волю, чтобы не поддасться чарам. Лицо его оставалось бесстрастным, но внутри бушевал гнев, как всегда, когда он сталкивался со Злом, обладавшим колдовским могуществом.

Дверь неслышно раскрылась, и глазам Конана предстала комната, залитая алыми отблесками заката. Через широкие распахнутые окна, выходявшие на большую террасу, вливался прохладный вечерний воздух, напоенный ароматом роз. Волнующая музыка, кружащиеся в танце фигуры девушек на какое-то мгновение опять заставили его забыть, зачем он здесь, но, прикоснувшись рукой к поясу, в котором была спрятана шкатулка, Конан сразу обо всем вспомнил. Стараясь, чтобы блаженная улыбка, появившаяся на его лице, когда он вошел в комнату, не сменилась хмурой гримасой, он подошел к Фринии, сидевшей поодаль и не сводившей с него глаз.

Странно, сейчас она не казалась ему такой прекрасной, как утром. Рыжие волосы, густыми локонами рассыпавшиеся по плечам, лишь подчеркивали хищное выражение ее лица, а язык, жадно облизывающий алые губы, напоминал киммерийцу смертоносное жало змеи.

На этот раз царица была одета в легкую тунику цвета слоновой кости с широкой золотой каймой. Едва доходявшая до середины икр, она оставляла открытыми красивые ноги с тонкими лодыжками. Конана, как и в первый раз, поразило обилие браслетов, украшавших ее руки и ноги. Они мелодично звенели при ма-

лейшем движении, снова и снова приковывая взгляд к ее прелестям.

Танцовщицы кружились и изгибались перед ними, а Конан, сидя рядом с царицей, видел в них только танцующих змей, несущих гибель. Отвернувшись от девушек, он заглянул в зовущие зеленые глаза царицы и сказал:

— Если ты довольна тем пустяком, который назвала службой, прекрасная Фриния, то я напомню тебе, что приближается ночь! А то я боюсь проснуться, не досмотрев этот сон до конца!

Она засмеялась, и браслеты тихонько зазвенели.

— Ночь уже близко, ты прав, король Конан! Но, пока солнце еще золотит небеса, мы побудем здесь, и я полюбуюсь тобой, таким могучим! Мне очень нравится, как ты выглядишь, опоясанный широким поясом, с мечом и кинжалом — дикий воин из дикой страны! Мы, изнеженные женщины, так любим мужскую силу! Сейчас нам принесут вина, мы еще немного поговорим, а потом... — И ее язык снова скользнул по губам.

Опять перед ними появились столики с ароматными кушаньями и пряным вином. Как видно, Фриния ни на мгновение не усомнилась в силе своих чар, разрешив Конану сидеть рядом, не расставаясь с оружием. Он был ее законной добычей, ее игрушкой, и зеленые глаза бесстыдно скользили по его плечам, груди, бедрам... Сидя у ее ног, Конан пил вино, опустошал блюда с дичью и отвечал ей не менее откровенными взглядами. Ему даже не надо было мысленно раздевать ее — гибкое тело соблазнительно просвечивало сквозь тонкую ткань. Она, жмурясь от удовольствия, изящным движением вытянула вперед сначала одну ногу с крошечными розовыми пальчиками, потом другую. Среди звякнувших браслетов вдруг мелькнуло что-то смутно знакомое, узкая полоска черных знаков на светлом металле.

Сердце Конана гулко забилося, и он поспешно поднес к губам полный кубок, чтобы скрыть свое изумление. Скосив глаза, он всматривался в звенящие кольца браслетов на правой ноге царицы. Ну конечно, вот он,

талисман! Браслет со знакомым узором туго охватывал лодыжку, а остальные, свободно болтаясь и бренча, блеском драгоценных камней и золота скрывали его от глаз. Да и кто станет разглядывать браслеты, когда перед глазами покачивается стройная ножка, обнаженная до самого бедра!

Выпив вино, как воду, Конан окинул Фринию властным взглядом. Ей, привыкшей к обожанию и поклонению своих жертв, как видно, прищлась по вкусу новая игра. Она кокетливо поправила волосы и сказала:

— Мне нравится, как ты на меня смотришь! Сядь поближе, я хочу сама налить вина в твой кубок!

Конан придвинулся, и голая нога коснулась его плеча. Огонь желаний, сдерживаемый гневом, снова вспыхнул в крови, но беглый взгляд, брошенный на невзрачный браслет, разом охладил варвара. Царица, сама уже охваченная страстью, ничего не заметила. Она соскользнула с кресла и села на подушки рядом с варваром. Налив вина из серебряного кувшина с узким горлышком, она отпила несколько глотков и протянула ему кубок.

Розовые сумерки уступили место ночной темноте. В комнату неслышно вошли девушки с факелами и стали зажигать светильники.

Поднявшись с колен, Фриния скользящей походкой направилась к небольшой двери в глубине комнаты. Толкнув ее, она оглянулась, и Конан, поняв все без слов, вскочил и пошел за волшебницей. Следом вошли служанки и зажгли несколько маленьких золотых светильников. Не успели они выйти, как в спальню впрорхнули пять или шесть полуобнаженных танцовщиц и сели на полу около роскошного ложа.

Конан нахмурился, отошел в сторону и сказал, указывая на них:

— Днем приказывала ты, а ночью приказываю я — ведь это твои слова, царица? Пусть служанки выйдут, я хочу остаться только с тобой!

Фриния засмеялась, пряча свое недовольство.

— Ты первый, варвар, кому не нравится их присутствие! Мне кажется, ты сам себя обкрадываешь! Но пусть будет по-твоему — мы останемся вдвоем. — И она повелительным жестом махнула в сторону двери. Девушки, не скрывая разочарования, удалились, а Конан задвинул фигурный засов.

Откинувшись на теплые вышитые подушки, Фриния с любопытством следила за его действиями.

— Ты что, боишься соперника? Но во дворце больше нет мужчин, кроме тех двоих, которые пришли из города вместе с тобой... А им сейчас не до нас, они уже счастливы. Ну, теперь скажи мне еще раз, как я прекрасна! — И она выскользнула из туники, как змея из старой кожи. Ее тело светилось в полумраке перламутровой белизны, она была подобна жемчужине на темном атласе ложа.

— Такие сны снятся раз в жизни! — воскликнул Конан, не двигаясь с места, — ты прекрасна, и слова бессильны описать мое восхищение! Лучше я докажу его делом. — И он положил руку на пряжку пояса, как бы собираясь его снять.

Фриния, не отводя от глаз киммерийца своего завораживающего взора, не заметила, как он вытащил из потайного кармашка в поясе крошечную коробочку и откинул крышку. Пальцы тут же ощутили прохладное прикосновение шелка. Конан потянул материю из шкатулки и услышал пронзительный вопль царицы:

— Нет! Нет, только не это! Убери, не подходи ко мне! — Она метнулась к окну, но оно было закрыто. Дрожащие пальцы не слушались ее, соскальзывая с тугих задвижек.

В руках у Конана было уже огромное красное полотнище, а ткань все вылезала и вылезала из коробочки. Казалось, она заполнит всю комнату шуршащими огненными волнами.

Киммериец шагнул к Фринии, оцепеневшей от ужаса, и схватил ее за руку. Придя в себя, она бешено забилась, и Конан вдруг ощутил, что держит не руку, а что-то сколь-

зкое и холодное. Не глядя, он швырнул ее на ложе, придавил коленом и набросил на извивающееся тело легкое красное покрывало. На мгновение крики смолкли, она замерла под тканью, и Конан успел выхватить меч. Но вот под покрывалом как будто заходили волны, не осталось ничего похожего на очертания человеческого тела, визг и вопли сменились угрожающим шипением. Неожиданно из красных складок, судорожно вздрагивая и звеня браслетами, высунулась прекрасная женская нога. Конан увидел мелькнувший узор талисмана, схватил тонкую лодыжку и изо всей силы ударил мечом. Ему показалось, что весь дворец сотрясся от его удара, пламя в светильниках взметнулось до самого потолка, шипение перешло в оглушительный свист, и тело огромной змеи стало, бешено извиваясь, выкатываться из-под волшебного покрывала.

Меч с размаху опустился на чешуйчатые кольца. Конан рубил и рубил, клочья покрывала летели во все стороны, на полу корчились обрубки змеиного тела, а тварь все еще была жива.

Наконец, из-под легкой ткани показалась огромная змеиная голова с женским лицом, увенчанная золотой короной. Ни следа колдовской красоты уже не было в нем, выпученные зеленые глаза горели огнем ненависти, с оскаленных красных губ капала ядовитая слюна, яростно дрожал длинный раздвоенный язык.

— Ты умреш-ш-шь! Ты все равно умреш-ш-шь! Уж-ж-жалю! — И она в последнем отчаянном броске метнулась к Конану. Но меч, позеленевший от скользкой змеиной крови, мощным ударом разрубил ее надвое.

Ложе превратилось в сплошное месиво из распоротых подушек, обрывков красного шелка и все еще шевелящихся чешуйчатых кусков, поверх которых лежала разрубленная голова.

Конан, тяжело дыша, перевел взгляд с мертвой гадены на то, что так крепко сжимала левая рука. Его передернуло от отвращения — он держал чешуйчатый змеиный хвост с впившимся в него колдовским брас-

летом. Нечего было и думать, чтобы снять его. Приходилось нести прямо так, с хвостом.

Конан отодвинул засов, еще раз с омерзением взглянул на ложе и вышел в соседнюю комнату. На одном из кресел лежал его плащ. Он завернул в него змеиный хвост, крепко завязал и перекинул сверток через плечо. Потом, не оглядываясь, быстро вышел на галерею, вспоминая, какой дорогой его сюда привели.

Вытерев меч о первую попавшуюся завесу, он неслышными шагами двинулся вперед. Вокруг слышались какие-то шорохи, шуршание, в лунном свете мелькали быстрые змеиные тела. Прислужницы царицы спешили покинуть дворец.

Вдруг Конан увидел луч света, пробивавшийся в щель под одной из дверей. Распахнув ее мощным пинком, он увидел то, что искал, — двоих юношей, лежащих на полу среди подушек и с ужасом смотревших остановившимися глазами на целый клубок шипящих, раскачивающихся змей.

— Получайте, гнусные отродья! Получайте! — Меч снова засвистел в воздухе, и змеиные тела с отрубленными головами забились на полу у его ног. Те, кто не успел уползти в щели, остались лежать, разрубленные на куски. Вскоре в комнате не осталось никого, кроме Конана и перепуганных юношей, которые, обнявшись и дрожа, сидели, не в силах вымолвить ни слова.

— Быстрее одевайтесь — и прочь отсюда! — резко сказал Конан, бросая им одежду.

Все еще вздрагивая, они кое-как натянули ее на себя и, едва поспевая за своим спасителем, быстро пошли по темным переходам, разыскивая выход.

Еще пару раз Конану пришлось поработать мечом, когда разъяренные змеи попытались преградить им дорогу. Наверное, это были те стражницы, которые охраняли покой своей царицы. Мелкие змейки в страхе расползались в разные стороны и забивались в темные углы, прячась от его сверкающего клинка.

Во дворе, куда они наконец вышли, никого не было. Юноши бросились открывать ворота, а Конан с обна-

женным мечом в руках настороженно смотрел по сторонам, ожидая появления какой-нибудь гадины. Но путь был свободен.

Ворота распахнулись, и они почти бегом кинулись к городу по широкой, ярко белевшей в лунном свете дороге. Деревья негромко шелестели под порывами прохладного ночного ветра. Конан шагал, с удовольствием подставляя свежим порывам разгоряченное лицо.

Спутники шли, почти не разговаривая, и вскоре добрались до первых домов. У юношей словно прибавилось сил, и они ускорили шаг. Вот уже показались первые ряды лавок с плотно закрытыми на ночь окнами. Замерший в лунном свете город казался мертвым. Ни одного прохожего, ни одной кошки, собаки или хотя бы крысы, с писком перебегающей дорогу, не было видно на его тихих улицах.

Дойдя до дверей своей лавки, юноши переглянулись и громко забарабанили в дверь, словно собираясь перебудить весь квартал. На их стук долго никто не отвечал, но, когда они уже начали кричать во весь голос, дверь немного приоткрылась, потом распахнулась настежь. Седая женщина с распущенными волосами и лицом, мокрым от слез, с криком радости бросилась обнимать сыновей.

Двери лавок стали осторожно открываться, и вот уже несколько соседей, не веря своим ушам, внимали сбивчивому рассказу юношей.

Конан потихоньку отошел в сторону и остановился у закрытых дверей лавки, откуда вчера вышел седой купец. Негромко постучал, подождал и постучал еще раз, погромче. За дверью раздались тихие шаги и скрип отодвигаемого засова. Дверь приоткрылась, и Конан проскользнул внутрь. Пройдя несколько шагов в полной темноте, он нащупал рукой шелковый полог, откинул его и, шагнув в комнату, неожиданно оказался перед лицом Рагон Сатха. Вокруг него, матово поблескивая, сходились высоко вверх стены башни. Конан оглянулся — за его спиной тоже была гладкая стена. Всего

одно полотнище висело напротив, напоминая, что опасный путь еще не пройден до конца.

Рагон Сатх разглядывал его, как невиданного зверя, — с удивлением и восхищением, но Конан этого не видел — он развязывал тяжелый сверток, который снял с плеча. Развязав последний узел, он вытряхнул на пол змеинный хвост с впившимся в него браслетом. На его глазах хвост стал уменьшаться, делаться тоньше, и, превратившись в золотистую змею, выполз из браслета. Угрожающе зашипев, змея быстро поползла в сторону Рагон Сатха. Колдун вздрогнул и протянул в ее сторону дрожащую руку. Из его ладони вырвался маленький белый сгусток огня и, разбрасывая искры, упал вниз. Когда Конан снова взглянул на то место, где только что была змея, там уже не было ничего, кроме темного пятна на ковре.

— Впервые вижу такого героя, как ты! — Голос колдуна звучал вкрадчиво, но в нем чувствовалась затаенная зависть и ненависть. — Из этой двери еще никто живым не возвращался. А ты и сам вернулся, да еще и эту дрянь сюда принес. Не выношу змей, это моя слабость! Ну, дай же мне скорее этот браслет, и тебе останется единственная дверь! Всего одна ночь — и мы оба свободны! — Он принял браслет из протянутой руки Конана и с радостной гримасой смотрел, как часть талисмана превращается в золотой треугольник.

Теперь талисману, чтобы стать цельным диском, не хватало одного кусочка, и колдун все никак не мог отвести глаз от него. Наконец Конан не вытерпел:

— Ты на него еще наглядись, а мне тут делать больше нечего! У меня от этой работы в горле пересохло, а в спальне ждет кувшин вина!

— Ах да, кувшин вина! Заботливая маленькая Имма! Ну, отправляйся, король, пей свое вино, отдыхай, веселись... — Последние слова мага потонули в реве вихря, рванувшего на Конане одежду, вздыбившего волосы и повалившего киммерийца на пол. Покружив над ним еще немного, шальной ветер успокоился, и все стихло.

Глава десятая

Конан лежал в полной тишине, закрыл глаза, и не торопился их открывать. Он знал, что сейчас увидит — подушку, полог и резную стену... Глаза чуть-чуть приоткрылись, и он засмеялся — перед ним из-под щеки торчал кусок подушки, мирно висел парчовый полог, первые лучи солнца освещали резную панель стены... И совсем рядом на столике стоял большой кувшин вина...

Конан веселился, а маленькая Имма весь день не находила себе места. То она убегала в глубину сада, чтобы не слышать музыки и смеха, то, прячась за деревьями, старалась разглядеть короля в пестрой толпе придворных. Ближе к вечеру ее беспокойство перешло в твердую уверенность. Наконец девушка поняла, что нужно делать. Теперь уже не было места колебаниям — ее повелителю грозила смертельная опасность, и только от нее зависела этой ночью его жизнь.

Она незаметно проскользнула в спальню Конана и замерла, прислушиваясь. Никого. Господа развлекались, а слуги, как всегда, потихоньку глазели, позабыв про свои дела. Около ложа девушка задержалась на мгновение, ласково провела рукой по шелковому покрывалу и поспешила в дальний угол, где стоял огромный сундук. С трудом откинув тяжелую крышку, Имма вытащила целую охапку кожаных тисненых поясов, ремешков для королевских сандалий, украшенных золотыми

и серебряными бляшками, и еще множество богато отделанных предметов, о назначении которых она даже не догадывалась. Быстро, опасаясь быть застигнутой в королевской спальне, девушка спрятала все это в маленькой смежной комнатке, где хранились любимое оружие короля и его старые доспехи. Сюда заходили редко, и ворох всякой всячины в углу, старательно прикрытый небольшим ковром, выглядел совершенно естественно.

Она вернулась к сундуку, помедлила немного, оглядываясь вокруг и как бы прощаясь с каждым предметом. День за окном угасал, окрасив небеса торжественным пурпуром. Алые тучи начали покрываться по краям серыми тенями, и ночь, ненавистная, страшная ночь, торопливо приближалась, намереваясь отнять жизнь у Конана, ее короля.

За дверью раздались шаги и громкие голоса. Девушка вздрогнула, очнувшись от размышлений, и поспешно спряталась в сундук, неслышно опустив тяжелую крышку. Она подложила под край один из оставшихся ремешков и в маленькую щель могла видеть центр спальни и королевское ложе.

Стремительно вошел Конан, на ходу разговаривая с Дамунком:

— Ну, и куда же она делась, как ты думаешь?

— Не знаю, о мой король! Имма вообще очень странная девушка, непохожая на других. Она может исчезнуть на несколько дней, а потом появляется с целой корзиной редких трав и корней и говорит, что именно в эти дни их надо было собирать. У нее врожденное знание, она никогда ничего не читала, хотя я и обучил ее грамоте — все это ей не нужно. Я говорю — и она тут же все запоминает. У меня были ученики-мальчики, но ни одному из них я так и не смог передать свое знание. А эта девочка — она со временем превзойдет меня...

— А где ты откопал это сокровище? Она что, сама к тебе пришла или ее тебе привели?

— Нет, мой король, все получилось совершенно случайно — и все же очень необычно. Я сам до сих пор не знаю, верить или не верить тому, что мне рассказали.

— День еще не угас, ты успеешь мне рассказать про маленькую Имму. У тебя славная ученица, только что же в ней необычного? Рассказывай, не медли, смотри, облака уже темнеют, а я хочу услышать все сейчас!

— Это было довольно давно, лет десять назад. Звезды и Луна говорили, что настает лучшее время для сбора редких целебных трав, и я, как и каждый год в это время, направился в места, где они растут, прячась от посторонних глаз. Я странствовал несколько дней и собрал все, что мне было нужно, только корень нилги мне в тот раз никак не удавалось найти. Обошел все места, где любит расти нилга, но так и не увидел ни одного цветочка, ни одной белой звездочки на высоком стебле. Я напрасно читал заклинания, призывающие чудодейственную нилгу не прятаться, а отдать свой драгоценный корень в мои руки, — ничего не помогало. Измученный и разочарованный, я вернулся в деревню, где останавливался на ночлег. В моей комнате лежали пучки трав и корзинки с кореньями, но самого главного, того, что придает особую силу снадобьям, что возвращает даже старцу частицу ушедшей молодости, — корней волшебной нилги у меня не было. Утром я собирался в обратный путь, потому что сорванные целебные растения теряли силу и тратить время на поиски не имело смысла.

Грустно задумавшись, сидел я на низкой скамье у порога дома, как вдруг передо мной, как из-под земли, выросла хрупкая смуглая девочка с огромными желтыми, как мед, глазами и непослушными кудряшками волос. Она с робкой улыбкой протянула мне корзинку, доверху наполненную какими-то кореньями.

«Возьми! — сказала она. — Ведь ты это ищешь уже три дня? Возьми, здесь много растет этих цветов с целебным корнем, они тебя зовут, но ты их почему-то не слышишь!» Ее голосок звенел в тишине, как колоколь-

чик. Она подошла ближе и поставила корзинку мне на колени. Я погладил ее по кудрявой головке, с горечью подумав, что вот уже и маленький ребенок меня пожалел, и взглянул в корзинку, боясь ее обидеть. Я чуть не рассыпал все коренья, когда понял, что это действительно то, что я искал! Корзина была доверху полна чудесными кореньями нилги! Ни разу, даже в самые удачные годы, мне не доводилось найти их так много, а тут крошечная девочка дарит мне целую корзину! Дрожащими руками поставил я драгоценный подарок на землю, усадил девочку рядом с собой и спросил:

«Кто ты, маленькая? И откуда ты знаешь целебные травы? И как ты поняла, что я ищу?»

«Я — Имма, живу вон в том маленьком домике на краю деревни, — она вытянула свою тоненькую ручонку, очень довольная, что я принял ее дар, — у моих родителей еще трое детей, и, когда они болеют, я сама лечу малышей. Ведь все травы и деревья и даже камни умеют разговаривать, только их почему-то никто не слышит. Они мне всегда говорят, что они умеют делать и когда их надо собирать. А ты очень громко звал этот цветок, а сам почему-то шел от него в другую сторону. Разве ты не слышал, как он отзывался?»

«Нет, девочка, не слышал. Спасибо тебе, я этими кореньями вылечу много людей, а через год снова приду сюда. Ты мне поможешь, когда я вернусь?»

Но она нахмурила бровки и опустила головку, пытаясь что-то прошептать и никак не решаясь. Я снова погладил ее по головке, наклонился к самым губам и расслышал:

«Возьми меня с собой... Я буду помогать тебе готовить лекарства и лечить людей. Буду подметать и мыть твою комнату, стирать твою одежду! Я все умею, возьми меня собой!»

И она горько расплакалась, уткнувшись в колени. Я не умею утешать детей, но тогда был готов пообещать ей все, что угодно, лишь бы она успокоилась. Как только у меня вырвались слова, что да, я возьму ее с собой,

она сразу повеселела, вскочила и побежала к маленькому домику, крикнув на ходу:

«Утром буду ждать тебя здесь, у порога!»

Она исчезла, а я сидел, посматривал то на корзину с кореньями, то на видневшийся вдалеке маленький покосившийся домик и думал: что я буду делать в городе с маленькой девочкой?

Я и не сразу заметил, как из дома во двор вышел хозяин и тихонько сел на скамью рядом со мной. Он несмело покашлял, явно желая что-то сказать, и наконец решился:

«Это Имма... Она немножко чудная, господин! Да и то сказать, как она у нас появилась — это тоже вроде как чудо. Сначала старухи шипели на Кларса и его жену — зачем, мол, взяли найденыша, девчонка нам всем беду принесет, а потом ничего, замолчали. Она добрая, ласковая, только дикая какая-то, целыми днями в лесу бегают, только ночью домой приходит, как звереныш какой».

«А как она у вас появилась?» Мое любопытство разгорелось, как костер из сухих веток, а хозяин охотно рассказывал, хотя и медленно, и бестолково.

«Да была тут у нас лет шесть назад страшная гроза, всю ночь полыхали молнии, гремело так, что несколько коров с перепуту отелились, куры нестись перестали, а младенцы к утру посинели от крика. Когда гроза прошла и мы стали потихоньку выходить на улицу, от них вот, вон оттуда, — он показал в сторону домика, к которому побежала Имма, — раздался визг. Мы подумали, что кто-то помер, и побежали туда. Это визжала толстуха Рикла, жена Кларса. Она тоже вышла из дома, чтобы посмотреть, что наделала гроза, и наткнулась на огромный зеленый шар или яйцо — кто его знает, что это такое было? И оттуда, из этого шара, слышался плач младенца!»

Рассказ хозяина меня очень заинтересовал, а он, видя, как я внимательно слушаю, продолжал таинственным шепотом:

«Да, господин, плач младенца! Вся деревня собралась около их дома, мы стояли и не знали, что делать, пока

сам Кларс не решился. Он поднял с земли тяжелый острый камень и изо всех сил ударил по шару. Рикла завизжала так, что мы все попятились, а Кларс все стучал и стучал своим камнем. Наконец шар треснул и раскололся. И правда, там был младенец — посреди блестящих зеленых осколков лежало дитя, завернутое в желтую ткань. Когда Рикла увидела ребенка, она как будто сошла с ума. У них-то с Кларсом детей не было, вот она и решила, что это ей дар богов. Она схватила девчонку и унесла в дом со словами, что это ее сокровище и больше ничье. Ну, а мы потихоньку разошлись — дел-то хватало. Кларс, не будь дураком, сгреб осколки того шара, а потом показал их купцам в городе. Оказалось — драгоценный камень. Ну, они и стали жить без забот».

«Говоришь, у них не было детей, а девочка сказала, что у нее трое братьев и сестер. Они что, тоже с неба свалились?» — спросил я.

«Да нет, после того, как они взяли Имму, Рикла вдруг стала рожать, да все таких крепышей. Теперь, когда у нее свои появились, она на девчонку и смотреть не хочет, говорит, хоть бы там в лесу и осталась. И детишки в деревне тоже ее не любят, она ведь не играет, а все шепчет, шепчет что-то. В общем, чудная, и все тут». Он встал и позвал меня ужинать, а я все вспоминал доверчивую мордашку Иммы и уже твердо знал, что возьму ее с собой. Так она и стала моей ученицей, вернее, помощницей, все, что я ей говорил, она запоминала с первого раза, не то что эти лоботрясы-мальчишки! Я их просто разогнал, не было ни в одном из них ни любви, ни прилежания. Дамунк хотел еще что-то добавить, но, заметив, что король отчаянно борется со сном и уже не может сказать ни слова, оставил его одного и на цыпочках вышел из спальни.

Конан проводил его затуманившимся взглядом, с трудом поднялся с массивного резного кресла и, пошатываясь, подошел к двери, нащупывая засов. Он не желал, чтобы его видели беззащитным, во власти колдовского

сна, будь то даже преданнейший из слуг или сама королева Зенобия. А если сюда проникнет кто-то из врагов, разнюхавший про роковую тайну, и решит покончить с могучим королем одним ударом меча? Нет, дверь, мощная дубовая дверь, окованная фигурными бронзовыми полосами, должна быть заперта на тяжелый засов и охранять главную крепость королевства — опочивальню короля.

Сон манил, ласкал, убаюкивал, но Конан налег всем телом на засов, со стоном задвигая его, — движение, которое он делал всегда легко, не задумываясь, сейчас давалось с невероятным трудом. Он так и не смог, отойдя от двери, преодолеть расстояние в несколько шагов, отделявшее его от ложа, и, как подкошенный, упал на ковер, уносясь пленной душой в мрачную башню Рагон Сатха. Он мчался в кружащемся вихре стонущих и визжащих полос, скручивающихся и расплетающихся вокруг, и не чувствовал, что там, где-то невероятно далеко, в опочивальне королевского дворца, к нему прильнуло трепещущее девичье тело, кудрявая головка опустилась на широкую грудь варвара, а руки прижались к ледяному обручу на шее.

Но именно в этот момент мучительное кружение вихрей сменилось мягким покачиванием, как будто он плыл по невидимым волнам неявленного моря. Тихие порохи звучали нежно и сладострастно, как слова любви, и он отдался этому блаженному ощущению, совершенно забыв и про башню, и про Рагон Сатха, и про последнюю, самую опасную дверь.

Вдруг задремавшие волны закачались сильнее, одна из них подхватила Конана, подбросила вверх и резко опустила на темно-красный ковер. Он снова был здесь, в этой ненавистной клетке, и снова рука в бесполезной ярости сжимала меч, который не может ни пронзить, ни ранить проклятого мага. А тот сидел на своем сверкающем троне, вцепившись хищными пальцами в золотой диск, и всматривался в лицо варвара, как будто видел его впервые.

Его облик снова и снова неуловимо менялся, пока, наконец не принял окончательной формы. На этот раз на Конана смотрело кроваво-красными глазами существо с вытянутым вперед изогнутым клювом, его горло вздрагивало от рвущихся наружу гневных слов, глаза метали красные молнии. Конан спокойно встретил пронзающий, злобный взгляд. Казалось, две яростные силы с ненавистью глядят друг на друга, и ни одна из них не может уничтожить другую.

Наконец колдун разразился издевательским хохотом и, с трудом выталкивая из горла клокочущие гневом слова, заговорил:

— А ее ты зачем сюда притащил? Думаешь весело провести время? Или до сих пор тебе было слишком легко? Мне нужен ты, а не твои девчонки! А ты, маленькая дрянь, как ты сюда попала?! Я, Рагон Сатх, силой и властью своей вызывал его, и только его, но как ты здесь оказалась? Отвечай, или я сожгу тебя, как сухой тростник!

Конан слушал яростные слова взбешенного мага, ничего не понимая. Девчонки?! Какие еще девчонки? Вдруг он почувствовал сзади, под плащом, какое-то прикосновение. Кто-то стоял там и держался руками за широкий кожаный пояс, стараясь укрыться от огненных глаз обозленного чудовища. Отпустив рукоять меча, он нащупал тоненькую руку и вытащил из-за своей спины упиравшуюся девушку.

— Имма! Ты! Зачем ты здесь?! Что я с тобой буду делать?! Колдун, это все твои штучки! Верни девчонку обратно! Или я умру здесь, в этой проклятой башне, а к твоей последней двери и шагу не сделаю! Мне плевать на все твое могущество, ты, кажется, меня уже немного знаешь! Или делай, как я сказал, или тебе не видать свободы! Жди, пока родится другой, похожий на меня, или поищи кого-нибудь в Кхитае или Вендии, там народ мелкий, но много чего может! Ну, я сказал, а ты слышал — отправь ее обратно, и чтобы я в этом убедился! — Он встал впереди Иммы, закрывая

ее от сверкающих рубиново-красных глаз, ожидая ответа. Похоже, его слова озадачили мага, он молчал и явно был в замешательстве. Гнетущую тишину внезапно разорвал звонкий голосок, слегка дрожащий от испуга:

— О, мой повелитель, я сама осмелилась последовать за тобой! Его чары тут ни при чем, это лишь мое желание — и больше ничего! Я и сама не знаю, как мне это удалось, но я буду с тобой на этом пути, и отправить меня назад не в его власти! — Имма уже справилась с первым испугом, и голос ее звучал почти торжествующе.

Рагон Сатх нахмурил лохматые брови, почти скрыв тлеющие уголья глаз, и прохрипел:

— Или умирайте тут оба — а смерть я обещаю вам самую долгую, самую мучительную, неплохое развлечение взамен несбывшихся надежд, — или идите и достаньте последний талисман, тогда, счастливая парочка, я верну вас в Тарантию — живите и радуйтесь! — Он зловеще захохотал и поднялся с трона, указывая трясущейся рукой в сторону последней двери. Имма выскользнула из-за спины Конана и подбежала к неподвижному пологу. Он висел не колыхаясь и, блестя узорами в ослепительном свете белого шара, напоминал раскрашенный стальной лист.

Девушка отогнула край полотнища, с улыбкой обернулась к Конану и призывно протянула к нему руку. Конан с проклятиями устремился к ней, пытаясь оттолкнуть ее от смертельной двери, но неведомая сила уже влекла их вперед, не давая даже оглянуться. Вслед неслись обрывки слов и яростных воплей Рагон Сатха, давшего волю своему гневу, но они уже парили, взявшись за руки, в густом молочно-белом тумане, с трудом различая друг друга. Глаза Иммы сияли, губы приоткрылись в ликующей улыбке — можно было подумать, что это счастливейший миг в ее жизни.

— Что ты натворила, девчонка?! Ты и представления не имеешь, куда попала! Ох, эти женщины! — Еще не ос-

тив от гнева, Конан принялся громко отчитывать Имму, но гулкое эхо, со всех сторон подхватившее слова, заставило его перейти на шепот. — Ваша любовь иногда свывает воина по рукам и ногам! Ты думаешь, если ты здесь, то мне уже ничего не грозит? Нет, девочка, здесь мужское дело, и ты мне будешь только обузой!

Имма с улыбкой слушала его слова, словно давно уже знала, что может сказать разгневанный король. Она покрепче уцепилась тонкими пальчиками за руки Конана, как ни в чем ни бывало тряхнула кудряшками и прошептала, боясь потревожить эхо:

— Ты ничего не знаешь обо мне, о мой повелитель! Дамунк ведь рассказал тебе мою историю, но ты, конечно, уже все забыл. Я должна быть сейчас с тобой, только я могу тебе помочь, иначе ты погибнешь! Я люблю тебя, мой повелитель, но моя любовь тут ни при чем — я знаю, что должна быть здесь, и это для меня самое главное. Мое знание никогда не обманывает! — Ее глаза по-прежнему улыбались, но в их золотом блеске Конану почудилось что-то не по-детски мудрое, такое же древнее и колдовское, как в огненных глазах Рагон Сатха. Только эти глаза смотрели на него нежно и снисходительно, как будто ребенком был он сам, могучий король Конан.

Он действительно едва мог вспомнить, что говорил ему Дамунк — все казалось таким далеким, как будто происходило год назад. Что-то насчет каменного яйца. Или шара...

Имма, внимательно вглядываясь в хмурое лицо короля, вдруг засмеялась, и ее смех раздался сверху и снизу, с боков, спереди и сзади. Казалось, они не одни в этом тумане, а со всех сторон их окружают смеющиеся девушки. Хмурая складка между черных бровей разгладилась, и Конан невольно усмехнулся.

— Ну вот ты и вспомнил, о мой господин! Не знаю, кто я и зачем пришла в этот мир. Единственное, что я умею, — лечить людей и поступать так, как велит мне сердце. Оно никогда не обманывает, поверь мне! Не

гневайся на меня, делай свое дело и ни о чем не заботься! Забудь, что я женщина! — Она хотела еще что-то сказать, но тут оба почувствовали, что стремительно летят куда-то вниз, и еще крепче ухватились друг за друга.

Ноги коснулись чего-то твердого, и Конан, схватившись за меч, попытался сделать шаг вперед. Туман то редел, то становился плотнее, и не было надежды, что эта пелена когда-нибудь рассеется. Но Имма уцепилась сзади за его плащ, так, что золотая пряжка острым краем впиалась ему в горло, и пронзительно закричала:

— Нет! Не ходи! Остановись!

Конан резко оглянулся, чтобы отрубить дерзкую девчонку, но слова застряли у него в горле. Хлопья молочного тумана стали таять, и перед его глазами постепенно стали появляться контуры далеких гор, острыми зубцами устремившихся в зеленоватое небо. Перед ним была отвесная скала, уходящая далеко вниз. Еще шаг — и он, кувыркаясь и ударяясь об острые, как ножи, грани торчащих камней, полетел бы туда, в страшную глубину, где, подобно облакам, ходили клочья тумана, то скрывая от глаз, то открывая взору скалы и пропасти, узкие ущелья и громадные валуны.

Сзади раздался тихий стон, и застежка плаща снова впиалась ему в горло. Отступив от края, он обернулся. Имма стояла на коленях, крепко уцепившись за край плаща, и крупные слезы градом катились по ее щекам. Конан встал на колени рядом с ней, погладил по плечу и прижал голову к своей груди:

— Прости меня, девочка! Ты и правда знаешь, что делать! Но куда это нас занесло?!

Он поднялся и стал внимательно осматриваться. Туман уже совершенно рассеялся, и дикая горная страна раскинулась перед ними. Она не была похожа ни на один из горных краев, где доводилось бывать Конану. На такие скалы не смог бы забраться ни один смертный. Даже киммериец. Больше всего они напоминали громадные, окаменевшие наконечники копий,

сросшиеся чудовищными гроздьями. Одни, самые огромные, остриями устремлялись в небо, а подножия их щерились зубьями скал поменьше, делая склоны совершенно неприступными. Гладкие грани скал сверкали в лучах белесого солнца разными цветами, густо-синими, серо-лиловыми, багровыми и черными, создавая картину устрашающей, демонической красоты.

Та скала, на уступе которой они очутились, подобно остальным, оцетинилась внизу множеством каменных лезвий, а сам уступ, шириной шага в два, начинался как раз на том месте, где они стояли, и уходил наклонно вверх, огибая скалистый край. Надо было идти вперед, туда, куда вела эта неверная тропа, другого пути не было...

Конан решительно двинулся вперед, прошел несколько шагов и оглянулся на Имму. Она шла следом, все еще всхлипывая. Но вдруг его взгляд упал на уступ позади девушки, на то место, где они только что находились. Каменная тропа с тихим шуршанием оседала вниз и сыпалась в пропасть, подбираясь к ногам Иммы. Конан схватил ее за руку и с криком: «Вперед! Пошевеливайся!» — устремился вверх. Он почти бежал по уступу, таща за собой еле поспевающую девушку. А когда почувствовал, что Имма совсем задыхается, прислонился спиной к скале и оглянулся назад. Та часть уступа, которая была видна, еще не обрушилась; но звук мелких сыплющихся камней раздавался совсем недалеко. Конан не стал ждать, когда тропа начнет уходить из-под ног: подхватил Имму и, перекинув через плечо, устремился вперед, задевая рукой острые выступы уходящей ввысь скалы. Девушка, тоненькая и легкая, была для него пустячной ношей, но на такой узкой тропе, змеей огибающей неровности огромной скалы, приходилось быть очень осторожным.

Он старался идти как можно быстрее, чтобы не дать предательскому оползню наступить себе на пятки, и вскоре остановился передохнуть, больше не слыша за спиной шороха обрушивающихся камней.

Король отвоевал себе совсем небольшую передышку — тропа позади покрылась мелкими трещинками и стала рассыпаться на глазах, как будто была сделана из затвердевшего песка. Небольшие камешки с края начали отваливаться, запрыгали вниз, потом стали обрушиваться целые пласты, и вот уже крупный кусок тропы обвалился, обнажив гладкую поверхность скалы. Она блестела серыми гранями, и невозможно было представить, что еще несколько мгновений назад здесь проходила тропа, на вид такая надежная, несокрушимая.

Конан крепче ухватил девушку и поспешно двинулся дальше. Тропа то огибала скальные выступы, то почти ровной дорожкой вела вперед. Они подзли, как два муравья, затерянные среди скал, упорно продвигаясь вверх, к неведомой цели.

За очередным поворотом тропа стала шире. Конан опустил Имму на землю и, тяжело дыша, оглянулся назад. Оползень неумоимо пожирал уже пройденный путь, но, приблизившись к месту, где тропа расширялась, внезапно остановился. Последние камни с шорохом покатались вниз, и все стихло. Конан слышал только, как кровь гулко стучит в висках и дыхание с хрипом вырывается из груди.

Капли едкого пота застилали глаза, и он вытер лицо полой плаща. Потом оглянулся, ища Имму, и гневный рев сотряс скалы, гулко повторяясь и замирая вдали:

— Кр-р-ром! Куда ты подевалась, упрямая девчонка?! Неужели она сорвалась?! — Теперь, когда ее не было рядом, он остро почувствовал враждебность этих скал, ненависть, исходящую отовсюду, почувствовал присутствие силы, готовой уничтожить его в любое мгновение. Киммериец лег на землю и свесил голову вниз, надеясь увидеть желтое пятно платья Иммы. Но нет — везде лишь скалы, черные провалы и узкое ущелье где-то в неимоверной глубине. Внезапно в наступившей тишине раздался звонкий голосок:

— Ты звал меня, мой повелитель? Я здесь! Иди сюда, наверное, мы у цели, то, что ты ищешь, должно быть где-то рядом!

Конан вскочил на ноги и хотел было как следует отчитать своевольную девчонку, но от радости, что она жива, все гневные слова куда-то исчезли, и он молча подошел к девушке, вынырнувшей из-за выступа скалы. Имма, оглядываясь, пошла вперед, и он последовал за ней, схватившись за меч и ожидая за поворотом всего, чего угодно.

Но ничего особенного Конан там не увидел. Большая площадка, с трех сторон окруженная скалой, крутым наклонным желобом уходящей ввысь. Остальная часть площадки была обнесена невысокой каменной стеной в половину человеческого роста, а в самом центре ограда прерывалась, и каменистый уступ круто обрывался в бездонную пропасть. Конан подошел к этой неогороженной части и осторожно заглянул вниз. Имма оказалась рядом и тоже склонилась над пропастью, придерживаясь рукой за край стены.

Глубоко-глубоко под ними, так глубоко, что можно было десять раз умереть, пока упадешь туда, черной дырой зиял бездонный провал, окруженный венцом из острых зазубренных скал. Чем дольше Конан смотрел вниз, тем ближе, казалось, поднимается к нему из глубины эта черная чаша, маня и пугая. Он чувствовал странное желание сделать шаг вперед, всего один шаг, а там, дальше — полет и блаженство...

Из оцепенения его вывел стон, раздавшийся рядом. Имма, изо всех сил вцепившись руками за камни стены, удерживалась, чтобы не броситься вниз. Видно было, что и ее влекла туда, в черноту, коварная колдовская сила.

Конан, не раздумывая, подхватил ее на руки и отбежал подальше от края, с тревогой глядя в бледное запрокинутое лицо девушки. Из-под сомкнутых век текли ручейки слез, губы шептали непонятные слова. Наклонившись, он разобрал:

— Конан, отпусти меня! Я наконец-то пришла! Мне надо туда, вниз! Там мой дом, ты слышишь, они зовут меня!

Она впервые назвала его по имени. Здесь, в этой колдовской стране, не было ни короля, ни ученицы лекаря — были только Конан и маленькая Имма, и он не понимал ее счастливых слез и сияющего взгляда, обращенного туда, к краю площадки.

Конан осторожно посадил ее у стены, подальше от края, и сел рядом, крепко держа за маленькую руку. Постепенно она пришла в себя, вытерла слезы и внимательно поглядела в глаза киммерийца:

— Не держи меня, я не прыгну. Еще не время вернуться домой, еще надо подождать...

— Чего подождать? Имма, этот провал и мне закружил голову, я тоже чуть не прыгнул в пропасть. Сиди здесь и не вздумай даже шаг сделать в ту сторону! Я порву плащ и свяжу тебе руки и ноги, тогда узнаешь, где твой дом! — Он сказал это полуплутя, но девушка поняла, что именно так он и сделает, если ей вздумается еще раз подойти к краю. Они долго сидели молча, прислонившись к нагретой солнцем скале. Конан думал, что вот-вот начнется что-то невообразимое и ему придется одновременно искать талисман для Рагон Сатха и стеречь шальную девчонку, чтобы она не кинулась в пропасть. Может, и правда, лучше сразу связать ее, чтобы потом не беспокоиться?!

Он уже хотел было разорвать плащ на полосы, как вдруг Имма прикоснулась к его руке и вытянула шею, напряженно к чему-то прислушиваясь. Конан тоже стал вслушиваться, но ничего не услышал, скорее, наоборот — уши как будто заложило, он видел, что Имма что-то ему сказала, но не разобрал ни звука. И вдруг страшный удар грома разорвал напряженную тишину, горы вокруг них содрогнулись, и Конан упал на девушку, прикрывая ее своим телом от неведомой опасности.

Эхо, многократно повторив страшный грохот, наконец затихло, только вдалеке еще раздавались слабые

отголоски. Конан приподнял голову, оглядываясь вокруг. Ему казалось, что все скалы должны были обрушиться от такого грома, но вокруг все было по-прежнему. Опять наступила тишина.

Имма поднялась на ноги и стала всматриваться вверх, как будто чего-то ожидая. Конан тоже посмотрел туда, куда наклонным желобом уходили окружавшие площадку скалы. Плоские вершины резко кончались далеко вверху, как будто срезанные гигантским ножом. И оттуда, с небес, раздался вдруг негромкий странный звук, как будто кто-то сыпал из мешка орехи. Звук нарастал, становился громче, и вот по желобу вниз покатилось что-то круглое, блестя на солнце, еще и еще. Имма радостно вскрикнула, изо всех сил ухватившись за его руку. Прямо на них катилось множество шаров, стучась и перескакивая друг через друга. Они лавиной выкатывались на площадку, стремясь к ее краю, но стена не пускала их, и только некоторым удавалось через проем соскользнуть вниз, в пропасть.

Шары, самых разных цветов и размеров, раскатывались по площадке, теснились у края стены, а сверху все сыпались и сыпались новые. Самые большие, как колесо от повозки, неторопливо катились в стороны, а маленькие, не больше граната, падали сверху, заполняя все свободное место.

Обхватив Имму, Конан прижался к стене, чувствуя, что еще немного — и они будут раздавлены и погребены под каменными шарами, занявшими уже почти всю площадку. Вдруг Имма, которая напряженно всматривалась в это беспорядочное движение и все время к чему-то чутко прислушивалась, сильно оттолкнула Конана и рванулась вперед, в самую гущу скачущих шаров. Конан хотел было ее остановить, но огромный шар подкатился к самым ногам, и, пока он его огибал, Имма была уже далеко.

Она ловко уворачивалась, перепрыгивала с шара на шар и вдруг исчезла в самой середине. Конан хрипло застонал, не в силах ничем ей помочь. Боги, и зачем

только эта неразумная девчонка за ним увязалась?! Правда, она спасла его от смерти — там, на краю уступа, но что толку? Сейчас эти круглые камни превратят ее тело в лепешку, а потом и он, король Конан, будет раздавлен странными шарами, прежде чем поймет, зачем он сюда попал.

В порыве безудержного гнева он выхватил меч и размахнулся, чтобы хоть так выместить свою ярость. Пусть это бездушные камни, пусть сейчас они обрушатся на него, но умирать он будет, как воин — с мечом в руке и ненавистью в сердце!

Лавина каменных шаров на мгновение замерла, сдерживаемая невысокой стеной, и он увидел Имму, уверенно стоящую на одном из них. Как желтый цветок, она возникла из этого хаоса и протягивала к нему руки с небольшим бледно-зеленым шаром.

— Конан! Брось меч, скорей лови! Это то, что ты ищешь! Не выпускай его из рук, даже если это будет грозить тебе смертью! Не выпускай его из рук!

Уронив меч, Конан поймал шар, брошенный ему девушкой, и в тот же миг она спрыгнула вниз и затерялась среди хаоса. Сверху катились все новые и новые шары, невысокая стенка не выдержала и стала обрушиваться, и вот вся лавина с торжествующим гулом понеслась в черную пропасть.

Конан стоял, не в силах пошевелиться, и с ужасом глядел на скачущие вниз шары, унесшие Имму. Но в невообразимом гуле и грохоте он вдруг услышал ликующий звонкий голос:

— Я вернулась! Я дома! Прощай, Конан! Не выпускай его из рук! Не выпускай!...

Еще долго продолжалось это чудовищное низвержение, но наконец последние шары скатились вниз, площадка вновь была пуста, и только обломки стены напоминали о том, что здесь только что произошло.

Держа в одной руке шар, Конан поднял меч и вложил его в ножны. Меч — самый верный и самый надежный друг, и негоже его оставлять в этой колдов-

ской стране. Конан переложил шар из руки в руку и снова почувствовал то непонятное, что ощущал, прикасаясь ко всем частям талисмана. Ни клюв Черного Оффы, ни алое сердце подземного цветка, ни кубок Шайссы, ни браслет женщины-змеи, ни кнут людоедов, ни этот зеленый шар не хотели расставаться с его руками. Только теперь, добыв последнюю часть талисмана, Конан до конца это понял. Если бы все эти вещи могли говорить, они бы, наверное, прокричали то же, что он только что услышал от Иммы: «Не выпускай из рук! Не выпускай!»

Конану вдруг нестерпимо захотелось еще раз взглянуть вниз, туда, куда ушла Имма, и он медленно пошел к краю площадки. Крепко прижимая к груди шар, ухватившись одной рукой за обломок стены, он склонился над бездной, мысленно прощаясь с девушкой. Внизу опять клубились клочья белого тумана, за которым уже ничего не было видно — ни гор, ни ущелья, ни черной пропасти.

Конан поднялся с колен и хотел было уже отойти от края, как вдруг заметил, что туман, колыхаясь, медленно ползет вверх, образуя смутное подобие гигантской человеческой фигуры. Она становилась все более отчетливой, и вот уже перед Конаном, уходя ногами в бездонную пропасть, а головой поднимаясь к вершинам гор, стоял величественный старец с ослепительно белыми волосами. Над его головой разливалось чистое золотое сияние, а по длинным одеждам, сотканным из клубящихся облаков, временами пробегали быстрые беззвучные молнии.

Конан невольно снова опустился на колени и нагнул голову, не в силах взглянуть в бездонные синие глаза старца. И вдруг загремел голос, от которого задрожала площадка и эхом отозвались скалы:

— Киммериец, не рассчитывай на благодарность заточенного в башне! Тот, кто ждет тебя там, сейчас готовится совершить свое самое гнусное злодеяние! Я пришел предупредить и спасти тебя!

Вскочив с колен и зажмурившись от нестерпимого блеска, Конан хотел было что-то спросить, но голос загремел снова:

— Молчи, король, и слушай! Этому гнусному червю понравилось твое тело, твое королевство и твоя королева! Когда ты отдаешь ему этот шар: он станет королем Конаном, а ты займешь его место! Но в башне будет уже двенадцать дверей! А его жизнь на Земле продлится столько, сколько твое заточение!

Не в силах сдерживать ярость, захлестнувшую все его существо, Конан взревел и изо всей силы ударил кулаком по обломку стены, торчащему рядом. Злорадное эхо тут же подхватило его вопль и долго перебрасывало его от скалы к скале. Но острая боль и кровь, брызнувшая из раны, прояснили его разум, и он вновь услышал голос сияющего старца:

— Карающие боги не терпят несправедливости! Виновный да будет наказан! Тысячелетия не изменили его предательской сути, и его жизни положен предел! Слушай, король. Через считанные мгновения, вновь оказавшись перед этим порождением бездны, ты должен будешь, не отдавая ему шар, произнести заклинание. Это — кара богов, и ты ее осуществишь! Ты повторишь заклинание шесть раз, запомни это! Слушай, слушай!

Хафита сахо! Хафита сахо! Хафита сахо!...— эхо повторяло загадочные слова на все лады, а голос постепенно затихал, и сами очертания фигуры теряли резкость. Вскоре огромное золотистое облако медленно плыло в вышине, ничем уже не напоминая величественного посланника.

Конан отошел от края пропасти, подошел к скале, на которую уже начали наползать снизу клочья тумана, и сел на землю, положив шар на колени. Вдруг резкий порыв ветра ударил ему прямо в лицо, и он невольно зажмурился. Ветер дул все сильнее, бросая в глаза пригоршни песка. Конан прикрыл лицо рукой и пригнул голову к коленям. Ветер яростно завывал и кру-

тился, трепал волосы, рвал одежду, а потом стих так же внезапно, как и налетел. Конан поднял голову и увидел устремленные на него горящие глаза Рагон Сатха.

Поднявшись с ковра, Конан сделал шаг назад и уперся спиной в медную стену башни. Теперь здесь не было никаких дверей, только тускло блестевший металл. Колдун сидел на своем троне, одной рукой прижимая к груди диск, в котором не хватало последнего звена, а другую жадно протягивая к Конану:

— Скорее дай мне его, и я верну тебе свободу! Скорее, что ты медлишь?

Шар в руках Конана был неподвижен, но ему казалось, что в нем бьется живое сердце. Может быть, сердце Иммы? Прижав его к груди так же крепко, как колдун прижимал свою часть талисмана, Конан сказал:

— Нет, так не пойдет! Сначала ты снимешь с меня этот ошейник и вернешь домой! Только тогда ты получишь этот шар!

Колдун, не веря своим ушам, поднялся с трона и, возвышаясь над Конаном, гневно прошипел:

— Так ты мне не веришь, смертный?! Ты, который жив только потому, что я этого хочу, еще смеешь ставить свои условия?! Если ты не сгинул там, за дверями, думаешь, что и против меня сможешь устоять?! Кто ты и кто я! Дай талисман!

Он сделал шаг в сторону Конана, протягивая к талисману трясущуюся руку. Конан выхватил меч, но он тут же рассыпался серебристой пылью. Колдун все ближе протягивал руку, на концах крючковатых пальцев потрескивали искры, когти вытягивались вперед, как стальные кинжалы.

Холодные синие глаза Конана встретились с пылающими злобой глазами колдуна, и с дрогнувших в злобещей усмешке губ киммерийца негромко слетели два таинственных слова:

— *Хафита сахо!*

Колдун вдруг оцепенел, не сводя горящих глаз с того, что было в руках у Конана. Шар исчез, вместо

него киммериец держал золотой треугольник, тот самый, которого не хватало колдуну, чтобы вырваться из башни. Дикий вой злобы и ярости, потрясший ее стены, смешался с грохотом, внезапно раздавшимся за спиной у Конана. Он молниеносно отскочил в сторону и увидел, что в стене вновь появилась дверь, а за ней чудовищным потоком сыплются и сыплются с небес каменные шары.

Отступив к противоположной стене, колдун взмахнул рукой, и огненная стрела метнулась в сторону Конана.

— *Хафита сахо!* — она ударила в стену рядом с ним, распахнув еще одну дверь. Опираясь на окровавленный хвост, оттуда на колдуна с безумной радостью, алчно скаля ядовитые зубы, глядела царица змей.

От диска, который колдун судорожно прижимал к груди, с легким треском отделился кусок и, сверкая, подлетел к Конану. Поймав его на лету, Конан приложил его к треугольнику, который держал в руке. Куски талисмана тут же срослись.

Теперь колдун понял все. Он в ужасе вскричал:

— Остановись! Молчи! Пощади меня! Я верну тебя домой, дарю несметные богатства, каких нет у земных королей, ты будешь непобедим и могуч! Не говори больше ни слова, отдай талисман, и я сделаю все, что ты захочешь!

Хохот киммерийца заглушил его последние слова, и, как раскат грома, по башне пронеслось:

— *Хафита сахо!*

С грохотом распахнулась еще одна дверь, в башню просунулись чудовищные рога и мелькнул бешеный глаз Гоца. Башня содрогнулась, казалось, что он готов ее разнести так же, как разнес недавно каменный дом.

Колдун, подвывая, попытался спрятаться за сияющим тронном, но третий кусок талисмана, вырвавшись из его рук, оставил от трона грудку радужных осколков.

Теперь Конан держал половину диска и с торжеством смотрел на колдуна, повалившегося на пол, цепляясь за то, что у него еще осталось.

— *Хафита сахо!*

Башня заходила ходуном, и в четвертой двери, распахнувшейся прямо за спиной Рагон Сатха, с визгом и хохотом замелькали гнусные морды демонов Шаиссы. Они протягивали к колдуну руки, хоботы, щупальца, и он еле успел отскочить в сторону, с трудом вырвав из чьей-то цепкой лапы край своего одеяния. Отбиваясь от чудовищ, колдун чуть не выпустил из рук расколовшийся талисман и со стоном упал на колени, сжимая два оставшихся куска:

— Пощади, о могучий король! Я буду служить тебе, как верный раб! Любое твоё желание тут же будет исполняться! Молчи, не говори больше ничего! А-а-а-а!..

— *Хафита сахо!* Получай, Нергалье отродье! Мое желание уже исполняется, и больше мне ничего не надо! Ого, вот и гости из пещеры! Ну, колдун, теперь они тебя пощиплют, берегись!

В распахнувшуюся дверь влетело несколько зубастых тварей, отвратительно визжа и кидаясь на скорчившегося Рагон Сатха. А в башню уже пыталось пролезть огромное существо с бездонной глоткой и зубастыми щелкающими челюстями.

Колдун, вздрагивая, пополз было к последней стене, ища спасения и вцепившись в остаток еще недавно почти целого талисмана. Как он ни сжимал его в посиневших от напряжения пальцах, золотой треугольник вырвался из его рук и метнулся к Конану, тут же соединившись с остальными четырьмя кусками.

— Ну вот и кончилось твоё бессмертие, могучий колдун! Так и быть, я подарю тебе еще несколько мгновений жизни, а потом... Осмотрись, ведь все они ждут моего последнего слова, чтобы броситься на тебя! Но это удовольствие я приберегу себе! *Хафита сахо!* — и тут же обруч на шее Конана со звоном лопнул.

Колдун, прижавшись к последней стене, едва не вывалился наружу, но тут же с воплем отскочил обратно — Черный Оффа, с бесформенной оскаленной пастью и злобными красными глазами лез прямо на него, проталкивая громадными крыльями свое неуклюжее тело..

Руки колдуна вдруг разжались, выпустив золотой треугольник, и он с хрипом покатился по острым осколкам, бешено царапая шею. Конан наклонился и увидел, что теперь Рагон Сатха украшают уже два стальных ошейника.

Демоны, беснуясь в дверях, не смели ворваться в башню, со страхом глядя на Конана, сжимающего сияющий диск. Колдун, съежившийся и сморщенный, визжал и корчился на полу у его ног. С сожалением взглянув на пустые ножны, Конан воскликнул:

— Эх, мне бы сейчас добрый меч! Так не хочется руки марать! Но смерть ты все равно примешь от меня, гнусная тварь! Ползай, ползай, все равно никуда не денешься!

Вдруг золотой диск стал вытягиваться, принимая знакомые очертания. Рука привычным движением ухватила за рукоятку, и вот уже в его руке сияет золотым блеском тяжелый боевой меч со странными знаками вдоль острия.

Колдун, как крыса, с воем заметался от двери к двери, но везде его встречали оскаленные пасти, острые рога или бешеная лавина каменных шаров. Конан, с хохотом погнав еще немного, наконец взмахнул мечом и с размаху опустил ему на голову. Ворох огненных искр брызнул во все стороны, и тело Рагона Сатха на глазах стало превращаться в черную головешку. Языки белого пламени бешено плясали, пожирая то, что было когда-то могучим магом.

Вдруг стены башни дрогнули и, раскрывшись, как лепестки небывалого цветка, обрушились вниз. Конан остался стоять на шестиугольной площадке, среди осколков и черных горелых хлопьев, сжимая в руках теплый шестиугольный талисман.

Над ним мягко светилось утреннее небо. Солнце из-за горизонта слегка подкрасило легкие облака, и свежий утренний ветер приятно обдувал лицо. Конан подошел к краю, осторожно глянул вниз и тут же отшатнулся обратно. Проклятый колдун, отродье Нергала, даже после смерти оставил его в этой ловушке! Земля была еле видна далеко внизу. Даже птицы сюда, похоже, не долетали. Видит Кром, как бы ему сейчас пригодились летучие сандалии из Шаиссы! А вместо них он сжимал в руках какой-то кусок металла! Если для колдуна он значил так много, то какой толк от него ему, Конану?!

Только он так подумал, как талисман вдруг потяжелел и стал расти. Из последних сил удерживая его в руках, Конан громко ругался, поминая всех магов и колдунов, живых и мертвых. Но это не прибавило ему сил, и руки сами собой разжались.

Диск, выросший до величины пиршественного стола, повис над полом на уровне колен и легонько толкнул его. Киммериец сразу понял и быстро вскочил на его середину. Золотой диск медленно поплыл в сторону, и Конан увидел огромный витой столб, поднимавшийся снизу, из сердца диких серых гор. Как раз на вершине этого столба и находилась медная клетка, тюрьма Рагона Сатха.

На глазах Конана столб таял, словно свитый из дыма, и утренний ветер уносил прочь серые лоскутья.

Вдруг диск под его ногами дрогнул, закачался, и Конан почувствовал, что падает вниз. Он попытался ухватиться за его край, но вместо твердого металла рука сжала шелковую ткань.

Глава одиннадцатая

Он лежал лицом вниз на чем-то мягком и все пытался нащупать край диска, но руки его скользили по шелку. Подняв голову, он смотрел вокруг на смутно знакомые вещи. Наконец, как после долгого тяжелого сна, он пришел в себя. Все. Он в Тарантии, во дворце, в своей спальне. Он свободен. Рука потянулась к горлу и, не найдя проклятого ошейника, облегченно упала на покрывало.

Король перевернулся на спину и полежал немного, закрыв глаза и с наслаждением прислушиваясь к гомону птиц за окном. Еще одним мерзким колдуном на Земле стало меньше! Кром даровал ему, Конану, силы, чтобы избавить мир еще от одного чудовища! Да, сил у него еще много, но пора, давно пора позаботиться о том, чтобы передать их дальше. От этой мысли ему стало радостно, он засмеялся и вскочил с измятого ложа.

Когда дверь королевской опочивальни распахнулась, Дамунк с радостным возгласом устремился навстречу своему королю. Глаза старика покраснели от бессонных ночей, но в них светилась радость, сменившая тревогу ожидания. Увидев, что на шее Конана больше нет ошейника, лекарь воздел руки к небесам:

— Хвала Богам! Могучий король наконец-то свободен! Пришел конец всевластию проклятого Рагон Сатха!

— Да, лекарь, его больше нет, и даже пепел его развеялся по ветру. Мерзко же он вонял! Эй, кто-нибудь, жи-

вей принесите кувшин вина, терпкого красного вина, я хочу поскорее запить этот запах и забыть о дурных снах!

На его мощный веселый крик прибежали слуги, бодрствовавшие неподалеку, неся вино, фрукты, хлеб и жареное мясо. Конан предложил лекарю подкрепиться вместе с ним, прежде чем идти отдыхать.

Слуги налили темное вино в золотые кубки и почтительно удалились. Король сел напротив Дамунка и, жадно осушив пару кубков, сказал:

— А своей помощницы ты больше не увидишь. Придется тебе все-таки поискать толкового ученика и передать ему свою премудрость!

— Что с ней?! Что с маленькой Иммой, мой король?! Ты знаешь, где она? Неужели Рагон Сатх...

— Нет, не Рагон Сатх, она сама... Я тебе потом все расскажу... — Конан, помрачнев, отошел к окну и распахнул створки. В открытое окно ворвались молодые голоса и звон оружия. Конан некоторое время наблюдал за происходящим на улице, потом махнул рукой Дамунку, подзывая его к себе:

— Иди скорей! Это то, что тебе нужно! Смотри!

И они оба выглянули в окно. Там, во дворе, не замечая короля и придворного лекаря, мальчишки-пажи, разбившись попарно, в шутку сражались короткими мечами. Они копировали взрослых воинов, и перед Конаном и Дамунком разворачивался маленький рыцарский турнир. Не понимая, что в таком обычном занятии мальчиков привлекло внимание короля, лекарь стал вглядываться внимательнее, пока наконец не понял.

Один из них, Ордиг, выделялся из всех. Дамунк вспомнил, что он и раньше обращал внимание на этого мальчика с золотистыми волосами и задумчивыми серыми глазами. Мечтательный взгляд и легкая улыбка, не сходившая с юного лица, на котором еще даже не пробивался первый пушок, никак не вязались с его отвагой и ловкостью, с умением сражаться и редкостным хладнокровием. Другие мальчишки, вспотев и хохоча, уже давно без толку махали мечами, а Ордиг,

улыбаясь и то и дело взглядывая на цветущее дерево в углу двора, удивительно точно парировал удары противника, хотя чувствовалось, что мысли его витали где-то вдали отсюда.

— Ты узнаешь этот взгляд, Дамунк? И эта улыбка... Я все думал раньше, кого он мне так напоминает, этот мальчишка? А теперь вижу...

— Да, государь, это ее взгляд и улыбка... Где были раньше мои глаза? Правда, тогда была Имма, и я не думал о других учениках... Но теперь... Теперь я вижу, что этому мальчику тоже многое дано. А кто он? Чей он сын?

— Конюха Марда. Для воина у него злости маловато — а для твоего ремесла в самый раз. Так что бери его в ученики.

Солнце уже пылало на западе огромным огненным шаром, когда король Конан и Дамунк вышли наконец на галерею. И сейчас оба молча стояли, слушая нежную музыку, доносившуюся из сада. Грустная мелодия показалась Конану смутно знакомой. Он прислушался внимательней: это была старинная киммерийская песня о девушке, которую покинул любимый, чтобы найти счастье в чужих краях...

Конан встрепенулся, глаза его озорно блеснули.

— Ну, лекарь, ты отдыхай, а у меня есть важное дело! Ух, как я сейчас разгону этих плакальщиц! — И он, легко перепрыгнув через перила, оказался в саду.

Через некоторое время Дамунк услышал визг и хохот, и мимо галереи, прижимая к груди флейты, промчались музыкантши и певицы, а среди деревьев мелькнула могучая фигура короля, бережно несущего на руках свою королеву.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Мак-Грегор
ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС

Часть первая. Сокровище рыцаря	7
Часть вторая. Повелитель змей	107
Часть третья. Владычица Небес	245

Т. Доннел
ШЕСТЬ ДВЕРЕЙ СТРАХА

Глава первая	377
Глава вторая	393
Глава третья	409
Глава четвертая	422
Глава пятая	428
Глава шестая	432
Глава седьмая	443
Глава восьмая	467
Глава девятая	492
Глава десятая	514
Глава одиннадцатая	538

Литературно-художественное издание

КОНАН И ВЛАДЫЧИЦА НЕБЕС

Ответственный редактор *Наталья Баулина*
Главный художник *Сергей Шикин*
Художественный редактор *Екатерина Соболева*
Художник *Алексей Федоренко*
Технический редактор *Елена Шараева*
Верстка *Елена Посадова*
Корректоры *Вера Чаленко, Татьяна Мельникова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.11.97.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Школьная».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56. Тираж 18 000 экз. Заказ 2417.
Издательство «Северо-Запад». Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.97.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171.
E-mail: sevzap@info.pro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

«Сага о Кулле»

Тех, кто любит увлекательные
приключения Конана
и хорошо знакомы с Хайборийской Эрой —
удивительной предысторией нашего мира,
ждет встреча с далеким предком
варвара-киммерийца,
легендарным правителем Валузии.

КУЛЛ И ТРОН ВАЛУЗИИ КУЛЛ И ЗМЕИНОЕ КОРОЛЕВСТВО

«Северо-Запад»®

ЛУЧШИЕ КНИГИ ДЛЯ ВСЕХ И КАЖДОГО

** Любителям "крутого" детектива — собрания сочинений*

Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Александры Марининой,
Владимира Шитова, Виктора Проина
и суперсерии Андрея Воронина "Комбат" и "Слепой".

** Поклонникам любовного романа — произведения "королев" жанра:*

Дж. Макнот, Д. Линдсей, Б. Смолл, Дж. Коллинз, С. Браун,
Б. Картленд — в книгах серий "Шарм", "Очарование", "Страсть",
"Интрига".

** Полные собрания бестселлеров
Стивена Кинга и Сидни Шелдона.*

** Почитателям фантастики — серии*

"Бек Дракона", "Звездный лабиринт", "Закрытые миры",
"Координаты чудес", а также самое полное собрание произведений
братьев Стругацких.

** Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:*

"Всё обо всём", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

** Замечательные детские книги из серий*

"Лучшие сказки мира", "Сказка-сказочка", "Мои любимые сказки".

** Школьникам и студентам — книги из серий*

"Справочник школьника", "Школа классики",
"Справочник абитуриента", "250 "золотых" сочинений",
"Все произведения школьной программы".

Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению
задач, пособий для подготовки к экзаменам.

А также разнообразная энциклопедическая и прикладная
литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете
приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские

фирменные магазины издательства "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 235-3406.

